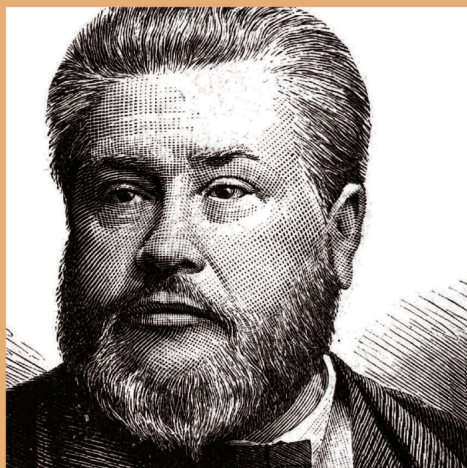

Чарльз Гаддон Сперджен

Все для
славы
Божьей

Автобиография

Чарльз Гаддон Сперджен

Все для славы Божьей

Автобиография

clv

Christliche

Literatur-Verbreitung e.V.

Postfach 11 01 35 · 33661 Bielefeld

1 издание 2005

© немецкого издания 1984 у
Onken Verlag Wuppertal und Kassel
© немецкого издания 2002 у CLV Bielefeld
Название оригинала: Alles zur Ehre Gottes
© русского издания 2005 у CLV
Christliche Literatur-Verbreitung
Postfach 110135 • 33661 Bielefeld
Интернет: www.clv.de
Перевод: Маргарита Эпп
Обложка: CLV
Верстка: CLV
Печать и переплет: GGP Media, Pößneck

ISBN 3-89397-672-8

Содержание

Предисловие	7
1. Счастливое детство	8
2. Молитвенный дом в Стемберне	16
3. Ричард Книлл и другие детские приключения	20
4. Воспоминания о Мейдстоне и Ньюмаркете	27
5. Ранние религиозные впечатления	32
6. Через многие страдания	36
7. Большая перемена	46
8. После покаяния	55
9. Заметки из дневника и писем	60
10. Доброе свидетельство	82
11. Начало служения Господу	87
12. Защита библейского учения	91
13. Молодой проповедник в Марчленде	94
14. Молодой спасатель душ в Вотэбиче	102
15. Воспоминания сельского пастора	115
16. Зов в Лондон	123
17. Начало долгого пасторского служения, 1854 год	130
18. Любовь и брак	135
19. Ранние критики и клеветники — первые литературные друзья ..	144
20. Удивительный рост — даты и факты	149
21. Соработники	152
22. «Я более потрудился»	156
23. Первое посещение Шотландии	163
24. Завоеватель душ	168
25. Новая школа для проповедников	173
26. Первые издания — писатель, издатель и читатель	178
27. Первые годы супружества	185
28. Катастрофа в музыкальном салоне на Ролл Суррей Гаденс, 1856 ..	192
29. Богослужения 1858-1860	203
30. Строительство нашего дома молитвы	207
31. Богослужения в музыкальном салоне	214
32. Богослужения в строящемся Табернакле	218
33. Открытие молитвенного дома	220
34. Памятные богослужения в Табернакле 1861-1874	227

35. Проповедь под открытым небом.....	231
36. Библейская школа для проповедников, 1861-1878.....	237
37. Благословение от напечатанных проповедей.....	246
38. Дома для сирот.....	252
39. Новый Хеленсбургский дом	257
40. Ищущие и покаявшиеся.....	260
41. Вествуд.....	271
42. Из двухдневной работы	274
43. Сперджен читатель и автор.....	277
44. «Прямое противостояние» — с позиций Сперджена.....	292
45. Последний год.....	302

Предисловие

Добавил бы Чарльз Гаддон Сперджен что-то существенное или пропустил, если бы мог сам приложить руку к этому объемному труду? Он умер слишком рано — в 58 лет. Это то время, когда люди, вспоминая события детства и юношества, размышляют над ними и совершенно по-иному оценивают эту часть своей жизни и служения.

Это сделали за него другие: его вдова Сузанна и его первый секретарь, которые были к нему ближе всех. Они взяли из данного материала все возможное из того, что показалось им в характере Сперджена самым существенным. В первых главах, почти до половины книги, сам Сперджен рассказывает о своем детстве и юношестве, которые были началом его удивительного по силе служения в качестве проповедника. Сузанна повествует о знаменательных событиях их совместной жизни, а из сообщений прессы, писем, дневника Сперджена и стенограмм его проповедей они вместе с секретарем Сперджена выбрали то, что читатель должен знать о жизни Сперджена и чего он не найдет ни в каком другом месте.

Здесь повествуется о необычном человеке с чрезвычайными способностями, который сделал дело Божье своим и совершал его с беспримерной интенсивностью. Об этом свидетельствует не только его повествование и дополнения его друзей, но и с невозмутимым спокойствием принятые им нападки и вражда тех, которые с большим сомнением воспринимали юного проповедника на кафедре Лондонского Табернакеля.

Книга Сперджена «Советы проповедникам» и его проповеди являются непременным вооружением каждой богословской библиотеки. Теперь перед вами биография этого «короля проповедников». Надеемся, что она заставит поразмыслить и наверняка ободрит многих читателей.

Издатели

1. Счастливое детство

Чарльз Гаддон Сперджен родился 19 июня 1834 года в маленьком селе Калведоне, в графстве Эссекс. Он ничего не помнит об этом местечке, так как через десять месяцев после его рождения родители переехали в Колчестер, а еще через четыре месяца его привезли к бабушке и дедушке в Стемберн. Здесь он жил до пяти лет, пока не возвратился к родителям. Поэтому мальчик больше вспоминал о доме бабушки с дедушкой в Стемберне, где дедушка Джеймс Сперджен был пастором (1776-1864) в независимой церкви.

Дом, где родился Сперджен в Калведон/Эссекс; во время зарисовки он служил гостиницей.

Детство Сперджена проходило у бабушки с бабушкой и, хотя причину этого никто не мог объяснить, мы можем не сомневаться, что это было водительство Божье. Старый пастор из Стемберна был одним из последних представителей старых протестантов (отступивший от догматов господствующей церкви). Во всяком случае, этот ветеран принадлежал к давно ушедшему поколению. В церкви Стемберна, существовавшей уже двести лет, все еще держались старого богословия, которое проповедовали во всем государстве, когда Эссекс был вершиной

пуританства. Казалось, что эти каменные стены пастората так долго сохраняли свидетельство пуритан, что достаточно было прийти одному из них и пробудить их к новой жизни.

Возможно, не все истории, рассказанные здесь, происходили в Стемберне в первые пять лет жизни Сперджена, некоторые могли случиться и в долгие каникулы, которые он проводил здесь, учась в школе.

Вряд ли я смогу передать читателю ту очаровательную атмосферу, которая царила в доме бабушки, где он со своей большой семьей прожил больше пятидесяти лет. Для пастора, не принадлежавшего к официальной англиканской церкви, этот дом был довольно богатым, и это ясно говорило о том, что или у него самого было достаточно денег, или его прихожане имели открытые для него сердца и кошельки. Так или иначе, это был господский дом старых времен. В настоящее время его заменили новым, несомненно подходящим современному священнослужителю.

В этом милом старом пасторском доме, где я провел первые годы своей жизни, уже прогибались старые слабые балки, и он скоро развалился бы, если бы его вовремя не заменили новым. И все же мне хотелось, чтобы мы остались жить в старом. Когда пришло время ломать дом, во мне все кричало: «Оставьте стоять этот дом! Не прикасайтесь к нему!» Но его время подошло. Его нужно было заменить более добротным зданием.

Это был поистине замечательный дом с восемью окнами на фасаде! Но, по крайней мере, три из них, или даже четыре, были замурованы; эти места выкрасили в черный цвет, и на них белой краской были нарисованы окна, очень похожие на настоящие. Наверное, уже никто не помнит о налогах на окна, которые поднялись в то время, когда свет (по-латыни *lux*) считали товаром и облагали налогом, поистине считая его люксом, роскошью. Небольшое пособие проповедника вынуждало бабушку к бережливости, и поэтому комната за комнатой предавались темноте. Я вступал в эти комнаты с благоговейной робостью. Над другими окнами прикрепили вывески, на которых можно было прочесть: «Молочное хозяйство» или «Сыроварня». В таком случае они освобождались от налогов.

Что за превратный ум должен был иметь человек, которому пришлось в голову обложить налогом солнечный свет! Конечно, так хотели по возможности справедливо установить величину дома и из этого определять состоятельность хозяина. Но это привело к тому, что хозяева больших домов отказывались от света, за который они не могли платить.

Все входящие в наш дом в первую очередь попадали в просторный зал, пол которого был выложен кирпичом и посыпан свежим песком. Здесь находился большой камин, над ним висела большая картина, на которой были изображены Давид и Голиаф.

В зале стояла детская лошадь-качалка. Это была серая лошадка, на ней можно было ездить верхом и в дамском седле, и она была единственной, на которой я когда-либо охотно скакал. Живые лошади двигаются слишком неравномерно, и поэтому закон земного притяжения обычно очень быстро вытаскивал меня из седла. Но о моей лошади из Стемберна я с уверенностью могу сказать, что даже служащий парламента мог бы спокойно сидеть на ней.

Справа от зала находилась лучшая комната дома, которая называлась «хорошая комната». Ее окно было увито вьющимися розами, которые цвели прямо в доме, если им удавалось просунуть свои ветви между каменной стеной и окном. Это у них получалось почти всегда, так как вокруг дома царил неизменный порядок.

На стенах этой «хорошей комнаты» висели картины с изображениями дедушки с бабушкой и дяди. На этажерке стояла большая красивая чаша, которую дедушка использовал для крещения. Хотя я все же думаю, что эта чаша была предназначена для крющона*. Во всяком случае, это был шедевр искусства, достойный той задачи, для которой он был определен.

Яблоко в бутылке

Еще я хорошо помню, что на краю камина лежала бабушкина бутылка, в которой находилось зрелое яблоко. Размером оно было по ширине бутылки, и для меня это было большим чудом. Мне хотелось узнать, как такое большое яблоко попало в такую маленькую бутылку. Хотя было великим преступлением даже трогать это сокровище на краю камина, однажды я все же взял бутылку в руки и удостоверился, что яблоко никогда не пройдет через горлышко. Затем я тщетно пытался открутить дно бутылки, пока не убедился, что яблоко и через дно не могло попасть в нее. Я сделал вывод: каким-то скрытым для меня образом бутылка была разбита и затем снова тщательно собрана, так что после этого не осталось никаких видимых следов. Конечно, эта теория не могла успокоить меня. Но так как рядом не было философа, который предложил бы какую-то другую версию, я оставил это дело.

* Крющон – прохладительный фруктовый напиток.

Однажды летом я случайно увидел, что на ветке яблони висит другая бутылка. В ней росло маленькое яблоко, которое засунули в бутылку, когда оно еще проходило через горлышко. «Ну, теперь я все знаю, чудес больше нет». Так для меня закончилась большая тайна.

Это открытие моего детства послужило мне позднее иллюстрацией. Поместите яблоко в бутылку, пока оно еще маленькое, то есть приводите детей в дом Божий, например, через воскресную школу, в надежде, что они полюбят то место, где живет Божья слава, будут искать и найдут вечную жизнь. Скучные и пустые воскресенья сеют в юных сердцах только предубеждения против религии, и мы можем достичь как раз обратного. Наши проповеди не должны быть длинными и сухими, чтобы молодые люди не уставали. Если будут интересные и захватывающие проповеди и любящие учителя, которые откроют правду юным сердцам, мы не будем оплакивать последующее поколение, сожалея о том, что они забыли свою духовную родину.

Я был еще очень молод, когда на домашнем собрании мне разрешили прочесть отрывок из Библии. Однажды я дошел до места из Откровения, которое говорит о бездне.

Я перестал читать и спросил:

— Дедушка, что это означает?

Ответ, хотя и был дружелюбным, не удовлетворил меня:

— Дитя мое, читай дальше.

Но дитя хотело иметь объяснение и поэтому каждое утро на домашнем собрании открывало ту же самую главу, делало паузу на этом стихе и повторяло вопрос в надежде, что когда-нибудь побудит старого человека ответить. Это действие наконец возымело успех, так как совершенно не назидает каждое утро и в воскресенье читать одну и ту же историю. Старый патриарх добровольно капитулировал с вопросом:

— Итак, мой дорогой, что смущает тебя?

Выяснилось, что дитя уже не раз наблюдало за тем, что из корзин, которые из-за ветхости остались без дна, выпадали фрукты, которые были положены туда. И именно в этом была проблема — если пропасть, о которой здесь шла речь, не имела дна, то куда упадут все люди? Этот вопрос как-то не вписывался в ход семейного собрания, и поэтому ответ отложили до удобного момента.

Я очень хорошо помню тот ужас, который охватил меня, когда мой любимый дедушка объяснял мне свое понятие об адской пропасти. Это очень глубокая пропасть и душа падает туда — ах, как быстро она падает!

Да! Вот исчез последний луч света, а она падает все глубже — глубже — глубже, и так в течение тысячи лет!

— Она еще не приблизилась ко дну? Это падение не прекращается?

— Нет, нет, она падает все глубже, глубже и глубже!

— Вот я падаю уже миллион лет, и я все еще не приблизился ко дну?

— Нет, ты еще не приблизился ко дну. Это пропасть без дна, и опускается она только глубже — глубже — глубже, это адская пропасть без дна! Неописуемые страдания, без надежды, что когда-нибудь этому придет конец!..

Во дворе дома, налево, почти скрытое кустом, находилось очень важное окно, за которым располагалось помещение, где стояла печка, каток для белья и квашня. Как часто я подходил к этой квашне! В ней было маленькое углубление, и туда клали кое-что для ребенка: кусочек теста. По величине кусочка я называл его свиньей или зайчиком. Он имел маленькие ушки, два глаза из изюма и был заботливо уложен в это углубление, как однажды манна в ковчег. Дорогая бабушка, чего ты только ни делала, чтобы побаловать любимое дитя! Воспоминание о тебе мне дороже, чем о более умных людях, которые не баловали это дитя. Может, ты и сейчас смотришь вниз из твоего небесного жилища на своего избалованного внука? Неужели ты думаешь, что было бы лучше, если бы ты была с ним грубой, безжалостной? Ни в коем случае! И тетя Анна (незамужняя сестра отца Чарльза, принимавшая участие в его воспитании) баловала бы это дитя еще больше, если бы могла.

Комната, где семья встречалась для еды, находилась на обратной стороне дома. В ней было окно, выходящее в сад, из которого открывался очень красивый вид на тисовую рощу, заросшую травой дорогу и поля. Во время строительства старой пуританской церкви ноги молящихся и размышляющих братьев стаптывали эту траву. И дедушка ходил здесь. Для меня эта комната была раем, и мне запрещено было туда входить, когда дедушка готовился к проповеди, но это еще больше поднимало в моих глазах достоинство этого места.

Мальчик среди книг

Я почти боюсь, что своими воспоминаниями захватываю только себя, а не моего читателя. Но на первом этаже была еще одна комната, которую я не должен пропустить: через одну из спален можно было проникнуть

в маленькую каморку с замурованным окном. Пока в ней было окно, она служила пастору рабочим кабинетом и молитвенной комнатой, по-настоящему уютной. В мое время это была темная пещера, но в ней находились книги, и это делало ее для меня золотым рудником. Некоторые книги были такими большими, что маленький мальчик едва мог поднять их. Здесь я впервые познакомился с мучениками, с «Путешествием пилигрима в небесную страну» Джона Буньяна, а также с большими мастерами библейского богословия. Никакой современный богослов не достоин быть названным в одном ряду с ними! Старые издания их трудов с их пометками на полях драгоценны для меня — такую пуританскую книгу можно узнать уже по переплету и шрифтам.

Когда недавно я увидел часть этих старых книг в новом пасторском доме в Стемберне, у меня на глазах появились слезы. Я спрашивал себя: может, их любит другой мальчик, который вновь оживляет эту большую старую Божью ученость, которая и сегодня еще может дать утешение и помощь.

Из этого темного места я брал книги старых авторов и никогда не был счастливее, чем в их присутствии. Я надеюсь, что молодые и искренние сердца с Божьей помощью вновь выведут пуританство из пренебрежения, прежде чем пройдут многие драгоценные годы. И даже при замурованных окнах они снова с удивлением увидят, как свет с неба осияет эти старые истины, как этот свет изливается из них, освещая их собственные сомнения.

Так как в доме бабушки свечи тратили очень экономно, свет горящего камина был единственным освещением, которого должно было хватать и для чтения книг, если кто-то уносил из комнаты единственную свечу, чтобы пойти на покой.

Следующий случай из детства Сперджена рассказывает его тетя Анна:

У одного прихожанина, по имени Род, была плохая привычка посещать трактир, чтобы выпить там стакан пива и выкурить трубку. Этим он сильно огорчал своего верующего пастора, который часто вздыхал о нем. Горе своего бабушки видел и маленький Чарльз. Он стал размышлять об этом, и однажды сказал доброму старому пастору:

— Я убью этого старого Рода. Я обязательно сделаю это!

— Успокойся, успокойся, мой милый, — сказал старый господин, — ты не должен так говорить. Ты знаешь, что это неправильно. Полиция арестует тебя, если ты сделаешь это.

— Я ничего плохого не сделаю, но я все же убью его. Я сделаю это.

Хотя дедушка был очень удивлен словами своего внука, но он знал, что тот ничего не сделает, если знает, что это неправильно. Поэтому он решил не заострять на этом внимания. Но вскоре после этого внук пришел и сказал:

— Я убил старого Рода. Он никогда больше не будет огорчать моего милого дедушку.

— Мое милое дитя, что ты сделал? Где ты был?

— Дедушка, я не сделал ничего плохого, — сказал ребенок. — Я сделал дело Божье, и больше ничего.

Больше маленький Чарльз ничего не сказал, но вскоре все выяснилось. Старый Род пожелал увидеть старого пастора и с опущенными глазами и печалью в сердце рассказал ему, как он был «убит». Вот что он рассказал:

— Я очень сожалею, дорогой пастор, что причинил вам столько горя и переживаний. Я знаю, это было неправильно. Но я всегда любил вас и никогда не делал бы ничего подобного, если бы знал о ваших переживаниях. — Ободренный приветливыми словами пастора, он продолжал:

— Я как раз сидел в трактире и курил свою трубку, а передо мной стояла кружка пива. И тут зашел этот ребенок — подумать только, меня, старого человека, должен обличать ребенок! Он показал на меня своим пальчиком и сказал: «Что ты здесь делаешь, Илия? Ты сидишь с нечестивыми. Ты, член церкви, причиняешь столько страданий своему пастору. Мне стыдно за тебя! Я бы никогда не причинил ему столько горя». И он ушел. Конечно, я рассердился, но знал, что это правда и что я виноват. Я отложил свою трубку и не прикоснулся к пиву, но поспешил в тихое место, пал ниц перед Господом, признал свои грехи и просил прощения. И я знаю и верю, что Господь по милости Своей простил меня. А теперь я пришел, чтобы попросить у вас прощения. Господин пастор, я никогда не буду больше огорчать вас.

Возвращение отпавшего было поистине искренним. Об этом говорит свидетельство пастора, преемника дедушки Сперджена в Стемберне. Он пишет:

«Томас Род был самым старым в церкви — активный, живой, маленький человек, неграмотный — простой рабочий. Он имел пони и экипаж и немного занимался торговлей... Я считаю, что он серьезный и ревностный христианин. Он всегда старался быть полезным, где только мог, и особенно трудился среди молодых людей, предоставив свой

дом для молитвенных общений. Он был жив еще первые четыре года моей работы, до конца сохраняя радостное упование. Уже перед смертью, когда я взял Библию и хотел прочитать ему и помолиться с ним, он сказал: «Я сосчитал ее страницы». Я спросил: «Зачем? Зачем вы это делали?» Он ответил: «Я никогда не смог прочитать из нее ни слова, поэ-

Бабушка Сара, урожд. Рудкин.

*Дедушка Джеймс Сперджен,
пастор в Штемберне (1776-1864).*

Молитвенный дом в Штемберне.

тому я хотел хотя бы знать, сколько страниц в этой книге». Это потрясло меня, мне многое стало ясно. Нам очень не хватает его».

2. Молитвенный дом в Стемберне

Это была очень старая часовня, и мне бы так хотелось, чтобы она сохранилась. Мне было двенадцать лет, когда один крестьянин пригласил меня на обед с условием, чтобы я нарисовал ему ее. Тетя Анна сохранила тот рисунок. И сегодня, через сорок пять лет, он помогает нам вновь представить себе эту часовню.

За кафедрой был деревянный гвоздь, на котором всегда висела шляпа пастора. На кафедре для меня и дедушки было достаточно места, и я часто сидел там, когда был еще маленьким мальчиком. Двоим взрослым там было бы тесно.

Прямо перед кафедрой стояли стулья руководящих церкви. Здесь всегда стоял дядя Гаддон, предлагая гимны для пения и делая объявления.

Ряды стульев были удобными и вместительными. Стулья аристократов, расположенные сбоку, были обтянуты зеленой фланелью, у некоторых даже были маленькие занавески. Ради экономии места к рядам снаружи и внутри прикреплялись откидные сиденья. Бедные прихожане, которые должны были сидеть на них, всегда производили сильный шум, когда вставали в конце богослужения, и сиденья откидывались назад.

Большие часы имели циферблат как снаружи, так и внутри часовни. После реставрации длинного деревянного маятника часы действительно подходили красивому, чисто пуританскому молитвенному дому старого стиля. Если меня правильно информировали, то позднее эти часы купил местный мельник. Сегодня они висят в новом складе. Какое удивительное применение мы можем иногда найти для какой-либо вещи!

Община в большинстве своем состояла из истинных эссекецев. Если они говорили о других частях графства, то казалось, что речь идет о заграниче. А если молодые люди посещали другую местность, то это было доказательством их смелости. Эти люди любили хорошую проповедь. Я часто слышал, как они говорили: «Мистер Сперджен, я слышал сегодня хорошую проповедь», и думал при этом, что дедушка хорошо проповедовал. Но они смотрели по-другому: их понимание лишало про-

поведника оснований мнить что-то о себе или приписывать себе какие-то способности. Это были люди, которые хотели и могли слушать Евангелие, и я думаю, что ничто другое не удовлетворило бы их.

Они также были способны к критике. Некоторые из них были очень мудры в своих замечаниях, другие же, напротив, критиковали, невзирая на лица. Дедушке не раз попадало от них. Однажды он проповедовал о плеведах из притчи, сравнивая восточные и местные сорняки, что было вполне правильно. Но его слушатели, все опытные крестьяне, были убеждены, что дедушка не может отличить сорняки от хорошей травы. «Это было ужасно — слушать, как неграмотно он говорил о них, — горячились они. — Сказать, что нельзя пшеницу отличить от сорняков, когда они растут рядом, — это просто смешно!» В этом деле грубая критика людей была неправильной, но если речь шла об учении или о жизненных вопросах, то их нелегко было переубедить.

Лет десять назад в Кембриджском графстве я познакомился с крестьянами, которые были поразительно суеверны и очень легко поддавались плохому влиянию. Я думаю, что наши люди не были такими. Пожилые люди, с которыми я разговаривал еще ребенком, не поддавались оккультным искушениям, в этом я твердо уверен. А в том, что касалось библейских, политических, церковных или моральных вопросов, они вообще могли рассуждать очень мудро. Конечно, в Стемберне были и такие, которые не приходили на богослужения, но все же большая часть жителей посещала молитвенный дом. Ясные, практические и общепонятные проповеди, которые они слышали там, вывели их из суеверия, которое все еще затуманивает большую часть восточно-англиканских крестьян.

Радость пения в Стемберне

В некоторые времена года молитвенный час в будни посещали только дедушка и несколько пожилых сестер, так как все остальные работали на полях, но дедушка твердо придерживался заведенного порядка. Однако при этом возникала проблема пения.

— Дедушка, почему мы всегда пели, — спросил я позднее, — хотя ни ты, ни старые дамы не могли держать мелодию?

— Почему это пришло тебе в голову? — сказал он. — Они почти все пели одинаково: гум-да, гум-да, и этого было для меня достаточно.

— А если оно было немного короче или длиннее?..

— Ну, тогда было чуть больше гум-да или чуть меньше, но так мы всегда славили Господа.

О, милый старый дедушка! Способностей твоего внука тоже хватало только на четвертные и восьмушки. И до нынешнего дня он не продвинулся дальше, хотя общины сегодня стали более интеллигентными и менее снисходительными, чем раньше. Дедушка был таким смелым, что даже издал песенник. Я никогда не слышал, чтобы кто-то понуждал его к этому или чтобы эти песни пели на собраниях. В этой первой книге он указал, что будет и вторая, на случай, если будет принята первая. Мы простили ему первую книгу, но вторая никогда не вышла. Намерение было хорошим, но так как дедушка не соблюдал ни ритм, ни рифму, мы не отваживаемся процитировать здесь хотя бы один куплет. В данный момент он, наверное, получил вместе с небесными радостями и способности для пения и сочинения новых песен, прославляющих Господа.

Манера исполнения песен в Стемберне принесла мне много трудностей, когда я вернулся домой. Каким-то образом в моей голове крепко засело, что нужно повторять последнюю строчку каждой песни, а дедушка научил меня, чтобы я никогда не боялся делать то, что считал правильным. Когда после этого я посещал церковь моих родителей, то постоянно повторял последние строчки, невзирая на то, делала это церковь или нет. Мне пришлось вынести много наказаний, пока я убедился в том, что маленький мальчик должен делать то, что считают правильным родители. Может, дедушка в этом особом случае и сделал ошибку, но все же я всегда благодарю его за то, что он научил меня делать то, что я считаю правильным, какие бы последствия это не имело.

Охота на лис

Во дворе молитвенного дома, вдоль длинного фронтона, находилось простое сооружение в виде лестницы с платформой для посадки на лошадь. Дамы поднимались по ступенькам и оказывались на платформе, высота которой была на уровне спины лошади. Это было очень полезное изобретение. Как часто я мечтал о подобном, когда мне нужно было взбираться на мою лошадь Розинанту! Для меня это сооружение было важно еще и по другой причине. Высокие старые липы перед часовней сбрасывали множество листьев. После того как один старый пожилой брат собирал их, он старался их как можно больше втиснуть под лестницу. Вытащив немного листьев, я мог залезть под ступеньки и спрятаться там, не боясь,

что меня кто-то обнаружит. Это было таким хорошим укрытием, что никто не мог понять, куда же пропал ребенок. Если было мало листьев, я прятался за старой могилой. Нет, я не залезал в яму. На могиле стоял высокий высеченный из камня памятник, от которого я мог отодвинуть боковой камень. Когда я его снова придвигал, то сидел как в пещере, в которой никто не мог найти меня. Здесь я не слышал, когда меня звали, и казалось, что я исчез. Мне очень нравилось быть одному.

Но еще больше мне нравилось, когда я слышал лай гончих собак и видел красные куртки охотников, которые отправлялись в лес, приводя в восторг и больших и малых. В лесах за часовой для меня начиналась таинственная волшебная страна. Кто знал, может быть, именно в это время под подлеском спряталась лиса?

Если меня спрашивали, кем я хочу быть, в то время я обычно отвечал: охотником. Поистине, чудесная профессия! Многие молодые люди имеют такое же представление о служении проповедника, как я — о профессии охотника. В моих детских мечтах я видел только красные куртки и слышал звук трубы. Они же видят в служении проповедника только честь, уважение, комфорт, и наверняка попадают такие глупые, которые мечтают о богатстве. Совершенно неразумны те, которые от служения баптиста ожидают богатства. Немоощные люди слишком ослеплены служением проповедника. Поэтому я серьезно предупреждаю всех молодых людей не принимать такое детское влечение за зов Духа Святого.

Однажды во время такой охоты на лис я выучил один урок, который стал очень важным для меня как проповедника Евангелия. Меня послали с сумкой в магазин. Я купил фунт чая, четверть фунта горчицы и три фунта риса, а по дороге домой увидел стаю собак. Без всяких раздумий я последовал за ними через изгороди и канавы, как я всегда делал в детстве. Прибыв наконец домой, я увидел, что в моей сумке все перемешалось в единую массу. Позже я понял, что мои темы необходимо упаковывать в хорошие крепкие ящики, вплетая их в нити своей проповеди. Поэтому у меня есть что сказать в первую, вторую и третью очередь, хотя этот метод может и не быть современным. Люди вообще-то не любят горчичный чай, но точно так же они не любят путанные проповеди, в которых невозможно отличить голову от хвоста. Такие проповеди не имеют ни того, ни другого, они похожи на терьера господина Брайта, у которого голова и хвост выглядели одинаково.

Лучшим в нашей старой часовне было благословение, которое покоилось на служении в ней: роса Духа Святого с неба всегда была на нем. Куда бы

мой дедушка ни ходил, везде от его проповеди каялись люди. Когда я начал служение проповедника, ко мне приходили люди и говорили: «Я слышал вашего дедушку, и теперь я не пожалею своих ботинок, чтобы прийти и услышать Сперджена». Это было поощрением для меня. Один рассказывал мне, что «перья его крыльев» выросли почти на полметра, когда он один раз услышал моего дедушку. Получив такую небесную пищу, он мог взлететь как орел. «У него всегда были практические проповеди, — говорил один из соработников в Царстве Божьем. — У меня было такое чувство, что он знает меня от и до, как будто мог заглянуть в мое сердце».

Не могу описать, как я был огорчен, когда в первый раз должен был оставить моего дедушку. Эта была большая печаль моей маленькой жизни. Дедушка тоже казался очень печальным, и мы плакали вместе. Он долго не мог подобрать слов для прощания, а потом сказал: «Ну, дитя мое, сегодня ночью, когда луна будет светить в Колчестере, не забудь, что это та же самая луна, которую видит твой дедушка в Стемберне». Еще долгие годы смотрел я на луну, так как думал, что там, на луне, как-нибудь встретятся мои и дедушкины взгляды.

3. Ричард Книлл и другие детские приключения

Отец Сперджена, Джон Сперджен (1810-1902), был вторым сыном пастора из Стемберна, и он верно продолжал свидетельство, начатое в XVII

Отец Джон Сперджен (1810-1902).

Мать Элиза, урожденная Белкамп (1815-1888).

столетии. «Вера, которую я имею, носит следы крови моих предков», — любил повторять Сперджен, и при этом он думал о таких мужах как Джон Сперджен из Дидэма, который во дни короля Чарльза II перенес тяжелое заключение из-за своей принадлежности к независимым.

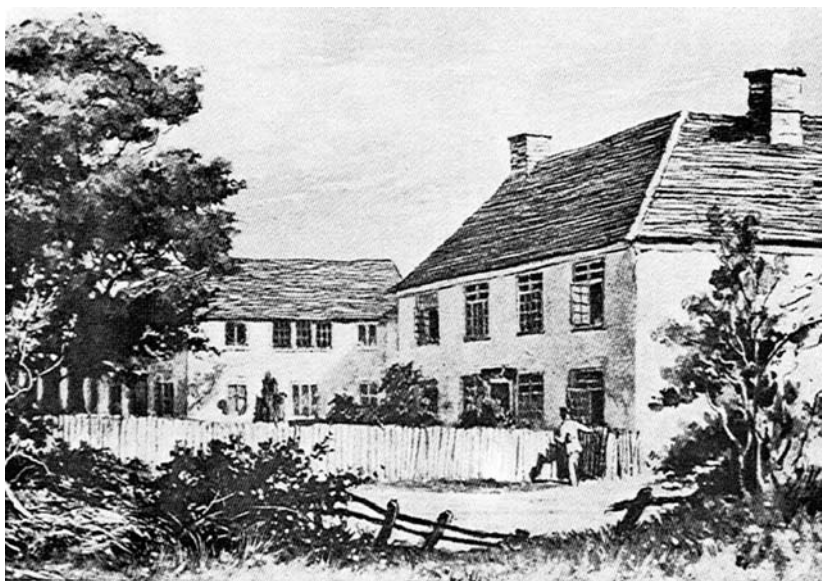
Джон Сперджен женился на Элизе Джарвис (родившейся в 1815 году в Оттоне Белкампи), и их первый дом в Калведоне стоит еще и сегодня. Мы не знаем причины, почему Чарльз в раннем детстве был разлучен с родителями, но он был очень счастлив, когда снова переехал к ним в новый дом на Вэ Хилл в Колчестере. Позднее он назвал две причины своего высокого положения, которое дал ему Бог: его мать и правдивость его вестей. Своего отца он видел реже, тот был пастором церкви Толсбери в девяти милях от дома и в то же время работал бухгалтером на шахте.

В детстве Сперджен не был одиноким. Когда ему исполнилось пять лет, в семье появились еще две сестренки и один брат, для которых он, естественно, стал предводителем. Когда он однажды играл с игрушечными пароходами своего брата, то предложил дать им имена. «Мой будет называться «Гром», — воскликнул Чарльз, — потому что пароход, который хочет победить, должен иметь подходящее имя». Позднее он говорил о своей семье: «Наши предки были бедными ткачами, но я хочу лучше быть наследником тех, кто страдал за свою веру, чем иметь в своих жилах кровь всех королей».

От дома напротив церкви Св. Леонарда, в котором Сперджены жили шестнадцать лет, ничего не осталось. Он был разрушен через несколько лет после второй мировой войны. Джон Сперджен позднее был пастором в Кранбруке и в Ислингтоне, и умер в возрасте девяносто одного года. Он пережил своего старшего сына на десять лет.

Посещение Стемберна Ричардом Книллом

Многие принимали историю о Ричарде Книлле, который пророчествовал мне, что я буду проповедовать в церкви Роланд-Хилл перед самым большим собранием людей в мире, за легенду. Но она была на самом деле. Книлл приехал в область Эссекс в 1844 году и шел от села к селу, от города к городу, как посланник Лондонского миссионерского общества. В этом путешествии он ненадолго остановился в пасторском доме в Стемберне, а мой дедушка в это время проводил служение где-то в другом месте. В сердце Книлла горел миссионерский дух. Он благовес-

Пасторат дедушки в Стемберне.

твовал и молодым, и старым, стараясь обрести их для Иисуса. Он был большим приобретателем душ и вскоре заметил маленького мальчика.

— Где ты спишь? — спросил он меня. — Я хочу куда-то позвать тебя завтра рано утром.

Я показал ему свою маленькую комнату, и он внимательно осмотрел ее. В шесть часов утра он разбудил меня. В саду моего дедушки были две дорожки, которые упирались в кусты тиса. Мы пошли по правой дорожке, и там Книлл очень подробно рассказал мне о любви Иисуса и о том, какое это благословение — уже в детстве довериться Ему и рано полюбить Его. Несколькоими историями он открыл для меня Христа. Он рассказал мне, как добр был к нему Бог, а потом помолился, чтобы я познакомился с Иисусом и служил Ему. Там, на дорожке, он склонился на колени и молился вместе со мной, обняв меня за плечи. Он казался не совсем удовлетворенным, пока я не стал молиться вместе с ним в сделанные им паузы. Он терпеливо и с любовью слушал мою речь и награждал приветливыми советами. И в последующие три дня он учил меня и молился со мной.

Перед его отъездом мой дедушка вернулся домой, и вся семья собралась для утренней молитвы. Книлл в присутствии всех взял меня на колени и сказал:

— Это дитя будет проповедовать Евангелие, будет проповедовать перед многими людьми. Я чувствую, что он будет благовествовать в церквушке Роланд-Хилл, где (я думаю, он сказал это) я сейчас несу служение пастора.

Он сказал это очень торжественно и призвал всех присутствующих в свидетели того, что он сказал. Затем он дал мне немного денег в награду, если я выучу песню: «Как таинственно действует Бог, совершая чудеса».

Я пообещал, что эту песню будут петь в тот день, когда я буду проповедовать в церквушке Роланд-Хилл. Я был тогда еще маленьким ребенком! Произойдет ли это когда-нибудь в действительности или останется только сном?

Прошли годы. Я уже некоторое время проповедовал в Лондоне, когда доктора Флетчера пригласили произнести ежегодную проповедь перед детьми в Суррей-капелле Суррея. Но доктор Флетчер заболел, и меня спросили, не смогу ли я заменить его.

— Да, — ответил я, — я смогу, но при условии, чтобы дети спели песню: «Как таинственно действует Бог». Я очень давно обещал это.

Так и случилось. Я проповедовал в церкви, где когда-то проповедовал Ричард Книлл, и звучала эта песня. Я не могу описать чувства, которые наполняли меня. Слово служителя Божьего исполнилось.

Не знаю, действительно ли Суррей-капелла была тем местом, которое имел в виду Ричард Книлл? Но как мне попасть в церковь Роланд-Хилл из сельской местности? Я не искал этой возможности. В это время пастор из Уотон-анде-Эйдж пригласил меня проповедовать. В этой церкви в летние месяцы также проповедовал Ричард Книлл, и община пела эту песню.

Для меня все это было непостижимым, я не понимал, как все это случилось, но сегодня понимаю, почему Господь так милостив ко мне.

Что значило для меня исполнение слов Ричарда Книлла? Думаю, что это было для меня большой поддержкой. Я верил этим словам, когда был еще ребенком и радостно ожидал того времени, когда должен буду проповедовать. Но я знал, что тот, кто еще не покался, не имеет права приступать к этому служению. Несомненно, это знание привело меня еще ближе к тому, чтобы я искал спасения, и подарило мне надежду, что я получу его. После того, как я смог отдаться в любящие руки моего Спасителя, прошло совсем немного времени, и я начал говорить грешникам о спасении.

Как такой рассудительный человек, как Ричард Книлл, мог с такой мудростью говорить о будущности другого человека, которую может видеть только Бог? Как получилось, что он сам увидел это и мог радоваться вместе с юным братом, что все его слова исполнились? Возьмем для себя из этого примера практический урок: Бог хочет, чтобы все мы были такими же мудрыми, как Ричард Книлл, и везде сеяли доброе семя! Джон Элиот, «апостол индейцев», в день своей смерти, когда уже не мог подняться с постели, занимался с индейским ребенком, уча его алфавиту. Один друг спросил его: «Почему ты не отдохнешь немного от своей работы?» Человек Божий ответил: «Потому что я попросил Господа сделать меня полезным в моем служении, и Он услышал мою молитву. Так как я не могу больше проповедовать, Он еще дает мне силы научить этого ребенка алфавиту». Не упустить никакой возможности быть полезным — главное правило для всех тех, которые призваны спасать души. Ричард Книлл мог по понятным причинам не обратить внимания на маленького внука проповедника, ведь у него были более важные задачи, чем молиться с ребенком. И все же, кто знает, — возможно, через это смиренное служение он достиг результатов не меньших, чем дюжина проповедей перед многими слушателями? Во всяком случае, его ревностное участие в жизни маленького мальчика послужило для меня вечным благословением. Я всегда понимал, что он хорошо использовал время. Будем делать добро всегда, когда имеем возможность, и последствия не заставят нас ждать!

Позднее у меня была возможность проповедовать за Ричарда Книлла, который в то время был в Честере. Вот это была встреча! Как и он, я проповедовал при свете ламп в театре. Именно тогда у меня пропал весь страх проповедовать в зданиях с сомнительным прошлым. Я внутренне освободился для проповедей в большом Эксетер-зале и музыкальном салоне на Суррея-Гаденс. Какое важное значение это имело для других богослужений в театре!

Через сорок лет я еще раз стоял на той самой дорожке. Для меня этот момент был незабываемым. В июле 1887 года я поехал в Стемберн. Это было как во сне. Пастор, который в это время нес служение в Стемберне, находился со своей семьей в саду. Я не мог поступить иначе, как созвать всех на эту дорожку и вместе с ними прославить Бога за Его милость, оказанную мне. Я был исполнен непреодолимым желанием помолиться за окружающих меня детей. Тот, Который благословил меня, благосло-

вит и других. Я хотел, чтобы эти дети, когда вырастут, вспомнили мое свидетельство о Божьей милости. Бог всю жизнь благословлял меня, Он освободил меня от всех грехов, и я молюсь, чтобы Он стал Богом для всех молодых людей, которые читают историю моей жизни.

Ни один человек не может описать все, что он пережил. Из моей жизни дома и в школе я могу передать только несколько случаев, о которых вспоминал в период от сорока до пятидесяти лет. Расскажу об одном раннем происшествии, которое оказало на меня большое влияние.

Мой первый и последний денежный долг

Будучи маленьким мальчиком, я посещал школу для девочек. Однажды мне понадобился новый грифель, но у меня не было денег. Я был не очень внимательным и боялся, что дома меня будут ругать, потому что я часто терял мои грифели. Что же делать? В нашем местечке был маленький магазин, где тетушка Пирсон продавала орехи, печенье, мячи и разные мелочи, и я не раз видел, как мальчики и девочки записывались у нее. Я подумал, что скоро Рождество, и наверняка кто-нибудь подарит мне один пенни или может даже целую серебряную монету. Значит, я куплю грифель в долг, а после Рождества отдам этот долг. Мне нелегко было сделать это, но я набрался смелости и зашел в магазин. Грифель стоил один хеллер*, и так как я еще никогда не брал в долг, то мой кредит удался, и я получил грифель. Приятная пожилая дама дала мне его, и я вдруг оказался в долгу. Откровенно говоря, мне не понравилось это, у меня даже появилось чувство, что я сделал что-то неправильное, но у меня не было никакого предчувствия, как скоро мне придется за это отвечать.

Как узнал о моей сделке отец, я не знаю. Какая-то маленькая птичка донесла ему об этом. Во всяком случае, он подошел ко мне со всей серьезностью. Да благословит его за это Бог! Он был очень деликатным человеком, но не из тех, кто балует детей. Он не хотел, чтобы его дети стали спекулянтами и занимались делом, которое большие мошенники называют финансированием. Поэтому он основательно раз и навсегда отбил у меня желание делать долги. Это была сильная лекция о долгах, о том, как они близки к воровству, вследствие чего люди очень низко падают. Маленький мальчик, который сегодня имеет один хеллер долга, может

* Мелкая серебряная монета 13-18 вв., позже медная

однажды одолжить сто фунтов и попасть в тюрьму, принеся тем самым большой позор своей семье. Да, вот это была лекция! Я еще сегодня слышу ее и чувствую, что, когда думаю о ней, по моим щекам все еще текут слезы.

Затем меня послали в магазин, подобно преступнику, идущему в тюрьму. Я плакал всю дорогу и страшно стыдился. Я заплатил хеллер. Бедный должник стал свободен, как выпущенная из клетки птичка. Как хорошо быть свободным от долгов!

Я никогда не забыл эту хорошую и важную лекцию. Если бы всем детям в этом возрасте преподавать такой урок, то в последующем они были бы свободны от множества трудностей. Да благословит Бог моего отца, повторяю я, и да подарит нам ушу многих таких отцов и сохранит нас, чтобы мерзости не потопили нас. После этого случая я ненавижу долги.

Каменное яблоко и другие истории

Я вспоминаю каменное яблоко, которое обнаружил в детстве на стенке камина. Оно было сделано очень красиво и похоже на настоящее. Я смотрел на это яблоко год за годом, но спелее оно не становилось. Оно и не гнило. У него были самые исключительные условия, чтобы стать мягким и сладким. Но я думаю, что даже солнце экватора или роса Ермона не сделали бы его идеальным. Даже зубы великана сломались бы о его твердое мраморное естество. Этот плод был прекрасной имитацией Божьих плодов, бессердечным насмешником над малыми детьми.

В общине есть неприветливые, сварливые, жадные, вспыльчивые, эгоистичные члены, по своей природе твердые как камень. Каковы они сегодня? Стали ли они зрелыми с течением времени? Нет, они стали еще хуже. Они подобны собакам, которые готовы кусать и рычать, рвать и разрушать. Они сильны, если речь идет о том, чтобы разрушить топорами кропотливую работу святилища Божьего, закидать камнями колодец или добрую землю. Если дьявол хочет попасть камнем в служителя Божьего, он обязательно использует одного из таких людей.

У нас, детей, был в саду свой угол, в котором мы могли что-то посеять. Я очень хорошо помню, как на другой день после посева я пошел туда и разгреб землю, чтобы посмотреть, выросли ли семена. Я ожидал, что они взойдут сразу же на следующий день, но узнал, что должно пройти много времени, пока появятся всходы. Может, ты скажешь: «Это детские рассуждения». Конечно, это по-детски, но я бы желал, чтобы и ты по-

детски относился к своим молитвам, и сразу после их посева проверил, исполнились они или нет. И если нет, то не будь ребенком, который не хочет ждать наступления назначенного времени, но всегда жди и наблюдай, не начнут ли они исполняться. Ожидай, Бог слышит тебя. Если ты не будешь ждать, ты ничего не будешь иметь. Бог не будет слушать тебя, пока ты не поверишь, что Он слышит твою молитву. Но если ты веришь, Он услышит тебя по твоей вере.

Когда мы ходили в школу, то на наших грифельных досках рисовали дома, лошадей или деревья. Мы писали под домом «дом» и под лошадью «лошадь», так как допускали, что кто-то мог принять лошадь за дом или наоборот. Подобно этому есть люди, которым нужно на своей груди носить надпись, которая бы гласила, что они христиане, иначе мы посчитали бы их за необращенных из-за их нечестивого поведения.

У меня была собака, которой я очень дорожил. Как-то один мужчина спросил меня на улице, не отдам ли я ему эту собаку. Я посчитал такой вопрос бесстыдным и сказал ему об этом.

Господин, которому я рассказал об этом случае, спросил меня: «Представь себе, герцог такой-то (очень известный в нашей местности) попросил бы у тебя собаку. Ты отдал бы ему?» Я ответил: «Думаю, да». На это господин сказал: «В этом случае ты похож на многих людей этого мира, поступающих с лицеприятием. Ты отдал бы собаку тому, кто в ней вовсе не нуждается».

4. Воспоминания о Мейдстоне и Ньюмаркете

Я многое вспомнил, когда однажды взял книгу «Природная история» Зельборнса фон Витте и прочитал следующее:

Школа Штоквелл, Колчестер.

Дана господину Ч. Сперджену,

в качестве приза первого класса

за полугодовой экзамен по английскому языку,

11 декабря 1844.

Т. В. Дэвидс, экзаменатор

Поднявшись в классе на высшую ступеньку, я старательно заботился о том, чтобы сохранить эту позицию. Только один раз случилось так, что

я решил спуститься с пьедестала и уйти в конец класса. Мой учитель никак не мог понять, из-за чего я стал так неестественно глуп, пока не пришел к выводу, что я умышленно веду себя плохо, так как лучшие ученики сидели напротив двери, из которой дуло, а худшие — сзади, прямо рядом с печкой. Он поменял учеников местами, и вскоре я снова сидел на почетном месте, радуясь теплу печи.

Мне было около четырнадцати лет, когда меня послали в церковную школу Лондона в Мейдстон, — сегодня она называется колледж Св. Августина. Трое священников по очереди проводили занятия. Но порой казалось, что ученики почти не продвигаются вперед. Я был уверен, что многие сыновья богатых господ знали Библию хуже, чем мальчишки из нашей сельской школы.

Думаю, что один из священников действительно был хорошим человеком. Я благодарен Ему за луч света, которого было достаточно, чтобы открыть для меня крещение по вере. В этом классе я тоже сидел впереди. Однажды, при повторении церковного катехизиса Англии состоялся примерно такой разговор:

- Как тебя звать? — спросил священник.
- Меня звать Сперджен, — ответил я.
- Нет, я имею в виду: как тебя звать?
- Чарльз Сперджен.
- Неужели ты не понимаешь, что не должен так плохо вести себя?

Ты же знаешь, что я хочу знать твое имя, данное тебе при крещении.

- Извините, но я боюсь, что у меня его нет.
- Почему, как это получилось?
- Потому что я не верю, что я христианин.
- Кто же ты — язычник?

— Нет, может быть, мы не язычники, но все же живем без Божьей благодати, значит, не являемся настоящими христианами.

- Правильно, но не в этом дело. Как твое имя?
- Чарльз.
- Кто дал тебе это имя?

— Этого я, к сожалению, не знаю точно. Я не знаю никаких крестных, которые когда-то что-то сделали для меня, потому что у меня их нет. Видно, это имя мне дали родители.

— Ну, чтобы не смешить других, я не буду требовать от тебя ответа на вполне понятные вопросы.

Казалось, он всегда имел ко мне какое-то уважение и позднее как

награду за мои успехи на уроках катехизиса подарил мне книгу в кожаном переплете.

Он продолжил урок, но вдруг повернулся ко мне и сказал:

— Сперджен, тебя что, никогда не крестили?

— Что вы, господин, я крещен! Мой дедушка крестил меня в маленькой комнате, ведь он же пастор. Я знаю, что он сделал правильно.

— Да, но у тебя не было ни веры, ни сокрушения, и тебя не должны были крестить.

— Почему, это ведь совсем другое дело! Ведь все дети должны быть крещены.

— Откуда ты знаешь? Разве в молитвеннике не сказано, что перед крещением должны быть вера и покаяние? Это библейское учение, и этого никто не может опровергнуть.

Естественно, нетрудно было сделать вывод, и он привел мне доказательства из Библии, что все, кто был крещен, являлись верующими.

— Ну, Чарльз, я дам тебе домашнее задание на следующую неделю: докажи мне, что Библия не требует перед крещением веры и покаяния.

До сих пор я был уверен в своей победе, так как думал, что церемония крещения, которую практикует в своем служении мой дедушка, а также отец, должна быть правильной. Но я не мог найти подтверждения этому. Я был побежден и думал, как мне поступить.

— Ну, Чарльз, что ты теперь думаешь?

— Я думаю, что вы правы. Но ведь у вас тоже есть крестные!..

— Я хочу, чтобы ты понял, почему мы имеем крестных. Без веры я не имел бы права на святое крещение, так же, как и ты. Но церковь признала обещание крестных как замену. Ты, наверное, видел, как твой отец, когда у него не было денег, отправлял вместо них заимодавцу долговое письмо. Это считается заменой. Честный человек обязательно выплатит свой долг. В большинстве своем крестные — хорошие люди, поэтому мы принимаем их обещание за ребенка. Так как ребенок в этом возрасте не имеет веры, мы принимаем обещание крестного, что вера придет. Это обещание берется во внимание при конфирмации, когда ребенок берет на себя обещание крестного.

— Ну, я думаю, что это очень плохая замена.

— У меня нет времени дискутировать об этом, но я считаю это хорошим делом. Я только хочу спросить тебя: кто стоит ближе к Писанию — я как церковный служитель, или твой дедушка, который является отступником церкви? Он крестит против Священного Писания. Думаю,

что я поступаю по Писанию, так как требую обещания, рассматривая его как замену веры и покаяния, которые придут в последующие годы.

— Вообще-то, я думаю, что вы поступаете более правильно. Но если только крещение верующих соответствует истине, то вы оба поступаете неправильно, даже если вы почтительнее относитесь к Библии.

— Значит, ты действительно считаешь, что тебя неправильно крестили? И думаешь, что если бы ты мог, то присоединился бы к нам и имел крестного, который дал бы обещание вместо тебя?

— О нет! Первый раз меня крестили слишком рано. В следующий раз я буду ждать, пока сам буду готов к этому!

Он улыбнулся:

— Хотя ты и не прав, но мне очень нравится, что ты хочешь держаться Слова Божьего! Ищи у Него новое сердце, ищи Его водительства, и ты будешь возрастать в познании истины. Возможно, что взгляды, которых ты сейчас так крепко держишься, впоследствии изменятся.

С этого момента я решил принять крещение, как только Божья благодать произведет во мне изменение. Я не хотел быть ответственным за неправильное крещение, к которому не имел никакого отношения.

В июле 1889 года Сперджен ненадолго посетил город Мейдстон. В субботу вечером после этой поездки он говорил об этом в Табернакле. Он проповедовал на 17 стих 71 Псалма и сказал:

«На этой неделе я посетил Мейдстон, в графстве Кент, спустя почти сорок лет после того, как я закончил там колледж. Я полагал, что должен вернуться туда, особенно к одному дереву, которое растет на берегу реки Медвей. Под этим деревом я провел много часов и дней, даже многие недели, и целыми днями читал. Во время учебы? Да. Мой учитель считал, что, если я буду сидеть под этим деревом, то продвинусь вперед больше, чем в классе. Он был очень мудрым человеком. Он дал мне книгу и оставил меня наедине с собой. Когда недавно я снова стоял под этим деревом, на берегу спокойной реки, я мог благодарить Бога за Его милость за все эти сорок лет, и мог сказать вместе с псалмопевцем: «Боже, Ты от юности учил меня, и до сих пор я возвещаю чудеса Твои.»

Я прошу Бога, чтобы молодые люди, мальчики и девочки, которые только что окончили школу, находили время для святого тихого размышления о своем будущем, о том, кому они хотят служить, кто должен быть их учителем, для кого они станут учителями и как они хотят прожить жизнь.

Когда я стоял там под деревом, то не мог не благодарить Бога, что Он привел меня к вере в Иисуса Христа вскоре после того, как я окончил школу, и подарил мне покой и жизнь вечную. И я не мог не благодарить Бога, что у меня была возможность двенадцать месяцев посещать эту школу — церковную школу Англии. До этого я никогда не сталкивался с церковью Англии, но теперь в моей жизни наступил поворотный момент. И то, что я учился там, послужило тому, что я нахожусь теперь здесь. Церковный катехизис Англии содержит один вопрос, который гласит: «Что требуется от человека, чтобы его крестили?» и ответ, к которому я пришел и который дал, был: «Покаяние, когда вы отказываетесь от греха, и вера, благодаря которой вы твердо доверяете словам, которые Бог оставил вам в Священном Писании». Я искал этот ответ в Библии и нашел то, что касается покаяния и веры, и что является абсолютной истиной. Конечно, когда позднее я стал христианином, я стал баптистом и за это благодарю церковный катехизис Англии. Так как я вырос среди конгрегационалистов*, то, может быть, никогда не столкнулся бы с этим вопросом. Меня крестили младенцем, и я считал это правильным. Теперь, когда я знаю, что покаяние и вера должны предшествовать крещению, я сказал сам себе: «Тогда я не крещен. Это крещение в младенческом возрасте было ошибкой. Если Богу будет угодно дать мне покаяние и веру, тогда я крещусь по-настоящему». Я не знал, есть ли во всем мире такой человек, который думал бы так же, как я. Баптисты в то время были так мало известны, что я ничего не знал об их существовании. Поэтому я благодарен церковной школе и церковному катехизису, которые привели меня к тому, куда писавшие его никогда не собирались приводить меня: к библейскому учению, которое говорит, что покаяние и вера должны предшествовать действительному крещению».

Богословский наставник юного помощника учителя

Первое занятие по богословию я получил от старой кухарки в школе Ньюмакит, где был помощником учителя. Это была старая добрая душа. Она всегда читала ежемесячную газету «Знамя Евангелия», которая раскрывала отступления современной религии и опасности других лжеучений. Эта пожилая дама любила добрую и ясную библейскую истину. Часто мы беседовали о завете милости и о личном избрании святых, их

* независимые. Религиозная партия во времена Кромвеля (1599-1658)

единстве со Христом, их верности до конца, о том, что означает благочестие в практической жизни. Я думаю, что от нее я научился большему, чем смогли бы мне дать шесть докторов богословия того сорта, которых мы имеем сегодня. Есть христиане, которые чувствуют, видят и переживают истину в своей собственной душе. Они получают от нее более глубокое познание, чем могут дать им все книги, даже если они всю свою жизнь будут рыться в них.

Кухарка в Ньюмаркете была духовной христианкой, и от нее я получил намного больше знаний, чем от проповедника в церкви, которую мы посещали.

— Почему ты ходишь в такую церковь? — однажды спросил я ее.

— Нет другого места, куда я могла бы ходить на собрание, — ответила она.

— Ну, лучше остаться дома, чем слушать такую бессмыслицу.

— Может быть, — заметила она, — но я охотно хожу на богослужение, даже если ничего не получаю там. Часто можно видеть кур, которые копаются в куче мусора, чтобы найти там одно зерно. Может, они и не находят ничего, но их искание показывает, что они очень внимательны, они упражняют свои ноги и клюв, и к тому же им тепло от работы.

Так эта старая дама объяснила мне, как ее искания в бедных проповедях повышают ее духовные способности и согревают ее дух.

5. Ранние религиозные впечатления

Не каждый может назвать время, когда он впервые услышал имя Иисуса. Самые ранние наши воспоминания приходятся на то время, когда нас нежно целовали и прижимали к себе. Первые впечатления уже связаны с молитвенным домом, с Библией, с пением хоралов, с молитвой. Как юного Самуила, нас укладывали в кровать под лампами святилища, и будили утренними песнями. Часто на голову человека Божия, который имел таких родителей, ложилась благословляющая рука, чтобы на нем почивало благословение Спасителя, и первое «Аминь» матери служило этому скромным сопровождением. Может быть, первая песня, которую мы учили, говорила об Иисусе, Друге детей, и первая книга, которую мы начинали читать, знакомила нас с этим именем. И много раз нам говорили, чтобы мы думали об Иисусе и подарили Ему свое сердце.

У меня было великое право быть ребенком верующих родителей, которые наблюдали за мной открытыми глазами. Они вряд ли разрешили бы мне играть с детьми из сомнительных компаний. Они предупреждали меня о том, чтобы я не слушал мирские или аморальные разговоры и с юных лет направляли на Божий путь. Пришло время, когда серьезность вечности привела меня к решению, потому что за меня возносились к небу слезы матери и молитвы отца. Если бы в то время я был оставлен совершенно один и без благодати Божьей, то я мог бы заглушить свою совесть, противостоять своим внутренним убеждениям, и сегодня я, возможно, был бы мертвым и осужденным. Я сам себя свел бы в могилу своей порочной жизнью. Может быть, я стал бы так же ревностно руководить нечестивыми, как желаю сегодня сражаться за Христа и Его истину.

Я говорю о себе с большой и глубокой печалью в сердце. Я прятал от Него свое лицо, и годы пролетели напрасно — не без угрызений совести, не без наставлений со стороны ближних. Я все же знал, как нуждаюсь в Избавителе; и слышал предупреждения тех, которые были счастливы и радостны во Христе, когда я еще не имел части в спасении. И все равно я откладывал свое покаяние со дня на день, от месяца к месяцу, как делают очень многие. Я обманывал себя, думая, что если Христос когда-нибудь придет, и если я в то время не смогу делать ничего лучшего, вот тогда буду думать о Нем — о Том, Кровь Которого может очистить меня. О, моя душа, сегодня я мог бы тебя за это наказать! Поистине, я мог бы сегодня побить свое собственное сердце, когда вспоминаю о том, как проходили недели и месяцы, а я скрывал свое лицо от Христа и отклонял моего любимого Господа, сердце Которого кровоточило за меня.

Часто дети очень немногословны со своими родителями. Я нередко разговаривал с молодыми людьми об их внутреннем состоянии, и они рассказывали мне, что не могут говорить о таких вещах со своими родителями. Так было и со мной. Когда я тревожился о своей душе, то последними, с кем я говорил об этом, были родители — нет, не из-за нехватки любви к ним или недостатка любви от них — просто так было. Удивительная стеснительность нападает на ищущую душу и отталкивает ее прочь от друзей. И все же я не могу выразить словами, как я благодарен моей доброй матери за ее святые добрые слова. Когда мы были маленькими детьми, то вечером в воскресенье она обычно оставалась с нами дома, и тогда мы сидели за столом, читали стих за стихом из Библии, а она объясняла нам. После этого наступало время молитвы. Для этого мы

читали несколько страниц из книги Алайне «Тревога», или Бакстера «Зов необращенного», где были увещания для всех нас, сидящих за столом. Нам предлагался вопрос: когда мы задумаемся над своим состоянием и будем искать Господа. Затем мама молилась. Некоторые слова из ее молитвы я никогда не забуду. Я помню, как однажды она молилась: «Господи, если мои дети не примут Тебя, тогда они погибнут, но не потому, что не слышали о Тебе, и моя душа должна будет засвидетельствовать об этом в день суда». Эта мысль о матери, которая должна дать ясное свидетельство, затронула мою совесть и сердце.

Отцы и матери — естественные и непосредственные орудия в руке Божьей для спасения своих детей. Никто не сможет оценить, чем сможет отблагодарить свою верующую мать. Разве я смогу забыть слезы в ее глазах, когда она увещала меня не дожидаться Божьего гнева, который может прийти на меня? Смогу ли я когда-нибудь забыть, как она склоняла свои колени, обнимала меня за плечи и молилась: «О, да живет мой сын перед Тобой!»

Я вспоминаю, как мой отец рассказывал об одном переживании, которое сильно запечатлелось в его памяти.

Он часто проповедовал в других местах, и однажды его объял страх, что в то время, когда он заботится о других душах, то пренебрегает своей семьей. Он вернулся и, придя домой, удивился, что никого не увидел на нижнем этаже дома. Вверху кто-то молился. Это была моя мать, которая серьезно взывала о спасении своих детей, особенно за Чарльза, ее первенца и очень своевольного мальчика. Тогда отец понял, что он может спокойно совершать служение своему Господу, так как жена прекрасно заботится о духовных нуждах детей. Он не стал мешать ей, но пошел, чтобы исполнять свое служение проповедника.

Спустя годы мать говорила мне: «Ах, Чарльз! Я часто просила Господа сделать из тебя христианина, но я никогда не просила, чтобы ты стал баптистом».

Я не мог противостать искушению и ответил: «Ах, мама! Господь великодушно ответил на твою молитву и дал тебе больше, чем ты думала и просила».

В четырнадцать лет я еще ничего не слышал о баптистах. Во всем, что мне потом рассказывали о них, не было ничего лестного. Хотя мои родители не считали их плохими людьми, у меня создалось именно такое впечатление вследствие клеветы на них.

Некоторые придерживаются мнения, что дети не могут постичь больших тайн религии. Есть такие учителя воскресной школы, которые тщательно избегают даже упоминания о великих уроках Евангелия, так как думают, что дети не смогут их понять. Подобное мнение проникло и в ряды проповедников. Проповедники определенного сорта считают, что многие истины Слова Божьего действительны, но слушателей нельзя наставлять в них, так как это может повредить им. Я твердо убежден в том, что в Слове Божьем нет такого учения, которое дитя, познавшее путь спасения, не смогло бы понять. Я учу детей всем великим тайнам истины без выбора, чтобы они впоследствии могли держаться их.

Но я могу доказать, что дети понимают Священное Писание, так как сам мог дискутировать о многих трудных и спорных богословских вопросах, слыша, что о них открыто говорили в кругу друзей моего отца. В свои юные годы дети в состоянии осмыслить даже те вещи, которые позднее мы едва понимаем. Детская вера очень проста, и вследствие простоты ей доступно высшее познание. Я не знал, что между простотой ребенка и глубоко мыслящим гением очень большое различие. Кто принимает вещи просто как дитя, будет часто иметь мысли, которые иному, желающему из всего сделать разумный вывод, никогда не придут в голову. Кто хочет знать, можно ли учить детей, должен посмотреть на детей из наших церквей и из верующих семей. Это не вундеркинды, но в большинстве своем маленькие Тимофеи и Самуилы, а также маленькие девочки, которые рано познали любовь своего Господа.

Как только ребенок может понять, что он погиб, он может с помощью Божьей благодати понять и познать, что он должен быть спасен.

Если ребенок может грешить, то может и верить Слову Божьему и принять его.

Как только ребенок сможет учиться злему — будьте уверены, он в состоянии учиться и доброму под водительством Духа Святого.

У нас дома никогда не варили в воскресенье. Если зимой на столе все же появлялось что-то горячее, то это был пудинг, который приготовили в субботу, или немного картофеля, который можно было быстро согреть. Не правда ли, это лучше и намного благочиннее, чем готовить большой праздничный обед, используя для этого слуг? Если в воскресенье нужно было вывести лошадь из сарая, когда приходилось далеко ехать до молитвенного дома или была плохая погода, то христиане хорошей старой закалки всегда давали в субботу отдых своим животным. А что касалось кучера, если таковой был, то ему всегда давали достаточно

времени, чтобы распрячь лошадь, с тем, чтобы и он мог быть вместе с семьей на богослужении. И его также ждали, пока он после собрания все приготовит, так как не хотели, чтобы он потерял благословение в конце богослужения.

О пасторах моего детства у меня есть хорошие и менее хорошие воспоминания. Был один пастор, у которого была привычка каждый раз после дюжины предложений говорить: «Как я уже сказал» или «Я еще раз повторяю». Но так как в том, что он говорил, не было ничего особенного, эти повторения все яснее раскрывали его мышление. Если он хотел сказать что-то важное, зачем он это повторяет? А если оно слабо и бедно, то тем более возникает такой вопрос. Иногда повторение некоторых предложений может быть в помощь. Все в определенное время может послужить к лучшему, но как разрушающе может действовать привычка. И никого уже не удивляет, что церковь с самого начала не слушает, — ведь она знает, что все повторится...

Однажды я слушал уважаемого проповедника, который говорил ужасно монотонно и неясно. Как печально, если человек предлагает без сомнения драгоценные истины, которые идут от сердца, но передаются столь скучно и непонятно!

6. Через многие страдания

Мое сердце было нераспаханной нивой, покрытой сорняками. Но однажды на эту ниву пришел Господь как добрый земледелец и начал обрабатывать почву. Он пришел с десятью черными лошадьми, использовал острый лемех плуга и провел глубокие борозды. Черные лошади — это были десять заповедей, это была справедливость Божья, которая как лемехом раскрыла мой дух. Я чувствовал себя под проклятием, в безнадежном, в беспомощном состоянии, я думал, что стою прямо перед адом. Тогда пришло новое время пахоты в другом направлении. Когда я начал слушать Евангелие, оно не утешало меня. Я очень желал иметь участие в нем, но боялся, что такая милость не для меня. Самые избранные обетования Божьи смотрели на меня исподлобья, а Его грозные предупреждения гремели надо мной. Я молился, но не находил утешающего ответа. Это состояние длилось долго.

Но драгоценно вино, которое прошло через точило, бесценно золото, которое очищено огнем, и прекрасно блестят те жемчужины, которые найдены в глубине страданий. Если бы Господь не смирял нас, то мы никогда не знали бы глубокого смирения. Мы бы всегда доставали острейшие стрелы из колчана нашего собственного опыта. Никакие мечи не сделаны из такого прочного материала, как те, которые выкованы в огне душевных переживаний.

Духовный опыт, приобретенный в борьбе против греха, является большим подспорьем для человека. Его тяжело приобретать, но впоследствии он всю жизнь действует исцеляюще. Господь ведет душу крестным путем плача и вначале, прежде чем убеждает ее быть чистой в любом отношении, показывает ей ее собственную черноту. Слишком многие думают о грехах очень поверхностно, и точно так же — об Избавителе. Тот, кто стоял перед Богом — уличенный и под проклятьем — тот будет плакать от радости, когда получит прощение. Он будет ненавидеть зло, которое ему простили, и будет жить для славы Спасителя, Кровью Которого он очищен.

Наш собственный опыт напоминает нам то время, когда мы искали Господа — да, мы желали Его, Его одного!

Религиозные обряды не имели для нас никакой ценности — пустые, как сосуды, высушенные горячим ветром пустыни, без единой капли воды. Не имели цены скромные церемонии — пустые, как сухие колодцы для жаждущих арабов. Не имели цены радости плоти — они горьки, как вода в Мерре, которую не хотели пить жаждущие израильтяне. Не имели цены указания проповедующих закон — они были подобны завыванию ветра для путника, захваченного врасплох темной ночью. Мы имели только одну надежду, единственное убежище в нашей беде — ковчег. Спасение только там, где ковчег, ведь повсюду — на севере, востоке, юге и западе — огромная водяная пустыня. Где ковчег, там спасение, там светится звезда, а все остальное — небо, как пустынное поле непроницаемой темноты. Иисус, Иисус, ИИСУС! Он один, Он, и никто другой стал единственным последним убежищем в бурю.

Я вспоминаю мою первую серьезную молитву. Я не помню, какие слова я говорил — во всяком случае, их было немного. До этого я часто повторял одну и ту же формулировку, которая стала для меня привычной. Теперь я видел себя стоящим перед Богом, в непосредственной близости Господа, Который испытывает сердце, и я сам в себе говорил: «Я слышал

о Тебе слухом уха; теперь же мои глаза видят Тебя» (Иов. 42,5). Я чувствовал себя как Есфирь, когда она стояла перед царем, без сил и объятая страхом. Сердце мое было полно сокрушения в свете Его величия и моей греховности. Единственные слова, которые я мог сказать, были только «О!» и «Ах!» Все, что я мог сказать: «Боже, будь милостив ко мне, грешнику!» Могуущественное сияние Его величества, величие Его силы, серьезность Его справедливости, чистое существо Его святости и Его ужасающая величина — все это потрясло мою душу, и я в подавленном состоянии духа упал на колени. Но с этой просьбой: «Боже, будь милостив ко мне, грешнику!» я поистине и в действительности приблизился к Богу. В моем глубоком душевном страдании я прекратил свои просьбы, потому что считал это безнадежным. Когда Дух Святой приближал меня к трону милосердия, я был охвачен глубоким страхом при воспоминании о моем повторяющемся, но не отвеченном вопле. Я знал, что не достоин милости, поэтому представлял себе, что Божья справедливость не даст мне никакого ответа. Я думал, что небо замуровано надо мной, и как бы серьезно я ни молился, Господь не услышит эту молитву.

И тут я вспомнил, что, когда я был еще ребенком, Бог один раз услышал мою молитву. Я уже не помню, о чем просил, может, это была какая-то мелочь. Но для меня как ребенка это было такой же большой молитвой, которой молился когда-то Соломон. Бог услышал мою молитву, и так с ранних лет я понял, что Господь есть Бог.

Никто не должен относиться с презрением к водительству Духа Святого в сердце молодых людей. Также нельзя пренебрегать детскими страхами и покаянием. Кто даже в малом следует побуждениям от лукавого, затаптывая пробужденную совесть ребенка, получит ужасное бремя вины. Никто не в состоянии определить, в каком возрасте дети должны каяться. Я, во всяком случае, могу засвидетельствовать, что благодать Божья может работать над детьми в таком возрасте, о котором едва вспоминаешь. Когда я был еще очень юным, я с большой скорбью чувствовал тяжесть греха. У меня болели кости из-за повседневного вздыхания. День и ночь на мне тяжело лежала рука Божья. Я тосковал об избавлении, так как моя душа высыхала во мне. Я предпочитал смерть жизни, так как был полон печали.

Эта беда была послана мне, чтобы я начал нуждаться в Иисусе. Наш Небесный Отец ведет нас к тому, чтобы мы искали Спасителя, но прежде всего разрушает нашу самоправедность. Он не может привести нас к тому,

чтобы мы серьезно искали неба, пока Он не даст нам немного почувствовать невыносимые мучения страдающей совести, что является преддверием ада. Болезнь — это что-то ужасное, особенно если она связана с болями, когда бедное тело ужасно мучается, так что дух изнемогает в нас и высыхает как глиняный черепок в пустыне. Но я могу засвидетельствовать, что болезнь, как бы она ни была страшна, ничто в сравнении с тем, когда человек узнает о собственном грехе, его объеме и его силе. Лучше я буду семь лет иметь ужасные боли и изматывающую болезнь, чем пройти еще раз через ужасное познание величины моего греха. В то время это было моим печальным уделом: я узнал тяжесть вины, но одновременно и величие благодати Божьей. Прежде чем я стал рассуждать о спасении моей души, я обманывал себя, считая, что у меня совсем мало грехов. Я придерживался мнения, что все мои грехи мертвы, погребены в могиле забвения. Но труба обличения пробудила мою душу, и она начала размышлять над вопросами вечности. Эта труба звучала как песнь воскресения для всех моих грехов. И когда они воскресли, это была такая огромная масса — грехов было не меньше, чем песка в море!

Существовал ли когда-нибудь такой раб, который переносил мучений больше, чем я? Я пять лет был заключенным в тюрьме закона, пока не повзрослел и все детское не исчезло из моего духа. Я не видел в грехе никакой радости. Я, конечно, грешил, но мое знание заповедей Божьих все же удерживало меня от многих преступлений.

Я не находил никакого покоя, когда находился в сетях закона. Я думал, что смогу многими слезами вернуть хотя бы немного из того, что сделал неправильно. Но закон держал передо мной зеркало, и в нем я видел свое лицо ужасно грязным и обезображенным от слез. Закон со всех сторон приносил мне только горе и трудности. Он запер меня в железной клетке. Всякий побег был исключен. Он особенно стал давить меня, когда я узнал его духовную природу. Если закон говорил: «Ты не должен прелюбодействовать», а я отвечал: «Я еще никогда не прелюбодействовал», закон отвечал словами Иисуса: «Всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем».

Если закон говорил: «Ты не должен воровать», и я отвечал: «Я никогда ничего не украл», тогда я обнаруживал, что даже само желание того, что не принадлежит мне, является грехом. Духовная природа закона озадачивала меня. Есть ли у меня надежда убежать от такого закона? Я видел себя в руках того, в котором не видно было даже проблеска милости.

Закон не имеет ничего общего с благодатью. Она приходит совсем из других уст и из другого завета. Прежде чем пришла вера, «мы заключены были под стражею закона, до того времени, как надлежало открыться вере».

Осмелюсь утверждать, что человек, живущий вне благодати, находится в рабстве. Он думает, что должен это делать. Прежде чем я обрел свободу во Христе, я ходил в дом Божий, так как думал, что должен делать это. Если я молился, то только из-за страха, что, если я не помолюсь, в этот день случится несчастье. Если я когда-нибудь благодарил Бога за доказательство Его милости, то только потому, что думал, если я не сделаю этого, то никогда больше не получу другого доказательства Его милости. Если я совершал праведное дело, то с надеждой, что Бог в конце вознаградит меня за это, и на небе я получу венец. Я был бедным рабом, гаваонитянином*, который колол дрова и носил воду! Если бы я мог оставить это, то охотно сделал бы это. Если бы я исполнял свои желания, то не ходил бы в церковь, я не хотел иметь ничего общего с религией. Если бы я делал, что хотел, то жил бы в мире и следовал путями сатаны. Расскажи мне об израильтянах в Египте, которые не получая соломы, все же должны были делать положенное количество кирпичей; расскажи мне о жестоком негре-надсмотрщике, стоящем над рабами со своим кнутом, и я соглашусь, что это трудно переносимое рабство. И все же есть рабство намного хуже — рабство обличенного грешника, который чувствует на своих плечах бремя греха. Спроси его, кто он есть, и он ответит тебе, что он «потерянный негодяй». Спроси его, как он себя чувствует, и он засвидетельствует тебе, что он «воплотившийся нищий». Спроси его, кем он будет, и он скажет тебе: «Я навеки погибну в аду, так как для меня нет никакой надежды».

Во время этих долгих месяцев, когда я жил в таком состоянии, я снова и снова читал Библию и нашел, что все грозные предупреждения написаны для меня большими буквами, а все обетования — настолько маленькими, что я их долго не мог найти. И когда я все же читал их, то не мог поверить, что они относятся и ко мне, — угрозы же были безоговорочно для меня. Когда же я читал: «Кто не верует в Меня, тот погибнет», тогда я говорил: «Да, это я!» Если же было сказано: «Придите ко Мне, все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас», тогда это шло по адресу моего брата, моей сестры или кого-то вокруг меня, о котором я знал, что он утружден и обременен.

* кн. Иисуса Навина 9:19-27

Я не просто слышал, а из собственного опыта знаю, что некоторых людей сатана искушал так сильно, что это превосходит все наши представления. Джон Буньян говорит, что сатана искушал его, сея сомнения в существовании Бога, в истинности Священного Писания, даже в том, что Христос был Человеком и Богом. Но однажды он искушал его говорить такое, чего он никогда не мог бы написать, чтобы не осквернить других. Ах, я тоже вспоминаю темный час в моей жизни. Хотя я не могу вспомнить, чтобы в юности слышал когда-нибудь хулу против Бога и тем более, чтобы я сам сказал это, и вдруг заметил, как в моих мыслях пронеслась серия ужасных проклятий и хуления против всемогущего Бога. Где-то полчаса они неумолимо носились в моем разуме. Как я стонал и кричал к Богу! И искушение прошло, но через несколько дней оно вернулось. Когда я молился или читал Библию, оно становилось сильнее. Я пошел с моей нуждой к пожилому духовному человеку и спросил его о своих мучениях.

— О, это пережили многие дети Божьи! Но, — спросил он, — это твои мысли?

— Я ненавижу их, — искренне ответил я.

— Тогда это не твои мысли. Поступи с ними, как старые церковные служители обошлись с преступниками. Отправь их назад в свое место, — сказал он. — Так поступи с этими злыми мыслями. Отрекись от них и отошли их назад к дьяволу, их отцу, которому они принадлежат, так как это не твои мысли.

Я не удивлюсь, если многие верующие подтвердят, что они так же, как и я, были близки к границе атеизма и почти все подвергали сомнению. Если сатана находит чувствительную и боязливую душу, то он пробует поставить на ней штамп неверности. Но, слава Богу, сатане никогда не удастся совершить это зло с человеком, который действительно находится на пути ко Христу. Я думаю, что часто это является большим благословением, если человек переносит тяжелое столкновение, отчаянную борьбу, трудный бой, когда меняет царство сатаны на Царство Сына Божьего. Рано или поздно каждый спасенный будет иметь сражение с князем тьмы один на один.

Я знаю, что духовный опыт в жизни христианина является крепким оружием в борьбе против нападок лукавого, и добрым примером для тех, кто переносит подобные искушения. Если вы узнаете, что один брат пережил то же самое и остался победителем, это вселяет надежду и дает утешение в Боге.

Многие люди плывут в лодке самоправедности: и ожидают, что попадут в ней на небо. Но эта лодка еще ни одну душу не привела в Царство Божье и никогда не сможет сделать этого. Самоправедность — такая же скоростная дорога в ад, как и открытый грех. Поэтому я радуюсь, если эта лодка попадает в сильные штормы и человеческая надежда терпит крушение. Я радуюсь, когда старая лодка разбивается, от нее отваливаются планка за планкой, когда она кружит на одном месте и разваливается, и люди ищут безопасности в другом месте. Безопасность, которую они имели до сих пор, должна была в конце концов разочаровать их. Она должна была утонуть. И тысячекратная милость обнаружит это достаточно рано, чтобы найти более надежное упование на спасение.

Я никогда не забуду, как вокруг моей лодки свирепствовал ужасный ураган, который разбил ее. Если бы меня не смыло волной за борт, то я еще и сегодня сидел бы в ней. Я попытался уцепиться за последнюю старую балку, но мне пришлось отпустить ее и искать другой помощи и безопасности.

Прежде чем прийти ко Христу, я сказал себе: «Это же неправда, что мне достаточно только верить Иисусу, и я получу спасение. Я должен что-то чувствовать, должен что-то делать». Вспоминая, какие хорошие решения я принимал, мне хочется спрятаться от стыда!

Если бы мне хоть один проповедник сказал: делай то или это, чтобы спастись! Я охотно сделал бы это. Если бы он сказал: «сними твою обувь и побеги туда или сюда», я тут же побежал бы, чтобы получить избавление. Но самое простое в мире — верить в распятого Христа, принять совершенное Им спасение и все отдать Ему; ничего не делать, а только довериться тому, что сделал Он — этого я не мог вместить.

Я обнаружил, что даже самые лучшие мои дела были греховными, что мне нужно плакать над моими слезами и что даже мои молитвы нуждаются в Божьем прощении. Я заметил, что все мои добрые дела сделаны из эгоистических мотивов, а именно — чтобы спасти себя самого, и поэтому они никогда не могут быть угодными Богу. Я нашел две серьезные причины, почему я не могу спастись добрыми делами: во-первых, потому что я не могу представить никаких добрых дел, и, во-вторых, даже если они и были у меня, то не имели бы спасающей силы, значит, не могут спасти меня. Затем я думал, что спасение можно получить наверняка, если, с одной стороны, доверять Христу и, с другой стороны, — собственному обновлению. Итак, я снова начал жестко работать над собой, и думал, если я там и тут добавлю несколько молитв,

немного слез покаяния и еще несколько обещаний исправиться, то все будет хорошо.

Иисус сказал Закхею: «Сойди скорее вниз». Он сказал это и мне. Одним из первых шагов для меня было — сойти вниз от своих добрых дел. Но затем я вдруг снова оказался наверху, на этот раз на самодовольстве, и Христос сказал: «Сойди вниз! Я избавил тебя от твоих добрых дел и избавлю от самодовольства». Я снова спустился, и был уверен, что уж теперь-то я достиг земли. Но Христос снова сказал: «Сойди вниз!» Я спускался все ниже, пока не дошел до того момента, когда мне казалось, что только теперь я могу спастись. Но все еще звучал приказ: «Спустишься вниз! Еще ниже спустись!» И я спускался. В отчаянии я должен был отпустить ветку на дереве моей надежды на самоспасение. Я сказал: «Дальше я не могу, я подошел к концу». Потоки уже достигли моей головы, я больше не видел дневного света. Я думал, что я чужой, удалившийся от израильской земли. Но Христос сказал: «Спустишься еще ниже! Ты еще слишком горд, чтобы спастись». И я должен был еще ниже склониться в своей испорченности, негодности и нечистоте, так как Бог смиряет грешника, которого Он хочет спасти. Когда я был в этом состоянии и пытался привести сам себя к вере, какой-то голос проговорил ко мне: «Тщеславный человек, тщеславный человек, если бы ты поверил! Приди и посмотри!» И тогда Дух Святой взял меня за руку и повел на единственное в своем роде место. Когда я стоял там, передо мной вдруг предстал некто на кресте. В этот момент у меня не было веры. Я посмотрел вверх и увидел Его глаза, полные слез, я видел текущую кровь, видел рядом с Ним Его врагов, как они гнали Его до смерти, видел Его невыразимые мучения, я слышал стоны, которые никто не может описать. И когда я взглянул вверх, Он открыл Свои глаза и сказал мне: «Сын Человеческий пришел взыскать и спасти погибшее».

Но мне нужно было еще больше, чем это слово благодати. Всеобщий зов Евангелия подобен сверкающей зарнице, которую можно иногда видеть летним вечером — чудесно, великолепно, и никто не слышал, чтобы это чудо чему-то повредило. А особенный зов в погибель — это зигзаг-молния с неба, который обязательно попадет куда-нибудь. Это стрела, которая проникает между отдельными частями военного снаряжения и разит без пощады. Спасаящий зов подобен зову Иисуса, когда Он сказал: «Мария!», и она ответила Ему: «Раввуни!» Как хорошо я помню тот час, когда Он прошептал мое имя, когда Он сказал мне на ухо: «Приди!»

Этому зову я не мог противиться. Я сознаю, что смеялся над религией, презирал и ненавидел ее. Но вот этот зов!.. Я не хотел идти. Но Христос сказал: «Приди!»

Иногда я шел в дом Божий с намерением не слушать, но я должен был слушать. И Слово Божье касалось моей души! У меня не было больше сил противостоять ему. Я лежал на земле, и мне казалось, что каждая моя косточка была поломана. Я думал, что в моем сердце не будет ни одного здорового уголка. Какой ров прорезал мою душу! Какая куча мусора собралась там! Прочь, все мои мнимые заслуги! Наружу потекли добрые намерения, знание, самодовольство! Вся сила постепенно оставила меня. К концу, когда весь мусор был выметен, я увидел глубокий ров, и он был подобен могиле. Это было таким горем для меня — видеть собственную греховность и огромную пустоту, которую оставила эта уборка, что я не мог поверить, что снова буду утешен и наполнен лучшей жизнью. Но случилось именно так. Если Господь хочет что-то построить, Он сначала основательно очистит место для строительства. Если Он хочет подарить большую благодать, Он дает глубокое познание ее необходимости. Задолго до того, как я начал со Христом, Он начал работать со мной. Но, когда я начал с Ним, тогда я был подобен бедному нищему — тому, кто ничего больше не называл своей собственностью и всего ожидал от Христа. Когда я в первый раз поднял свои глаза на Его крест, тогда я знал, что у меня нет никаких заслуг, только долги. Я не заслужил ничего, кроме ада. Я не имел даже тени добродетели, на которую мог надеяться. От меня не осталось ровным счетом ничего. Я пришел к концу. Все оказалось испорченным — навозная куча негодностей, ничего хорошего, но много плохого.

В тот момент я поистине мог сказать вместе с апостолом Павлом, что моя праведность как сор. Апостол Павел использует это жесткое выражение, но я думаю, что он не находил его слишком жестким: «И все почитаю за сор, чтобы приобрести Христа и найтись в Нем не со своею праведностью».

Я не знаю, имеет ли это связь с моими принципами — я всегда ратовал за то, что было непоколебимо и не поддавалось изменению. В мальчишеские годы я думал так: если ты христианин, то, согласно цитатам из Священного Писания, ты не можешь погибнуть. То есть, если ты веришь Христу, ты навеки спасен — никакого адского страха, никакого риска, безопасен навеки. После смерти я увижу Иисуса и буду с Ним в славе. Часто слыша о великой скорби, я желал быть только дитем Божиим.

Ах, если бы у меня была уверенность в спасении! Мальчиком я горячо любил Евангелие, так как оно давало мне гарантию, что Бог никогда не укажет мне на дверь, если я буду спасен. Я уже знал, что на человека нет никакой надежды. Но с Иисусом было по-другому: если я буду верить в Него, у меня будет не только шанс, но и гарантия попасть на небо. «Ну, — думал я, — вот я и нашел гарантию, да еще замечательную. Я хочу застраховать свою душу — пойти к Иисусу таким, какой я есть, и Он примет меня. Я хочу доверять Ему».

Я вспоминаю то время, когда был уверен, что Иисус никогда не примет меня, но я должен любить Его, потому что Он любит других грешников. Когда я читал удивительные истории о Его жизни и смерти, то представлял себе, как я буду тихо лежать у Его ног и говорить: «Ты отклоняешь меня, но Ты все же благословенный Христос. И если Ты проклянешь меня, то я хочу и это принять из руки Твоей. Делай со мной, что хочешь, но Ты все же спас умирающего разбойника, Ты спас ту, из которой изгнал семь бесов. Даже если Ты не хочешь спасать меня — Ты Христос, и я не могу судиться с Тобой, я не нахожу никаких ошибок в Тебе. Я лежу у Твоих ног и поклоняюсь Тебе».

Это был неизменный текст, который я повторял в то время снова и снова, которым я жил несколько месяцев. Я чувствовал тяжесть греха и не знал Спасителя. Я боялся, что Бог вдунет в меня Свое дыхание жизни и сожжет Своим горячим гневом. Я ходил от церкви к церкви, но не слышал Евангелие. Но вскоре души моей коснулось слово, которое сохранило меня от самоубийства и за которое, как мне казалось, я ухватился. Это было полное любви обетование: «Всякий, кто призовет имя Господне, спасется». «Ну, — думал я, — я не могу верить в Иисуса, хотя хочу этого, значит, я не получу никакого прощения. Но я могу молиться, молиться со слезами и с вздохами, день и ночь: «О Боже, Ты говоришь, кто призовет Твое имя, тот спасется. Я зову — неужели Ты меня прогонишь? Я ссылаюсь на Твое обещание, я открываю свое сердце для молитвы — неужели Ты отвергнешь грешника, который призывает Твое имя?»

На меня произвело большое впечатление одно замечание моей матери. Я искал Христа уже несколько лет и все не мог поверить, что Он спасет меня. Она сказала, что слышала насмешки многих людей над Богом, но ей еще никогда не приходилось слышать, что хотя бы один человек сказал, что искал Христа, а Он отверг его. «И, — добавила она, — я также не верю, что Бог позволит человеку когда-нибудь сказать такое».

Я подумал тогда, что я мог бы сказать это. Я полагал, что искал Его, а Он отверг меня, и решил сказать это, невзирая на опасность, что Он уничтожит меня. Я хотел заявить о том, что считал правдой. Но я сказал себе: «Я хочу еще раз попробовать», — и повернулся лицом к Учителю. У меня не было ничего, только я сам, и я отдался Его милосердию. Я поверил, что Он умер за меня, и теперь — да прославится Его святое имя! — я больше не мог сказать, что Он оттолкнул меня. Теперь на основании своего опыта я могу подтвердить то, что сказала моя мама, — нет, я никогда не слышал, чтобы человек мог такое сказать.

7. Большая перемена

Волна гриппа в школе в Ньюмаркете раньше времени завершила первый триместр Сперджена, и он вернулся домой на зимние каникулы. Прошло Рождество. В первое воскресенье нового года, 6 января 1850 года, было холодно и падал снег. Из-за непогоды Чарльз не мог идти девять миль с отцом до Толсбери, а также не мог пойти в город. Поэтому он пришел к месту своего покаяния в церквушку простых методистов на Эртлиестрит недалеко от их дома на Хите-Хилл.

церквушка была построена в 1839 году и, хотя в 1897 году она была частично обновлена, она и сейчас остается такой же, как и во времена Сперджена. В последние годы она не употребляется для богослужений, как и другие церквушки. Сегодня (1962) это здание арендуют для евангельских собраний молодые христиане. Когда 11 октября 1864 года Сперджен проповедовал в этой церквушке, он показал на место с левой стороны под галереей и сказал: «На той скамейке я сидел, когда покаялся». До конца своей жизни он снова и снова использовал неожиданность своего покаяния как иллюстрацию, что наше отношение к Богу на всю вечность может измениться в одно мгновение. — «Спасенный в первые мгновения своей веры так близок к Богу и так полон любви, как это возможно только действительному наследнику всех качеств во Христе, и именно в первый день — такой же, как и в то мгновение, когда он придет на небо, чтобы войти в славу и быть таким, как его Господин».

У меня не очень много друзей в небе, но есть все же один человек, которого я нежно люблю, и который — я не сомневаюсь в этом — часто

молился за меня. Она ухаживала за мной в детстве, сопровождала мое детство и теперь сидит перед троном в славе. Я представляю себе, что она смотрит вниз на своего любимого внука. Она видела его на его греховных путях, наблюдала за ним, но у нее совсем нет места для забот, потому что в глазах прославленных нет слез. Она не смотрела на него с печалью, так как перед престолом Божиим нет таких ощущений. Но в то мгновение, когда я благодаря благодати Божьей упал на колени, — я словно услышал, как она сказала: «Тихо, он молится, тихо, он молится!» О, я мог бы нарисовать, как она говорит это. Кажется, что в это мгновение она находится в своем и в моем небе, чтобы сказать: «Тихо, он молится!» Я встречал людей, которые рассказывают о своем покаянии и духовной жизни так, что мое сердце чувствует отвращение к их истории, потому что они говорят о своих грехах так, как будто хвалятся их величиной. О любви Божьей они говорят не со слезами благодарности, но прославляя самих себя так же, как Бога. Мне хотелось бы, чтобы, рассказывая историю своего покаяния, мы с большой печалью вспоминали, какими мы были, и с большой радостью и благодарностью говорили о том, как мало мы заслужили это чудесное спасение.

Когда я был в руках Духа Святого, обличившего меня в грехах, я знал, что такое справедливость Божья. Грех стал для меня невыносимым бременем. Не из-за того, что я боялся ада, — нет, теперь я боялся греха. Я постоянно чувствовал глубокую заботу о славе имени Божьего и о чистоте своего сердца. Я чувствовал, что моя совесть не найдет покоя. И тогда пришел вопрос: «Как может справедливый Бог все же оправдать меня, виновного?» Этот вопрос волновал меня. Я не мог найти на него ответа. И я никогда не смог бы найти такой ответ, который успокоил бы мою совесть. Учение об усыновлении является для меня самым твердым доказательством Божественной инспирации Священного Писания. Кому могла бы прийти такая мысль, что праведный Владыка умрет за несправедливого преступника? Это не учение человеческой мифологии и не сон поэтического воображения. Этот путь искупления становится понятным людям, так как это факт. Это не вымысел человеческий, но Сам Бог усмотрел его.

От юности моей я слышал о плане спасения через жертву Иисуса, но в глубине моей души ничего не знал об этом, как будто родился и вырос как готтентот*. Свет был, но я был слеп. Необходимо было, чтобы Господь Сам объяснил мне этот путь. Это объяснение пришло ко мне

* Принадлежащий к какому-нибудь африканскому племени

как новое откровение, оно было таким новым, как будто я никогда не читал об этом в Писании: Иисус говорит о Себе, что Он — жертва искупления для грешника на основании справедливости Божьей. Я верю, что каждому новорожденному дитю Божьему эта истина откроется как новое откровение и славное учение о заместительной жертве Господа Иисуса Христа.

Когда я со страхом спросил, на самом ли деле есть справедливый Бог, Который простит меня, тогда я понял и принял верой то, что Он, Сын Божий, стал Человеком и Сам лично понес на крест мои грехи. Я видел, как на Него возложили наказание, чтобы я получил мир, и как посредством Его ран я был исцелен. Сын Божий, чудный и прекрасный в Своей несравненной сущности, взял на Себя исполнение закона, взял на Себя наказание, которое я заслужил, и поэтому Бог мог оставить мои грехи без внимания. Моя единственная надежда — на небо, и она заключается в полном освобождении, которое было совершено на голгофском кресте для нечестивых грешников. Этому я твердо верю. Больше ни на что я не имею и тени надежды.

На моем пути вдали от Бога был день и было место, которые навсегда врезались в мою память, так как там я увидел своего самого лучшего, единственного Друга убитым. Я склонился в печальном ужасе и посмотрел на Него. Я видел, что Его руки и ноги пробиты грубыми железными гвоздями. На Его мертвом лице отражались мучения — это было так страшно, что я едва отважился взглянуть на Него. Его тело исхудало от страданий, Его спина была красной от кровавых полос, и Его голова была изранена так, что можно было ясно понять: эти следы оставлены терновым венцом. Я содрогнулся, так как очень хорошо знал этого Друга. Когда я так смотрел на мертвое тело, я услышал шаги и спросил себя, кто это может быть. Я прислушался и убедился, что убийца должен быть совсем рядом. Было темно, и я на ощупь стал искать его. При этом я заметил, что не могу приблизиться к нему, так как он был ближе ко мне, чем я мог подумать. В конце я положил свою руку себе на грудь. «Наконец я поймал тебя», — сказал я. И на самом деле, он был в моем собственном сердце, убийца спрятался в моей груди, он жил в нише моей души. Да, тогда я плакал, что я, в присутствии моего убитого Учителя, скрываю в себе Его убийцу. Я был виновен и знал это, когда нагнулся над Его телом.

Решающим пунктом моего покаяния было познание, что мне ничего не надо делать, а только взирать на Христа, и тогда я буду спасен. Я

всегда был внимательным слушателем, никто не мог слушать лучше, чем я, но или мне недостаточно объяснили (что я едва ли могу представить), или я был духовно слеп и глух. Во всяком случае, эта добрая весть, что я как грешник должен только смотреть на Христа, лишь сейчас достигла меня, как будто я ее до сих пор никогда не слышал. Разве я никогда не читал мою Библию? Читал, даже очень интенсивно! Разве меня не учили? Да, отец, мать и все остальные — и все же это было для меня совсем новым откровением — «Верь и живи!» Я был воспитан в благочестивой семье, меня укладывали спать с молитвой и пели при этом песни об Иисусе. Но после того как я услышал Евангелие стих за стихом, и когда Слово Господа сразило меня, для меня это было так ново, как будто я вырос в отсталом племени Центральной Африки, которого еще не достигла весть Евангелия. Я думал, что проповедник, которого я до сих пор слушал, неверно проповедовал Евангелие. Но когда я сегодня оглядываюсь назад, то понимаю, что я, скорее всего, больше ста раз слышал правильную проповедь Евангелия. И когда я ее наконец понял, то наверняка эта весть была проповедана ничуть не яснее, чем раньше. Раньше я слышал ее, как будто и не слышал, теперь же это была сила Духа Святого, которая открыла мне уши и донесла эту весть до моего сердца. Когда я обнаружил, чем в действительности является вера и жил ею, эти две вещи соединились. Я поверил, как только узнал, что такое вера, но мне казалось, что раньше я никогда не слышал об этом. Однако теперь я убежден, что свет осветил мои глаза, которые до сих пор были так слепы, что не замечали этого. Моя душа была недоступна для Божественного света.

Я не мог поверить, что мои грехи могут быть прощены. Не знаю почему, но я считал, что я — лишний человек в этом мире. Когда был составлен список всех людей, за которых умер Иисус, меня по какой-то причине пропустили. Если бы Бог спас меня, а не весь мир, тогда меня это бы действительно удивило. Мне показалось бы абсолютно правильным, если бы Он спас весь мир, но только не меня. Но теперь мне, спасенному посредством благодати, нечего больше сказать, кроме как: «Я спасен как головня из огня».

Я думаю, что некоторые из нас — те, которые нашли Бога после усилённого поиска, — любят Его, может, больше, чем если бы пришли к Нему сразу же, и им легче говорить о Его любви и нежной благодати. Джон Буньян не мог бы так хорошо описать состояние пилигрима, если бы многие годы не был искушаем сатаной. Когда я впервые читал

«Путешествие пилигрима» и увидел на картине тяжелое бремя на спине христианина, мне было так жаль этого человека! Я думал, что он должен подпрыгивать от радости, если у него в конце заберут это бремя. Точно так же было сейчас со мной, когда так долго тяготевшее на мне бремя вины скатилось с моих плеч и сердца.

Я благодарен Богу за некоторые хорошие книги. Я благодарен Богу не только за книги, но и за проповеданное Слово Божье — проповеданное бедным необразованным человеком, который не получил для своего служения никакого образования и, наверное, никогда его не получит. Человеком, который на неделе выполнял скромную работу, но настолько был исполнен благодатью, что смог в то воскресенье встать и сказать: «Смотрите на Меня, и будете спасены, все концы земли»^{*}.

Книги были хорошие, но человек был лучше. Слово Божье разбудило меня, и это было проповеданное слово, которое спасло меня. С тех пор я придаю особенное значение слушанию истины.

Когда я начал беспокоиться о своей душе и был готов делать все, если только Бог простит мне все грехи, то решил посетить все богослужения в городе, в котором я жил, чтобы найти путь спасения. Но долгое время все было напрасно.

Один из проповедников говорил о Божественном всемогуществе. Я охотно слушал его, но где было слово для бедного грешника, который хотел спастись? Другой, достойный уважения человек, проповедовал все о законе. Но какой смысл снова перепаживать землю, которой нужно семя? Другой был практическим проповедником. Но то, что он говорил, звучало как команды, как будто он объяснял маневры группе людей без ног. Все эти братья проповедовали истины, которые были предназначены духовно подготовленным людям, но я хотел знать: «Как я могу получить прощение моих грехов?»

Может, я бы и сегодня жил в темноте и сомнении, если бы Бог по Своей милости не послал снежный шторм, который налетел на меня в воскресное утро по пути на богослужение. Я стал искать убежища на ближайшей улице и пришел к церквушке методистов^{**}. В ней сидело около двадцати человек. Я уже слышал о методистах, что они очень громко поют и от этого начинаются головные боли. Но это не испугало

^{*} В Синодальном варианте Писания: «Ко Мне обратитесь, и будете спасены, все концы земли» (Ис. 45,22).

^{**} Из англиканской церкви происходящее движение, целью которого было религиозное обновление

меня. Я хотел знать, как я могу спастись, и если они могли сказать мне об этом, то меня не пугали головные боли. В это утро не пришел проповедник, видно, его замело снегом. Наконец, поднялся очень худой человек и пошел вперед к кафедре. Это был действительно простой человек, и ему нужно было постоянно возвращаться к своему тексту, так как он был не особенно речист. Текст гласил: «Смотрите на Меня, и будете спасены, все концы земли» (Ис. 45,22).

Он даже неправильно выговаривал слова, но это было неважно — в нем был «луч надежды». Проповедник начал:

«Мои дорогие друзья, это на самом деле очень простой текст. Он говорит: «Смотрите». Это не больно и не требует усилий. Тебе не нужно даже поднимать твой палец или твою ногу. Только «смотри». Человеку не нужно посещать университет, чтобы научиться смотреть. Ты можешь быть самым большим простофилей, и все равно ты можешь смотреть. Чтобы видеть, человек не должен зарабатывать тысячи в год. Смотреть может каждый, даже ребенок. Но далее текст говорит: «Смотрите на Меня».

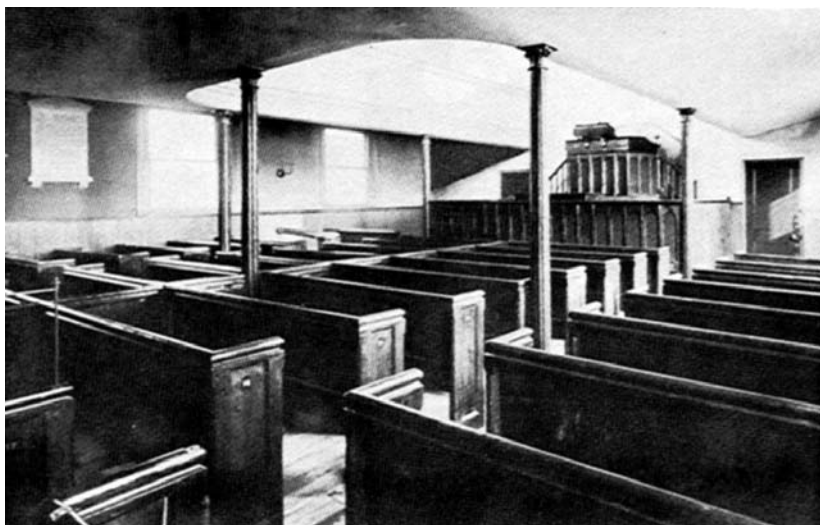
«Так вот! — продолжал мужчина на своем свободном эссекском диалекте, — многие из вас смотрят на себя, но это не имеет смысла. В себе вы никогда не найдете какого-то утешения. Некоторые смотрят на Бога, Отца. Нет, смотрите все время на Него! Иисус Христос сказал: «Смотрите на Меня». Некоторые из вас говорят: «Мы должны ждать, когда Дух начнет работать в нас». Не заботься сейчас об этом. Смотри на Христа. Господь говорит: «Смотри на Меня». И так должно быть всегда: «Смотрите на Меня, у Меня был пот как капли крови. Смотрите на Меня, Я висел на кресте. Смотрите на Меня, Я был мертв и погребен. Смотрите на Меня, Я снова воскрес. Смотрите на Меня, Я вознесся на небо. Смотрите на Меня, Я сию по правую сторону Отца. О, бедный грешник, смотри на Меня! Смотри на Меня!».

Он говорил уже около десяти минут и, когда дошел до этого места, то его латынь была исчерпана. Тогда он посмотрел на меня, как я сидел под галереей. Конечно, он знал, что я чужой, так как людей было мало. Он взглянул на меня, как будто знал, что у меня на сердце, и сказал:

«Молодой человек, вы выглядите очень печально...» Да, я был печален, но я не привык, чтобы прямо с кафедры обращались лично ко мне. Как бы то ни было, это было прямое попадание. Он продолжал: «...и вы всегда будете печальны — печальны в жизни и печальны в смерти, если вы не послушаетесь этих слов. Но если вы сейчас, в этот момент, будете

послушны, то вы будете спасены». Затем, подняв руки, он воскликнул, как это может сделать только простой методист: «Молодой человек, смотри на Иисуса Христа. Смотри! Смотри! Смотри! Тебе ничего не надо делать, только смотреть, и ты будешь жить». Вдруг я увидел путь спасения. Я уже не знаю, что он еще сказал — я не обратил на это внимания — я был переполнен только этой мыслью. Точно так же было с медным змеем: когда его подняли, то люди должны были смотреть только на него, и этим спасались. Я ожидал, что мне нужно сделать полсотни дел, но когда услышал это слово: «Смотри», мне показалось, что это самое красивое слово на свете! Ах, я мог бы бесконечно смотреть. На этом месте и в это мгновение с моих глаз упало покрывало, темнота исчезла, и в тот же момент я увидел солнце. Мне хотелось встать с этим методистом-энтузиастом и петь о драгоценной Крови Христа и о простой вере, которая взирает только на Него. Если бы хоть кто-нибудь сказал мне об этом раньше: «Доверься Христу, и ты спасешься»!.. Теперь я мог понять Джона Буньяна, который говорил, что ему хотелось рассказать о своем покаянии даже воронам на поле. Он был слишком полон радости, чтобы держать ее в себе.

Не всякий человек может вспомнить день своего покаяния. Но, как говорил Ричард Книлл: «В это мгновение в этот день на небе пела каждая

В этой маленькой методистской церквушке 6 января 1850 года Сперджен слушал решающую для него проповедь «Смотри на Христа!».

арфа», потому что он был возрожден. Я — тоже! Что за перемена произошла во мне в промежутке между половиной одиннадцатого, когда я пришел в церквушку, и половиной первого, когда я снова был дома! Я вышел из темноты в чудесный свет, из смерти — в жизнь, просто оттого, что я взглянул на Иисуса. Я был избавлен от отчаяния и стал так счастлив, что домашние, увидев меня, сказали: «Что-то удивительное случилось с тобой». Я едва мог дождаться, чтобы рассказать им об этом.

Дух Святой, Который дал мне способность поверить, через веру подарил мне мир. Я настолько был уверен, что получил прощение, как раньше был убежден, что я проклят. Я был уверен в своей гибели, так как Слово Божье объясняет это, и моя совесть подтверждала это. Но когда Господь оправдал меня, я был уверен в этом на основании этих же объяснений. Господь в Писании говорит: «Верующий в Него не погибнет», а моя совесть свидетельствовала, что я верю, и что Бог, простив меня, был справедлив — я имел свидетельство Духа Святого и моей совести, которые гармонизировали друг с другом.

Как человек может знать, что он прощен? Есть место Писания, которое говорит: «Веруй в Господа Иисуса Христа, и спасешься». Я верю, разве тогда не логично, что я спасен? «Верующий в Сына Божия имеет вечную жизнь», — говорит Иисус в Евангелии от Иоанна. Я верю Христу, и разве это абсурд — верить, что я имею вечную жизнь? Апостол Павел говорит: «Нет никакого осуждения тем, которые во Христе Иисусе». Оправданные верою, мы имеем мир с Богом. И если я только уповаю на Иисуса и верю Ему, не будет ли в тысячу раз абсурднее не иметь мира, а только быть исполненным невыразимой радостью? Душа верит только Слову Божьему, если знает, что ее спасение — неременное следствие веры.

К моему стыду, я должен сказать, что я принял Иисуса как своего Спасителя, потому что не мог иначе, я окончательно выбился из сил. Строгий закон так измучил меня, что я стремился только к Одному, даже если бы мне предложили пятьдесят других. Я желал к одному Божественному Спасителю, Который взял мою вину на Себя, сделался ради меня проклятием, Который претерпел смерть, заслуженную мной, Который воскрес и Своей жизнью дал жизнь мне. Я хотел именно того Спасителя, Который стоял передо мной в Слове Божьем, Его и никого другого.

Разрешите мне дать личное свидетельство о том, что я видел, что слышал и что пережило мое собственное сердце: Христос — едиnorodный Сын Отца. Он — Бог, потому что сделал для меня то, что может сделать только Бог: Он покорил мою строптивую волю, расплавил мое

сердце из диаманта, разорвал стальные цепи, открыл тюремные ворота и железные запоры. Он превратил мой плач в смех и мое отчаяние — в радость, Он пленил мой плен и наполнил мое сердце неопишуемой радостью. Пусть другие думают, что хотят, — для меня Он остается единокровным Сыном Отца — да будет благословенно Его святое имя!

Еще я свидетельствую, что Он полон милости. Если бы не это, я никогда не узнал бы о Его славе. Я был полон греха, проклят, потому что не верил в Него. Он влек меня, когда я не хотел прийти, хотя я сопротивлялся до последнего, Он влек меня. А когда я в конце, дрожа, как осужденный преступник, стоял перед Его престолом милости, Он сказал: «Тебе прощены все грехи, радуйся!» Пусть другие презирают Его — я свидетельствую: Он полон милости.

Наконец я хочу сказать: Он полон истины. Его обетования истинны. Он все исполнил. Со стыдом я признаюсь, что часто сомневался в Нем, но Он не оставил меня на произвол судьбы. Его обещания — да и аминь. Я свидетельствую, что никакой слуга не имеет такого Господина, какой есть у меня; ни один брат — такого родственника, каким Он является для меня; никто — такого возлюбленного, каким Он является для моей души. Ни один грешник не имеет лучшего Исккупителя, никакой боец — лучшего тренера, никакой страждущий — лучшего Утешителя, чем Христос для моего духа. В жизни — Он моя жизнь, а в смерти — уничтожил смерть. В бедности — Он мое богатство, в болезни — мое утешение, в темноте — моя звезда, днем — мое солнце. Верую я понимаю, что Сын Божий спас меня Своей Кровью, и я пережил, что Он поднял меня из темноты отчаяния и поставил на скалу. Он умер за меня. Это — корень всякого утешения. Он очистил меня Своей драгоценной Кровью, Он покрыл меня совершенной праведностью, Он одел меня в Свои собственные добродетели. Здесь, в мире, Он хранит меня от искушений и ловушек, а там, в небе, Он уже сейчас приготовил обитель и венец непрестанной радости. О, если бы я знал о Нем еще больше и мог бы сказать о Нем еще лучше!

Я всегда был того мнения, что все Евангелие заключается в слове *заместительство* — Христос, Который стоит на месте людей. Если я правильно понимаю Евангелие, то это означает, что я заслужил быть навеки погибшим. Единственная причина, почему я не должен погибнуть, — Христос наказан за меня, и нет никакого основания наказывать два раза. С другой стороны, я знаю, что не могу прийти на небо, если я не оправдан совершенно. Я убежден, что никогда не достигну такой праведности

своими силами, так как вижу, что каждый день согрешаю. Но у Христа — совершенная праведность, и Он говорит: «Бедный грешник, возьми Мою одежду и надень ее! Ты должен стоять перед Богом, как будто ты — Христос, а Я буду стоять перед Богом, как будто Я — грешник. Я хочу страдать вместо грешника, а ты должен получить награду за те дела, которые ты не сделал, но которые Я сделал за тебя».

Я считаю приемлемым каждый день приходиться ко Христу как грешник, как и в первый раз. «Ты не святой», — говорит дьявол. Согласен, я не святой, я — грешник, но Христос пришел в этот мир, чтобы спасти грешников. Поэтому — так или иначе — я иду к Нему. Другой надежды у меня нет. Глядя на Него, я получил веру, которая наполняет меня упованием на Его милость. Слово, которое впервые тронуло мою душу, — «Смотри на Меня» — оно все еще звучит как ясный звук трубы. Там я однажды возродился и там всегда найду подкрепление и обновление.

8. После покаяния

Как только я обратился к Господу, самое большое огорчение было в том, что я не мог не думать о людях, с которыми вел безбожные речи, и о многих других, которых искушал ко греху. И я часто молился, чтобы никто из них не погиб. Я пережил то, что и Джордж Уитфильд, который никогда не забыл, с кем он играл в карты перед своим покаянием. Бог дал ему радость привести каждого из них ко Христу.

Думаю, что это случилось через пять дней после моего покаяния. Моя радость была так велика, что я мог ликовать при одной мысли, что Христос стал моим. Но вдруг неожиданно я впал в яму глубокого отчаяния. Сегодня я знаю, почему. Тогда у меня было чувство, что дьявол, по меньшей мере, смертельно ранен, если не мертв, во всяком случае, он ничем не может повредить мне. Также я верил, что испорченность моей натуры тоже получила смертельный удар. Я с воодушевлением пел песни поэта Ковпера и действительно думал: он знает, что говорит — он славит Господа за то, что в часы покаяния Он вырывает из сердца корни всяких глупостей. И все же едва ли кто сделал такую ошибку, как Ковпер этим стихом. Потому что ни один человек не может утверждать, что с покаянием до основания отрезается вся глупость. Я был убежден, что моя глупость больше никогда не даст всходов. Со всей серьезностью

я считал, что стал теперь совершенным, — но обнаружил возмутителя спокойствия, на которого не рассчитывал: злое сердце неверия отпало от живого Бога. Тогда я пошел в ту же церквушку методистов, где нашел мир с Богом через проповеданное Слово Божье. Когда прочитали место Писания для проповеди — «Бедный я человек, кто избавит меня от сего тела смерти?», — я подумал: «Это же текст для меня». Именно к этому пункту я пришел в течение этой недели. Я доверился Христу, моя вера была направлена единственно на искупление Спасителем. Но я не мог быть таким святым, как хотел, я не мог жить без греха. Вставая утром, я думал, что буду воздерживаться от всякой злой мысли и взгляда, а теперь я, сетуя, пришел к этой церквушке, потому что не мог стряхнуть все зло. Оно всюду преследовало меня.

Проповедник начал со слов: «Апостол Павел был еще неверующим, когда он это сказал». Но я-то знал, что я верующий, и мне казалось, что апостол Павел тоже был верующим, говоря эти слова, если смотреть в контексте. Сегодня я уверен, что так оно и было. Дальше брат сказал, что ни одно дитя Божье никогда не чувствовало в себе такого конфликта. Кончилось тем, что я взял свою шляпу и оставил эту церквушку. С тех пор я очень редко посещал такие места. Они очень хороши для необращенных, но малополезны для детей Божьих.

Какое отвращение у меня с того дня вызывает грех, силу которого я обнаружил! Я увидел, что преследующие меня на железных военных колесницах грехи-солдаты вооружены мечами и копьями, чтобы напасть на меня, с косами через плечо, — в два раза страшнее, чем грехи, с которыми я был знаком до сих пор, хотя и те были жестокими командирами. Эти новые грехи никогда не приближались ко мне так близко как прежние, но теперь они вызывали у меня больше страха, чем тогда, когда я был их рабом.

Какая радость наполняла сердце израильтян, когда они узнали, что все их враги были уничтожены! Я тоже пережил эту радость, так как после моего покаяния, когда грех снова начал нападать на меня, я видел могучий поток прощающей любви, текущий над всеми моими грехами, и я мог петь вместе с Моисеем: «Пучина покрыла их». Кто может осудить избранных Божьих? — Бог оправдывает их. Кто может предать их проклятию? — Христос вступает за нас, так как Он умер и воскрес, и сел одесную Бога.

В моей собственной духовной жизни я убедился в том, что, чем больше я сам себе придумываю правил, тем больше грешу. Привычка

утренней и вечерней молитвы необходима для жизни верующего. Но если предписать величину молитвы и желание всегда помнить о многих людях и вещах, то это может привести к принуждению и может вместо поддержки препятствовать в молитве. Если я предписываю себе, где и когда я хочу смиряться и радоваться, то это так же искусственно, как указания того проповедника, который писал в своих заметках: «Здесь плакать», «Здесь смеяться». Если этот брат проповедовал от сердца, то он мог быть уверен, что будет плакать и смеяться в нужных местах. Если духовная жизнь в порядке, то человек будет молиться и смиряться в нужное время, и святая радость также придет сама, без правил и обетов. Тот род религии, который производит чувства по календарю, — в пятницу перед Пасхой плачет, через два дня радуется, — это слишком искусственно и недостойно подражания.

Исследование самого себя несет с собой большое благословение, но я знаю также о самоисследовании, которое проводится неверующим, законническим и самоправедным образом, так как я сам этим занимался. Какое-то время я больше, чем сейчас, придавал значение предчувствиям, знамениям и другим доказательствам моей духовной жизни, чтобы утешать себя. Но я обнаружил, что не могу быть настоящим противником дьяволу, если буду делать акцент только на этом. Я должен день за днем жить с таким убеждением:

«Я, я — самый большой грешник,
Но Иисус умер за меня.»

Пока я могу верить, что Бог верен Своим обещаниям, потому что это Его обещания и Он есть Бог, и пока я могу доверяться тому, что мой Спаситель спасает, потому что Он — Бог и может спасать, — до тех пор все идет хорошо. Но я также убедился, что все хорошее в моей жизни, как мне кажется, моментально улетучивается, как только, сталкиваясь с той или иной проблемой, я сам себя беру под лупу и этим отвожу взгляд от Христа. Любой образ действий, уводящий от веры, — плохой образ действий. И особенно это касается такого рода самоиспытания, которое уводит нас от подножия креста и ведет в ложном направлении.

В начале моей духовной жизни я имел привычку определенным образом испытывать себя. Этим я часто засорял собственный путь камнями преткновения. Я могу только предупредить вас — не повторять моих ошибок. Иногда я заходил в свою комнату и начинал сам себя испытывать, ставя себе вопросы: «Есть ли у меня страх перед смертью? Если я сейчас упаду мертвым, могу ли я с радостью закрыть свои глаза?» И часто

я не мог честно ответить на эти вопросы «да». Я чувствовал, что смерть — это серьезное дело. «Итак, — говорил я, — тогда я никогда не верил Христу. Если бы я полностью уповал на Христа, то у меня не было бы страха перед смертью». Я не сомневаюсь, что многие люди говорят: «Я не могу следовать за Христом, так как боюсь смерти. Я не могу верить, что Христос спасет меня, так как мысль о смерти приводит меня в трепет». Ах, бедная душа, есть многие среди благословенных Господом, которым большую часть жизни был знаком страх смерти! Я и теперь знаю многих детей Божьих, о которых думаю, что если они умрут, то умрут победителями, но я также знаю, что мысль о смерти никогда не нравилась им. И это имеет хорошее основание: Бог дал природе закон — любовь к жизни и сохранение самого себя. Это естественно, что человек, имеющий детей и друзей, неохотно оставляет их. Я знаю, что он, все больше и больше испытывая в своей жизни благодать Божью, будет радоваться при мысли о смерти. Но я знаю многих, которые с совершенной радостью умрут во Христе, даже если теперь страшатся при мысли о смерти.

Мой старый дедушка как-то сказал проповедь, которую я не могу забыть. Он проповедовал на текст: «Бог всякой благодати». Внимание всего собрания он захватил тем, что после каждого описания различных аспектов благодати говорил: «Но есть такой род благодати, которого вы не желали бы». Наконец он закончил свою проповедь словами: «Вы не захотели бы в вашей жизни благодати для смерти, но вы будете иметь благодать для смерти, когда она вам будет нужна. Когда ты будешь в обстоятельствах, где она будет нужна, тогда ты будешь иметь ее в достатке, если полностью доверишься Христу».

Как-то мы с друзьями рассуждали о вопросе, будем ли готовы взойти на эшафот, если вдруг придут времена гонений. Я сказал: «Я должен вам открыто сказать, что сегодня не чувствую себя готовым к этому. Но я твердо верю: если бы в Смитфильде сегодня стоял эшафот, и я бы знал, что в час дня меня должны на нем сжечь, то в час дня у меня было бы достаточно благодати для мученической смерти».

Я начал свою христианскую жизнь пятнадцатилетним мальчиком с радостной уверенностью: «Возлюбленный мой принадлежит мне». Я всем сердцем и без сомнения верил Иисусу Христу, и в простоте души сказал доброй пожилой верующей, что я верю Христу, Он принадлежит мне и Он спас меня. Я сказал это очень убежденно, зная большую истину, что Бог никогда не оставит Свой народ и Свое дело незакон-

ченным. Тут же на месте я получил порицание и поучение, что у меня нет никакого права говорить так убежденно — это звучит самонадеянно. Добрая женщина сказала мне: «Такая уверенность мне не нравится, — и добавила: — Я верю, что ты веришь Христу — во всяком случае, надеюсь. Но я никогда не пошла дальше надежды и ожидания, а ведь я уже старая женщина». Да благословит Бог эту старую женщину, но она не была для нас образцом, так как мы знали, в Кого мы верим.

До моего покаяния я читал Священное Писание, чтобы удивляться его величию; его истории были интересны и захватывающи и восхищали возвышенным стилем языка, теряя при этом то, что Господь хотел мне сказать. Но когда Дух Святой вдохнул в меня жизнь и оживотворил Слово Божье для моей просвещенной души, тогда мне в удивительной славе открылось его истинное значение. У меня не было привычки критиковать Слово Божье, я принимал его без возражений. Я не осмеливался судить моего Судью и указывать праведному Богу. Все, что я находил в Его Слове, я принимал с невыразимой радостью. Я благодарю Бога за то, что с этого часа могу радоваться и невыразимо счастлив в моем уповании на Иисуса Христа, хотя моя жизнь никогда не обходилась без трудностей и, особенно, без склонностей к унынию. К тому же я установил, что самые слабые места в моем характере укрепились, сильные пороки и злые наклонности были взяты под контроль, а в моей душе посеяны новые принципы. Бог изменил меня. Я так изменился, что иногда мне кажется, что старое во мне полностью исчезло и теперь во мне все новое. Но никакой моей заслуги в этом изменении нет. Бог сделал для меня великое дело, но Он сделал это и для других, и готов сделать это для всякой души, которая ищет Его лица через Иисуса Христа и Его искупительную жертву.

Многие думают, что верующий едва ли может быть умным человеком. Людей образованных, с острым интеллектом можно найти только у неверующих людей, отвергающих Бога, но при обсуждении религиозных вопросов с думающими христианами они приходят в страх, не понимая духовных истин. Однако это большое заблуждение — думать, что верующие глупые, недалекие люди. Евангелие — это совокупность мудрости и познания, сокровищница истины и откровение глубоких тайн. Здесь соединены справедливость и милость, здесь совершенно исполняется неподкупный закон, и Божья любовь с триумфом освобождает грешника от суда. Наши размышления о Слове Божьем расширяют наш кругозор, они дают возможность нашей душе взглянуть на славное

будущее, и мы с удивлением останавливаемся перед глубокой мудростью, которая открывается в нем.

Прежде чем я познакомился с Евангелием, я собирал различные познания всех родов наук — немного оттуда, немного отсюда, немного химии, немного ботаники, немного астрономии, немного этого, немного того. Это был настоящий хаос. С тех пор как я знаю Евангелие, в моей голове порядок: все имеет свое место. Мне кажется, что, когда я познал Христа и Он, распятый, стал центральным пунктом системы, я стал способен упорядочить всякое научное познание. При взгляде с земли нам кажется, что все планеты движутся совершенно беспорядочно. Только познание солнечной системы дает им постоянство и порядок. Так обстоит дело и со знанием. Начни с какой хочешь дисциплины — ты всегда имеешь только полуправду. Если начнешь с познания распятого Христа, тогда у тебя есть солнце, вокруг которого все другие научные данные движутся в совершенной гармонии. Христос для меня — мудрость Божья. С тех пор как я знаю Христа, и притом распятого, я могу научиться всему.

9. Заметки из дневника и писем

«Спасенные люди начинают считать свои прожитые годы, когда они начали жить в истине, не со дня своего рождения, но со дня своего возрождения. Их календарь был изменен посредством Божественной милости» — Ч. Г. С.

«Иногда, становясь добычей сомнений, я говорил: «Я не могу сомневаться, что есть Бог, так как могу посмотреть свой дневник и сказать: В такой-то день я в глубокой нужде склонил перед Богом колени и, прежде чем поднялся с колен, получил ответ» — Ч. Г. С.

Записи жены Ч. Г. Сперджена с апреля до июня 1850 года:

«Мы были женаты совсем недавно, когда муж принес мне маленькую книжку с замком, серьезно положил ее мне в руки и сказал: «Эта книга, дорогая, содержит заметки о некоторых духовных переживаниях. Сохрани ее, пожалуйста, но я никогда не хочу ее больше видеть». Он никогда ее больше не видел, но и для меня она была запечатанной книгой, потому что я не отваживалась открыть ее. Так она лежала сорок лет. Но теперь я с почтением беру ее из потаенного места и читаю о

переживаниях моего дорогого мужа в давно прошедшие годы. Будет ли мое сердце, которое так любило его, способно благодарить Бога, что прошлое есть прошлое, и что борьба и заботы земной жизни навсегда забыты в счастье вечной славы? Господь, укрепи меня и помоги мне!

Эта маленькая книга – полный дневник с 6 апреля до 20 июня 1850 года. В ней описано время крещения и первые усилия новообращенного служить Богу. Я чувствую, что будет правильно теперь, после долгого времени, открыть тайны этой книги, потому что чтение исповеданий и святых решений может послужить к славе Божьей и показать, как Бог вел Своего юного слугу тем путем, которого тот не знал. Я верю, что Бог ждет от меня этого.

Самое ценное в этой книге — глубокая личная любовь писавшего ее к Иисусу Христу. Полные любви высказывания, которые он использует и использовал всю свою жизнь, были не пустыми словами. Они исходят от переливающейся через край любви Божьей, которой Святой Дух наполнил его сердце. Одни из последних слов, что он сказал мне в Ментоне, прежде чем навеки закрыл глаза, были: «О, дорогая, у меня было такое благословенное время с моим Господом!» Так было всегда: Господь был для него таким живым, как будто он видел Его своими глазами, и для него было радостью каждый день, каждый час жить в присутствии Божьем».

Дневник 1850:

Родился:	6 января 1850
Принят в церковь:	4 апреля
Принял крещение:	3 мая
Первая вечеря:	5 мая
Первый урок в воскресной школе:	5 мая
Член церкви в Кембридже:	2 октября

О, великий и непостижимый Бог, Который знает мое сердце и испытывает все пути мои, в смиренном доверии на помощь Духа Твоего Святого я посвящаю себя Тебе. Как Твою собственную разумную жертву, я отдаю Тебе то, что Твое. Я хочу всегда без всяких ограничений быть Твоим. Пока я буду жить на земле, я хочу служить Тебе. Хочу всегда радоваться о Тебе и славить Тебя! — Аминь.

1 февраля 1850

Чарльз Гаддон Сперджен

6 апреля — У меня был благословенный день подкрепления от Господа и от величия Его. Ходил по моему району и говорил с различными людьми. Я надеюсь, что Господь здесь работает. Серьезно размышлял о крещении. «Господь — сила моя и песнь; Он соделался моим спасением».

7 апреля — Чувствую себя нехорошо. Тело давит душу. Слушал проповедь мистера С. на Быт. 22, 8. Не мог воспринять ее, чересчур сильные головные боли. Арминиаство мне теперь не подходит. Если мне еще долго будет так плохо, то я едва ли смогу жить. Вечером я не мог пойти на проповедь, потом мне стало лучше. Но я все время питался размышлением над Словом Божиим.

Однажды я вознесусь в далекие, далекие миры
И буду стоять перед Тобой, перед судейским троном.
Ты — скала вечности,
Но ныне расщепленная для меня,
Чтобы я мог укрыться в Тебе,
Ты — Агнец Божий.

Не могу понять, как мистер С. мог сказать, что он думает, будто Исав покаялся, когда Господь говорит: «а Исава возненавидел».

8 апреля — После завтрака я вышел. Еще никогда я не видел так ясно суверенитет Божественной воли. Он позвал меня. Я уверен, что Он хочет привести меня к величию Своему. Чувствую себя плохо. Милостивый Бог, возьми меня к Себе, если это угодно Тебе! Это милость, милость, милость от начала до конца.

9 апреля — Сегодня снова счастлив. Если так дальше пойдет, то земля и небо — одно. Что я тут написал? Я знаю, что сегодня согрешил. На небе я не могу этого сделать. Хочу быть святым, как Бог! Однажды я буду таким. О, славный час, о благословенное место покоя, если я нахожусь вблизи моего Бога. Иисус, смогу ли я когда-нибудь забыть Тебя, радость моей жизни? Держи меня Своим Духом и излей на меня больше любви к Тебе! Я едва могу молиться, но, мой Боже, помни об А.! О, если бы я мог как можно больше сделать для Бога! «Благодатию вы спасены».

10 апреля — Здоровье улучшилось. Все, что лучше, чем ад, — это благодать. Как мал я сам по себе, и Иисус Христос пришел на эту землю, чтобы заботиться обо мне, прежде чем я вообще стал существовать! Все определено Богом. Да славится имя Его; и даже если Он определил для меня смерть, то я все равно доверяю Ему. Все грехи омыты Кровью

Иисуса. Скоро придут сомнение и страх. Мой Возлюбленный, приготовь меня встретить их. Присутствие Господа еще не оставило меня, и если бы у меня был язык херувима, то даже тогда я не смог бы достаточно прославить Его за это. Я надеюсь, что маме дома хорошо. Я думаю, что скоро должен рассчитывать на крест. «Кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня».

11 апреля — Имел хорошие мысли об этом стихе: «Я есмь пастырь добрый, и знаю Моих, и Мои знают Меня». Как может потеряться хотя бы одна из Его овец, если Он знает их всех?

Слышал сегодня о плохих делах некоторых благородных людей. Отец, прости им и сделай так, чтобы через них не было поношения на имя Твое! О, мой Друг, я лучше хочу навеки погибнуть, чем обесчестить Тебя, так как Ты являешься единственным желанием моего сердца. Слышал проповедь мистера С. на Пс. 67,18-20. Я люблю слушать, как Он всю славу за наше спасение отдает Богу. Пастырь Израиля, веди Свое стадо в истине! Пробуди меня, дай мне все больше и больше любить Тебя!

12 апреля — Сегодня мои мысли были слишком заняты земными делами. Я не мог все свое внимание сконцентрировать на моем Господе. Но, несмотря на это, Господь не скрыл от меня лица Своего. Был искушен, но не повержен, испытан, но не побежден, — это суверенная милость Божья. Сегодня я хочу снова просить, чтобы всепрощающая Кровь Иисуса смыла все мои грехи. О Боже, держи меня в смирении, тогда мне не нужно бояться, что упаду! Верни Себе Сион и сохрани Свою Церковь, пусть она сияет в славе! Сегодня был апрельский ливень, Господь не забывает Свои обещания. Иисус взял мое сердце. «Скажи мне, ты, которого любит душа моя: где пасешь ты? где отдыхаешь в полдень?» Я хочу всегда быть с Тобой, мой прекрасный и любящий Друг! Посещай меня каждый день, Твои объятия — это небо. Освяти меня, приготовь меня, помоги мне быть плодоносным и всегда быть Твоим!

13 апреля — В конце этой недели я чувствую себя очень усталым. Причина в том, что для меня каждый день было воскресенье. Теперь я желаю ходить у тихих вод. Какие события совершаются в мире! Англиканская церковь находится в сильном кризисе. Я люблю мою скромную работу. Господи, пребудь со мной! «О, бездна богатства и премудрости и ведения Божия!» Доверься Ему, моя душа, и верно следуй за Ним.

14 апреля — Слышал сегодня утром мистера С. на 3 Иоан. 4 — большая тема об оправдании через веру. Если дела являются истинным

путем, то кто тогда придет на небо? Я — нет. Это подобно тому, как если бы мне предложили сокровище на солнце, если я смогу туда забраться, чтобы взять его! После обеда — подобно последнему воскресенью. Иисав не приносит интересные проповеди. Вечерняя тема — «Решение». Я очень ободрен. Надеюсь, что скоро получу из дома ответ по вопросу крепления.

15 апреля — Совсем здоров сегодня и совершенно счастлив. Бег начался. О, Боже, Ты делаешь меня другим! Хорошее молитвенное собрание. «Ибо у Господа милость». Сегодня вечером меня посетил мистер П. и закончил говорить после одиннадцати, так что я потерял часть времени моего общения с Богом.

16 апреля — Сегодня вечером в Хите-Хилл собираются друзья. Излей Твое благословение! Оставь дом Бьюле. Я был там, и именно перед тем, как пришел в страшное сомнение. Нам не должно быть всегда уютно, я боюсь, что могу заснуть. Мой дух становится сонливым. Сильный Освободитель, держи мои глаза открытыми! Моя душа, кажется, желает мясных горшков египетских, и это после того, как я ел небесную манну!.. Помоги и прости меня, мой Спаситель!

17 апреля — Читал книгу философа Фуллера об противоречиях в Библии. Мой Бог, у какой пропасти я стою! Я думаю, что могу сказать: я ненавижу эту религию. Я желаю любить Бога и быть таким святым как Бог, как Сам мой Отец. Между мной и солнцем праведности — маленькое облако, но я не сомневаюсь, что солнце еще светит на меня. Он не оставил меня. Я — живое чудо, ходячее чудо милости. Чудо, что я вообще еще живу. Чуть позже. С этого момента я хочу всегда жить вблизи Него и приносить больше чести Его имени!

18 апреля — Я убежден, что облако исчезло. Сегодня я увидел несколько солнечных лучей. Я хочу идти дальше в Его силе независимо от того, будет облачно или нет. Пошел в церквушку, там очень мало людей. Моя сила обновилась. Теперь мое желание — бежать по Господним путям! Почему мой отец не ответил на письмо? Наверное, у него для этого есть убедительное основание. Господь, укрепи народ Твой и оживи Твою Церковь Твоей живительной благодатью!

19 апреля — Сегодня я не был достаточно близок к Богу. Я должен оплакать мою холодность и безразличие по отношению к путям Господа. О, Бог восстанавливающей благодати, верни домой Своего слугу в середине дня! Я хочу доверять Тебе. Я не могу сомневаться в Твоей силе или в Твоей любви. Да.

Я люблю Тебя и поклоняюсь Тебе.
Дай милость, чтобы я с каждым днем все больше,
Господи, любил Тебя.

Он опять посетит меня, и я увижу Его улыбающееся лицо. «И чего ни попросите у Отца Моего во имя Мое, то даст вам».

20 апреля — Ходил раздавать трактаты, но не чувствовал на себе Дух Господень. Мне казалось, что на моих ногах и языке висит бревно. Я заслужил это, так как не помолился и не почитал Библию, как должно. Я исповедую свое преступление, и мои грехи всегда передо мною. Милость! Это все милость! О, Спаситель, омой меня вновь в Твоей Крови, это оправдывает грешника!

Если Бог сохранил меня, то я не погибну. Я ничего не могу сделать. Я — червь, слабый и грешный.

21 апреля — Сегодня утром проповедовал мистер С. на 2 Фес. 3,3. Это большая надежда христиан, самое большое утешение в жизни — Господь сделает это. После обеда — Матф. 9,22. Это снова дело Господа, никакой врач не мог бы сделать это. Слава Тебе, Боже, за это величественное спасение! Вечером — 3 Иоан. 4. Эти два раза сказанные проповеди не очень интересуют меня. Но, в общем, мне очень понравился этот день. Я едва заслужил его, нет, вообще не заслужил. Во мне нет никакой заслуги, в которой я был бы уверен. Я самый ничтожный из ничтожных, что так долго закрывал свои глаза перед этим величественным спасением и перед прекрасным положением народа Божьего.

22 апреля — Господь не оставил меня. Пошел вечером на молитвенное собрание. Громко молился. Почему я должен бояться говорить к моему единственному Другу? В следующий раз я не буду бояться, надеюсь, что Господь поможет мне в этом. Он поможет мне и в других вещах. Мой дух сегодня бодр, он поднимается, он вдохновлен Господом, Который есть радость моей жизни. Вера — драгоценный подарок Божий, и любовь — Его подарок. От начала до конца — все от Бога.

23 апреля — В определенной мере моя молитва услышана. Я верю, что дело Божье вновь ожило во мне. Во мне больше нет пустыни. Все милость — я сознаю это. Я чувствую, что во всем зависим от Господа для возрастающей благодати, для живой благодати. Я получаю все, в чем ежедневно нуждаюсь, но не сразу на два дня. Это милость — чувствовать зависимость и во всем доверять Господу. Пой, моя душа, пой, Господь искупил тебя, ты можешь быть уверена!

24 апреля — Письмо от мистера Кентлова. Крещение будет на следующей неделе в четверг. Бог да поможет мне жить достойно Его, и чтобы мое открытое исповедание сделало меня серьезнее! Письмо от мистера Лединга лучше, чем ожидал. Поистине, Господь, «межи мои прошли по прекрасным местам, и наследие мое приятно для меня». Что касается крещения, то я могу поступать, как хочу. Усердствуя в истине и идя рядом с моим Искупителем, я ничего не теряю, но все приобретаю. Господи, Ты моя жизнь. Веди меня, дай мне на этой земле мою часть по мере Твоей мудрости и любви.

25 апреля — Пошел в Барвель. Слушал экзамен детей. Воспитывать детей — это способность от Господа. Какая ответственность лежит на мне! Я убежден, что однажды использую эту способность для Его славы. Письмо от моего отца, он довольно строг ко мне. Если бы я хотел следовать велению своей совести и самоуверенно ломал ограждение, которым Господь оградил Свою Церковь, я мог бы ожидать этого. Мое дело — следовать за Спасителем и не искать легких путей. Если я каким-то образом смогу жить достойно Его, я хочу всю славу отдать великому Инициатору моего спасения. Я сейчас чувствую себя смелым. Если сатана захочет упрекать меня, я могу ответить ему. Господь, я могу только благодарить Тебя, что я еще не отпал, и никакие враги не заставили меня дрожать от страха! Я стремлюсь вперед, взирая на небо, полностью отдаю мое спасение в руки моего Иисуса, Который моя жизнь, и все во всем во мне!

26 апреля — Как беспокоят меня опасения моего отца! Моя душа, я мог бы довериться крещению. Но Ты знаешь, что я ненавижу такую мысль! Нет, я знаю, что даже если бы с этого дня я бы смог жить так свято, как Сам Бог, то я все же не мог бы удовлетворить Его ни за какой грех прошлого. У меня был очень хороший день. Я мог удерживать от себя страх, недоверие и стеснительность на расстоянии меча. Да даст Бог, чтобы я был истинным борцом и мог жить и умереть в славной битве за моего Учителя!

27 апреля — Страх, прочь от меня! Сомнение исчезает! Во имя Господа Саваофа я подниму свое знамя. Только подойдите, демоны бездны, мой Вождь сильнее вас! Во имя Его, вооруженный Его оружием, в Его силе я осмеливаюсь дать вам отпор. Как славно было бы умереть рядом с таким Вождем! Я только червь, а не человек, ничтожен и нищ. Но теперь, когда Он излил на меня Свою любовь, почему мне нужно дрожать или бояться? Я пошел раздавать трактаты, да даст посеянное всходы и укоренится! Я снова должен сетовать, что не жил в такой близости с Богом, как

должно. Да славится имя Господа за меру благодати, что Он дал мне. И в том, в чем я еще нуждаюсь, я могу тоже довериться Ему.

28 апреля — Мистер С. говорил к нам сегодня утром и после обеда на Иоан. 1,5. Я не мог сконцентрироваться на теме и следовать ходу его мыслей. Как я радовался, что один мужчина пришел со мной в церквушку и один мальчик — в воскресную школу! Это от Господа! За это ободрение я хочу, надеясь на Твою силу, еще больше жить для Тебя, лучше бороться и больше трудиться. Держи меня Сам! Поддержи меня, так как я ничего не могу делать. Господь был сегодня со мной, даже если мое сердце не было так восторженно, как прежде. Я хочу следовать за Ним и в темные, и в солнечные дни. Спаситель, останься со мной. Я Твой, помоги мне служить Тебе, прославлять Тебя от вечности до вечности!

29 апреля — Пошел на молитвенное собрание. Размышлял над Матф. 8,20. Если Господь со мной, то для меня ничего не тяжело. Я хочу жить с моим Учителем и все переносить ради Него. Не дай, чтобы моя первая любовь охладела. В моей груди нет силы, чтобы поддерживать огонь. Только Ты можешь это делать, мой Господь и мой Бог. Тебе я хочу вновь посвятить себя, Твой крест и Твои страдания стали прекрасными для меня.

30 апреля — Снова прошел месяц... Как бежит время! Я стал ближе к родине. Этот месяц принес мне много святой радости, много преимуществ. Но как мало я сделал в сравнении с тем, что сделал для меня Иисус! Пусть проходят месяцы и приносят радости или заботы, как хотите; если Бог со мной, — все мое! Здесь (Ньюмаркет) как ярмарка суеты! Много посетителей. Я видел двух братьев Локс, которым нужно было ехать в Лондон. Господи, дай мне силы ехать прямо, как Локс, управляемым Тобой, мой величественный Путеводитель!

1 мая — Начинается новый месяц. Один месяц уже позади, за него я хочу славить Господа, и хочу доверить Ему новый. Помоги мне больше жить для славы Твоей и прославить Тебя во всем, что я делаю и говорю. Скоро я приму крещение. Помоги мне умереть для мира и жить только для Тебя! Я хочу служить Тебе, Господь, но чувствую на себе тяжесть, как закон, который действует против закона, и эта тяжесть отчасти держит меня в рабстве. Пусть Твоя милость разрушит все цепи, которые не выпускают мое сердце на свободу!

2 мая — Пошел на собрание, мало посетителей, недостаточно для церковного собрания. Господь, оживи Твою церковь в Ньюмаркете! Очень счастливый день, больше, чем я заслужил, я смог чуть-чуть под-

няться и даже своим слабым зрением увидеть Ханаан, по которому тоскую. Завтра будет праздничный день. Я мог больше, чем обычно, сказать Господу в молитве. Я нуждаюсь сейчас в помощи, и чувствую, что получу ее. Какую чудную уверенность имеют все, кто принадлежит Господу! Даже самый ничтожный между ними не может погибнуть, клятва и обетование Господа не могут нарушиться. Грех думать, что Бог, Бог истины, когда-нибудь оставит Свой народ, — это стыд, это богохульство. «Не бойся, Я с тобою; не страшись, ибо Я Бог твой». «Я не оставлю и не покину тебя».

3 мая — День рождения моей матери. Пусть с неба ей светит солнце и вновь оживит ее так, как сегодня солнце это сделало с природой. Вышел с мистером Кентловым в одиннадцать, в час дня пришли в Айлсхэм. После обеда у меня было преимущество, — последовать Господу в крещении и вместе с Ним быть погребенным. Благословенная вода крещения! Драгоценное свидетельство, что я умер для мира! Как я хочу с этого момента жить только для Христа! Возьми мое тело и душу как бедную жертву, привяжи меня к Себе. В Твоей силе я с сегодняшнего дня навсегда посвящаю себя Твоему служению. Пусть у меня никогда не будет страха, что я ношу Твое имя! — Людей и ангелов я призываю во свидетели, если захочу оставить Господа! Я обещаю, что только Иисус и Его крест будут для меня славой. Я посвящаю мою жизнь продвижению Его дела любым образом, который понравится Ему. Я хочу серьезно принять это торжественное обещание, иметь только одну цель — прославить Бога. Да прославится Твое имя, что Ты провел меня через этот день. Только Твоя сила могла сделать это. Ты сделал это — и Ты будешь делать это. Ты дал мне возможность исповедать Тебя, помоги мне прославить Тебя, исполнить мое обещание и жить Христовой жизнью на земле!

4 мая — В девять пришел в Ньюмаркет. Чувствую себя очень хорошо, раздавал трактаты. Мой Господь, помоги мне служить Тебе! В церкви говорят, что мистер С. и я были на годовой ярмарке. Мистер Х. не хочет принимать участие в Вечере Господней, так как много людей пошли на скачки. Мой Учитель все знает, мне не нужно говорить Ему, что я не виновен. Если меня не принимают Его ученики, Господь не извергнет меня, как Своего избранного. В этих делах я могу омыть свои руки в невинности.

5 мая — Третья, но очень сильная проповедь на Иоан. 1,5. Народ Божий должен быть особенно ревностным к добрым делам! Господи, помоги мне чтить Тебя! Сегодня после обеда я принял участие в Вечере

Господней. Царский праздник для меня, достойно царского сына. Мистер С. обращался ко мне перед всеми людьми. Вначале провел воскресную школу, а потом с моим другом М. пошел делать посещения. Я люблю мою новую работу. Молитвенное собрание для учителей воскресной школы после богослужения с восьми до девяти. Пятеро из нас молились. Пошел на ужин к мистеру Б., разговаривал с молодым С., после десяти часов закончили молитвой! После такого насыщенного дня я был чересчур взволнован, чтобы чувствовать себя так, как должен. Привяжи меня к Себе, как к узкой скале! Я чувствую, что здесь действует злая закономерность. Все Божье, Он исполнит Свои обетования.

Для Него это честь — Самому спасти слабую овцу.

6 мая — Пошел на молитвенное собрание. После обеда — миссионерское собрание о славе Царства Христа. «Он должен господствовать». Спаситель, приди и распространи Твое Царство во всем мире, прости Свой скипетр на все сердца! Сделай меня храмом Своим, почти меня в том, что Ты сделаешь из меня орудие добра в Твоих руках! Господь, сохрани меня от гордости и лени, моих самых больших врагов. Держи меня, держи и сохрани меня! Я — заблудшая овца. Твоей силе я должен доверять, на Твою силу надеяться. Я меньше, чем ничто, держи меня Твоей правой рукой!

(До этих пор дневник передан полностью. Два последних месяца переданы с сокращением.)

8 мая — Встреча учителей воскресных школ. Слишком много шуток и легкомысленности. Это не отвечает моим представлениям об учителе воскресной школы. Господь, сохрани меня от зла этого мира, чтобы я не впал в заблуждение. Но если это Твои, то помоги мне служить Тебе каждый день лучше, чем они. О, мой Бог, держи меня в Твоей близости, помоги мне жить для славы Твоей, чтить Тебя больше, чем до сих пор, жить только для Тебя и все силы употребить для служения Тебе! Сохрани, совершенствуй, держи и благослови меня!

9 мая — Молитвенный час. Мистер С. уволился. Ну, у нас есть лучший Пастырь, Который не может и не хочет оставить нас. Я низко упал, мой светильник, кажется, хочет потухнуть. Господи, зажги снова мой свет и не дай ему погаснуть. Я знаю, что в Твоей руке не могу погибнуть. Но если Тебе, мой Бог, нравится, то приведи меня снова домой, оживи и сохрани меня, чтобы я мог прославить Тебя еще лучше. Сделай меня Твоим отличным служителем, надели меня силой свыше, чтобы служить Тебе, как Твой слуга Павел.

11 мая — Проходил по моему району. Я верю, что Господь работает над людьми. Это Твое дело, Господь, совершай это! Я чувствую себя ободренным, идя путями Господними и отдавая свое свободное время Твоему служению. Благослови дело рук моих! Моя душа укреплена, моя жизнь обновлена, и я надеюсь скоро наслаждаться присутствием Господа.

12 мая — Один из дней Сына Человеческого — какой счастливый день, когда суббота никогда не кончается. В девять часов пошел в воскресную школу, остался на богослужении в 10.30, конец — в 12.15. Воскресная школа — в 1.45, богослужение — с 3 до 4, посещения — с 5. Так весь день был наполнен...

13 мая — День большой незаслуженной благодати. Здесь, на земле, не может быть блаженства без того, чтобы не наступило перенасыщение. Как сладки радости веры, общения с Богом! Письмо из дома. Все здоровы. Я благодарю Тебя, Отец, за такие добрые вести. Благослови меня, мой Отец! Я хочу посвятить себя Тебе, это мое высшее право — отдаться Тебе. Твое служение — большое наслаждение, никогда не прекращающаяся радость. Еще больше, чем раньше, я хочу носить Твою униформу, быть известным как Твой слуга, быть одним из особенных людей.

14 мая — Вечером я пережил восторженную радость. Я чувствовал себя восхищенным, способным лететь над бедной землей. Духовные благословения были видимы, в то время как плоть, подобно слуге Авраама, ждала у подножья горы. Сколько я должен! Как мало доброго я заслужил, нет вообще ничего!

Пусть Твоя милость, как крепкий жгут,
Привяжет к Тебе мое блуждающее сердце.

Да прославится Твое имя вовеки! Хвали Господа, моя душа. Верно следуй за Ним, люби Его, служи Ему!

17 мая — Четырнадцать дней назад меня крестили. Как торжественно я посвятил себя Тебе! Я хочу теперь повторить мои обещания и снова торжественно посвятить себя Тебе.

Призываю в свидетели людей и ангелов, если я захочу оставить Господа!

С Его силой я все могу. Ты поклялся спасти, и смерть и ад не могут разрушить Твой вечный план. Крепко держи меня! Благослови меня, только Ты можешь сделать это! Если Ты не спасешь, то я должен погибнуть. Ты не оставишь меня, Ты показал мне часть славы Твоего лица.

19 мая — Пошел в воскресную школу. Утром мистер С. проповедовал на 2 Кор. 3,6-8. Как прекрасно служение духа, как прекрасны каменные скрижали в ковчеге! После обеда — Иез. 26,27. Вечером — «Что есть истина?» Если проповеди должны вызвать интерес, то они были ошибочны. Говорил с детьми о молитве. Делал с мистером М. посещения, шесть новых детей. Вечером у мистера Б. молился на семейном собрании. Сегодня для меня был солнечный день. Господь с высоты посетил меня. Ликуй, моя душа, от радости, обнови твою силу. Беги, беги во имя Господа! Он со мной, как был со мной всегда. Слабого Он сделал сильным! Ты всемогущий Спаситель, Тебе посвящены мои лучшие песни. Твоя благодать влечет меня любить Тебя и жить для Тебя. Я погребен с моим Господом и Спасителем, пусть я буду распятым для мира и стану ежедневно умирать для него! Как уверен я в том, что Твое иго благо и бремя легко! Я все могу в Иисусе Христе.

22 мая — Моя немощь — моя самая большая сила. Когда я чувствую зависимость, тогда я уповаю только на Иисуса. Я — земной сосуд, я был среди сосудов неспасенных. Сделай меня сосудом для Твоего употребления. Я надеюсь на Твою кровь, я омыт. Кто может меня сейчас загрязнить, чтобы чистота, данная Тобой, в конце концов не осталась безупречной? Радость, неизреченная радость, Божественное вдохновение, я улетаю через границы земли, мой Возлюбленный держит меня в Своих руках, я — Его, и Он — мой, мой прекрасный Князь, мой Спаситель, моя Любовь!

25 мая — Свободный доступ к благодати, суверенная любовь, неизменная верность Божья — это незыблемое основание для меня. Что может удержать меня, чтобы все посвятить Тебе, даже последнюю каплю моей крови? Раздавал трактаты в моем районе. Одна женщина дала мне двадцать четыре новых. Я боюсь, мистер Т. наделает много беды, так как говорит людям, что Вечеря Господня спасет их. Действуй, Господь, действуй! Ты ободрил меня, не дай мне разочароваться! «Хвали Господа, душа моя». Я полагаюсь на завет, соглашение между моим старшим Братом и Всемогущим нерушимо. «Никто не должен похитить их из Моей руки».

26 мая — Пошел посетить детей. Утром — воскресная школа. Мистер С. проповедовал на тему «Все эти обстоятельства против меня». Оставался на обед в церквушке, имел славное время молитвы и общения с Богом. После обеда: Иаков посвящает себя Богу в Вефиле. Мой возлюбленный Царь, я хочу точно так же посвятить себя Тебе. Вечером: живое служение апостола Павла. О, если бы я мог подражать такому человеку,

тогда я был бы самым великим на этой земле!

30 мая — Внутренняя восторженность немного утихла; солнце еще сияет, даже если иногда и облачко проплывет! Я желаю постоянного общения с Богом. Пошел на членское собрание, имел хорошее ободряющее общение со старым мистером А. Для принятия в церковь предложили двух человек. На следующее воскресенье не будет Вечери Господней. Господь может и будет насыщать нас. Он держал меня и будет делать это впредь. Борьба в моей душе теперь закончилась, мир возвращается назад, как река в сухую землю.

2 июня — Слышал мистера Дж. в первой половине дня, Числ. 21,4. Интересно, но немного слабо. После обеда — Откровение 19,12. Мой Господь заслуживает так много венцов, венцы славы должны сиять вокруг Его святой благословенной главы. Вечером: 1 Иоан. 5,4. Твердая пища. Сегодня вечером Господь ниспосылал Свою манну. «Побеждайте мир». Славная победа, невыразимая победа, Божественный триумф! Как я могу отважиться сомневаться при таком обетовании, что Бог имеет силу так держать меня, так вести и сохранить?

У меня был большой класс воскресной школы, говорил с ними о смерти — об этом страшном мече, который на расстоянии одного-единственного волоса держится над головой безбожника. Оставался на чай у мистера Б., дискутировал с ним о вещах, которые для меня лишь «звук и дым». Молитвенное собрание после вечернего богослужения. Семь присутствующих, шесть молились вслух. Великий Царь, благослови воскресную школу. Моя душа, чти твоего Учителя; жить для Него, жить в Нем! Я царский сын; не должен ли я быть хорошим солдатом и сражаться за моего Господа? О Боже, дай мне меч и силу, чтобы вести эту борьбу; и если мои и Твои враги такие же дикие, как львы, все равно Твой меч уничтожит их!

3 июня — Молитвенный час, громко молился. Господь, когда придет время благодати для Сиона? Когда Ты соберешь Твоих избранных? «Кто отлучит нас от любви Божьей?» Вечно безопасен, да, вечно! Ликуй, ликуй, моя душа, и пусть твоя радость побуждает тебя серьезнее и ревностнее трудиться для Него! Спасенный и искупленный, я больше не принадлежу себе! Письмо от бабушки. Как я рад, что он не думает по-другому!

7 июня — Как многочисленны Твои доказательства милости по отношению ко мне, мой Господь! Если я думаю о величественном искуплении, которое совершилось и для меня, если я думаю о том, что для меня

приготовлено небо, мне кажется это слишком чудесным, неправдоподобным. Но теперь я верю Твоему обетованию. Хочу быть полностью Твоим, Твоя слава — моя единственная цель! О, если бы я был, как Павел, какая это честь была бы для меня! Блажен тот человек, у которого Учитель — Ты, о Господи! Я счастлив. Как могло быть по-другому, когда мой Друг посмотрел на меня, и я увидел Его прекрасное лицо?

9 июня — Мистер С. проповедовал. Деян. Ап. 16,19. Ничего не получил. После обеда: «Кто она, что выходит из пустыни и опирается на своего друга?» Не мог наслушаться о Друге. Вечером: «Приготовься встретить Бога своего». О, какая благодать — быть готовым! Чувствовал себя оскорбленным мистером С.; то, что он делает — неправильно. Но я прощаю ему. Я хочу взирать только на Иисуса и на Его славу. Я слишком гордый, я во всем слаб. Держи меня, у меня нет силы. От Тебя — Сильного — я ожидаю силы. Я Твой, держи меня!

10 июня — Письмо от моей любимой матери. Мистер С. говорил о ней на молитвенном часе. Я громко молился. Имел сегодня мало возможности для личной молитвы. Но радость в Господе не оставила меня. Я полагаюсь на Бога, моего Искупителя. Если я когда-нибудь забуду Тебя, то пусть моя правая рука забудет левую. Что? Он так много сделал для меня, как я должен забыть Его? — Нет!

Пока я дышу и мой пульс бьется, я буду помнить Тебя!

14 июня — Испытание. Мистер М. дал мне один шиллинг на миссию. Я благодарю Господа, что Он открыл его руку, чтобы делать доброе. Сказал речь для миссии. Господи, храни Твоего слугу скромным и смиренным у Твоих ног! Как я склонен к гордости и тщеславию! Пусть мне всегда будет ясно, что я ничего не имею, чего бы не получил. Это милость, суверенная милость, которая изменяет меня. Почему я должен быть избранным сосудом? Это не заработанное — я знаю, это великая любовь.

16 июня — проповедовал старый мистер В. Он говорил так тихо, что я не мог понять его. Он и мистер С. напали на меня, помоги мне твердо держаться истины и ни за что не отступать. Говорил к детям воскресной школы. О, если бы я остался смиренным! В моем сердце живет гордость. Я сейчас уезжаю из Ньюмаркета, может, навсегда. Какое суетное хождение в этом мире! Как благословенно иметь дом за облаками, небесный, вечный!

17 июня — Покинул Ньюмаркет в шесть часов, в двенадцать был в Стемберне. Дедушка чувствует себя очень хорошо. Сегодня было благословенное путешествие. Жизнь — это путешествие. Я знаю, что однажды

достигну благословенного конца в нескончаемом блаженстве. Что я могу написать, что подобно суверенной благодати? Это чудо, совершенное чудо, что Бог так любит человека, что Он умирает за него и избирает его еще до основания мира.

19 июня — Мой день рождения. Уже шестнадцать лет я живу в этом мире, и все еще мне не исполнилось шести месяцев! Я очень молод в благодати. Сколько времени я потерял, мертвый в преступлениях и грехах, без жизни, без Бога на свете! Какая милость для меня, что я не утонул в своих грехах! Как прекрасно мое призвание, как величественно мое избрание: я родился от Господа — возродился! Помогите мне жить достойно — больше, чем когда-либо, как это подобает святому!

20 июня — Поистине, «мои межи прошли по прекрасным местам; наследие мое приятно для меня». В солнечный день мне нетрудно любить Христа. Мне хотелось бы любить и ценить Его при всех обстоятельствах жизни!»

(Повседневный дневник заканчивается. Следуют немногие недатированные заметки.)

С первых шагов своей духовной жизни Сперджен делился своими переживаниями с родителями. Следующие письма, которые он написал после своего возвращения в Ньюмаркет в возрасте пятнадцати лет, говорят о его первой любви к Богу.

Мой дорогой отец!

Ньюмаркет, 30 января 1850

Я очень счастлив, и у меня все хорошо, лучше здесь на земле уже не может быть, где я странник и пришелец, как и мои предки. Нас в интернате всего четверо учеников и двенадцать дневных учеников. У нас хороший маленький математический класс, и для учебы у меня столько же времени, как и раньше. С мистером Свиндел я могу часто беседовать о духовных вопросах, в чем я особенно нуждаюсь. Какой малополезной была моя жизнь до сих пор! Как долго я был слеп по отношению к небесным чудесам, которые сейчас в какой-то мере могу понять! Как можно не говорить о чудесной любви Иисуса, которая открыла мои глаза! Теперь я могу видеть Его, я могу доверить Ему мое вечное спасение. Иногда я снова сомневаюсь или унываю. Но потом вера возвращается, и я снова уверен, что принадлежу Ему. Теперь я чувствую, что все могу сделать для Христа и все отдать, но я знаю, что все это ничто по сравнению с Его любовью. Я знаю, что мне не нужно пытаться чем-то воздать Ему. Как

драгоценна молитва! Я бы всегда молился. Как драгоценна Библия! Еще никогда я не любил ее так сильно. Она мне кажется такой же необходимой, как хлеб. Я чувствую, что в моей духовной жизни нет ничего моего, все вложил в меня Дух Святой. Я чувствую, что не смог бы жить, если бы Он оставил меня. Я боюсь и трепещу, что могу огорчить Его. Я боюсь лени и гордости, так как могу опозорить Евангелие пренебрежительным отношением к молитве или к Писанию, или сделав грех против Бога. На самом деле, это будет счастливое место, где не будет никакого греха и мы не будем иметь эту испорченную природу. Если я смотрю на ужасную пропасть, из которой я спасен, то трепещу, что снова могу упасть туда, но радуюсь, что живу теперь на царской улице. Простите меня, что так много пишу о себе, но в данное время это занимает все мои мысли.

Разве из Писания не ясно, что сразу же после принятия Иисуса Христа мы должны открыто исповедовать Его? Я твердо верю, что крещение — это повеление Христа, и я буду плохо чувствовать себя, если не приму его. Я не достоин его, но я не достоин и любви Христа. И если я получил одно благословение, то мне нужно приобрести и другое. Тебя и мою любимую мамочку я сердечно приветствую. Кажется, что сейчас я люблю вас еще больше, чем раньше, потому что люблю Иисуса Христа. Я надеюсь, что ты, папа, милая мамочка, Эрджер, Элиза, Эмилия, Луиза и Лотти здоровы. Передай им всем привет...

Да благословит нас обильно Господь!

Остаюсь ваш верный и любящий сын

Чарльз Г. Сперджен.

Моя милая мамочка!

Ньюмаркет, 19 февраля 1850

Я надеюсь, ты простишь мне долгий промежуток времени между письмами; уверяю тебя, что очень занят. С мистером Свиндел каждый вечер учу французский, господин Перрет приходит каждую неделю на один час. У меня сейчас 33 дома, которые я снабжаю трактатами. Я взялся обслуживать один район, который раньше обслуживали мистер Андрей, живший в этом доме, и мисс Анна Свинделл. Следующую среду, значит, завтра, я иду на встречу с теми, кто раздает трактаты. Они были недостаточно активными и хотят начать сначала. В четверг мистер Симпсон хочет прийти ко мне, чтобы поговорить на самую важную тему. Как я хочу что-то делать для Иисуса! Раздавать трактаты — так хорошо и легко, что я не чувствую усталости, и это совершенно нельзя сравнить с огромной благодарностью, с тем, чем я обязан Господу.

Я написал дедушке, и получил в ответ дорогое письмо. Я был в топи уныния. Он послал мне сильное утешение, но есть ли это то, чего я хочу? Я думаю, что больше нуждаюсь в наставлении из-за моего оцепенения и холодного состояния. Я молюсь, как будто и не молюсь, слушаю, как будто не слушаю, читаю, как будто не читаю — так велико мое оцепенение и охлаждение. В субботу и воскресенье у меня было прекрасное оживление. Если я что-то могу делать, то оживаю. Что за ужасное состояние! Мне кажется, что ни одно истинное дитя Божье не могло так холодно смотреть на любовь Иисуса и Его совершенное искупление и так мало думать об этом. Почему мое сердце не всегда горячее? Может, это из-за моих грехов? Я боюсь, что это охлаждение может быть первым шагом к смерти — духовной смерти.

Я все еще чувствую свою собственную слабость, что я ничто, что я не способен изменить что-то в себе и сделать что-то от себя. Я прошу Господа, чтобы мне не потерять это положение, так как уверен, что предоставленный сам себе, потеряю его. И если я отрезан от Того, Который является моей крепостью, тогда филистимляне приведут в действие мое греховное сердце и навеки закроют мои глаза для всех духовных богатств. Дорогие папа и мама, молитесь за меня! О, если бы и Иисус молился за меня! Тогда я был бы свободен от горести и навеки спасен.

Я хотел бы всегда больше читать Библию и с помощью Духа Святого лучше понимать ее. Но у меня так мало времени, так как мистер С. требует от меня греческий и французский.

Я пришел к выводу, что с Божьей помощью скоро смогу открыто исповедовать имя Иисуса и буду принят в Его Церковь здесь, на земле. Эта честь — трудная... Дедушка поощряет меня к этому, и я надеюсь скоро исполнить то, что будет для меня обязанностью и преимуществом. Я убежден, что тогда буду чувствовать на себе узы Господа и еще сильнее буду видеть необходимость жить достойно этого. Моя совесть убедила меня, что это моя обязанность — быть со Христом погребенным в крещении, хотя я уверен, что крещение не спасает. Я очень радуюсь, что ты не против этого. Мистер Свинделл — баптист.

Ты, видно, сильно испугалась, когда упал камин, какая милость, что никого не поранило! Здесь буря наделала много ущерба. Моя простуда — такая же, как и дома, но было хуже. Я буду по возможности очень осторожен и, думаю, она скоро пройдет. Как поживают малыши? Приветствуй их от меня, а также Эрджера и Элизу. Как у Эрджера успехи? Я с любовью приветствую тебя и папу.

Надеюсь, что у вас все хорошо. Остаюсь ваш любящий сын

Чарльз Гаддон Сперджен.

Мой любимый папочка!

Ньюмаркет, 12 марта 1850

Сердечно благодарю за твое неожиданное, дорогое и назидательное письмо... Сердечный привет моей любимой мамочке, я надеюсь, что ей скоро будет лучше.

На последнем членском собрании меня предложили на крещение. Но еще никто не приходил, чтобы беседовать со мной. Я надеюсь, что теперь буду вдвойне более осторожным и верным в молитве. Как может христианин жить счастливо, или вообще жить, если бы он не был уверен, что его жизнь во Христе и что Господь держит его? Я уверен, что не осмелился бы сделать этот решительный шаг, если бы не был уверен, что Всемогущий — моя крепость, и Пастырь Израиля — мой защитник. Молитва для меня — то же, что питание в детстве у материнской груди. Хотя мне и не всегда вкусно, я все же уверен, что не мог бы жить без этого.

Даже топь уныния можно пройти с помощью молитвы и веры. Слава нашему Господу! Мое уныние исчезло, как туман, от Солнца праведности, Которое осветило мое сердце. «Поистине, Бог добр к Израилю». В глубочайшей тьме я решил, что если бы даже не было никакого другого луча надежды, даже если я должен навеки погибнуть, буду любить Иисуса и стараться жить по Его заповедям. Когда я принял это решение, исчезли все облака. Если они вернутся, я их не боюсь, потому что мой Друг имеет силу.

У меня такая проблема: у меня нет ничего, что я мог бы отдать ради Иисуса, ничего, в чем бы я мог показать мою любовь к Нему. То, что я могу делать, это мало. А что я делаю, — еще меньше. Искушитель говорит: «Ты ничего не отдаешь ради Христа; ты только следуешь за Ним, чтобы быть спасенным. Какие у тебя доказательства?» Тогда я говорю ему, что я отдал свою самоправедность, а он говорит: «Да, но только тогда, когда ты увидел, что она как запачканные лохмотья!». Тогда мне нужно только ответить, что я ничем не могу воздать от себя.

(В четверг после обеда)

Только что получил приветливое письмо от моей любимой мамочки. Большое тебе спасибо за почтовый перевод. Я не знаю, какие финансовые обязанности имеет член церкви. Я должен делать то, что ты говоришь мне.

(Здесь вырезан кусок из письма.)

Я рад, что брату и сестре уже лучше. Еще раз всех сердечно приветствую. Дорогой отец, я твой любящий сын

Чарльз.

Мой дорогой отец!

Ньюмаркет, 6 апреля 1850

Тебя обрадует весть, что в последний четверг меня приняли в церковь. О, если бы я теперь больше старался жить достойно Того, Кто дает уверенность вечного спасения! Из-за моих сомнений о крещении я еще не принимал участие в Вечере Господней, моя совесть только тогда разрешит мне, когда уже буду крещен. Если бы я так поступил, то зашел бы слишком далеко, так как убежден, что крещение — это путь свидетельства, данный Христом. Это единственное, в чем я твердо убежден, — в вопросе крещения. Я ненавижу мысли, что тоже мог что-то сделать для своего спасения. Я очень хорошо знаю испорченность моего сердца, чтобы понять, что я ни на йоту не мог продвинуть свое спасение, но что мое старое испорченное сердце только мешало бы, если бы мой Искупи-тель не был бы таким сильным и не действовал бы так, как хотел.

С последнего четверга физически чувствовал себя плохо, но могу сказать, что моя душа была почти на небе. Я мог очень ясно видеть свое право, и знаю и верю: прежде, чем погиб бы один из самых ничтожных Божьих детей, Бог Сам перестал бы существовать, сатана победил бы Царя царей и Иисус Христос перестал бы быть Спасителем избранных. Может, страх и сомнение скоро атакуют меня, я не буду бояться их, так как мой Отец усмотрел это. Он знает лучше всех. Если бы Его милость больше никогда не возвратила меня домой, и если я даже до смерти должен был сомневаться, то все же верно: «Твердое основание Божие стоитб имея печать сию: познал Господь Своих». Теперь я понимаю тайну, почему ты смог выстоять испытания последнего времени. Эта вера намного больше, чем кто-то из нас заслуживает. Все, что не ад, — милость. Если бы не суверенная, избирающая и всемогущая милость, я, во всяком случае, никогда бы не смог спастись. Бог говорит: «*Ты будешь*», и если бы даже все силы ада были спущены на настоящего христианина, они не могли бы помешать действию суверенной милости Божьей, так как христианин все равно закричит: «*Я хочу!*». Как же все-таки у меня мало любви для Того единственного, Который обещал спасти меня через такое великое искупление, и Который твердо хочет исполнить Свое обещание!

Я верю тому, что Господь действует среди тех, кому я раздаю трактаты. Господь благословляет мой небольшой труд. Со многими у меня очень интересные и воодушевляющие беседы. О, если бы я мог испытать,

чтобы хоть один грешник пришел к Иисусу! Как я жажду того времени, когда Бог решит сделать меня, как и тебя, мой отец, преуспевающим проповедником Евангелия! Я почти завидую тебе за такое право. Пусть роса Ермона и плодоносная сила Духа Святого лежит на твоём труде! Твой недостойный сын пытается молиться за тебя и за маму, чтобы милость и мир были с вами. О, если бы милостивый Бог склонил к себе сердце Эрджера и сделал его участником Своей благодати! Спроси его, готов ли он поверить мне, что одна капля радости веры значит больше, чем десять тысяч океанов радости необращенных. И еще спроси его, не хочет ли он испытать это. Сердечно приветствуй мою милую мамочку от меня...

Так как мистер Кентлоу снова будет крестить в этом месяце, я смиренно прошу твоего согласия, так как не хочу действовать против твоей воли, и в следующем месяце очень охотно приму участие в Вечере Господней. Я не сомневаюсь в твоём разрешении.

В надежде, что вы все здоровы, остаюсь ваш любящий сын, не только по плоти, но и по вере

Чарльз Гаддон Сперджен.

Моя милая мамочка!

Ньюмаркет, 20 апреля

Каждое утро я жду письмо от папы, я так хочу, чтобы он ответил мне. Уже целый месяц я не получал от него писем. Дайте мне, пожалуйста, или свое согласие на крещение или отказ. Неопределенность мучает меня. Сегодня двадцатое, а крещение будет в конце месяца. Мне жаль, что я снова не смогу принять участие в Вечере. По моим убеждениям, я пораню свою совесть, если буду принимать участие в Вечере Господней некрещенным. Когда мне на членском собрании задали подобный вопрос, я ответил, что никогда не сделаю этого.

Я часто думаю о вас, вы остаетесь голодными, мистер... дает вам только косную риторику и пустые слова. Какая это милость Божья, что вы не нуждаетесь в духовном утешении от него. Я надеюсь, что вы скоро перестанете следовать за этим облаком без дождя, так как думаю, что у него мало содержания. Моя милая мамочка, почему ты не пойдешь послушать моего друга мистера Лэгфорда? Он искренний баптист. Думаю, что его проповедь может послужить благословением для Эрджера, Элицы и моей сестренки, как и для меня. Может быть, не стоит обращать внимание на маленькие различия в учении? Бог может спасти кого хочет и где хочет.

Я думаю, что мог бы написать это письмо в таком чудесном месте, и

чтобы надо мной веял теплый воздух с Бьюлы. Капля радости, которую я почувствовал, равноценна жизни страданий. Я боюсь быть довольным этим миром.

Сердечные приветы тебе, любимому папе, Элице, Эрджеру, Эмили, Луизе и Лотти. Я надеюсь, что вы все здоровы. Я чувствую себя намного лучше, спасибо за рецепт.

Остаюсь, дорогая мамочка, вашим любимым сыном

Чарльз.

Р. С. Если я буду крещен, то это будет в реке. Я войду в воду с некоторыми другими... Я убежден, что хорошее свидетельство перед многими свидетелями будет скрепляющим звеном между мной и моим Учителем, моим Искупителем и моим Царем.»

Моя милая мамочка!

Ньюмаркет, 1 мая 1850

Да повторится еще не раз твой день рождения! Я желаю тебе этого, твердо веря, что мое пожелание осуществится, так как в небе тебе уготована вечность счастливых дней. Пусть в последующие дни твоя жизнь протекает под любящим благоволением Бога мира. Пусть радость и пение будут твоими попутчиками к прекрасному месту небесного покоя! Твой день рождения теперь будет иметь двойное значение, так как 3 мая твой мальчик, за которого ты так часто молилась, на которого надеялась и за которого страшилась, твой первенец, будет членом видимой церкви искупленных на земле и через открытое свидетельство вдвойне свяжет себя с Господом, своим Богом. Ты, моя мама, была в руках Божьих замечательным орудием, которое сделало таким, каков (надеюсь) я есть. Твои любвеобильные и предостерегающие воскресные беседы глубоко легли в мое сердце, и я не могу забыть их. При Божьем благословении ты готовила почву для проповеданного слова и для святой книги «Путешествие пилигрима». Если у меня вообще есть какая-то смелость, то я готов последовать за моим Спасителем не только в воду, но, если Он позовет меня, и в огонь. Я люблю тебя, ведь ты учила меня не бояться, я люблю тебя, мою молящуюся и бодрствующую мать. Думаю, что невозможно, чтобы я перестал любить тебя или ты меня, и тем более невозможно, чтобы Бог, наш Отец, перестал любить нас обоих, даже если бы мы сомневались или были непослушными. Я надеюсь, что однажды у тебя будет большой повод радоваться тому, что я, недостойное орудие Божье, проповедую другим людям, потому что обещал в силе Того, Который есть моя крепость, именем Возлюбленного, все свое время посвятить Его делу.

Не кажется ли тебе, что я бы плохо начал, если бы отказался от крещения, в то же время зная, что это мой долг? Если ты сейчас счастлива так же, как я, тогда могу только пожелать, чтобы твое состояние и дальше было таким. Я же чувствую себя самым счастливым на всей земле!

Надеюсь, что твоя поездка понравилась тебе. Думаю, она поможет тебе поправить здоровье. Я не осмеливаюсь просить тебя писать мне, так как знаю, что у тебя очень много работы, и от тебя многое требуется. Надеюсь, дорогая мамочка, что мое письмо не принесло тебе никакой боли.

Сердечные пожелания тебе, я не буду делать ничего из того, что могло бы причинить тебе боль. Остаюсь твой любящий сын

Чарльз Гаддон.

Тебе и дорогому папе приветы от супругов Свинделл.

Моя милая мамочка!

Ньюмаркетская академия, 11 июня 1850

Огромное спасибо за твое бесценное письмо. Ты редко пишешь мне, и каждое твое письмо для меня — настоящее сокровище.

У меня действительно есть многое, за что я могу славить Господа, когда думаю о Его Божественном суверенитете и вижу, что мое спасение покоится на Его большой искупительной любви. Он избрал меня быть сосудом благодати и, несмотря на все препятствия изнутри и снаружи, Он завершит Свое дело. Он дает больше, чем достаточно, доказательств того, чтобы я полностью посвятил себя Ему — Ему, Который приобрел меня вечным искуплением. Я могу теперь положиться на Его драгоценные обетования, и чувствую, что могу быть вполне уверен в них, даже если я и не такой святой, как самый великой святой на небе.

Мне дважды представлялась возможность говорить к детям воскресной школы, и я пытался сделать это как умирающий к умирающим. С Ньюмаркетом меня связывают святые узы. У меня семьдесят людей, которых я постоянно посещаю в воскресенье. Я не только даю трактат и ухожу дальше, но сажусь и пробую направить их внимание на духовную действительность. Я имею много доказательств, что Господь помогает мне в этой работе, — люди приветливы и радуются при виде меня. Я не могу даже представить себе, чтобы оставить их. Мы так слабы здесь, что даже самый слабый необходим и без него нельзя обойтись. Молитвенные собрания посещаются хорошо, но приходит так мало мужчин. Они молятся, чтобы меня надолго оставили у них...

Дедушка написал мне. Он не против, что я стал баптистом. Я надеюсь, что Господь ежедневно будет отучать меня от самовозвышения и будет

учить меня смотреть на себя, как на ничего не значащего. Я знаю, что без Него я полностью мертв. Это Его труд, и я убежден, что увижу лицо Моего Возлюбленного в доме Его славы!

У меня много врагов, и их ненависть ужасна, но если Иисус на моей стороне, чего мне бояться? В силе Его всемогущества я буду идти к прекрасной победе. Я радуюсь, что Сара тоже избрана Богом, что двое из нас в одном доме в одно время познали Искупителя. Мы брат и сестра в Господе, так пусть наш Отец часто посещает нас в Своей милости! Я так хочу увидеть тебя. Да стучит твое сердце в унисон с моим, если мы вместе будем говорить о прекрасных евангельских истинах, о вечной жизни. Тебе и папе много любящих приветов. Да будет ангел завета с тобою. Передай привет Элизе, Эрджеру (сердечные пожелания на день рождения), Эмилии, Лотти и Луизе, да станут в нашем доме и они членами церкви! Я радуюсь, что тебе так хорошо. Мне тоже хорошо, но я напряженно готовлюсь к экзаменам. Позволь мне оставаться твоим любящим сыном

Чарльз.

10. Доброе свидетельство

Я прекрасно помню те трудности, которые возникали у меня, когда я уже покаялся и хотел присоединиться к христианской церкви в Ньюмаркете. Четыре дня подряд я искал пастора для беседы, и каждый раз что-то мешало. Так как возможности встретиться с ним никак не предоставлялось, я написал письмо и объяснил, что пойду на следующее членское собрание и заявлю о желании быть членом церкви. Ему это показалось странным, но я думал так, как говорил, потому что чувствовал, что не могу быть счастливым без общения с народом Божиим. Я хотел быть там, где они, и если кто-то насмехался над ними, то и я хотел терпеть вместе с ними. Если люди называли их скверным словом, то я тоже хотел называться этим словом, так как знал, что не могу ожидать, что буду царствовать вместе со Христом в Его славе, если не готов страдать вместе с Ним в смирении.

После того как меня приняли членом церкви в Ньюмаркете, меня пригласили на Вечерю Господню, хотя я еще не был крещен. Я отклонил это, потому что мне казалось, что это не согласуется с порядком Нового Завета: «Итак, охотно принявшие слово его крестились, и присоединилось в тот день душ около трех тысяч. И они постоянно пребывали в учении Апо-

толов, в общении и преломлении хлеба и в молитвах» (Деян. Ап. 2,41-42). Итак, я долго ждал, прежде чем смог подойти к столу Господа как один из тех, которые уверовали и крестились. Я ходил с моим отцом и бабушкой в дом Божий, но понимал, что теперь, когда сам стал читать Священное Писание, то сам ответствен за себя. Я знал, что мой отец и бабушка брали на руки маленьких детей, капали на их лицо несколько капель воды и говорили, что они крещены. Но в своей Библии я ничего не мог найти о детях, которых крестили. Я немного учил греческий, но не мог найти, что слово «крещение» означает то же самое, что «окропление». Итак, я сказал сам себе: «Они добрые люди, но здесь они могут понимать неправильно. Если я люблю и уважаю их, — это еще не причина, чтобы делать все как они». И, когда они услышали это, то признали, что это было моим честным убеждением. Они знали, что я поступаю по своей совести.

Я считаю крещение несовершеннолетних детей таким же глупым, как крещение парохода или колокола. Для каждого случая есть достаточно библейских доказательств. Поэтому я вышел из моей родни и стал тем, кто я есть сегодня, — баптист, так, по крайней мере, меня называют. Но я все-таки надеюсь, что я больше христианин, чем баптист. Нередко человек идет в свою церковь, потому что не хочет оставить церковь своих отцов. Я же не придаю большого значения такому обмену. Я бы лучше принадлежал той деноминации, что и мой отец, не желая намеренно отделяться от моих друзей и оставляя определенную группу или деноминацию. Но для меня Бог должен стоять над моими родителями. Даже если наши родители занимают в нашем сердце место на самом вершине, мы любим и уважаем их, и во всех других вопросах послушны им, даже если речь идет о религиозных вопросах, но все же мы утверждаем, что имеем право решать за себя и верно следовать нашему решению.

Однажды я встретил человека, который уже сорок лет был христианином. Он верил, что должен креститься. В разговоре со мной он сказал: «Кто верит, не должен спешить». После того, как он сорок лет тянул с этим делом, он все еще говорил то же самое. Я процитировал ему другое место Писания: «Я спешу и не медлю исполнить Твои заповеди».

Крещение — это пункт разделения церкви и мира. Оно прекрасно объясняет смерть крещенного человека. После своего собственного свидетельства он уже больше не от мира. Крещенный погребен для мира, он воскресает к новой жизни. Никакой другой символ не мог бы объяснить это яснее. Крещение — это шаг через Рубикон. После того, как Цезарь перешагнул Рубикон, между ним и римским сенатом уже никогда не было

мира. Он вынул свой меч и отбросил ножны. Такое же значение имеет для верующих крещение. Принимая крещение, человек сжигает за собой все мосты, и этим говорит миру: «Для меня нет дороги назад, я мертв для тебя. Чтобы доказать это тебе, меня погребают. У меня с тобой больше нет ничего общего. Я принадлежу Христу, и всегда буду принадлежать Ему». После этого следует Вечеря Господня. Как хорошо показывает этот поря-док отделение верующего от мира и то, чем поддерживается его жизнь!

Это путь спасения — поклонение, молитва, вера, исповедание и, если люди хотят быть послушными, если они хотят следовать Библии, тогда это исповедание должно происходить таким образом, как у Христа: через крещение в воде во имя Отца и Сына и Духа Святого. Бог повелевает это; и если люди и без крещения спасаются, и если большие массы людей достигают неба, ни разу не погрузившись в воду, и если крещение не спасает — и тогда нельзя быть непослушным. Я должен сделать ударение на этом, потому что Бог дал такое повеление. Иисус сказал Своим ученикам: «Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари. Кто будет веровать и креститься, спасен будет; а кто не будет веровать, осужден будет». Молитвенник церкви Англии подтверждает погружение. Он говорит, что только слабые дети должны быть окроплены. Это же просто удивительно, сколько слабых детей родилось в последнее время!

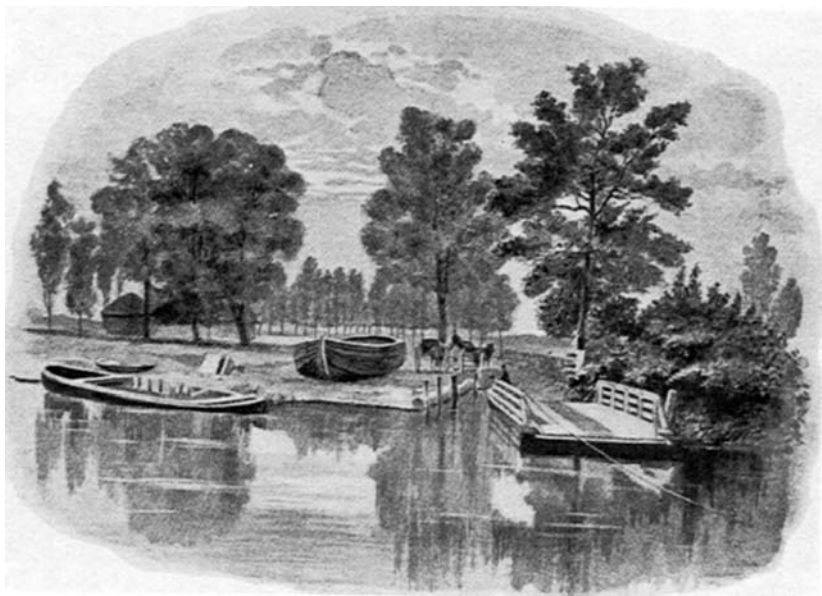
Я желал бы, чтобы все прихожане стали лучшими прихожанами. Я стал баптистом, читая Новый Завет, особенно на греческом. И получил поддержку своего решения в одном абзаце из катехизиса церкви Англии, который объясняет в предисловии к крещению, что прежде нужно измениться и получить прощение грехов. В Священном Писании я также читал, что верующий во Христа должен быть погребен вместе с Ним и открыто начать жизнь христианина. Поэтому я стал искать баптистского пастора. Но я не мог найти такого, который жил бы вблизи Ньюмаркета, а нашел только в Алсхейме в графстве Фен. Там нес служение пастора в церкви баптистов известный В. В. Кентлоу. Этот пастор организовал крещение, и мой работодатель дал мне для этой цели один день отпуска.

Я не могу забыть 3 мая 1850 года. Это был день рождения моей матери, до моего дня рождения оставалось несколько недель — скоро мне исполнится шестнадцать лет. Я очень рано встал, чтобы иметь несколько часов для тихого общения с Богом и для нового посвящения себя Богу. Чтобы прийти на место, где меня должны были крестить соответственно святому повелению во имя триединого Бога, мне нужно

было пройти пешком примерно двенадцать километров. Что это был за путь! Какие мысли и молитва наполняли меня во время этого утреннего путешествия! День был прохладным, и он лучше всего подходил для трехчасового путешествия.

Улыбка на лице пастора Кентлоу полностью возместила этот марш. Я еще и сейчас вижу его перед собой, как он стоял со мной перед кучей белой золы сгоревшего торфа и говорил о торжественной церемонии. Мы вместе вошли в будку паромщика, так как друзья из Алсхэйма еще не настолько дегенерировали, чтобы перенести крещение в помещении и провести его в ванной. Они использовали очень большой баптистерий реки. Будка паромщика в Алсхэйме на реке Ларк — очень тихое, спокойное место. Она находится примерно в километре от города и редко кто нарушает этот покой независимо от времени года. Сама река очень хорошая, она отделяет область Кембриджа от Сафолка.

Будка паромщика служила пастору и крещаемому для переодевания. На том месте, где в рабочие дни встречали пароход, стояли пастор и несколько слушателей. Но если крестили в воскресенье, то проповедник стоял в лодке на середине реки и проповедовал слушателям, стоявшим на обоих берегах.

Место парома на реке Ларк около Алсхэйма; здесь Сперджен был крещен 3 мая 1850 года.

В воду заходили в том месте, где свободно могли стоять трое человек. Я помню, что во время богослужения перед крещением на мне была кофта с отложным воротником, какие в то время носили молодые люди, но я ничего не могу вспомнить о богослужении. Мои мысли были в воде, иногда — с моим Господом в радости, а иногда с самим собой — в трепетном страхе перед таким открытым свидетельством. Вначале крестили двух женщин: Диану Вилькинсон и Юнию Фуллер, а меня попросили провести их через воду к пастору. Но я боязливо отклонил это. Для меня все это было ново. Я еще никогда не присутствовал при таком крещении и боялся сделать ошибку. Когда подошла моя очередь, на реке как раз поднялся ветер. После того как я сделал несколько шагов в воде и увидел на пароме, в лодках и по обе стороны реки всех людей, у меня было такое чувство, как будто на меня смотрели небо, земля и ад, но я не стыдился. Я отдался на смерть как последователь Агнца. Мой страх улетучился, он с потоком воды уплыл в море и, видно, был съеден рыбами, так как с тех пор я ничего подобного не ощущал. Крещение освободило мой язык. С этого дня я больше не мог молчать. Там, в реке Ларк, я потерял тысячи страхов и убедился, что Слово Божье исполняется: «Кто исполняет заповеди, тот имеет большую награду». Внешние знаки часто служили тому, чтобы живо открыть разуму и сердцу духовное значение вещей. Поэтому мы должны любить их ради Господа, Который установил этот порядок и Сам когда-то подчинился ему.

Когда меня спрашивают, почему я крестился именно так, то я отвечаю: «Так как верю, что этот порядок установил Христос, Который очень ясно связал его со Своим именем. «Кто будет веровать и креститься, спасен будет». У меня не было суеверного представления, что крещение должно спасти меня, так как я был спасен. Я также не стремился к тому, чтобы мои грехи были смыты водой, так как верю, что Иисус Христос уже простил их мне по вере моей. Я понимаю крещение как данный верующему видимый знак очищения, прообраз погребения вместе с Господом и внешнее подтверждение его возрождения. Я не надеялся на крещение, но надеялся на Иисуса, как моего Спасителя и следовал примеру, который Он дал при Своем крещении в Иордане. Я выполнил это повеление не внешне, чтобы стать баптистом, но чтобы быть христианином — по примеру апостолов, так как они тоже крестились, когда уверовали.

Если я нахожу неправильным быть баптистом, тогда я должен был бы выйти оттуда и делать то, что считаю правильным. Особенность учения баптистов состоит в том, что они не признают никакого авторитета,

который исходит не из Слова Божьего. Они не придают никакого авторитета своим отцам, они не беспокоятся об авторитете своих матерей, если то, что те говорят, не согласуется с учением евангелистов, апостолов и пророков, и особенно — с учением Самого Господа. Если бы мы могли найти повеление о крещении детей в Слове Божьем, тогда мы приняли бы его. Оно вывело бы нас из многих затруднений. Оно сохранило бы нас от упреков, что мы какие-то странные, так как не поступаем так, как другие люди вокруг нас. Но мы очень тщательно исследовали Библию и не могли найти там ничего о крещении детей, и мы верим, что этого там нет. К тому же мы не верим, что другие могли найти его в Священном Писании, если только они сами предварительно не вложили его туда.

Наших отцов называли перекрещенцами (анабаптистами), так как их противники утверждали, что они перекрещивали крещенных. Естественно, они не делали этого. Они крестили людей на основании их веры, — людей, которые раньше были окроплены как ничего не знающие грудные младенцы. Следовательно, это не перекрещивание и не новое крещение, но что-то совершенно другое. Я мог бы рассказать многие истории о таком перекрещивании. Один из пресвитеров церкви в Табернакле был крещен четыре раза в обычном понимании слова «крещение»: первый раз младенца окропили, но он был таким больным и слабым, что исполнили только половину ритуала, записанного в молитвенную книгу. Когда ему стало лучше, его снова принесли в церковь, чтобы закончить крещение, но пастор по ошибке дал ребенку имя девочки. Родители ребенка не хотели, чтобы их сына звали неправильным именем, и в третий раз принесли его в церковь. Когда же он вырос и покался, я крестил его согласно Писанию. Церковь Англии предприняла три попытки крестить его, и каждый раз им это не удавалось.

11. Начало служения Господу

Я не могу себе представить никакого единства с Господом без позволения трудиться для Него. Если бы Ему понравилось спасти нас посредством Своей драгоценной Крови, и затем Он отпустил бы нас ни с чем, не дав нам поле для труда, тогда мы имели бы ограниченное общение с Ним. Но — я говорю из опыта! — у нас не будет никакого общения со Христом, которое было бы так живительно и реально для души, как то,

если я попытаюсь приобрести для Него одну душу. О, если я борюсь со сложностями этой души, если должен плакать из-за ее каменного сердца, если начинаю излагать ей аргументы Божественной милости, то сам полностью отступаю на задний план. Если я в полном духовном изнеможении думаю, что лучше пусть я быстрее умру, чем эта душа погибнет, тогда мне открывается сердце Того, Кто со слезами и кровавым потом, со смертельными ранами показал, как сильно Он любит бедных погибающих людей.

Я помню, что никогда больше не желал так серьезно спасения души моих близких, как именно тогда, когда начал любить моего Господа. Я не мог проповедовать и не думал о том, чтобы свидетельствовать перед многими людьми, но я на небольших листочках писал маленькие тексты и бросал их куда-нибудь — в надежде, что какая-нибудь бедная душа поднимет этот листочек и примет его как благодатную весть для своей души. Я не мог прожить и пяти минут, чтобы хотя бы что-то не сделать для Христа. На улице я раздавал трактаты, а когда сидел в поезде, то бросал трактаты из окна. Если у меня было время, то я сидел над Библией или стоял на коленях. При беседах я всегда пытался перевести тему на моего Господа. Очень возможно, что в раннее время моей христианской жизни я многое сделал не совсем правильно, служа делу Божьему. И все равно я желал бы вернуть это время со всеми его несовершенствами и торопливостью — только из-за любви к Господу, которая чрезвычайно влияла на мой дух, когда я слушался повелений моего Господа. Для меня это было истинным удовольствием — служить моему Богу.

С каким удовлетворением я снова шел в тот амбар, где через щели в черепичной крыше я мог видеть звезды и любил слушать простое наставление из Слова Божьего. Эти слова сопровождались шорохом обоев, движимых ветром... Для меня более важна была сама драгоценная жемчужина, чем та ракушка, в которой она находилась, и мне было все равно, была ли она уже разбита и как долго мне нужно идти, чтобы найти ее. Амбарная лестница прогибалась под моей тяжестью, поврежденный стул предлагал мало удобств, жара и спертый воздух выгнали моего спутника... Но я чувствовал себя дважды награжденным, когда ученик Иисуса нарисовал перед моим взором Его любовь, верность и милость. Он являлся живым примером того, что самые презируемые слуги Господа являются избранными инструментами в утешении блуждающих душ и в укреплении их веры.

Я всегда благодарен, если воскресной школой интересуются люди,

имеющие определенное положение в обществе. Во многих наших церквях я замечаю большую ошибку в том, что детей доверяют молодым людям. Верующие постарше, с большей мудростью, едва обращают внимание на воскресную школу; более богатые члены церкви поступают так, как будто занятия с бедными — не их дело. Я надеюсь, что наступит тот день, когда сильный Муж в Божьем Израиле примет участие в этом большом сражении против врага. В Америке мы слышали о президентах, судьях, членах конгресса и других личностях с высокими постами, для которых было честью — и никакого унижения! — заниматься с малышами в воскресной школе. Кто трудится в воскресной школе, того чтят. К таким учителям относятся обладатели высших ученых степеней академии. Я вспоминаю о той радости, которую приносило мне скромное служение после моего покаяния. Я целую неделю находился в школе, но в субботу после обеда был свободен, и хотя сам еще был молод и мог бы употребить это время для чего-то другого, я раздавал трактаты и посещал с моим богатством бедных. Воскресенье принадлежало воскресной школе. Когда я начал занятия, то сказал ученикам своего класса, что Иисус Христос спасет всех, кто верит в Него.

— Учитель, — спросил один мальчик, — вы верите в Него?

— Да, — ответил я, — я надеюсь, во всяком случае.

— Но вы не уверены?

Видя, что мальчик не был доволен моим ответом, я стал размышлять. Кто верит Христу, тот спасен — вдруг я понял, что не могу продолжать занятия, пока не смогу положительно ответить: «Да, я знаю, что это так и есть». Я должен уметь говорить о том, что я видел, слышал и осязал, — о Слове жизни. Мальчик был прав: истинное свидетельство может дать только тот, кто убежден в своем спасении и знает радость в Господе.

Как только мои ученики начинали скучать, их мысли начинали блуждать. Это побудило меня к тому, что я решил разнообразить занятия историями и примерами. Навел меня на эту мысль один ученик, который прервал занятия вопросом: «Не могли бы вы рассказать какой-нибудь рассказ? Иначе я засну». Я исполнил его желание, и у меня вновь были внимательные ученики.

Каждую неделю учителя воскресной школы встречались для подготовки воскресного урока. В конце кто-то из братьев должен был по очереди с руководящим братом сказать несколько слов к тексту. Естественно, подошла и моя очередь. После этого руководящий брат предложил мне в воскресенье говорить в воскресной школе вместо

него, и когда я исполнил это, то должен был говорить каждый раз. Но я считал, что это неправильно по отношению к другим учителям, и мы продолжали говорить по очереди.

В воскресную школу приходили и люди постарше, и постепенно помещение наполнялось. Вскоре все это больше было похоже на служение проповедника, чем на воскресную школу, что не понравилось старому пастору. Я говорил, как только мог, и всегда очень хорошо готовился. Несмотря на то, что был еще совсем молодым, я говорил себе, что должен полностью отдать себя, а это значит — учиться, молиться, читать и не угашать Духа Святого. И прошло совсем немного времени, как я почувствовал, что мои слушатели принимают то, что я говорю. Но с какой серьезностью я все это делал! Часто думаю, что в то время я лучше говорил, чем потом, в поздние годы, так как говорил с трепетом и от сердца. Когда в воскресенье я говорил понемногу в разных деревнях, а позднее — каждый вечер, слова исходили из сердца каждый раз все более свежими. У меня было мало времени читать, главной пищей были для меня Библия и переживания, но все это исходило из сердца — без сомнения, неловко и слабо, с некоторым юношеским безрассудством, но все же с горячим желанием — привести человека к Богу. Иметь возможность привести к Богу одного старого бедного человека или одного молодого, моего возраста — для этого я с радостью отдал бы свою жизнь. Поэтому в те юные годы призыв на служение означал для меня большую радость, и я думаю, что Господь сохранит эту радость и в Своем старом слуге. Когда-нибудь я состарюсь и надоем людям, Он — никогда! Он услышит мою молитву: «Господь мой, не отпускай меня с Твоего служения!»

Я могу честно сказать, что всегда делал моим ближним что-то благословенное, чувствуя, что я должен это делать. До того, как я начал работать в воскресной школе, меня звали, просили, даже упраскивали взять один класс. Я не мог отказаться. От меня потребовали, и я дал то, что имел. Я всегда чувствую какой-то импульс, которому не могу противостоять. Но я больше всего чувствовал себя поставленным Богом в такие ситуации, которые находил довольно хорошими, и от которых — даже если бы желал этого — я не смог бы отказаться.

Я не могу забыть, как однажды стоял у кровати одного мальчика из воскресной школы. Он видел в своем доме мало хорошего, и в семнадцать лет уже был алкоголиком. Он допился до смерти. Я видел его, говорил с ним, пытался показать ему Христа, и слышал при этом

смертельное клокотание в его горле. Спускаясь по лестнице, я считал людей за безумных. Мне казалось, что эти люди способны ко всему, только не к тому, чтобы подготовиться к смерти. Я видел по дороге возниц экипажей, деловых людей, продавцов и думал: какие безумцы — они тяжело работают, не задумываясь, что будут делать в вечности. Я также понимал, что самым безумным сочту себя, если не буду указывать умирающим грешникам на живого Христа и не буду призывать их возлагать надежду и Им пролитую драгоценную кровь.

12. Защита библейского учения

Истину, которую проповедовали святые мужи Божьи за многие столетия до нас, — эту истину я и сегодня должен проповедовать, иначе я буду виновен перед своей совестью и перед Богом. Я не имею права изменять истину, для меня чуждо сглаживать острые края библейского учения. У меня то же Евангелие, что и у Джона Кнокса. То, что проповедовали в Шотландии, должно быть проповедано и в Англии.

Это прекрасно, когда начинаешь христианскую жизнь, вполне доверяя библейскому учению. Я благодарю Бога, что Он с раннего детства научил меня доверять Евангелию, которое вполне удовлетворяет потребностям моей души, и ничего другого не хочу знать. Постоянная замена исповедания веры означает только ущерб. Если дерево два-три раза пересаживают с места на место, тогда не придется строить большой склад для хранения фруктов с этого дерева.

Хорошо, если уверовавшие люди начинают свою жизнь веры, твердо доверяя фундаментальным истинам, которые Господь утвердил в Своем Слове. Если бы я послушал некоторых проповедников и поверил, что спасение временно, это бы меня никак не устроило. Но когда я познаю, что Бог спасает Своих детей вечным искуплением, дает им вечное оправдание, ставит их на фундамент вечной любви и приведет в вечное Царство, тогда я восхищаюсь, что моим достоянием стало именно такое благословение!

Я не могу понять, почему я был спасен. Есть только одна причина: этого хотел Бог. При самом тщательном исследовании я не могу обнаружить даже совсем малой причины того, почему я стал сопричастником Божественной милости. И если я сейчас имею Христа, то причина только

в том, что Он имеет Свой план по отношению ко мне. Этот план состоит в том, чтобы я был там, где Он, и чтобы я имел участие в Его славе. Венца достоин только Иисус, Который спас меня от моего собственного пути, ведущего к гибели. Оглядываясь назад, я вижу, что за всем этим стоял Бог, Он один. Я не в состоянии факелом осветить солнце, но солнце осветило меня. Когда Он влек меня, я некоторое время противился Ему. В моей душе было естественное противление против всего святого и доброго. Молитвы обо мне были напрасны, предупреждения я отвергал, на грозные удары не обращал внимания. А что касается тихого веяния Его любви, я ставил его ни во что. И сегодня я уверен, что могу сказать: «Он один — мое спасение». Это Он, Который изменил мое сердце и привел меня к покаянию.

Я хорошо помню, как я в одно мгновение постиг учение благодати. Я родился в семье арминианина. Я твердо верил тому, о чем мне всегда говорили с кафедры, и не видел благодати Божьей. Когда я был на пути ко Христу, то думал, что сам найду Его, и хотя я серьезно искал Господа, все же не подозревал, что Он тоже искал меня. Я не верю, что новообращенный знает об этом. Я могу назвать день и час, когда в первый раз сам понял эту истину, которая, как говорит Джон Буньян, была выжжена во мне каленым железом. И я вспоминаю, как ощутил, что в одно мгновение вырос из ребенка в зрелого человека.

Как-то я сидел в доме Божьем. Я не особо задумывался о том, что сказал проповедник, так как не верил этому. Меня пронзила мысль: «Как ты стал христианином?» — Я искал Господа. «Но как ты пришел к тому, чтобы искать Господа?» В это самое мгновение во мне засияла истина — я бы не искал Его, если бы Он не побуждал меня искать Его. «Я молился, — думал я, но потом спросил себя: — А как я пришел к тому, чтобы молиться?» Священное Писание побудило меня молиться. «Как я пришел к тому, чтобы читать Библию?» Я читал ее, но что привело меня к этому?

Тогда в одно мгновение я понял, что Бог является причиной всему, что Он — инициатор моей веры, и так передо мной открылось все учение благодати. С этого времени я не оставлял ее, и хочу, чтобы это было моим постоянным исповеданием: «Моей внутренней переменной я обязан только Богу».

Во-первых, я хочу спросить: Не должны ли мы все признать, что только замысел и рука Божья привели нас в этот мир? Мы не по собственной воле

пришли в этот мир, но Бог решил это за нас. Мы сами не могли выбрать для себя родителей. Бог Сам решил за нас этот вопрос, как и наше место рождения, и наших друзей. Он мог бы дать мне мать язычницу, не знающую Бога. И так же легко мог дать мне благочестивую мать, которая каждое утро и вечер преклоняла свои колени, чтобы молиться за меня.

Удивительно видеть реку, которая берет начало из земли. А что было бы, если бы мы увидели огромный источник, из которого одновременно вытекают все потоки земли? Какое это было бы зрелище! Кто может себе такое представить? И все же любовь Божья — это источник, из которого берут начало все потоки добра, когда-либо радовавшие человечество — все потоки благодати во всякое время. Душа моя! стой у этого святого источника и хвали и прославляй Бога всегда и вечно — Бога, Который является также нашим Отцом, Который возлюбил нас! С самого начала, когда эта огромная Вселенная еще была сокрыта в Боге как нерожденные леса в семени дуба, задолго до того, как эхо пробудило глушь, прежде чем родились горы и задолго до того, как свет осиял небо, Бог уже любил Свое творение. Когда мир еще не существовал, прежде, чем появилось первое творение, в этом одиночестве Божества и в этой глубокой тишине чувства Бога были наполнены любовью к Своим избранным. Их имена были записаны в Его сердце и дороги Его душе. Иисус любил Свой народ прежде основания мира — от вечности! И когда Он по Своей милости позвал меня, Он только сказал мне: «Любовью вечною Я возлюбил тебя и потому простер к тебе благоволение».

И когда исполнилось время, Он очистил меня Своей Кровью. Его сердце истекло кровью за меня, Его сердце задолго до того, как я полюбил Его, было изранено за меня. Когда Он впервые коснулся моего сердца, разве я не отверг Его? Когда Он первый раз постучал в мою дверь и просил позволения войти, разве я открыл Ему? Ах! Я точно знаю, что очень долго я снова и снова отвергал Его, но Он с долготерпением стучал ко мне — и достиг Своей цели: Он привел меня к тому, что я полюбил Его. Умер ли Спаситель за меня, потому что я верил в Него? — Нет, я тогда еще вообще не жил. Видел ли Он, что у меня будет вера и я по собственной инициативе буду доверять Ему? — Нет, Христос не мог этого предвидеть, так как ни один христианин не может сказать, что вера исходит из него без дара и без содействия Духа Святого. Я встречал многих верующих и говорил с ними об этом вопросе. Но я не знаю ни одного, который, положив руку на сердце, сказал бы: «Я верю Иисусу без содействия Духа Святого».

Я должен верить в учение об испорченности человеческого сердца, потому что знаю, что мое сердце испорчено, и имею доказательства, что в моей природе не живет ничего доброго. Если бы Бог заключил завет с несогрешившим человеком, тогда человек был бы личностью непревзойденного значения, и это было бы актом милостивого покровительства Божьего. Но если Бог заключает завет с грешным человеком — очень упрямой личностью, такой завет для Бога будет актом чистой, свободной, богатой и суверенной милости.

Один брат написал под своим портретом: «Спасение от Господа». Это — синоним библейского учения. В Священном Писании я не могу найти другого учения. «Он один — моя скала и мое спасение».

Бог не меняет Своих планов, да и почему Он должен это делать? Он — всемогущий и может делать то, что хочет. Бог — премудрый и поэтому не может неправильно планировать. Он — вечный Бог и поэтому не может умереть, Его план обязательно совершится. Почему Он должен изменяться? Вы, ничтожные атомы земли, насекомые, ползающие по лавровому листу, это вы можете менять свои планы, но Он — никогда.

Я верю, что самые счастливые христиане — те, которые никогда не сомневаются в Боге, но просто принимают Его слово, как написано, верят Ему и не ставят его под вопрос, так как знают, что если Бог так сказал, значит, это так и есть. Уверяю вас, что я не имею никакого основания сомневаться в моем Господе. Он — Бог, Который исполняет Свои обещания.

13. Молодой проповедник в Марчленде

Когда Сперджен оставил школу в Колчестере, чтобы пойти в Мэйдстон, мистер Лидинг, три года учивший его, перешел в Кембридж, чтобы там открыть свою маленькую школу. Шестого августа мистер Лидинг получил от Джона Сперджена письмо с просьбой, чтобы его старший сын работал у него, получив таким образом возможность продолжить свое образование. Ответ на письмо был дан в тот же самый день: «Я уже давно желал того, — писал учитель из Кембриджа, — чтобы ваш сын мог трудиться в деле расширения моей школы. Но мне казалось, что мой небольшой успех не даст этой возможности, так как я настолько высоко чту вашего сына, что никогда бы не посмел давать распоряжения подобные тому, что вы сейчас предложили мне. Я охотно готов помочь

ему в учебе и дать ему кров, пропитание и одежду за его помощь в моей работе... Ваше предложение, которое достигло меня в особенное мгновение, я расцениваю как водительство Божье для моего блага».

И шестнадцатилетний помощник учителя, который таким образом попал в Кембридж, тоже видел в этом руку Божью. «Я вижу, — писал он позже, — тысячи случаев, которые действуют вместе как колеса в большой машине, чтобы точно привести меня на место, на котором я должен находиться». В последующие три года рука Божья готовила его для задачи на всю жизнь — проповедовать Евангелие всякой твари, достигнутой его голосом или его пером. Но вначале от его присутствия получили пользу юноши из академии и местные посетители церкви в Марчленде.

В Кембридже я жил в одной семье, где в восемь часов утра всем жившим в этом доме было выделено полчаса, которые каждый проводил в молитве в своей комнате. Если бы в каждом доме соблюдался этот порядок, то это было бы большим благословением.

Я присоединился к местной баптистской церкви, одной из благороднейших, великодушных — лучшей церкви в мире. Когда я пришел туда в первый раз, со мной никто не заговорил. В воскресенье во время Вечери Господней я сел рядом с одним господином, с которым в конце богослужения коротко попрощался.

— Как у вас дела? — спросил я.

— Не имею чести знать вас, — был холодный ответ.

— Ну, когда я только что вкушал хлеб и вино, я думал о том, что мы одно во Христе, а вы — нет?

Между тем мы были уже на улице, когда он — мне было как раз шестнадцать лет — положил обе руки мне на плечи и сказал:

— О, сладкая невинность! Ты совершенно прав, мой дорогой брат, да, ты прав. Пойдем ко мне на чай, я боюсь, что не сказал бы тебе ни слова, если бы ты не заговорил со мной!

Этот хороший друг сопровождал меня позднее в деревни, где мне нужно было проповедовать. Он и сегодня еще один из моих лучших друзей.

Моя первая проповедь

Если бы Бог сразу после моего покаяния сказал мне: «Я привел тебя в Мой дом и хочу сделать тебя полезным. Ты должен стать ковриком, о кото-

рый святые вытирают ноги», я бы, наверное, ответил: «О, я буду счастлив, если мне разрешат вытирать пыль с их святых ног, так как я люблю Божий народ. Если я как униженный имею право служить им, это будет моей радостью». Мне и в голову не пришло бы сделаться вождем в Божьем Израиле. Когда я отдался моему Господу, я отдал Ему мое тело, мою душу, мой дух — все, что у меня было и что будет до перехода в вечность. Я отдал Ему мои способности, мои силы, мои глаза и уши, мои чувства, мои суждения — все мое человеческое существо и все, что вытекает из него, а также новые качества и способности, которые будут подарены мне. В те славные часы я был способен и к унынию, но лишь тогда, когда сожалел о времени и обстоятельствах, в которых не был верным моему Господу, как обещал.

Мое первое служение, выражало горячую благодарность Христу и состояло в рассылке трактатов, которые я заботливо выбирал для своих знакомых. Затем я ходил из дома в дом, раздавал трактаты в Ньюмаркете и говорил с людьми о вопросах Царства Божьего. Я бы ничего не делал для Христа, если бы не верил, что хоть немного способен к этому. Затем я делал все больше и больше, и уверен, что многие слуги Божьи были бы введены в большее служение Господу, если бы они правильно начинали. Кто не начинает с первого шага, — а раздача трактатов и есть первый шаг — не может прийти ко второму. Если же первый был успешен, то мы ободряемся и с Божьей помощью становимся все полезнее.

В этом крестьянском доме в Тивешеме Сперджен держал свою первую проповедь перед несколькими крестьянами и их женами.

Я очень хорошо помню первое место, когда я говорил к собранию взрослых людей. Это не было моей первой проповедью, так как в Ньюмаркете и Кембридже, как и в других местах, воскресная школа давала мне много возможностей проповедовать Евангелие. Но до этого богатого событиями воскресного вечера я еще никогда регулярно не проповедовал в собрании. Все это происходило в маленьком деревенском домике около Тивешэма, где собралась небольшая группа простых деревенских жителей. Эта история уже не нова, но она достойна того, чтобы еще раз рассказать ее.

В Кембридже есть группа проповедников, которая связана с церковью на улице Св. Андрея. Раньше здесь проповедовали Роберт Робинзон и Роберт Хилл. Некоторые достойные братья проповедовали Евангелие вокруг Кембриджа — во многих деревнях, разделенных по плану. В мое время этим служением руководил Джеймс Винтер. Мы обычно называли его епископом Винтер. Его сердечная душа и горячее сердце, его приветливая натура усиливали чувство братской любви. Итак, это была действительно полезная группа из усердных работников, которые принадлежали к объединению проповедников.

Как-то утром в субботу, когда закончились занятия в школе и мальчики пошли домой, пришел епископ. Он попросил меня пойти в Тивешэм, так как там должен говорить молодой человек, который еще не привык проповедовать, и он будет рад спутнику. Если бы он попросил меня пойти туда и проповедовать, я бы обязательно однозначно сказал «нет». Но пойти как сопровождающий с молодым человеком, который не хотел идти один и, возможно, попросит меня начать песню или помолиться, — это было нетрудно. Так я охотно согласился пойти. Мальчик ничего не знал о том, что делали Ионафан и Давид, когда побежал за стрелой. Так же мало знал и я, когда согласился сопровождать молодого человека в Тивешэм.

Моя воскресная школа закончилась, мы попили чай, и пошли через Барнвель и вдоль улицы Ньюмаркета вместе с молодым человеком, который был немного старше меня. Мы говорили о многих хороших вещах и, наконец, я выразил надежду, что он будет чувствовать присутствие Божье, когда будет проповедовать. Казалось, он был немало удивлен, объяснив мне, что он еще никогда не проповедовал и, конечно, не может этого сделать. Он думает, что это сделает его юный друг, господин Сперджен. Так я не договаривался! Я ответил, что я не проповедник и даже — если бы и был им — я вообще не готов. Мой попутчик возразил еще

более уверенным тоном, что уж он-то, во всяком случае, тоже не проповедник, и объяснил, что охотно поможет мне в любой части богослужения, и что проповеди не будет совсем, если я не скажу ее. Затем он сказал, что мне нужно только повторить какой-нибудь урок воскресной школы. Это принесет простым людям больше пользы, чем ученая проповедь образованного пастора. Я чувствовал, что мне ничего не остается, как сделать лучшее, что я могу. Молча идя дальше, я возвысил свой голос к Богу, и мне казалось, что я наверняка смогу рассказать этим простым деревенским жителям о величии и любви Иисуса, так как я чувствовал их в моей душе. Я просил Божественной помощи и решил, что попробую. Текст моей проповеди будет: «Для вас же, уверовавших, оно драгоценность». Я верил, что Господь наполнит мои уста, если я прославлю Его возлюбленного Сына. Мне казалось это большой смелостью и серьезным экзаменом, но с помощью Духа Святого я хотя бы расскажу историю о кресте. Я не допущу, чтобы люди пошли домой без Слова Божьего.

Мы пришли в низкое помещение деревенского домика с соломенной крышей, где собрались несколько крестьян со своими женами. Мы пели, молились и читали Слово Божье. И потом началась моя первая проповедь. Какой — длинной или короткой — она была, я не могу сегодня сказать. Хотя это не было так уж плохо, как я думал, но все же был рад, когда смог хорошо закончить ее и предложить последнюю песню. К моей собственной радости, мне не пришлось прервать проповедь на середине, мои мысли не закончились, и я благополучно смог прийти к концу. Я закончил и взял песенник, но, к моему удивлению, пожилой голос сказал:

— Да благословит тебя Бог, мой мальчик. Сколько тебе лет?

— Вы должны подождать с такими вопросами до конца собрания, — серьезно ответил я. — А теперь споем песню.

Мы спели, и молодой проповедник закончил молитвой. Тогда начался теплый приветливый разговор, в котором, казалось, каждый хотел принять участие.

— Сколько тебе лет? — был первый вопрос.

— Мне меньше шестидесяти, — ответил я.

— Да, и меньше шестнадцати, — возразила старая дама.

Я пообещал им прийти снова, если господа из Кембриджа снова пошлют меня. В то время у меня было глубокое почтение перед господами из Кембриджа.

Но разве нет других молодых людей, которые так же просто могли

бы начать говорить об Иисусе? Молодые люди, которые до сих пор молчали, как рыбы? Наши деревни и поселки дают неоценимую возможность молодым проповедникам. Ни один район не должен остаться без собраний — это урок деревенского домика с соломенной крышей в Тивешэме.

Нужно внимательно прислушиваться к мнению мужчин и женщин, близких к Богу. В большинстве случаев их совет будет хорош. И все же нельзя считать его окончательным и безошибочным. Его нужно оценивать, принимая во внимание интеллигентность и богобоязненность советчика. Я очень хорошо помню, как одна мать-христианка, одна из самых лучших, очень серьезно советовала мне не проповедовать. Честно и терпеливо я старался не умалять значение ее мнения, но оно было побеждено мнением людей с большей опытностью. Если человек действительно призывается Богом на служение, он не может иначе — он должен проповедовать. Это будет как огонь в костях, таким будет это влечение, пока не прорвет. Друзья могут отговаривать, противники — критиковать или презрительно насмехаться, этот человек будет непоколебим. Если он чувствует призыв с неба, то, даже не имея церкви, он станет проповедовать бушующим рекам и тихим озерам. Он не может молчать. Он станет гласом вопиющего в пустыне: «Приготовьте путь Господу». Если такой человек выскажет то, что говорит ему Дух Святой, тогда он почувствует святую радость, радость, подобную небесной. А когда он закончит свою речь, то в нем будет огромное желание снова приступить к этому делу. Разве Слово Божье не огонь, что горит в человеке? Разве я не должен высказать то, что Бог вложил в меня?

Три года я был жителем Кембриджа, хотя никогда не был в университете. Я бы не смог закончить его, так как был нонконформистом*. И к тому же для меня лучше было учиться под руководством замечательного учителя и любимого друга и одновременно самому проповедовать. Утром я рано вставал, молился и читал Библию. Затем я учил своих учеников или, как мог, сам учил теологию. Затем, в пять часов после обеда, я становился странствующим проповедником и шел по деревням в окрестностях Кембриджа. Там я передавал дальше то, чему научился. Тихое время, проводимое мною в дороге, помогало мне размышлять над тем, что я читал. И, когда я передавал в проповеди то, чему научился, все это богатство оставалось в моей памяти.

* Нонконформист — свободомыслящий, не согласный с официальной точкой зрения.

Я выглядел немного странно, когда на улице шел дождь. Ведь я должен был часто три, пять, а иногда и шесть миль идти пешком туда и обратно. Поэтому в дождь я надевал непромокаемые штаны, а сверху — дождевик и шляпу с непромокаемой поверхностью. Еще у меня с собой был черный фонарь, освещавший мне путь.

И, конечно, для меня было очень полезным это раннее служение Господу. Как часто я имел счастье проповедовать Евангелие в крестьянской кухне, в деревенском домике и в амбаре! Может, из-за моего юного возраста тогда приходило много людей. Я думаю, что в то время сказал не одну глупость и сделал не одну ошибку, но мои слушатели не были критичны и за мной по пятам не ходил ни один репортер. Вот такой веселой была моя учеба, во время которой я через постоянную практику приобрел ту находчивость, которую имею сегодня.

Я пережил много приключений и многое узнал в работе странствующего проповедника.

Мне вспоминается воскресный вечер, когда я должен был проповедовать в деревне близ Вотэбича. Когда я шел туда, небо потемнело, и надо мной разразилась сильная гроза. Некоторые люди боятся грома, но с того времени, как я стал верить Господу Иисусу, я перестал бояться, какой бы ужасной ни была буря. Я люблю слышать в буре голос моего Небесного Отца.

В этот вечер я радовался грозе. Но, проходя мимо фермерского дома, который стоял рядом с дорогой, я увидел женщину, которая из-за грозы выглядела как-то озабоченно и взволнованно. Я не хотел пройти мимо и оставить человека одного с его заботами. Я вошел в дом, прочитал несколько стихов из Библии, помолился с женщиной, утешил ее, а затем пошел дальше. Придя в деревню, я снял свой дождевик, так как боялся, что его блестящая поверхность будет отражать постоянно сверкающие молнии, и боязливые будут страшиться. Из-за страшной непогоды никто не ожидал, что я приду на богослужение. Тогда я пошел из дома в дом, приглашая людей. Этот необычный метод сбора привел на богослужение многих слушателей.

Иногда, проповедуя в сельской местности в переполненном помещении с низким потолком, я замечал, как из-за недостатка кислорода начинали трепыхаться свечи — явный признак того, что мы сами себя убивали, вдыхая воздух, из которого уже пости исчез жизненно необходимый элемент. Я тогда боялся, что свечи совсем потухнут, и распускал собрание раньше обычного.

Будучи еще юным учеником, я прочитал в учебнике по гомилетике такое, что вызвало во мне тревогу: «Если у проповедника есть трудности в выборе текста Священного Писания для проповеди, то для него будет лучше всего сразу же поискать место продавца или стать крестьянином; он, по всей видимости, не имеет предпосылок к пасторской работе».

Так как это было моим крестом и постоянным переживанием, я стоял перед вопросом, не выбрать ли мне какую-нибудь специальность и оставить служение проповедника. Но я все же не сделал этого и, вопреки остающейся неуверенности при выборе текста, еще и сегодня убежден, что должен следовать призыву Божьему. Пр процитированное замечание сделало меня таким неуверенным, что я спросил своего дедушку, имел ли он когда-нибудь, за пятьдесят лет своего служения пастором, трудности при выборе текста. Он честно сказал мне, что это для него всегда было самой большой проблемой, хотя проповедовать ему никогда не было трудно. «Трудность не в том, что мало хороших текстов, — сказал он, — а в том, что их слишком много, поэтому и выбор так тяжел». Нечто подобное мы испытываем при выборе цветов в прекрасном саду. Час за часом я молюсь и жду темы, и это занимает большую часть времени моей подготовки к проповеди.

Я усердно трудился, обрабатывая темы, выписывал высказывания об учении, составлял скелет из мест Писания и затем закапывал каждую кость в катакомбах забвения, или выбрасывал их в открытое море, пока не замечал вдали красные огоньки, достигая страстно желаемой пристани. Я думаю, что почти каждую субботу моей жизни я вырабатывал столько позиций проповеди, что мог бы целый месяц использовать их, если бы чувствовал себя свободным говорить о них. Но у меня не было смелости использовать их, и я поступал как честный моряк, если ему нужно было выгрузить ворованный груз.

Если мой Учитель уже утром давал мне хороший текст, это были мои самые счастливые дни. Если мне нужно было сказать три проповеди в день, то утром я просил тему и проповедовал ее. Также я просил тему на послеобеденное время или на вечер и проповедовал, пока текст проповеди не становился утешением для меня. Я не размышлял о нем профессионально, но полностью применял этот текст к себе и радовался ему. Эта простая пища больше доступна людям, чем проповедь, подготовленная в течение недели, так как она только что была принята моей душой. Поэтому хорошо говорят о том, что хорошо знают, что понравилось и было хорошо усвоено.

Иногда я получал текст удивительным путем. Когда я жил в Кембридже, то обычно должен был проповедовать вечером в соседнем селе, куда ходил пешком. Хотя я целый день читал и размышлял, нужный текст никак не приходил. Просветления не наступало, хотя я молился и шел от одного стиха Библии к другому, но мой разум не останавливался ни у какого текста. Я, как бы сказал Джон Буньян, кувыркался своими мыслями. Тогда я подошел к окну и стал смотреть на улицу. Мое внимание привлекла одинокая канарейка на другой стороне улицы, над которой кружилась целая стая воробьев и, казалось, хотела разорвать ее на части. Тут мне пришел на память стих: «Удел Мой стал у Меня, как разноцветная птица, на которую со всех сторон напали другие хищные птицы». Успокоенный, я пустился в долгую одинокую дорогу, размышляя над этим местом, и проповедовал о людях обособленных, которых мы называем «цветными птицами», и об атаках, которые они переносят от своих врагов. Я проповедовал свободно и легко и, думаю, к утешению моих слушателей. Текст был послан мне — не через ворона, но в этот раз через воробьев.

14. Молодой спасатель душ в Вотэбиче

Проходил ли ты когда-нибудь через село, которое известно пьянством и безбожием? Видел ли ты когда-нибудь бедных несчастных существ, которые когда-то были людьми, — как они стоят, прислонившись к стенам трактира или, спотыкаясь, идут по улицам? Заглядывал ли ты в такие дома, которые более похожи на пещеры разбойников, и при виде которых болит душа? Видел ли ты когда-нибудь бедность, унижение и страдание живущих в них и плакал ли о них?

«Да, — скажешь ты, — это я делал». Но имел ли ты счастье еще раз пройти через это село через несколько лет, после того как Евангелие достигло его жителей?

Я имел это счастье. Когда-то я знал такое село, которое только что описал выше. В какой-то степени оно было самым ужасным селом Англии, в нем жили люди, которые продавали рабочим незаконно изготовленную водку, не платя налоги городу, и где в связи с этим злом процветали все виды беззакония и зла.

В это село пошел молодой человек, который не имел большого обра-

зования, но серьезно искал души людей. Он начал там проповедовать, и Богу было угодно перевернуть эту местность. За короткое время маленькая, крытая соломой церквушка была переполнена, самые отъявленные негодяи в этом селе стали плакать о себе, и те, которые до сих пор были проклятием для села, сделались для него благословением. Где до сих пор царило воровство и мошенничество, все это исчезло, так как люди, творившие зло, пришли в дом Божий и радовались, услышав, что Иисус и для них был пригвожден ко кресту. Я не преувеличиваю эту историю, и не говорю о чем-то, что сам плохо знаю, потому что человеком, получившим радость трудиться в этом селе, был я сам.

Это было прекрасно — идти через село после того, как пьянство полностью прекратилось, и большинство жителей оставили разгул и разврат, когда мужчины и женщины с радостным сердцем приступили к своей работе и пели песнь хвалы вечно живущему Богу, когда при восходе солнца простой крестьянин созывал своих детей и читал им из Библии и они вместе преклоняли колени в молитве к Богу. Я могу с радостью сказать, что почти во всех концах деревни каждый вечер звенели песни, так как они слышались почти из каждого дома и отдавались эхом почти в каждом сердце. Господу нравилось работать среди нас — это я говорю к славе Божьей. Он показал силу имени Иисуса и сделал меня свидетелем этого Евангелия, которое может спасать души, привлекать строптивых людей и изменять жизнь и поведение грешников.

(Село, о котором здесь идет речь, — это Вотэбич, где Сперджен в первый раз проповедовал в октябре 1851 года. Текст его первой проповеди был из Матф. 1,21. Это место Писания было и в основании его последней проповеди, которую он держал там как пастор, а также его первой проповеди на Нью-Парк-стрит, хотя сама проповедь была каждый раз другой. Можно со всей смелостью утверждать, что Иисус всегда был главной темой его проповедей, — как в Вотэбиче, так и в Лондоне, и что каждая из многих тысяч его проповедей согласуется с этой первой проповедью в Вотэбиче.)

Самая большая радость для человека, когда он может сделать что-то доброе своему ближнему. Радость спасения человека от смерти — дает нам ощущение неба на земле. Есть люди, которые гордятся тем, что послали многие души в погибель, отправили многих на тот свет. Очень часто можно встретить солдата, который хвалится тем, что в сражении убил многих врагов, что его быстрый и страшный меч попал в сердце многих его противников. Но я не смотрю на такое как на что-то пре-

Старая церквушка в Вотэбиче. Здесь в 17 лет Сперджен стал проповедником. Деревня пережила духовное пробуждение. В Лондоне обратили внимание на Сперджена.

красное. Если бы я привел к гибели хотя бы одного человека, то едва мог бы спокойно спать хотя бы одну ночь. Я думаю, что дух этого убитого всегда смотрел бы на меня. Я должен был бы постоянно думать о том, что я убил его и послал его душу, возможно, без покаяния и очищения в присутствие Божье. Если бы я был на месте такого человека, то соленые и горячие слезы день и ночь лились бы из моих глаз, и крики умирающих, их вопли мучили бы мой слух. Я не могу себе представить, как другие могут переносить это. Если бы я знал, что уничтожил одного человека, для меня это было бы равносильно вратам ада.

Но какое благословение, если ты являешься инструментом для спасения от вечной смерти! Монахи из обители Св. Бернарда в Швейцарии должны испытывать большую радость, когда они спасают людей от физической смерти. Но все же тело, которое сегодня спасли от смерти, может завтра умереть. Совершенно по-другому обстоит дело с душой человека, которая спасена от вечной смерти. И, если человек переполнен радостью, когда он спасает от смерти тело человека, то насколько более благословен человек, когда он является в руках Божьих инстру-

ментом для спасения одной души от смерти и возвещает о прощении для многих грешников!

Когда я начал проповедовать в маленькой церквушке с соломенной крышей, моим самым большим желанием было, чтобы Бог через меня спас хотя бы одну душу. Я думал: «Это Евангелие спасло меня, но тогда проповедовал другой. Спасет ли оно другого человека, если буду проповедовать я?»

Прошло несколько воскресений, и я снова и снова спрашивал дьяконов:

— Знаете ли вы кого-нибудь, кто нашел Христа через мое служение?

Один из дьяконов, мой добрый старый друг, сказал:

— Я уверен, что кто-то принял Христа. Я уверен!

— О, — ответил я, — но я хочу точно знать это, я хочу быть уверен в этом.

Как ликовало мое сердце, когда я получил первую весточку от первого обращенного! Я никогда не удовлетворялся полным собранием или благосклонной реакцией моих друзей. Я хотел слышать, что сердца открылись для Христа, и из глаз людей текли слезы раскаяния. В одно из воскресений я радовался как получивший великую прибыль, когда мой добрый дьякон сказал мне:

— Бог положил Свою печать на ваше служение в этом месте.

Если бы кто-то сказал: «Вам оставили в наследство двадцать тысяч фунтов...» — я бы ни разу не щелкнул пальцами. Радость, которую я почувствовал, когда мне сказали, что Бог через мое служение спас одну душу, не сравнима ни с какой другой!

— Кто это? — спросил я.

— Это жена одного бедного рабочего! Она два или три воскресенья уходила с собрания с печальным сердцем, и с тех пор большая забота обременяла ее душу. Но она нашла мир, и говорит, что очень хочет поговорить с вами.

— Не отвезете ли вы меня туда? Я должен поговорить с ней.

Рано утром в понедельник меня отвезли в село, к моему первому духовному ребенку. Я еще сегодня вижу перед собой эту лачугу, в которой она жила. Я чувствовал себя как маленький мальчик, который получил свои первые карманные деньги, или как водолаз, который вытащил из воды свою первую редкую жемчужину. Я радуюсь каждому, которого дал мне Бог, но об этой женщине я радуюсь больше всего. У меня много духовных детей, которые родились от проповеданного слова, но я думаю, что она была бы лучшей из всех. Наконец она прожила не так долго, чтобы я мог бы найти в ней большие ошибки. Через год-два она

умерла — первая из многих, последовавших за ней. Я вспоминаю, как она была принята в члены церкви, как она умерла и ушла в небо. Для меня она была такой драгоценностью! Ни одна мать не могла быть счастливее, обретя своего первенца. Я мог вместе с Марией воспеть хвалу, так как моя душа величила Господа, Который сжалился над моей нищетой и удостоил меня что-то делать для Него, за что меня будут хвалить все роды — так я оценивал и ценю спасение одной души. Я даже пойду еще дальше и скажу, что спасение одной души от вечной смерти — это самое большое дело на земле. Я хотел бы лучше привести к ногам Иисуса самую бедную женщину в мире, чем быть епископом в Кентербери.

Я вспоминаю одну пожилую женщину, которая через мое служение в юные годы нашла мир с Богом. То, что она рассказывала о своей жизни без Бога и о безбожном воспитании детей, я хочу передать всем тем матерям, которые делают все, чтобы облегчить жизнь своим детям, но не думают о жизни вечной:

— Ах, — сказала она, — я могла бы быть сейчас счастливой, если бы меня не давила большая забота. Я так печалюсь о своих детях. Их было восемь. У меня была трудная работа. Я работала прачкой весь день, чтобы заработать насущный хлеб. Я кормила их и одевала, я отдала им все здоровье. У них было все, но их души... Я никогда не думала о своей душе и, естественно, об их душах. Двое из них умерли. Мне нельзя думать об этом. Бог простил мне, но я не могу забыть этот грех против моих детей. Я не учила их ничему, что могло бы помочь им. Другие живы, но все они — неверующие. Как может быть иначе при такой жизни!

В Вотэбиче была женщина, которая между соседями слыла настоящим дьяволом, потому что постоянно ссорилась со всеми. Мне говорили, что рано или поздно я тоже попадусь к ней на язык.

— Ну, хорошо, — ответил я, — но в эту игру можно играть и вдвоем.

Я не знаю, кто передал ей мой ответ, во всяком случае, в одно прекрасное утро она стояла передо мной, когда я проходил мимо. Должен сказать, что ее способности соответствовали слухам. Даже сама крокодила не могла бы сравниться с ней. Я подумал, как мне отреагировать, улыбнулся и сказал:

— Да, большое спасибо. Мне неплохо живется. Надеюсь, вам тоже.

И снова на меня обрушился шквал ругательств, на этот раз в повышенном тоне, на который я, все еще улыбаясь, ответил:

— Да, видно, скоро пойдет дождь. Я думаю, что мне лучше пойти домой.

— Ах ты, бедняга! — проговорила она. — Этот мальчик совершенно глухой! Нет никакого смысла ругать его!

Я пожелал ей доброго утра и пошел дальше. Я не знаю, пришла она когда-нибудь в церквушку, чтобы услышать «глухого» проповедника, который знал, что нет смысла слушать ее разговоры.

Многих горьких слез стоил мне один мужчина. Когда я познакомился с ним, он был предводителем всех плохих и злых людей. Он был высоким, крепкого сложения, сильным человеком — одним из тех, кто мог, наверное, во всей окрестности больше всех вместить в себя алкоголя. Он всех проклинал и не знал никакого страха. Его боялись все соседи. В то время в этой местности произошло несколько пожаров, и большинство людей обвиняли в этом его. Иногда он был пьян две-три недели подряд, и тогда бушевал как одержимый. И вот этот человек пришел послушать меня. Я еще помню волнение, которое вызвало во мне его появление. Он сидел, слушал, и в его душе стала появляться любовь ко мне. Я думаю, что это было его единственным «покаянием», но он утверждал, что покался. И на самом деле в нем произошли основательные изменения, внешне он стал совсем другим человеком. Он перестал пить и ругаться и во многих отношениях сделался образцовым человеком. Вся окрестность была удивлена этим. Старый Том сидел и плакал, и пошел слух, что он изменился. Он стал постоянно посещать богослужения.

Через некоторое время он стал даже приходить на молитвенные собрания. Он рассказывал о том, что пережил, что чувствовал и что узнал. Я слышал его молитву. Это был грубый голос, но в нем была такая выстрадавшая честность, что я причислял его к драгоценностям в венце Спасителя. Он выдержал среди нас шесть или даже девять месяцев. Если нужно было сделать какую-то тяжелую работу, он тут же был готов. Если где-то в далекой деревне нужно было провести урок воскресной школы, он шел туда. Всеми силами он хотел быть полезным в деле Божьем. Если он мог помочь самому ничтожному члену церкви, это приносило ему большую радость. Но наконец насмешки его старых друзей надоели ему, хотя вначале он стойко переносил их. Он начал думать, что был немного слишком фанатичным, слишком серьезным. Стал тайно приходить на собрания, вместо того чтобы заходить открыто и свободно. Все чаще стал пропускать собрания на неделе, наконец, перестал приходить в воскресенье. И, хотя его часто увещевали, он все же вернулся к своим старым привычкам, и все мысли о Боге и богобоязненной жизни, казалось, умерли для него. Он вновь мог богохульствовать и поступать

безбожно. И он, которого мы часто хвалили на молитвенных собраниях и говорили: «Как прославлен Бог через покаяние этого человека! Чего только не может достигать благодать Божья!», — снова ходил пьяным по улицам. В то время нам бросали в лицо: «Это один из ваших христиан, не правда ли?» После моего отъезда из этой местности я еще раз спрашивал о нем, но ничего хорошего услышать не мог. Он стал еще хуже, чем раньше, и казалось, что стал совершенно недостижим.

Среди первых слушателей в Вотэбиче была одна старая добрая женщина, которую я называл «госпожа Большой Страх». Я уверен в том, что она уже много лет в небе, но она всегда боялась, что никогда не достигнет ворот славы. Она постоянно приходила на собрания и была замечательным слушателем. Она с жадностью принимала Евангелие, но все же всегда сомневалась и боялась. Она трепетала, когда думала о своем духовном состоянии, и боялась, хотя, сколько я помню, была уже пятьдесят лет в вере. Это была дорогая старая душа, всегда готовая помочь соседям и побеседовать с неверующими. Ее веры хватило бы на двоих, но, по ее мнению, было недостаточно даже для нее одной.

Однажды, когда мы были с ней в дороге, она сказала мне, что у нее нет надежды, нет веры. Она думает, что она — лицемерка.

— Тогда, пожалуйста, не приходите больше в церквушку, мы не хотим иметь там никаких лицемеров. Зачем вы ходите туда?

— Я прихожу, потому что не могу по-другому. Я люблю народ Божий, я люблю дом Божий, я люблю служить Богу и хвалить Его.

— Ну, хорошо, — сказал я, — тогда вы странный сорт лицемеров. Вы удивительный вид необращенной женщины.

— Говорите, что хотите, — заметила она, — у меня нет никакой надежды быть спасенной.

— Тогда я попрошу вас в следующее воскресенье подняться к кафедре, чтобы вы могли сказать людям, что Иисус Христос — лжец, и что вы не можете доверять Ему.

— О, — воскликнула она, — пусть меня лучше разорвут на части, чем сказать такое. Он же не может обманывать! Каждое Его слово — истинно!

— Почему же вы не верите Ему?

— Я верю Ему, но как-то я не могу применить это для себя. Я боюсь, что меня это не касается.

— У вас совсем нет надежды?

— Нет, — ответила она.

Я вынул из кармана свой кошелек и сказал ей:

— У меня здесь пять фунтов. Больше денег у меня нет, но я хочу дать вам эти пять фунтов для остатков надежды, которые вы еще имеете, если вы продадите их мне.

Она посмотрела на меня, не понимая, что я имею в виду.

— Зачем мне это делать? Я бы не продала надежду и за тысячу миров.

Только что она сказала мне, что у нее нет никакой надежды на спасение, и все равно она не хотела продать ее даже за тысячу миров!

Думаю, что когда я попаду на небо, эта добрая душа скажет мне: «О, какой глупой я была, когда жила там, внизу, в Вотэбиче! Весь путь в славу я прошла печальной, а ведь могла бы пройти его с песней на устах. Я всегда заботилась и страшилась, но мой дорогой Господь по милости Своей держал меня и привел меня сюда».

Она умерла тихо. Наш Господь часто делает это мягко и мирно, или же радостно и торжественно для своих боязливых, если приходит время разлуки. Некоторых Своих великих святых Он кладет на постель и они просыпаются в вечном свете. Но иногда Он держит и свечу, чтобы она светила для тех, у кого мало веры, — духовно слабых, отчаявшихся и для таких, как госпожа Большой Страх. Они идут спать при свете и просыпаются в стране, где вечно сияет слава Агнца Божьего.

Неудавшаяся учеба в колледже

Вскоре после того, как я начал проповедовать Слово Божье в Вотэбиче, меня настоятельно попросили поступить в баптистский колледж в Стипней, чтобы я мог лучше подготовиться к служению. Зная, что такое образование никогда не помешает мне, но будет очень полезным, я хотел использовать эту возможность. Хотя я надеялся и без колледжа быть полезным Господу, но все же согласился с мнением друзей, что смогу быть более полезным. Доктор Ангус, руководитель колледжа, посетил Кембридж, и мы договорились, что встретимся в доме мистера Макмиллана...

(Следующие письма повествуют о дальнейшем ходе разрешения этого вопроса.)

«Мой дорогой отец!

Кембридж, 24 февраля, 1852

Мистер Ангус, преподаватель Стипней-колледжа, проповедовал у нас в воскресенье, 1 февраля. Так как я был в другом месте, у меня не было

возможности увидеться с ним. В понедельник я неожиданно услышал, что он хочет встретиться со мной. Я уверяю тебя, что не напомнил ему сам о себе или через кого-то другого, и для меня это было полной неожиданностью. Я думаю, что это сделали дьяконы нашей церкви, которые слышали о том, что я делаю в Вотэбич, и посчитали нужным сказать ему обо мне.

И я пошел туда, где должен был встретить его, но удивительным образом мы не встретились. Он ждал в зале, а меня пригласили в салон, и служанка забыла сказать ему обо мне. Так как ему нужно было срочно ехать в Лондон и он не мог ждать, то написал письмо, которое я прилагаю к своему.

Я так долго ждал, потому что хотел узнать от тебя немного больше, чем могу написать, и не хочу оставить у тебя впечатления, что хочу пойти учиться на твои средства. Я хочу пойти тогда, когда сам смогу заплатить или друзья предложат мне помощь, так как не хочу обременять тебя. Почти все друзья говорят, что я должен идти в колледж. Я не очень хочу, а точнее — совсем не хочу. Но, несмотря на это, я молюсь об этом вопросе и доверяю Господу, что Он будет вести меня.

Естественно, ты имеешь право здесь, на земле, распоряжаться мной и направлять меня. Но я думаю, что имею право изложить тебе свое мнение по этому вопросу, хотя оно не должно быть окончательным, а только, чтобы ты знал, к чему я в данное время склоняюсь. Думаю, что (при всем уважении к тебе) я лучше не пойду в колледж, по крайней мере, не сейчас, так как:

1. Преимущества, которые дает такое обучение, я могу лучше использовать, если продвинусь вперед, занимаясь самообразованием. Если я больше буду знать, то смогу большему научиться.

2. Провидение Божье поставило меня на место, на котором я совершаю хорошее служение — богослужения посещают порой 450 человек, это любящая и молящаяся церковь, возрожденные слушатели. Многие свидетельствуют, что проповедь исполнена силой свыше. Должен ли я сейчас оставить их?

3. Я надеюсь, что через несколько лет у меня будет хорошая финансовая основа, и я не буду причинять тебе никаких или очень малые расходы. Я не хочу обременять тебя и по возможности буду сам о себе заботиться. Я знаю, что ты ценишь такую позицию.

4. Я имею образование, и у меня есть много возможностей повышать его. Мне только не хватает времени для этого. Но мистер Лидинг готов

дать мне это время*. У меня много практической работы. И разве мы не учимся проповедовать, когда проповедуем? Ты знаешь мой стиль, и я думаю, что он плохо подходит к колледжу. Но все же он не совсем плох, Бог благословил его, и я верю, что еще больше благословит. Все, что я делаю правильно, делает Он во мне, в Нем — моя сила. Обо мне хорошо заботятся, и я счастлив. Если бы я был в нужде, то у людей была бы возможность больше давать мне. Стоит ли мне рискнуть и довериться провидению Божьему, что я найду другое место, как только оставлю колледж?

5. Нет, я достаточно сказал — ты должен решать, не я. Я передаю это Богу и тебе, но все же я не против учебы, если ты так решишь. Конечно, у меня своя воля, ты знаешь это, но я говорю: «Не моя воля, но твоя и Божья воля да будет».

На то письмо я только что ответил в том смысле, что должен вначале спросить совета у моих друзей. Я думаю, если ты тоже так понимаешь, то я должен сообщить мистеру Ангусу о моей точке зрения так, чтобы он и в будущем относился ко мне благосклонно...

Извини меня за каракули, но я действительно сильно занят. Когда я вчера вечером хотел писать, меня позвали к умирающему, и я не мог отказаться. Люди в Вотэбиче даже слышать не хотят о том, чтобы я оставил их. Я не знаю, почему они так любят меня. Видимо, это от Господа.

Приветствуй милую мамочку, Эрджера и сестер. Если ты думаешь, что письмо от меня будет полезным, то дай мне только знать, и я сразу напишу. Да сохранит меня Господь везде от всякого греха. Бог с вами и да останется с вами навеки.

С сердечной любовью, дорогой отец,

твой любящий сын, Чарльз».

В письме Сперджена к отцу от 9 марта 1852 года он пишет:

«Я всегда имел антипатию к колледжу, и только понимание, что я должен советоваться не только с собой, но и с Иисусом, заставило меня

* Усердие Сперджена в учении нельзя умалять при взгляде на его будущее значение. Его брат пишет: «Он не занимался ничем, кроме учебы. Я держал кроликов, кур, свиней и одну лошадь — у него были только книги. Пока я что-то делал и брался за все, что интересует мальчиков, он думал только о книгах, и ничего не могло удержать его от чтения и учебы. Но хотя он ни о чем не заботился, он все равно все знал, так как он обо всем читал, и его память была такой же целкой как порок и обширной как амбар...»

размышлять об этом. Моим друзьям в Кембридже кажется обязательным, чтобы я остался у моих друзей в Вотэбиче. Об этом единогласно говорит и церковь, и три наших дьякона в Кембридже».

Дьякон Кинг писал отцу Ч. Г. Сперджена:

«Дорогой господин!

Вотэбич, 20 марта 1852

Так как мы с глубоким сожалением услышали, что вы думаете послать своего сына в Стипней-колледж, я пишу вам, думая, что, если бы вы точнее знали обстоятельства его служения здесь, в Вотэбиче, вы отложили бы этот план, по крайней мере, в данный момент.

Разрешите мне сообщить вам, что с тех пор, как ваш сын посещает Вотэбич, на богослужение приходит намного больше людей. Церковь часто так переполнена, что многие даже уходят, не находя места. Бывало и так, что ему приходилось пробуждать беспечных. И хотя мы знаем его только пять месяцев, мы так сроднились, как будто давно знакомы. И если он сейчас оставит нас, то это будет для всех поводом для сетования, печали и сердечной боли. К тому же он совсем не хочет в колледж, а наоборот. И его друзья в Кембридже, которые желали, чтобы он посещал колледж, медлят теперь и расположены изменить свое мнение. Если вы, уважаемый господин, приехали бы сюда, то увидели бы, что я не преувеличиваю, но, возможно, вам пришлось бы воскликнуть: «И половины не сказано мне!» Да руководит нами Бог поступить так, чтобы прославился наш Спаситель для нашей пользы. Это наша серьезная молитва.

Ваш С. Кинг, по поручению церкви.

Р. S. Наши друзья очень сильно хотят, чтобы мистер Сперджен служил нам хотя бы еще год. Ваше согласие вызовет у нас глубокую благодарность Богу, и мы надеемся, что многим из нас это принесет большую пользу. Мы будем благодарны за ответ».

«Мой дорогой отец!

6 апреля 1852

Мне очень жаль, если в моем последнем письме что-то опечалило тебя. А в твоём письме ничего не опечалило меня, только при чтении его меня беспокоила мысль, что мне придется покинуть людей в Вотэбиче. Я сердечно благодарю тебя за дружеское предложение и за твоё утверждение, что я имею полную свободу действовать так, как понимаю волю Божию. Конечно, я никогда не представлял себе, что ты будешь заставлять меня, — мне было трудно выразиться в письме и это повлекло за собой недопонимание. И если я сказал нечто, имеющее хотя бы тень чего-то

ложного, то я от сердца прошу прощения. Также, если я что-то подумал неправильно. Я только хотел поступить как верный сын по отношению к любящему отцу, и если я этого не сумел, то все же уверен, что ты и любимая мамочка не припишут это недостатку любви, но моей слабости.

Что касается моего решения, то я уже так много писал об этом в последнем письме, что больше нет нужды писать об этом. Я действительно думаю, что моя обязанность оставаться на моем нынешнем месте, хотя бы на короткое время. Меня убеждали, что в Вотэбиче еще никогда не проливали так много слез, как в тот день, когда я намекнул, что, возможно, оставлю их. Более сильных доказательств, чем те, какие я получил, они не могли мне дать. Все молились: «Господи, оставь его здесь!» Мистер Кинг заверил меня, что есть проповедники, которыми некоторые очень довольны, но которые все же имеют противников. Но он не слышал еще ни одного, который был бы против меня. Господь сделал меня любимым для людей и я так молод, что они не обращают внимания на многие мои ошибки. Я думаю, это играет в данном деле важную роль. Хуже всего, что я в самом опасном месте — вершина не так безопасна, как спокойная долина. Я знаю, что ты молишься о том, чтобы я остался смиренным, — я тоже делаю это. Если облака проплывают мимо, не дав дождя, как это печально для меня! Несмотря на многие трудности при проповедовании, Слово Божье — большое утешение для меня. Я так сильно желаю, чтобы люди находили спасение и мое утешение, что по неизменному Божьему решению несчетное количество людей предназначены к вечной жизни. Так что мы не напрасно работаем, мы должны приобрести некоторых. Писание гарантирует это.

Я всегда буду радоваться твоим конспектам проповедей. Хотя я не хочу, чтобы они сделали меня ленивым, но они дают правильное направление, если какой-то отрывок мне не сразу ясен. Для тебя это слишком много работы — все их переписывать, но Эрджер, конечно перепишет их для меня... Что касается денег, то я в последнее время купил много книг, они просто необходимы для моей работы, и ты знаешь, что у мистера Л. мало тех книг, которые мне нужны. Но все же я рассчитываю на то, что с Божьим благословением летом у меня будет 15 фунтов или больше. Я думаю (конечно, если Бог благословит меня), то сэкономлю достаточно, чтобы заплатить за колледж. А если нет, в случае, если я должен пойти учиться (в чем ты не совсем уверен), тогда друзья в Кембридже помогут мне. Сделала ли моя сестренка важный шаг и присоединилась ли к церкви? Если нет, скажи ей, что мне стыдно, что она стыдится испове-

дать своего Господа. Не забывайте серьезно молиться за меня... Приветствуйте милую мамочку. Я уверен, что она может рассказать всем матерям мира, что молитвы родителей не забываются. Я верю, что Бог спасает сначала самых плохих. Если ты не веришь этому, то я верю. Я верю, что принес вам больше трудностей, чем другие, но я не желал этого. Верю, что принес вам и радости, и надеюсь, что, хотя и не смогу отплатить за ваши старания, но они восполнятся утешением, что я хожу в истине. Приветствуйте от меня Эмилию... Малыши уже, наверное, выросли. Передай им привет, я надеюсь, что они станут Божьими дочерьми.

Остаюсь ваш любящий сын Чарльз».

Часть недатированного письма Ч. Г. Сперджена к матери. Нет начала:

«Сейчас я вдвойне нуждаюсь в твоих молитвах. Я знаю, что ты будешь за меня молиться, и верю, что уже не раз чувствовал благословение твоих молитв. Господь да благословит вас обоих и понесет вас на Своих могучих руках! Трудностей в жизни у вас было много, но я верю, что утешение сохранит вас в радости и в страданиях, и, хотя мы в отчаянных обстоятельствах, но не отчаиваемся.

Я должен сказать: слава нашему Господу, что Он сделал меня сыном Своим в Своей суверенной милости. Никакое хорошее дело не пропало даром. Я чувствую, как во мне подымается испорченность (а ветхий человек силен), но благодать в критический момент всегда подхватывает меня и спасает от самого себя. Господь держит меня! У меня нет никакой надежды быть хорошим, только посредством Его силы. Я знаю, что Его всемогущая рука совершенно достаточна для меня. Пусть все молятся за меня. Молитва драгоценнее золота, она обогащает меня. Подними твои руки, как Моисей. Во мне и вокруг меня происходит тяжелая битва. Иисус просит за меня. Какая драгоценная мысль для того, кто также нуждается в таком Ходатае! Иегова — Иисус, наш щит, Он близок к нам. Он скорый помощник в беде. Мы живем в Нем, Он — вокруг нас. Кто уничтожит любящих Его?

Однажды я проповедовал на Иоан. 15,9: «Как возлюбил Меня Отец, и Я возлюбил вас; пребудьте в любви Моей». Это значит: (1) *Любовь без начала*. Бог никогда не начинал любить Иисуса. (2) *Любовь без границ*. Бог любит Иисуса безграничной любовью. (3) *Любовь без изменения*. Бог любит Иисуса всегда одинаково. (4) *Любовь без конца*. Когда Бог перестанет любить Иисуса? Точно так любит Иисус тебя и меня.

Самому слабому святому будет награда,
Хотя смерть и ад страшно грозят ему.

Как живут братья и сестры во Христе? Передай привет мистеру Лангфорду, скажи ему, что я хотел бы занимать особое место в его молитвах. Я хочу чувствовать себя «меньше, чем ничего», но это нелегко. Скажи папе спасибо за его письмо. Да благословит Господь господствующих обильно его труд! Тебе я желаю всего хорошего и доброго. Я надеюсь, что твоим рукам уже стало получше. Поцелуй за меня малышей. Да познают они Иисуса! Я радуюсь, что Эрджер продвигается вперед. Да будут услышаны всемогущим Богом твои многие молитвы за нас! Надеюсь, что Эмилии уже лучше. Попроси ее поразмышлять о том, любит ли она Иисуса от всего сердца.

Мне очень хочется знать, как живет тетя. Я уже не раз спрашивал, но еще ничего не слышал о ней. Я не жду из дому много писем. Папа так занят, что я очень удивлен, получая от него столько писем. Если ты хочешь что-то узнать, что я не совсем ясно написал, напиши мне и спроси. Я не хочу иметь тайн от тебя. Я надеюсь всегда делать то, с чем ты тоже согласна.

Еще раз передай сердечные приветы всем

от твоего любящего сына Чарльза».

Выдержка из письма Ч. Г. Сперджена к матери, ноябрь 1852 года:

«Я снова и снова радуюсь, что не пошел в колледж. Бог посылает столько солнца на моем пути, это такая улыбка милости, что я не могу сожалеть, что потерял все шансы для учебы в колледже. Я уверен, что недостаточно любил Бога и Его дело, но хочу лучше быть слабым в Его служении, чем сильным в самом себе. Моя церковь такая же большая и любящая, как всегда. С тех пор как я в Вотэбиче, моим домом каждое воскресенье был другой дом. Так, я был в гостях в 52 семьях, и шесть приглашений еще не смог принять. Не говорите, что люди не заботятся обо мне, потому что они мало платят! Я осмеливаюсь сказать всем под небом — это неправда! Они делают все, что могут. У нас был замечательный годовой праздник. Шесть человек приняли крещение. Много людей было у реки. Церквушка была наполнена до отказа, а также на чаепитии и в собрании».

15. Воспоминания сельского пастора

Когда я стал пастором в Вотэбиче, люди из церкви могли очень мало сделать для моей финансовой поддержки. Поэтому я одновременно был

помощником учителя в одной из школ Кембриджа. Но через некоторое время мне пришлось оставить это занятие, и с тех пор я был полностью зависим от щедрости членов церкви. Они давали мне содержание 45 фунтов в год, но так как мне приходилось платить двенадцать шиллингов в неделю за две комнаты, этих денег не хватало. Но у людей не было денег, зато у них были продукты. Я думаю, что в это время я получал определенную часть от каждой свиньи, которую резали члены церкви. Кто-нибудь всегда приносил мне хлеб, когда приходил на ярмарку в Вотэбич, так что у меня было достаточно мяса и хлеба, и часто я платил этим за квартиру.

В Вотэбиче жил пожилой человек, который был очень жаден. Когда после моего переселения в Лондон я приехал на посещение, то услышал, что он, смертельно больной, лежал в зале на первом этаже дома и дал указание, чтобы его похоронили под окном, чтобы как можно меньше заплатить за похороны. Один из его друзей, который рассказывал о нем, сказал:

— Я не знаю ни одного случая, чтобы он кому-то что-то подарил.

— Ну, — ответил я, — я лучше знаю. Как-то после обеда в воскресенье он подарил мне три полкроны, и так как я хотел купить себе новую шляпу, мне как раз хватило денег.

— Ну, хорошо, — сказал друг, — но я уверен в том, что он никогда не простит себе такую необычную щедрость и свои три полкроны хотел бы снова получить назад.

Он еще не слышал до конца всю эту историю...

В следующее воскресенье старый мужчина опять пришел ко мне и попросил меня молиться за него, чтобы он мог освободиться от греха жадности, «так как Господь сказал мне, чтобы я дал вам четыре полкроны, но я одну оставил себе и с тех пор не могу спокойно спать ни одной ночи, потому что постоянно думаю об этом».

В течение моей жизни я много слышал и читал негативного о дьяконах церкви. Многие братья ругали их, другие трепещут, если только назовешь их имя, третьи же точат свои клинки, как будто дьяконы — это драконы в жизни пастора. У меня никогда не было причины сказать что-то негативное в их адрес. Мои наблюдения подтверждают, что среди дьяконов, как и среди пасторов, есть много хороших. И в пасторате можно найти и хороших и плохих — такое же положение и у дьяконов, — есть благородные, есть и необразованные, капризные. На моем первом пасторском месте дьяконы относились, по моей мерке, к самым лучшим в

мире. Они радовали меня. Это были тяжело работающие в будни мужчины, но все же в воскресенье они усердно трудились для Господа.

Один из этих замечательных братьев, пожилой христианин, сказал мне однажды, когда я был приглашен к нему на обед:

— Мне не хотелось бы, чтобы вы говорили проповеди призывного характера. Они слишком принуждают людей прийти к Иисусу. Я не за это. Потому что это не согласуется с моей верой.

— Ну, — ответил я, — о чем же мне проповедовать?

— Хотя я не люблю таких проповедей, — сказал он, — но все же очевидно, что их любит Господь, так как мой зять под влиянием таких проповедей обратился к Богу. И когда я в следующее воскресенье пришел домой в гневе из-за того, что вы находитесь под большим влиянием Фулера, моя дочь сидела и плакала навзрыд. Итак, — добавил он, — не слушайте меня, старого. Пока Бог благословляет вас, продолжайте делать так, как вы думаете.

— Но не думаете ли вы, дорогой брат, — спросил я, — что если Бог любит такие проповеди, то вы тоже должны любить их?

— Может быть, но я старый человек и так воспитан. Я боюсь, что мне уже не выбраться из этого. Но вы можете совершенно не обращать внимания на то, что я говорил.

Именно это я и решил делать, и мы снова были одного мнения.

Одного из моих дьяконов в Вотэбиче звали Кинг. Он был очень методичным человеком и в замечательном порядке содержал церковную кассу и другую документацию. Это был спокойный, рассудительный, справедливый брат, с большим запасом усердия и теплоты. Его жена была для него идеальной помощницей, и не было во всем селе другой такой пары, которая превосходила бы их в доброте и мудрости. Один раз Кинг в своей деликатности дал мне дружеский намек. Он не говорил, чтобы я осторожнее говорил с кафедры, но когда я как-то утром в понедельник оставил его дом, то нашел в Библии булавку, заложенную на Тит. 2,8: «...слово здоровое, неукоризненное, чтобы противник был посрамлен, не имея ничего сказать о нас худого». Это было очень тактично сделано. Мудрое наставление было действительно заслужено и с удовольствием принято. Оно было так удачно сделано, что его значение безгранично повысилось. Господин Кинг был для меня и для церкви в Вотэбиче самым лучшим дьяконом.

Какое-то время в деревни, где я проповедовал, со мной иногда ходил один мужчина. Я радовался его присутствию, но когда узнал, как он

живет, я тут же отказался от него. Может, после этого он присоединился к кому-то другому, потому что ему каждый вечер нужно было быть в пути. У него было много детей, которые вырастали неверующими, и причина была в том, что отец постоянно бегал на собрания, но никогда не пытался привести ко Христу хотя бы одного из своих детей. Однажды он сказал мне:

— Я еще никогда не поднимал руки на детей.

— Тогда Бог едва ли поднимет когда-нибудь руку на вас, — ответил я.

— Но, — продолжал он, — я строго разговаривал с ними.

— Тогда Бог, вероятно, тоже очень строго будет разговаривать с вами, так как это не Его воля, чтобы родители и дети оставались жить в грехах.

В той местности жил другой мужчина, который каждое воскресенье приходил издалека, чтобы услышать то, что он называл «правдой». Но его жена и никто из детей не ходили на богослужение. Когда я очень серьезно говорил с ним об этом, он сказал:

— Господь спасет Своих.

Я не мог не ответить ему, что он не принадлежит Богу. Он хотел знать, какое право я имею так говорить ему, и тогда я сказал ему библейский текст: «Если же кто о своих и особенно о домашних не печется, тот отрекся от веры и хуже неверного» (1 Тим. 5,8).

Один из его товарищей сказал мне однажды, что знает, сколько верующих живет в нашей окрестности. Их всего пятеро. Я хотел услышать их имена, и спросил, кто же эти пятеро. Мне было немного смешно. Он начал словами:

— Я — первый из них.

Я прервал его и спросил, действительно ли он уверен, что он — один из них. С этого момента его хорошее поведение улетучилось. Он — первый из пяти — и еще несколько других из этого черного сорта составляли эту пятерку. Но «Господь знает Своих».

Я также встречал и во время моего служения в Вотэбиче, и после многих людей, которые утверждали, что они совершенны. Они говорили, что могут жить многие месяцы и годы, не греша против Бога.

Если человек думает о себе, что он совершенный христианин, тогда он напоминает мне одного бедного юношу, с которым я как-то познакомился. У него была слишком большая по отношению к туловищу голова, так что он часто должен был класть ее на подушку, потому что она была

слишком тяжелой для его плеч. Его мать рассказывала мне, что часто, желая встать, он теряет равновесие, так как его голова перевешивает. Есть люди, которые, кажется, очень быстро выросли, но у них в голове — вода, и пропорция не соблюдается. Кто действительно растет в благодати, тот не говорит: «Как замечательно! Я могу чувствовать, как я расту. Славьте Господа! Давайте споем песнь хвалы: «Я расту! Я расту!».

Я же часто имею такое впечатление, что становлюсь все меньше, и считаю это правильным. Если мы в собственных глазах велики, то только потому, что мы полны раковых опухолей, или нарывов, которые вообще-то нужно оперировать, потому что злокачественная причина, приводящая нас к прославлению нашего роста, должна быть удалена.

Я каждый день переживаю в себе борьбу с лукавым. Я желал найти в себе что-то такое, что доброжелательно относилось бы к благодати, но до сих пор только и мог установить, что все во мне восстает против Бога.

Проходя через деревни графства Кембриджа, чтобы посещать и проповедовать, я часто был печален, видя, особенно на стенах бедных домов, римско-католические картины и, думаю, причина в том, что они были очень дешевы. К моему ужасу, я даже видел картину, на которой Бог Отец был изображен в виде старика — представление почти отвратительное, чтобы описать его. И все же эта картина висела в крестьянском доме в Англии. Хотя Бог ясно повелел, чтобы не пытались делать никакого изображения Его Личности! Каждая попытка делать такое — это непослушание и даже богохульство.

Я также печалился, если встречал среди деревенских жителей незнание о пути спасения. Как-то в их голове укоренилось, что они потому не могут спастись, что неграмотны. Иногда, когда я спрашивал о личном спасении, то получал ответ: «О господин, я неграмотен». Люди рассматривали это как достаточное оправдание тому, что они не оставили грех и не доверяли Искупителю. И все же именно неграмотные не должны оставаться вдалеке от Христа. Об одном старом греческом философе рассказывают, что он написал над своей дверью: «Никто, кроме образованных, не может войти сюда». Но Христос пишет на Своей двери обратное: «Кто простодушен, может войти сюда». Я могу подтвердить, что многие из простого народа приняли приглашение Искупителя, и удивительно было смотреть, с какой убежденностью они применяли к себе истины веры. Многие из них стали действительными мастерами в деле Божьего образования. Иногда я думал, что если бы титул имели те, которые заслужили его, то пришлось бы дать титул тем, кто шел за плугом или стоял

за верстаком, так как часто крестьянин имеет в своем мизинце больше духовности, чем современный богослов во всем теле. «Разве богословы не понимают Божественного?» — спросит кто-нибудь. Да, что касается буквы, а на практике, когда речь идет о духе и жизни, тогда DD (Doctor of Divinity — доктор богословия) часто означает вдвойне глупый.

В самом начале моего служения в Вотэбиче был такой забавный случай, который я не могу забыть. Однажды один господин пригласил меня к себе, он был как раз мэром Кембриджа и часто пробовал исправлять мои юные ошибки. Он спросил, действительно ли я сказал в церкви, что если вор попадет на небо, то опустошит карманы у ангелов.

— Да, сэр, — ответил я. — Я сказал им, что если было бы возможно, чтобы безбожный человек попал на небо, не изменив природы, то он там ни на грамм не будет лучше, чем здесь. И, как пример, я сказал, что если вор придет в рай среди спасенных, он все еще будет вором, и будет расхаживать там и очищать карманы ангелов!

— Но, мой юный друг, — спросил мистер Бримлей очень серьезно, — разве вы не знаете, что у ангелов нет карманов?

— Нет, — ответил я так же серьезно, — я не знал этого, но рад, что мне сказал об этом господин, который знает об этом. Я обращаю на это внимание, и постараюсь правильно все передать, как только мне представится такая возможность.

На следующее утро, в понедельник, я пошел в бюро господина Бримлей и сказал ему:

— Господин Бримлей, я вчера выяснил этот вопрос.

— Что за вопрос? — спросил он.

— Ну, конечно же, с карманами ангелов!

— Что же вы сказали на этот раз? — спросил он меня тоном, который звучал почти отчаянно в предчувствии, что он сейчас услышит.

— Ах, я просто сказал, что в своей последней проповеди сделал, к сожалению, ошибку. Но я встретил одного господина, мэра города Кембриджа, который убедил меня, что у ангелов нет карманов. Значит, сказал я, мне нужно сделать поправку, так как я не хочу, чтобы кто-то пошел домой с неправильными представлениями о небе. Поэтому я хочу сказать, что, если вор без изменения своей природы попадет к ангелам, то попытается украсть у них перья из крыльев!

— Неужели вы действительно сказали это? — спросил мистер Бримлей.

— Ну, конечно, — ответил я.

— Тогда, — воскликнул он, — я никогда больше не буду пытаться исправлять вас.

Это я и хотел услышать от него.

Однажды в Вотэбиче передо мной была сонная церковь. Это было в воскресенье после обеда. Эти воскресные богослужения в наших английских селах — это обычно ужасное расточительство энергии. Жаркое и пудинг тяжелым грузом лежат в желудке слушателей и сам проповедник тоже парализован в своем мышлении, потому что это время затрачивается для переваривания пищи. Люди слишком много поели в обед, и поэтому они приходят в церквушку усталые и ленивые, и через некоторое время многие засыпают. И, чтобы разбудить их, я попробовал старый метод. Я изо всех сил крикнул:

— Пожар! Пожар! Пожар!

Некоторые слушатели, вскочив со стульев, спрашивали меня, где он. Я ответил им то же самое, что отвечают в таких ситуациях другие проповедники:

— В аду, для грешников, которые не хотят принять Искупителя.

В следующий раз у меня были трудности совсем другого рода. Я проповедовал в воскресенье утром, а потом с одним братом пошел из церкви к нему на обед, как я обычно делал. Между утренним и послеобеденным богослужениями была такая короткая пауза, что почти невозможно было подготовиться к нему душу, так как обед хотя и необходимость, но все же очень снижает способность восприятия. Я заботливо составил диетический план и сохранял себя в хорошей кондиции. Но, к своему ужасу, я заметил, что забыл главную мысль моей проповеди. Я просто не мог найти проповедь, которую приготовил. И, как я ни напрягал свою память, пропавшая проповедь не хотела возвращаться. Времени было мало, начался последний час, и я взволнованно рассказал доброму крестьянину, у которого был в гостях, что не могу вспомнить, о чем же я должен проповедовать.

— О, — сказал он, — ничего страшного. Я уверен, что вы найдете для нас доброе слово.

Именно в это мгновение из печи выпала горячая головешка и упала к моим ногам. Дым подступил к лицу.

— Вот, — сказал крестьянин, — вот вам ваш текст: «...не головня ли он, исторгнутая из огня?»

«Нет, — думал я, — она не спасена, а выпала. И все же здесь был текст,

пример и главная мысль, из которой можно сделать больше. Поразмыслив, я, наконец, имел неплохую проповедь, не хуже, чем подготовленную. Она в каком-то смысле была даже лучше, так как в конце собрания один или двое прошли вперед и признались, что через эту проповедь их объят страх и они покалялись.

(Мы хотим привести план этой проповеди. Эти заметки были записаны позднее. Номер под заметками означает, что эта проповедь, произнесенная в Вотэбиче, была 412, ему было тогда восемнадцать лет, и что он на эту тему говорил еще в шести различных местах.)

Зах. 3,2. Головня, спасенная из огня. Поводом, побудившим к этой теме, была головешка, выпавшая из печки.

I. Заметки на слова текста:

«Головня» — легко сгораемый материал, как другие «головни»,
«из огня» — не от огня — чтобы показать большую опасность,
«спасен» — через большую силу благодати и всемогущество.

II. Примеры спасения из огня:

Спасение в самый последний момент.

Пожилой возраст некоторых.

Природная испорченность сердца.

Греховные привычки, которым они подвержены.

Искушения и испытания после покаяния.

Духовность закона.

Невообразимая цена нашего выкупа.

III. Как я могу знать, что я один из них?

Можешь ли ты вспомнить о своем спасении?

Ненавидишь ли ты тот огонь?

Любишь ли ты другие спасенные головни?

Благодарен ли ты Богу за Его милость?

412, 415, 416, 418, 438, 560, 566

В 1853 году меня попросили проповедовать на ежегодной встрече союза воскресных школ Кембриджа в городском зале города. Кроме меня, должны были говорить еще два проповедника, а так как они были старше меня, то, само собой разумеется, что я должен был начать первым. Я уже ничего не помню, о чем я тогда говорил, но уверен, что сказал, как обычно, очень прямо и открыто. Во всяком случае, думаю, что в моей речи не было

ничего, что могло бы вызвать внезапное нападение двух других проповедников, когда подошло их время. Особенно один из них казалось был задет лично. Он очень прямо высказался о моей молодости и сказал затем, — для него это было по-видимому самым ужасным — что это стыд, если молодые люди не следуют библейской практике и не остаются в Иерихоне, пока отрастут их бороды, прежде чем пытались бы указывать старшим.

Получив разрешение председателя, я напомнил слушателям, что те, которые ждали в Иерихоне, были не молодыми людьми, но взрослыми мужчинами, которым враги обрили бороды, что считалось в то время самым большим позором, какой только можно было себе представить. Поэтому они стыдились возвратиться домой, пока не отрастут их бороды. Затем я добавил, что этот случай можно применить к проповеднику, который открыто впал в грех и этим обесчестил свое святое служение. В таком случае необходимо на какое-то время отстранить его от служения, пока он в какой-то мере не вернет свою хорошую репутацию. Получилось, что я верно описал того человека, который так несправедливо напал на меня, и вследствие этого все присутствующие, которые знали об этом, точно не забудут этот день.

В этот вечер был также один господин из графства Эссекс — Георг Гоулд из Лондона — который в этой неприятной ситуации сочувствовал мне и находился под сильным впечатлением услышанного. Этот господин встретился позднее в Лондоне со старым Томасом Оулни, одним из дьяконов в церкви на Нью-Парк-стрит в Лондоне. Он усиленно советовал ему постараться, чтобы я занял свободное место проповедника в этой церкви. Так он стал в руке Божьей орудием моего переселения из графства Кембридж в центр Англии.

16. Зов в Лондон

После того как я уже год проповедовал в Вотэбиче, меня все чаще стали приглашать на разные праздники и другие особые служения в различные места. Иногда я переживал там странные вещи. Одной из самых эксцентричных личностей, которых я встречал при этом, был Потто Браун, мельник из Хаугтона. Он попросил меня прийти проповедовать в его церквушке, и я с субботнего вечера до утра в понедельник имел счастливое мучение быть его гостем, — не могу подобрать другого выражения,

чтобы описать удивительную смесь чувств, которую я пережил под его крышей. В первую ночь не случилось ничего важного. Но когда я утром спускался по лестнице, мистер Браун сказал мне:

— В воскресенье утром мы всегда варим на завтрак проповеднику два яйца. Содержащийся в них фосфор питает мозг, а по всему видно, что сегодня вы особенно нуждаетесь в духовной пище.

Я ничего не ответил на это замечание, решив, что нужно немного подождать. Когда же затем я открыл огонь, то дал по нему несколько залпов, на которые он не рассчитывал. В этот день было три богослужения: господин Браун проповедовал утром, проповедник из соседнего села — днем, а я — вечером. Когда мы, наконец, вернулись в дом мистера Брауна и поужинали, мой хозяин, пригласивший меня в гости, откинулся в кресле, закрыл глаза, сложил вместе ладони и начал громкий разговор с самим собой: «Господь, мы благодарим Тебя за этот очень хороший день! Утром, Господь, Твой недостойный слуга имел право говорить во имя Твое — с определенной мерой искренности, и он надеется, что в определенной мере имел внимательных слушателей. После обеда благородный брат говорил хорошую, здоровую, солидную евангельскую проповедь — не очень блестящую, но все же, вероятно, полезную. Вечером, Господь, мы имели настоящую паровую машину — она дробила все и всех». Затем он открыл глаза, посмотрел на меня и начал разговор, который, насколько я помню, проходил так:

— Молодой человек, кто сказал вам, что вы можете проповедовать?

— Я верю, что Господь призвал меня на это дело, и я встречал уже много людей, которые думают так же, — ответил я.

— Как долго вы уже проповедуете? — спросил Браун.

— Чуть больше двенадцати месяцев.

— И сколько душ вы спасли в последний год?

— Ни одной.

— Ни одной? Вы уже двенадцать месяцев пастор, и не спасли еще ни одной души? Вам должно быть стыдно говорить такое. Во всяком случае, если вы всегда говорите так, как сегодня вечером, то меня не удивляет, что еще ни одна душа не спасена.

— Я не говорил, что еще ни одна душа не спасена. Я только сказал, что я еще никого не спас. Я радуюсь тому, что могу сказать: Господь использовал меня, чтобы спасти некоторых, — ответил я.

— Большинство ваших братьев сказали бы: «Меня недостойного использовал», и все равно они горды как Люцифер. Но это так принято

между проповедниками. Вы очень хорошо знаете, что я имею в виду. Ну, сколько вы спасли?

— Я думаю, двадцать одну, — ответил я.

— Как часто вы проповедовали?

— Три раза в воскресенье и один раз в неделю в Вотэбиче, и почти каждый вечер на неделе еще где-нибудь, — сказал я.

— Мы посчитаем только воскресные проповеди — утренние и вечерние. На богослужениях после обеда никто не находит спасение, люди после обеда просто сонные. Значит, можно сказать, что 83 проповеди были напрасными! Да, можно даже сказать, что напрасными были 103 проповеди, так как двадцать один человек могли быть спасены на одном богослужении. Живете ли вы в Вотэбиче?

— Нет, я живу в Кембридже, где работаю в школе.

— Поэтому! Вы только ученик, который только пытается проповедовать! Ваше служение — это только побочное занятие, которое совершается при возможности. Какую зарплату вам дают люди?

— Сорок пять фунтов в год.

— Теперь все ясно! Получая ниже ста фунтов в год, нельзя спасти никаких людей. Конечно, это действует только там, где люди что-то имеют и могут отдать, и все же этого едва хватает для одного проповедника. Итак, мой юный друг, я хочу дать вам совет: вы никогда не станете хорошим проповедником. Оставьте это служение и работайте учителем.

Когда я позднее напоминал ему об этом совете и его предположении, тогда он обычно говорил: «Никто не знает, что может выйти из человека, если дать ему немного времени для изменения. Без сомнения, моя острая речь подтолкнула вас собрать все свои силы». Так оно и было, только по-другому, чем он думал.

Другим необыкновенным человеком, с которым я познакомился в первое время служения, был старый господин Сатон из Кэтенхэма. Он никогда не видел меня, но слышал, что я — молодой, но уже довольно известный проповедник. Он пригласил меня проповедовать на празднике. Утром, когда пришел этот пожилой человек, я был в сакристии* в церквушке. Он сильно удивился, заметив, как я молод. После нескольких холодных приветствий он сказал:

* — побочное помещение в церковном здании

— Я бы не пригласил вас, если бы знал, что вы так молоды. Все утро сюда идут люди. По всем дорогам они едут на подводах и ослax — огромная толпа глупцов, — добавил он.

— Ну, — сказал я, — я могу в любое время вернуться в Вотэбич. Думаю, что мои люди будут очень рады, если я снова буду там.

— Нет, нет, — сказал старый пастор, — теперь вы здесь, и должны сделать лучшее со своей стороны. Здесь еще один молодой друг из Кембриджа, он поможет вам, мы не будем ожидать от вас многого. — И, открыв дверь в зал церкви, он еще пробормотал: — Ах, Боже мой, что будет с этим миром, когда у нас проповедуют дети, которые еще не проглотили материнское молоко!

Мое время подошло. Я поднялся на кафедру, пройдя мимо старого пастора, который сидел на ее ступеньках, видно, готовый в любую минуту продолжить богослужение, в случае, если я не смогу закончить. После молитвы и пения я прочитал из книги Притч главу, которая содержит такие слова: «Седые волосы — это венец чести». Дочитав до этого места, я остановился и заметил:

— Я сомневаюсь в этом, так как сегодня утром встретил человека с седыми волосами, который не имеет даже простой вежливости к своему ближнему.

Затем я продолжил читать:

— «На пути праведности ее можно найти», ага, — сказал я, — это конечно, что-то совершенно другое. Седые волосы только тогда являются венцом чести, когда их владелец праведен. Тогда это имеет значение и для красного волоса и для волос всех цветов, — я продолжил проповедь и выдал самое лучшее, на что был способен.

Когда я спустился с кафедры, господин Сатон похлопал меня по плечу и воскликнул:

— Это было замечательно! Я проповедник уже около сорока лет, и еще ни одна проповедь так не понравилась мне. Но из собак, которые когда-либо лаяли на людей, вы — самая кусачая.

По дороге домой он снова и снова переходил улицу и подходил к маленьким группам людей, дискутирующим по поводу проповеди. Я слышал, как он сказал:

— Такого я в своей жизни еще не переживал. Подумать только, как неприветливо я его встретил!

Господь благословил эту проповедь, мы прекрасно поладили друг с другом, и с тех пор господин Сатон и я — лучшие друзья.

В последнее воскресенье ноября 1853 года я, как обычно, шел из Кембриджа в Вотэбич, чтобы там подняться на кафедру маленькой баптистской церквушки. Это была сельская дорога, где-то пять-шесть миль, которые я проходил пешком. В это зимнее утро я как раз был готов подняться на кафедру, когда мне вручили письмо с лондонским штемпелем. Это было необычное письмо. Я тут же открыл его и прочитал приглашение проповедовать в церквушке на Нью-Парк-стрит, Сауфвок — это кафедра того доктора Риппона, песенник которого лежал на столе передо мной. Он недавно умер, имя его было очень известным и имело большое влияние на членов церкви церквушки на Нью-Парк-стрит. Я тихо передал письмо через стол дьякону, который подал его мне, и высказал предположение, что оно адресовано другому господину Сперджену, который в то время проповедовал в графстве Норфолк. Он покачал головой, сказав: «Боюсь, что это не ошибка». Он всегда знал, что его пастор когда-нибудь убежит в большую церковь. Но все же он был немного удивлен тем, что лондонцы так быстро услышали обо мне.

— Если бы это был Кэтенхэм, или Св. Ивес или Хантингтон, — сказал он, — тогда я бы не удивился. Пойти в Лондон из этой маленькой деревни — это все-таки ответственный шаг.

Он покачал головой. Но пришло время выбирать песни, письмо положили в сторону и, насколько я помню, в этот день о нем больше не вспоминали.

Через некоторое время пришло второе письмо, которое подтвердило, что первое письмо было адресовано молодому проповеднику и только ему одному. Прошение, изложенное в первом письме, повторялось и усиливалось тем, что для поездки в Лондон была предложена дата и, кроме этого, был указан адрес, где проповедник мог переночевать.

Я принял это приглашение. Вот так получилось, что молодой проповедник из Марчленда поехал в Лондон.

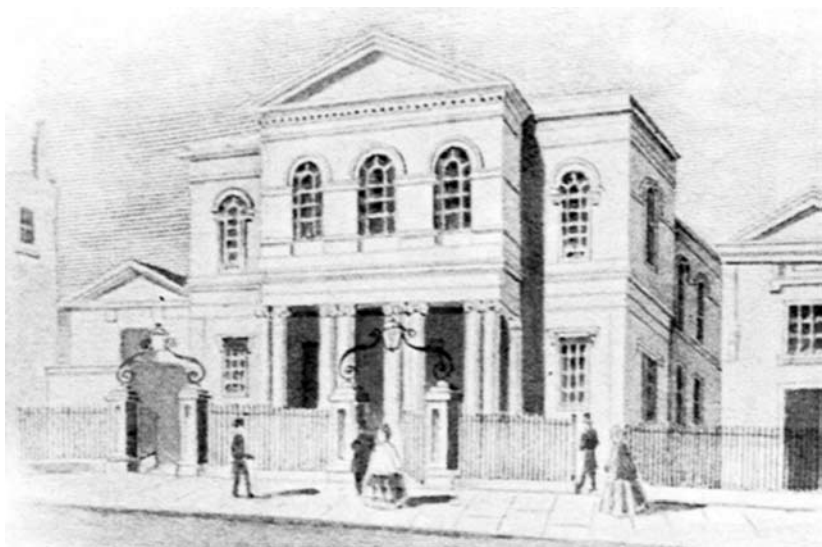
Я очень ясно, как будто это было вчера, помню, как переночевал в пансионе на Квен Скаре, Блумсбери, который указал мне уважаемый дьякон. Так как я носил большой черный сатиновый воротник и пользовался синим платочком в белую крапинку, молодые господа в пансионе очень удивлялись, глядя на юношу из села, который приехал в Лондон проповедовать, и у которого, как говорится, еще «зелено за ушами». В большинстве своем они принадлежали к англиканской церкви и, казалось, забавлялись над тем, что мальчик из села — проповедник. Они и не собирались пойти послушать его, но как будто молча сговорились

Молодой проповедник в баптистской церкви на Нью-Парк-стрит, в Лондоне.

по-своему утешать меня. И как они меня ободряли! Какие только истории они не рассказывали о великих проповедниках центра и их богослужениях! Один, как я помню, имел тысячи слушателей, церковь другого состояла исключительно из интеллигенции. Третий своей способностью говорить захватывал великое множество слушателей, большинство из которых составляла молодежь Лондона. Подготовка этих мужей к проповедям, их чрезвычайные способности проводить собрания, и, наконец, бесчисленное количество слушателей, которых они собирали при каждой возможности, — все это осталось в моей памяти.

Когда мне после этого показали постель в комнате такой большой, как стенной шкаф, которая располагалась над входной дверью, я был в таком состоянии, что о прекрасных снах не могло быть и речи. Никогда больше гостеприимность Нью-Парк-стрит не помещала в эту комнату юного проповедника. Без сомнения, этот субботний вечер в лондонском пансионе был такой тяжестью, которую едва можно было перенести. В одиноком мучении я ворочался на узкой кровати, не видя ни в чем никакого сострадания. Без всякого сочувствия на улице постоянно гремели экипажи, безжалостно мелькали в моей голове воспоминания о молодых горожанах, которые с жестокостью и с насмешкой смотрели на мою неотесанность, казалось, что даже фонари, колыхающиеся в декабрьской темноте, без сострадания показывали на меня пальцами. В этом городе, полном людей, у меня не было ни одного друга, и я чувствовал себя как чужой. Я надеялся выбраться из этой ловушки и убежать

Церковь на Нью-Парк-стрит.

в безопасность Кембриджа и Вотэбича, которые казались мне теперь Едемским садом.

Воскресное утро было ясным и холодным. Я прошел через Холборн-Хилл в Блэкфриас и затем через узкие улицы и аллеи — до моста Сауфвок. Я шел, удивляясь, молясь, страшась, надеясь, веря. Я чувствовал себя одиноким, и все же я был не один. В ожидании Божьей помощи и все же внутренне подавленный сознанием необходимости этой помощи я шел через каменную пустыню, пока нашел место, где должен был проповедовать. Я не понимал, почему, но мне в голову снова и снова приходило одно место Писания: «Он должен был проходить через Самарию». Знакомая Господу необходимость идти в определенном направлении повторяется и у Его служителей. И так как я не выбирал свой путь и он мне никоим образом не нравился, по крайней мере, до сих пор, то мысль «Он должен был», казалось, заглушала все другие.

Когда я увидел перед собой церквушку на Нью-Парк-стрит, то на одно мгновение я был удивлен своей смелостью. В моих глазах эта церквушка была огромным, богато украшенным и внушительным зданием, говорящим, что ее богатые и в то же время критически настроенные слушатели совсем не такие, как простые люди, которым мое служение приносило радость. Я пришел туда очень рано, там еще никого не было.

И, когда пришло назначенное время, не осталось даже никакого намека на то, о чем, казалось, говорил облик здания. У меня было впечатление, что с Божьей помощью у меня здесь не последнее место.

Господь милостиво помог мне, это воскресенье за кафедрой для меня было радостным, и время между собраниями я проводил с хорошими друзьями. Когда вечером я вернулся в свою узкую комнату на Квен Скаре, я уже не был больше один, и лондонцы для меня больше не выглядели жестокими варварами. Мое настроение полностью изменилось. Мне не нужна была больше сострадательность, я больше не обращал внимания на молодых господ, которые жили со мной в пансионе, и на их удивительных проповедников, а также на постоянный шум экипажей или что-то другое под луной. Я осмотрел льва со всех сторон, и его величие уже не казалось даже десятой частью того, что я подумал о нем, когда услышал вдалеке его рычание.

Друг, который провожал Сперджена в этот вечер в пансион, был Иосиф Пассморе. В этот вечер между ними началась дружба и сотрудничество на всю жизнь, как в церкви, так и при издании трудов Сперджена.

17. Начало долгого пасторского служения, 1854 год

Когда я вошел в церковь на Нью-Парк-стрит, там была небольшая группа — примерно двести человек, перед которыми я проповедовал, и все же я не могу забыть, как серьезно они молились. Не один раз торжественность нашего общения вызывала в нас благоговение, так что мы некоторое время сидели тихо, в то время как сила Божья, казалось, покрывала нас. Все, что я мог тогда сделать, попросить благословения и сказать:

— Дорогие друзья, сегодня вечером мы пережили действие Духа Святого. Когда вы пойдете домой, будьте осторожны, чтобы не потерять Его милостивое действие в нас.

Наконец пришло благословение Божье на нас, и дом наполнился слушателями, и много душ обратились к Господу. Всю честь за все это я всегда отдаю Богу. Но при этом не забываю, какое преимущество Он подарил мне: ведь с самого начала я имел бесценное право проповедовать перед молящейся церковью. На Нью-Парк-стрит проводились молитвенные встречи, которые глубоко трогали наши души.

Меня испугало действие моих проповедей. Мысль о карьере, которая, казалась, открывается мне, не делала меня гордым, но еще больше повергала на колени. Тогда я мог еще только взывать: «помилуй меня», но не «слава в вышних Богу». Кто я такой, что должен трудиться и вести такую большую массу людей? Я хотел вернуться назад, в укромное село, или выехать в Америку и где-нибудь в лесах найти одинокое гнездо, где я мог исполнить то, на что был способен. Это было время, когда поднимался занавес моей жизни, и я боялся того, что откроется для меня за этим занавесом. Меня согревала надежда, что я был не без веры, но в то же время был полон страха и преисполнен сознанием моей непригодности. Я боялся дела, которое приготовило для меня милостивое Провидение. Я чувствовал себя как маленький ребенок и трепетал, когда услышал голос, который говорил мне: «Поднимись, разбей горы и сделай их сечкой». Это уныние каждый раз находит на меня, когда Господь готовит для меня еще большее благословение. Облако становится черным, перед тем как разразиться дождем, и покрывает небо, прежде чем излить потоки благодати. Очищение сосуда сделало его пригодным для служения Господу.

Я мог бы рассказать много историй об удивительных покаяниях, которые произошли в эти дни. Однажды, когда я был в сакристии, пришел один ирландец, чтобы поговорить со мной. Глубоко поклонившись мне, Пат начал разговор:

— Господин пастор, я пришел что-то спросить у вас.

— Что у вас за вопрос, и почему вы не пошли с ним к своему пастору? — спросил я.

— Я был у него, но его ответ не понравился мне, — ответил он.

— Ну, хорошо, что у вас за вопрос?

— Бог праведен. И если Бог праведен, тогда Он должен наказать меня за грехи. А вы все же говорите, что Бог милостив и хочет прощать грехи. Я не могу понять, как это согласуется. Бог не имеет права делать такое. Он должен быть справедливым и наказать тех, кто заслужил это. Скажите мне, как это возможно, что Бог является справедливым и в то же время может быть милостивым?

— Это возможно через Кровь Христа.

— Да, мой пастор сказал точно так же, в этом пункте вы очень похожи на него. Но он сказал еще многое другое, чего я не понял, и к тому же его

ответ не удовлетворил меня. Я хочу знать, как Кровь Христа заставляет Бога быть праведным и справедливым.

Тогда я понял, что он собственно хотел знать, и объяснил ему план спасения.

— Теперь Пат, представьте себе, что вы убили человека и судья сказал бы вам: «Этот ирландец должен быть повешен».

— И я это полностью заслужил, — быстро сказал Пат.

— Но, например, я очень любил бы вас. Можете ли вы представить себе, как бы я мог спасти вас от виселицы?

— Нет, не могу.

— Ну, предположим, что я пошел бы к королеве и сказал: «Пожалуйста, ваше величество, я очень люблю этого ирландца. Я верю, что судья вынес правильный приговор, сказав, что он должен быть повешен. Но повесьте меня за него, чтобы исполнить закон». Ну, королева, вероятно, не смогла бы принять это предложение. Но предположим, что она смогла бы, и Бог может, так как у Него намного больше власти, чем у всех королей и королев. И вот королева повесила меня за ваше преступление. Вы думаете, что после всего этого может прийти полиция и повести вас на суд?

— Нет, не думаю. Они больше не занимались бы мной. И если бы они это делали, то я сказал бы им: «Что вы делаете? Оставьте меня в покое. Вы же не будете наказывать двух людей за одно и то же преступление?»

— Видите, мой друг, вот вы и ответили на свой вопрос. В этом путь нашего спасения! Бог должен наказать грех. Христос сказал: «Мой Отец наказывает Меня вместо грешника!», и Бог сделал это. Бог все бремя наших грехов возложил на Своего возлюбленного Сына, Иисуса Христа. И теперь, когда Христос был наказан за наши грехи, Бог был бы несправедлив, наказав грешника, который верит в Иисуса Христа. Если вы верите Иисусу Христу, Возлюбленному и единокровному Сыну Божьему, тогда вы спасены и можете продолжать свой путь в радости.

— Верю, — сказал мужчина и захлопал в ладоши, — это и есть Евангелие. Теперь Пат спасен. Он доверяет тому Человеку, Который умер за него, за его грехи, и он спасен.

Другое удивительное покаяние было на Нью-Парк-стрит у одного мужчины, который в воскресенье постоянно шел в трактир. Он увидел у дверей церквухи скопление людей, и ему стало интересно, что там случилось. Итак, он вошел и проложил себе дорогу в середину зала. Именно в этот момент я повернулся в его сторону. Не знаю, почему я это сделал, но сказал, что, может быть, есть кто-то в зале, который вошел не

с хорошими намерениями, так как еще и теперь у него в кармане видна бутылка водки. Мужчина услышал эти слова и был так удивлен, как это проповедник мог так точно описать его, что стал очень внимательно слушать предупреждения, следовавшие за этим. Слово коснулось его сердца, милость Божья охватила его, он покался и скоро стал жить в смирении и страхе Божьем.

В другой раз в этом же самом здании нашла Спасителя одна бедная блудница. Она задумала покончить жизнь самоубийством на Блэкфриарском мосту, но, проходя в воскресный вечер мимо церкви, решила войти. Она хотела в последний раз услышать что-то, что, может, приготовило бы ее, прежде чем она предстанет перед своим Творцом. Она протиснулась на боковую продольную галерею и не могла теперь выйти, даже если бы и захотела. Текст этим вечером гласил: «Видишь ты эту женщину?» Я описал городскую женщину, которая была известной грешницей, и нарисовал перед слушателями, как она слезами мыла ноги Спасителю и отирала своими волосами, так как она сильно возлюбила Его, и ей много было прощено. Во время моей проповеди эта несчастная женщина заливалась слезами при мысли, что здесь, перед собранием, изображается ее собственная несчастная жизнь. Я был очень рад, во-первых, спасти бедное творение от самоубийства и, во-вторых, быть орудием в спасении ее от вечной гибели.

Многие подобные дела благодати случались в Табернакле* и позднее. Мужчины и женщины заходили из любопытства — любопытство, вызванное порой лживой историей или злой клеветой предубежденных людей. И все же Иисус Христос позвал их, они стали Его учениками и нашими дорогими братьями и сестрами. Некоторые из них, от которых это едва ли можно было ожидать, позднее стали очень активными тружениками на Божьей ниве.

С тех пор, как я жил в Лондоне, то никогда больше не готовился к молитвенному собранию, чтобы научиться говорить без подготовки. Это было лучше всего. Конечно, я не выбирал при этом тяжелые или сложные темы, обходясь более простыми, которые я хорошо знал, как, например, элементы веры. Я рассуждал: «Что занимало меня целый день? Что мне встретилось в прошедшую неделю при чтении Библии? Что в данное мгновение лежит у меня на сердце? О чем говорится в песнях и молит-

* Молитвенный дом (англ.).

вах?» Конечно, бессмысленно встать перед собранием и надеяться, что Бог будет наполнять тебя неизвестными вещами, о которых ты ничего не знаешь. Кто будет поступать так глупо, тот ничего не сможет сказать, и в результате люди уйдут домой голодными. Но я не знаю, почему нельзя говорить о какой-то теме неподготовленным, если действительно понимаешь ее. Каждый предприниматель, который действительно знает свое дело, может в любое время объяснить его, не тратя время на обдумывание. Так же хорошо я должен знать основные принципы нашей святой веры. Я никогда не должен беспомощно молчать, если меня попросят говорить о вещах, которые являются моим ежедневным хлебом.

Однажды, когда я проповедовал в церкви на Нью-Парк-стрит, у меня было совершенно особенное переживание. В этот вечер я довольно рано пришел на богослужение и как раз предложил спеть песню. Когда я открыл Библию, чтобы найти текст, который особенно тщательно изучал для проповеди, мне вдруг бросился в глаза текст с противоположной страницы. Он был как лев, выпрыгнувший из чащи с невероятной силой, намного большей, чем я раньше чувствовал при чтении этого места. Люди пели, а я боролся с собой, и в моей голове для обоих мест было достаточно аргументов. Естественно, я бы охотнее изложил то, что тщательно приготовил, но другой текст не соглашался, чтобы я оставил его. Он, казалось, тянул меня за одежду и кричал: «Нет, нет, ты должен обо мне проповедовать! Бог хочет, чтобы ты говорил обо мне». Рассуждая, что же мне делать, так как я не хотел быть ни фанатичным, ни неверующим, я, наконец, решил: «Ну, хорошо, собственно я должен был сказать проповедь, которую приготовил, и это, конечно, большой риск, если я выберу новый текст. Но так как он не дает мне покоя, то может быть это от Господа, и потому я хочу осмелиться». Обычно я сразу же после вступления говорю, какие пункты будут в моей проповеди, но на этот раз я не сделал этого из добрых побуждений. Первый пункт я мог свободно осветить и все было в порядке, несмотря на то, что говорил без подготовки. На втором пункте я пережил присутствие необычной действующей силы, но у меня не было никакого предчувствия, что будет в третьем пункте, так как текст не содержал для меня никакого следующего пункта. И даже сегодня не могу сказать, что бы я делал, если бы не случилось то, чего я не ожидал. Я привел себя в большое затруднение, последовав тому, что принял за Божественный импульс. Я чувствовал себя относительно уверенно, потому что верил тому, что Бог мне поможет, и потому что знал, что я, по меньшей мере, смогу закончить

богослужение, если больше нечего будет сказать. Но мне не понадобилось решать это, потому что вдруг мы оказались в крошечной тьме. Газ потух, и так как боковые галереи были до отказа заполнены людьми и все здание было переполнено, в этом была большая опасность. Но это было и большим благословением. Что мне было делать? Люди были немного напуганы, но я быстро успокоил их, сказав, что они не должны пугаться, так как, очевидно, потух газ и скоро опять будет свет. К счастью, у меня нет никакого конспекта, и я могу так же хорошо говорить в темноте, как и при свете, если они будут так добры сесть или будут тихо стоять и слушать. Если бы моя проповедь была подготовлена и законспектирована, тогда было бы немыслимо закончить ее, а так я, несмотря на затруднительное положение, был спокоен. Мне в голову тут же пришел очень знакомый текст, который говорит о чадах света, ходящих в темноте, и о чадах темноты, которые ходят во свете, и я нашел достаточно подходящих примеров. Когда все лампы снова засветились, то я увидел перед собой такую внимательную публику, какую только можно пожелать. Но самое удивительное во всем этом было то, что чуть позднее, на другом собрании, вперед вышли два человека, чтобы исповедать свою веру, сказав, что покаются в тот вечер. Первый благодарил за первую часть проповеди на текст, который бросился мне в глаза, а другой сказал, что его покание вызвала внезапная темнота. Так вело меня Божественное провидение. Я полностью доверился Богу, и Он сделал так, что свет потух в нужное для меня время. Некоторые найдут это смешным — я же поклоняюсь за это Богу, некоторые даже осудят — а я радуюсь этому.

18. Любовь и брак

Записано женой Ч. Сперджена Сузанной

Когда я стояла перед этой святой и деликатной задачей – записать в этой главе события между 1854 и 1855 годом, то передо мной, казалось, есть только два пути: я могла попытаться, используя общие фразы, скрыть дорогие истины нашей истории любви, но я могла также попытаться открыть всю полноту моей души. Могла заставить свое перо описать реальность прошедшего, которая постепенно преображалась перед моим взором в живую и полную любви действительность. Я выбрала

второй путь, чувствуя себя просто обязанной это сделать. Моя рука послушалась зова моего сердца и, как я понимаю, Божьего водительства.

Много лет назад я читала чрезвычайно захватывающую историю. Я постоянно вспоминала о ней, когда при составлении этой главы была вынуждена читать заметки прошлых лет, открывая давным-давно написанные письма моего возлюбленного и вновь проживать счастливые дни, когда мы были друг для друга все во всем. Я не могу вспомнить всех подробностей этой истории, которая произвела на меня огромное впечатление, но главные мысли я еще помню. Молодая супружеская пара пересекала один из больших ледников в горах, когда случилось ужасное несчастье. Муж упал в огромную трещину, которых на ледниках великое множество. Трос оборвался, а трещина была такой глубокой, что уже ничем нельзя было помочь. Нельзя было даже достать мертвое тело для погребения. Страдания этой женщины не поддаются описанию.

Через сорок лет ее можно было увидеть стоящей у гостиницы, расположенной ближе всех к леднику. Вместе с ней был проводник, который в то время провожал их. Они ждали, пока вечный лед отдаст мертвого, так как по известным законам движения ледника можно было ожидать, что через некоторое время тело супруга будет вымыто рекой, текущей из ледника. Терпеливо и стойко они ждали, когда, наконец, их надежда исполнится. Пришел день, когда тело было освобождено из своей тюрьмы, и жена вновь увидела образ того, с которым она так долго была разлучена!

Но самое захватывающее в этой истории было то, что к тому времени она была уже старой женщиной, тогда как только что освобожденное тело ее мужа было относительно молодым и здоровым. Так верно кристальная могила сохраняет жемчужину. Эти сорок лет не наложили на его лицо морщины, время не могло коснуться его в этой могиле, и старая женщина на короткое мгновение еще раз увидела образ мужа своей молодости, каким он был в те дни, которые исчезли навсегда! Подобное было и со мной при составлении этой главы.

Первый раз я увидела своего будущего мужа на его второй проповеди, которую он говорил в церкви на Нью-Парк-стрит. С детства я имела большое счастье быть хорошо знакомой с «отцом Оулни» и его женой, я была частым гостем в их доме, как в Бороу, так и в Западном Кродане. По причине этого знакомства в тот воскресный вечер, 18 декабря 1853 года, я находилась в уютной маленькой церкви на их скамейке.

Когда семья Оулни возвратилась с утреннего богослужения, их сердце наполняли самые различные чувства. Они еще никогда не слышали подобных проповедей. Они были поражены и в то же время удивлены, но получили царское угощение. И все же они были очень озабочены тем, что молодой проповедник был разочарован из-за многих пустых скамеек, и очень желал вернуться к своим дорогим прихожанам в переполненную церквушку в графстве Кембридж.

— Что мы можем сделать? — спросил добрый дьякон Оулни. — Мы должны сегодня вечером собрать для него больше слушателей, или мы потеряем его!

Итак, после обеда были найдены огромное количество друзей и знакомых, которых различными способами побудили пообещать, что они будут вечером в собрании, чтобы услышать удивительного молодого проповедника.

— И маленькая Сюзи должна прийти, — заметил добрый Оулни.

Я не думаю, что маленькая Сюзи придала этому какое-то особое значение. Ее представления о святости и достоинстве духовного служения были быстрее шокированы и возбуждены рассказами утренних посетителей богослужения о необычной внешности молодого человека! Но, чтобы доставить удовольствие моим милым друзьям, я пошла с ними, и так получилось, что я присутствовала при второй проповеди моего любимого мужа в Лондоне.

Мне вообще не приходила в голову мысль, что мои глаза видят того, который должен стать моим самым любимым человеком! Мне даже не снилось, что Бог именно здесь готовит что-то в моей жизни! Если сказать правду, то я совсем не была захвачена ораторскими талантами молодого человека, к тому же его сельская привычка вести себя и говорить больше вызвала неприятие, чем восхищение. Ах, какой же глупой я была в то время! Я еще не была возрожденной, чтобы понять его искреннее изложение Евангелия и его сильную борьбу с грешниками. Все, что я видела, — это был большой черный сатиновый воротник, длинные, плохо подстриженные волосы и синий платочек в белую крапинку — все это привлекло мое внимание и будило во мне, как мне казалось, желание посмеяться. От этой проповеди в моей памяти остался только один единственный абзац, и тот лишь по причине своей удивительности. По моим понятиям было чрезвычайно удивительно, что проповедник говорил о «живых камнях в небесном храме, которые полностью соединены посредством красного цемента Крови Христа».

Я не могу вспомнить, когда встретила его лично в первый раз. Может, он говорил в тот вечер к моему сердцу, как и многим другим. Но когда наконец окончательно решилось, что он будет постоянным пастором в церкви на Нью-Парк-стрит, я встречала его в доме моих друзей, и иногда ходила, чтобы послушать его проповеди.

До этого времени я никогда открыто не исповедовала свою веру, хотя при служении пастора С. Б. Бергне из церкви Палтри я еще за год до приезда Сперджена в Лондон поняла, что нуждаюсь в Спасителе. Но после этого я охладела и не интересовалась духовными вопросами. Я пережила времена тьмы, отчаяния и сомнения, но заботливо заглушала в себе все религиозные переживания. Моя душа была болезненна и сонлива, когда я попала на служение к моему будущему возлюбленному.

Шаг за шагом я поняла свое отступление, пока, наконец, после большой внутренней борьбы стала искать помощи и водительства у Вильяма Оулни (это второй сын дьякона Оулни, мой двоюродный брат), который трудился в воскресной школе в церкви на Нью-Парк-стрит. Он был поистине человеком с большим сердцем, утешителем молодых пилигримов. Может, он рассказал обо мне молодому пастору — я этого не знаю. Во всяком случае, для меня было большой неожиданностью, когда я получила книгу Джона Буньяна «Путешествие пилигрима» с картинками, подписанную господином Спердженом: «Сестре Томпсон, с пожеланием, чтобы она продолжала благословенное путешествие. От Ч. Г. Сперджена, 20 апреля 1854».

Я думаю, что у моего будущего возлюбленного и в мыслях не было ничего другого, как только помочь душе в ее борьбе на пути к небу. Но все же на меня произвела впечатление его забота обо мне. Эта книга стала для меня особенно драгоценной и послужила на пользу. Постепенно я рассказала ему, хотя и с трепетом, как я стояла перед Богом, и он нежно вел меня в своих проповедях и разговорах посредством силы Духа Святого ко кресту Христа, где я нашла мир и прощение, которых искала моя усталая душа.

Тихо и незаметно проходило время, наша дружба росла, и я была счастлива. Но перед моим взором не стояло никакой большой мечты о будущем до того дня, когда в Эсденхэме состоялось открытие Кристального дворца, — это было 10 июня 1854 года. При открытии присутствовало много друзей, среди них был и Сперджен, и мы заняли несколько мест в конце зала, там, где сегодня прикреплены часы. Когда мы там сидели, разговаривали и шутили, ожидая процессии, которая должна

была пройти мимо, Сперджен дал мне книгу, которую он бегло листал, указал пальцем определенное место и сказал: «Что вы думаете о взглядах поэта в этих стихах?» Эта книга называлась «Философия притч», Мартина Тупперса, которая только что вышла из печати. Она подвергалась как раз первым острым бризам критики, которые позднее перешли в бушующий шторм поношений и режущий сарказм. Но в этот момент у меня не было и мысли об авторе и неодобрительных возгласах его противников. Указательный палец направил мой взгляд на главу о браке, вступительные абзацы которого гласили:

«Ищи добрую жену от Бога, так как она лучший подарок Его провидения; но не проси со смелым доверием о том, чего Он не обещал: Ты не знаешь Его доброй воли. Поэтому твоя молитва должна подстраиваться под Него и предоставь твою просьбу Его милости, будь спокоен, что Он все сделает хорошо. Если ты должен иметь жену юности твоей, то она уже сегодня живет на земле; поэтому думай о ней и молись за ее благополучие».

— Молитесь ли вы за того, который однажды должен стать вашим супругом? — прошептал мне на ухо нежный тихий голос — такой нежный, что больше никто не услышал этот шепот.

Я не могу вспомнить, получил ли этот вопрос слышный ответ, но мое быстро бьющееся сердце, вызвавшее легкую краску на моих щеках, и мои опущенные глаза, которые боялись показать свет, внезапно озаривший их, ответили на таком языке, который был понятен любви. Я, видно, не выказывала большого интереса к прекрасной процессии, которая прошла через Кристальный дворец. Мы также не говорили больше о книге или ее теориях, но когда прошел праздник открытия и посетители покинули свои места, тогда тот же нежный голос еще раз прошептал мне:

— Не хотите ли вы пойти со мной и совершить прогулку по зданию?

Я уже не знаю, как нам удалось оторваться от группы друзей, но мы долго ходили вместе, не только по прекрасному зданию, но и через сад и даже вниз к морю, рядом с которым были огромные скульптуры вымерших зверей. Во время этой прогулки в тот памятный июньский день, я в это твердо верю, Бог Сам соединил наши сердца неразрывными узами искренней симпатии, хотя мы этого еще и не знали, и навсегда отдал нас друг другу.

Вскоре после этого (2 августа 1854) наша сладкая тайна была открыта путем помолвки. Эта радостная запись находится в дневнике, который я тогда вела: «2 августа 1854 — Это просто невозможно написать на

Сузанна Сперджен, урожд. Томпсон, молодая жена проповедника.

бумаге, что случилось сегодня утром. Я могу только в тишине поклониться милости моего Бога и хвалить Его за все Его блага». После нашей помолвки мы очень быстро познакомились друг с другом. Я ходила, когда только могла, на богослужения в церковь на Нью-Парк-стрит, и 1 февраля 1855 года была крещена моим возлюбленным, исповедав свое покаяние и обращение к Богу и свою веру в Иисуса Христа.

Молодой проповедник был очень занят, но обычно он приходил ко мне в понедельник со своей проповедью, которую должен был обработать для печати. Я научилась быть молчаливой и, пока он делал свою важную работу, занималась своей работой. Это была хорошая школа для будущей жены пастора.

Мы оба желали посетить Колчестер, чтобы познакомиться с родителями Чарльза Сперджена. После некоторых трудностей и разочарований я получила разрешение моего отца, и мы пустились в свою первую совместную поездку. Эта прекрасная поездка очень освежила и оживила нас.

Неудивительно, что мои воспоминания о ней немного расплывчаты, хотя она была очень счастливой. Меня очень сердечно и с любовью приняли в семье. Я вспоминаю, что побывала во всех интересных местах Колчестера и вокруг, но что я там видела, этого я уже не помню. Для меня было большой радостью целый день быть вместе с моим возлюбленным – а это три или четыре дня, и этого было достаточно, чтобы осчастливить мое сердце.

Со временем у моего возлюбленного было все больше работы, и все же он всегда находил время осчастливить меня посещением или письмом. А в воскресенье утром мои родители почти всегда разрешали мне быть на богослужениях, где он проповедовал. И все же эта радость была смешана со многими страданиями, так как весной 1855 года он проповедовал в Эксетер-зале перед огромной массой людей, и это было для него большой физической нагрузкой. Иногда казалось, что его голос вот-вот сорвется и он замолчит, когда он приглашал грешников прийти ко Христу, или когда он прославлял Господа, Его всемогущество и справедливость. На столе у него всегда стоял стакан с винным уксусом. Я знала, что значит, когда он вынужден был пользоваться этим средством. Как у меня болело сердце за него! Как я должна была держать себя в руках, чтобы быть спокойной и тихо сидеть на своем месте в боковой галерее! Как я желала получить право после богослужения пойти к нему, утешить и ободрить его. Вместо этого я уходила, как все другие люди, – я, которая принадлежала ему и была ему ближе, чем всякий другой! Это была суровая школа для молодого и любящего сердца!

С отчетливой ясностью я вижу перед собой тот воскресный вечер, когда он проповедовал на текст: «Его имя пребудет вечно». Это была тема, которой он жил, это было его главной задачей – возвеличить своего Искупителя, и он стремился в своей проповеди излить свою душу и жизнь перед своим чудесным Царем в восхвалении и поклонении Ему. А я боялась, что он умрет перед всеми людьми! Когда проповедь пришла к концу, он сделал последнюю попытку снова восстановить свой голос, который почти полностью отказывал ему, и только в обрывках фраз можно было услышать захватывающий конец его речи: «Даже если я умру, имя Христа будет жить вовеки! Иисус! Иисус! ИИСУС! Венчайте Его Господом всего творения! Вы не услышите от меня ничего другого. Это сегодня мои последние слова в Эксетер-зале. Иисус! Иисус! ИИСУС! Венчайте Его Господом всего творения!» И после этого он почти без сознания упал на стул, стоящий позади него.

В последующие дни, когда Господь подарил ему серебристо-чистый

голос, который проникал в уши людей и захватывал их сердца, страдальческой сцены, подобной вышеописанной, не повторялось. Шутя, он говорил, что его горло выложено галькой, но я думаю, что постоянное и естественное использование его голоса при многих проповедях и составляло тайну того, что у него никогда не болели голосовые связки.

Во время богослужений в Эксетер-зале церковь на Нью-Парк-стрит увеличили, и вскоре он смог возвратиться на свою кафедру. Богослужения в большом зале закончились, и мои страхи на время прекратились.

Но его дело постоянно росло, и известность тоже росла. В это время многие проводили богослужения под открытым небом. У меня есть письма, которые описывают два подобных случая. 2 июня 1855 года он писал: «В последний вечер на поле пришло примерно 500 человек, которые после пошли с нами в церковь под руководством приветливого господина Эддриджа. Мой Господь дал мне полномочия и откровения. Я точно верю, что души спаслись. Что касается меня, я проповедовал как худший из грешников к тем, которые были подобные мне грешники. Было много слез и не меньше радости».

Затем, 23 того же месяца, я получила ликующее письмо, в котором было следующее: «Вчера я взошел на высоту славы проповеднической жизни. Мое собрание было чрезвычайно большим, я думаю, что было 10.000 человек (это было на поле в Хэгни). Во всяком случае, здесь было в два раза больше, чем в Эксетер-зале. Господь был со мной, царила благоговейная тишина. Но конец — никогда еще смертный человек не переживал такой бури аплодисментов! Это чудо, что я еще в живых! После богослужения пять или шесть господ пытались сделать для меня проход, но меня с молитвой и со слезами носили самое малое пятнадцать минут — мне показалось это целой неделей! Я пытался на этих кругах по полю найти выход. Вдруг я увидел одну красивую открытую повозку, в которой сидели двое людей. Я прыгнул в нее и попросил их уехать. Они приветливо согласились, и я встал, помахал своей шляпой и воскликнул: «Да будет с вами благословение Господне!» Поднялись тысячи шляп, и у многих текли слезы. Конечно, среди этих аплодисментов можно было слышать глухой гром приближающегося шторма отвержения, но даже это я могу перенести ради Господа».

Это было истинным пророчеством, потому что пришло время, в которое ненависть людей против истины, проповедуемой им, возросла до того, что никакая насмешка не была слишком горькой и всякое глумление не чересчур жестоким, в то время как проповедник смело проповедовал Евангелие о благодати Божьей, как он сам научился этому под

крестом Христовым. Но благодарение Богу, он также пережил, что ему оказывали почести за его верность и честность. И до конца своей жизни он не оставил ни йоты от своей веры и от исходящего из сердца свидетельства Божественности учения о спасительной благодати Божьей.

В июле этого года Сперджен собрался в Шотландию (1855), где он хотел совместить свой отпуск со многими обязанностями проповедника. Это был очень плохой план, но такой вывод он сделал после, так как переутомленный дух нуждается в отдыхе и в абсолютном покое. Если этот порядок нарушается, тогда от этого страдают и проповедник, и его дух.

Кончался 1855 год, и мы с невыразимой радостью ждали того времени, когда соединим свой брачный союз, который «заключен в небе» святыми узами, и назовем дом своей собственностью. Мой возлюбленный провел Рождество у своих родных в Колчестере. После того как он мне лично сказал «до свидания», он написал следующее письмо: «Моя любимая — как я люблю тебя! Я так хочу увидеть тебя. И все же прошло только полчаса, как я оставил тебя. Утешай сама себя в мое отсутствие мыслями, что мое сердце с тобою. Да благословит милостивый Бог тебя во всем — в сердце, в чувствах, в жизни, в смерти, в небе! Пусть твои способности совершенствуются, твои планы исполнятся, усердие увеличится, твоя любовь к Нему умножится и твое познание о Нем станет глубже, выше и шире. Пусть тебе будет подарено еще больше, чем может желать мое сердце, и может ожидать моя надежда! Да будем мы друг для друга благословением — там, где я заблуждаюсь, ты должна прощать, а там, где ты сделаешь ошибку, я хочу не заметить ее. Твой я и до неба и потом — Ч. Г. Сперджен».

В то время, когда я пишу, на моем столе лежит книга под названием «Кафедра библиотеки». Это первый том проповедей моего возлюбленного. На первой пустой странице находится следующая надпись:

«В эти немногие дни у меня не будет возможности подарить что-нибудь мисс Томпсон. Пусть эта книга будет воспоминанием о наших радостных общениях и наших сердечных разговорах.

22 декабря 55

Ч. Г. Сперджен».

Брак был назначен на 8 января 1856 года. Помещение было переполнено, большие массы людей стояли вдоль улицы. Я уже многого не помню. В переполненном зале я еще туманно вижу громадное число людей, сидя-

щих на скамейках. Я вижу старого доктора Александра Флетчера, как он добрыми глазами смотрит на жениха с невестой, и дьяконов, которые пытаются успокоить усердных слушателей.

Затем было богослужение, которое соединило нас в одно. С торжественной радостью мы стояли рука об руку и говорили немногие слова, которые связывали нас законными и благословенными узами до конца нашей жизни.

Одна лондонская газета от 9 января 1856 года напечатала о нашем браке следующее:

«Вчера утром в окрестностях церкви на Нью-Парк-стрит можно было наблюдать странную сцену. Это огромное здание, которое находится за Бороу-рынком, принадлежит баптистскому объединению. Пастор этой церкви — Ч. Г. Сперджен, очень молодой человек, который несколько месяцев назад вызвал особое воодушевление в Эксестер-зале, где проповедовал, пока в его церкви шла стройка. Вчера утром молодой проповедник женился. И хотя люди, интересовавшиеся этой свадьбой, выглядели не так аристократически, как те, что обычно посещали браки в Вест-Энд, но по численности и по вдохновению они намного превышали их. После восьми часов, хотя было темное, мокрое и холодное утро, примерно пятьсот дам в легких и праздничных одеждах вместе со многими господами, членами этой церкви и друзьями устремились в двери церкви. С этого времени количество людей так быстро возросло, что проезд был блокирован повозками, и пришлось выслать наряд полиции, чтобы предотвратить аварии. Когда, наконец, открылись двери церкви, начался настоящий шторм, и меньше чем через полчаса их пришлось снова закрыть от многих других усердных посетителей, у которых не было приглашений. Невесту звать Сузанна Томпсон, она — единственная дочь господина Томпсона из Фалкон Скуаре, Лондон. Церемонию совершил пастор доктор Александр Флетчер из церкви Финсбери. В конце церемонии присутствующие поздравили новую пару сердечными пожеланиями».

19. Ранние критики и клеветники — первые литературные друзья

«В наши дни растет ненависть против всего святого. Многие годы священство могло влиять на народ, но теперь оно теряет эту способность»,

так как многие злоупотребляют кафедрой, используя ее не для проповеди Евангелия. Сегодня мы не народ, направляемый священниками, но народ, подталкиваемый прессой. Да, пресса господствует над нами. Журналы, газеты являются сегодня судьями над самовыражением и стилем общественности» Ч. Г. Сперджен.

Эта глава — не автобиографическая. Здесь Сусанна и некоторые редакторы газет описывают атмосферу, окружавшую молодого Сперджена.

В одной из газет за январь 1855 года мы находим большую статью о Сперджене. Из последующих отрывков видно, как ветеран писал о молодом, еще «зеленом» юнце:

«Лично я не имею никакой антипатии к господину Сперджену. Я бы не писал о нем, если бы его служение не было таким видимым. У него открытое служение и поэтому о нем можно открыто говорить. Многие утверждают, что его проповедь на 1 Кор. 1,6 очень сильная, лучшая из многих, и я хочу, если вы разрешите мне, немного порассуждать о ней. Но прежде я хотел бы сделать несколько замечаний о господине Сперджене.

Во-первых, он с детства очень усердно читал много богословских и научных книг, а также классиков того времени. Таким образом он собрал разного рода информацию, которую теперь распространяет, как хочет. Его способности также обусловлены неплохим даром речи. Искусство речи было сильно развито еще в древней Греции... Господин Сперджен хорошо говорит и жестикулирует и может часами философствовать...

К тому же он добродушный человек — приветливый, добрый, справедливый со всеми окружающими его... Змей соблазнил Еву своей большой приветливостью, и этого, к сожалению, хотят и его потомки. Это истина, что сатана есть князь тьмы, но он может явиться и «ангелом света», чтобы, возможно, искусить и избранных.

И вот что еще хочу сказать: Сперджен познакомился со Христом в пятнадцать лет. Если бы это было на самом деле так!.. Но у меня есть сомнения в реальности этого покаяния. Я не говорю, так как не имею права это сказать, что он невозрожденный человек, но я также знаю, что есть покаяния не от Бога. Все равно, какие человек имеет убеждения, какие мучения души он переносит ради своего искупления, что за ужасные страдания он переживает... Если он в своем духе и служении не может устоять в истине и не имеет свидетельства Божьего, тогда в нем нет истинного света... Он может быть интеллектуально просвещенным,

он может считать, что имеет Духа Святого... и все же не быть возрожденным...

Что касается служения господина Сперджена, то я скажу следующее:

1. Что он распространяет страшное лжеучение... Он большими массами приводит ко Христу людей, которые не являются живыми христианами...

2. Что от сказанных им нескольких истин могут быть истинные покаяния... Таковые будут действительно заботиться о своем спасении и через некоторое время оставят его собрания, чтобы найти духовную помощь...

3. Его служение имеет моральное и социальное значение для некоторых людей, которые хотят послушать интеллектуального или искушенного в риторике человека...

4. По моему мнению, ни один человек... который идет по этому пути, не может получить какую-то помощь из проповеди Сперджена.

5. Я верю, что Сперджен не мог избрать другого пути, который сделал бы его более популярным...

Его оригинальность состоит не в материале, который он использует, но в методе, как он все преподносит... (В этом отношении он является упреком для многих служителей нашей деноминации, которые мало работают, не учатся, не усердствуют, но ленивы... как за кафедрой, так и дома, они всегда с пустыми руками. Их проповедь — как посев на ветер и жатва в бурю. Поэтому многие оставляют наши богослужения и избирают полусердечное Евангелие, которое проповедуется с энтузиазмом... Да пробудит Господь Своих служителей, чтоб они работали, пока еще день!)

Из этого следует: я снисхожу к нему из-за его молодости. Но все же я уверен, что в нем мы имеем то, кем он будет до своего конца».

Жена Сперджена писала по поводу этих атак на своего мужа:

«Сколько страданий приносят мне эти атаки! Мое сердце печалилось вместе с ним или разгоралось возмущением против его противников. Долгое время я спрашивала себя, что я могла бы сделать, чтобы он имел перед глазами постоянное утешение, и я поместила в красивую рамку крупно напечатанные стихи:

«Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах: так гнали и пророков, бывших прежде вас» (Матф. 5, 11-12).

Этот текст был помещен у нас в доме и проповедник читал их каждое утро — он исполнял свое служение с благословением, так как стих укреплял его сердце и делал его способным облекаться в невидимое всеоружие, благодаря которому он мог благожелательно нести служение среди людей, невзирая на их клевету, думая только о лучшем для них и об их важных нуждах».

Одним из первых литературных защитников Сперджена был издатель утренней газеты Джеймс Грант. В номере от 19 февраля 1855 года он напечатал статью, которая гласила:

«Пастор Ч. Г. Сперджен

Молодой человек, двадцати одного года, недавно принял служение среди проповедников нашего города и сделал сенсацию в религиозном мире... Молодой пастор проповедует восемь недель в большом зале Эксестер, пока его молитвенный дом будет расширен и открыт... Огромный зал, вмещающий до четырех-пяти тысяч человек, был полон до предела. Сперджен принадлежит к деноминации баптистов... Он маленького роста и немного полноват... Нет сомнения, что он имеет недюжинные таланты, имеет способности говорить... Он оригинальный проповедник и поэтому будет привлекать большие массы слушателей...»

Эта главу можно закончить отрывком из брошюры под названием «Почему популярен? Один час с Ч. Г. Спердженем», написанной доктором богословия:

«Я совершенно уверен, что если бы вас спросили: «Почему вы так популярны и имеете успех?», то вы ответили бы: «Я — ничто, но Бог — все во всем. Его всемогуществу я приписываю мою популярность и мой успех». Хотя я и удивляюсь этому объяснению, но не могу принять его как ответ на мой вопрос. Бог всемогущ, и в Своем всемогуществе Он имеет право давать Свой Дух кому угодно и в такой мере, как Он хочет... Это и есть всемогущество Божье.

Если я не могу найти тайну вашей популярности в том, что вы проповедуете, может быть, я смогу найти это в каком-то особенном методе проповедовать? По моему мнению, здесь и находится объяснение тайны. Вы имеете сильную веру и непременно следующую из этого честность. В этом факте, как сила в волосах Самсона, и лежит ваша полнота. Про-

Редкое фото: «Он маленький ростом и немного полный, с массивным широким лицом, что придает его внешности вид мужчины от 26 до 27 лет».

должайте, брат мой, и да даст вам Бог и дальше успех в вашем служении! «Проповедуй Слово» — старое богословие, это «прекрасное Евангелие прославленного Бога», для которого работали апостолы и умирали мученики. Продолжайте во всем вашем учении проповедовать крест Христа, который является центром этого учения и изливает на всех свой свет и свое тепло. Скажите людям, что каждая истина, каждое требование и обетование Священного Писания находится в неразрывной связи с крестом и только в этой взаимосвязи получает значение и ценность для нас».

20. Удивительный рост — даты и факты

Многие покаявшиеся в первые дни были прямым результатом клеветы, которой я подвергся так беспощадно. Мое имя так часто было облито грязью в открытой прессе, что оно стало предметом злободневных разговоров на улицах, и не один человек, проходя мимо дверей нашего молитвенного дома, говорил себе: «Я зайду и послушаю старого Сперджена». Так он входил, чтобы посмеяться над проповедником. Но потом он стоял там, пока слово не попадало в его сердце, и он, который бил свою жену, который сделал из своего дома ад, скоро приходил ко мне, жал мне руку и говорил:

— Да благословит вас всемогущий Бог, господин. Что-то все-таки есть в настоящей религии.

— Ну, расскажите мне историю вашей жизни.

Я слушал их истории, и в тысячах случаев я рад был услышать, что душа покалась.

Я сказал тому человеку:

— Пришлите ко мне свою жену, чтобы я мог услышать, что она говорит о вас.

Жена пришла, и я спросил ее:

— Что вы думаете о своем муже?

— О, такой перемены я еще никогда не видела в своей жизни! Он так добр к нам. Он теперь как ангел, а раньше, казалось, был врагом. Ах, это проклятое зелье, господин! Все деньги уплывали в трактир. А когда я шла в дом Божий, он только издевался надо мной. Ах! Подумать только, что он теперь в воскресенье идет со мной на собрание, а трактир для

него не существует. А дети, которые должны были бегать без обуви или носков, теперь он берет их на колени и молится с ними. Вот это изменение!

В один воскресный вечер два брата обратились к Господу. Это был первый вечер, когда они встретили меня в церкви на Нью-Парк-стрит. Вот их история: одна вдова имела двоих сыновей, которые были уже почти взрослыми. Это были очень способные дети, но они начали упрямиться, как это случается у многих молодых людей, и не хотели больше слушать мать. Они хотели проводить воскресенье так, как им нравится, и иногда в местах, где им лучше было бы не бывать. Мать решила всегда за них молиться. Однажды вечером она решила не пойти в дом Божий, но остаться дома, закрыться в своей комнате и молиться за покаяние своих сыновей.

В этот вечер, посвященный молитве, старший сын сказал ей:

— Я пойду сегодня вечером, чтобы услышать проповедника, который проповедует на Сауфвок-стрит. Он, видно, странный человек, и я хочу послушать его.

Мать сама была невысокого мнения об этом проповеднике, но она была рада, что мальчик вообще хотел пойти туда, где звучало Слово Божье, и она сказала:

— Иди, мой сын.

— Мой брат пойдет со мной, — добавил он.

Эти двое молодых людей пришли в дом Божий, и комичный проповедник стал для них благословенным поводом к покаянию.

Когда мать открыла им дверь, старший сын упал ей на шею и плакал навзрыд.

— Мама, — сказал он, — я нашел Спасителя. Я поверил в Иисуса Христа.

Она какое-то мгновение смотрела на него и затем сказала:

— Я знаю, сын мой. Сегодня вечером у меня была такая сила молитвы, и я чувствовала, что достигла победы.

— Но, — сказал младший сын, — мама, и меня Господь поверг на колени, я тоже отдался Иисусу Христу.

Эта мать была счастлива, и я был счастлив, когда она пришла ко мне и сказала:

— Вы были орудием для покаяния двух моих сыновей. Никогда до сих пор я не думала о крещении. Но теперь я вижу это как Божье повеление. Итак, я хочу вместе с детьми принять крещение.

Это было большой радостью, когда я мог повести всю семью к воде и крестить во имя Отца и Сына и Духа Святого.

Каялись многие, которые до сих пор были нерешительны или не заботились о своей душе. Но для меня была особая радость в том, что каялись люди, бывшие клеветниками и хулителями, для которых никакое дело не было ужасным и достаточно подлым по отношению ко мне, хотя они сами ни разу не слышали меня. Не один приходил ко мне, когда хотел вступить в церковь, и его первые слова были:

— Можете ли вы мне когда-нибудь простить?

— Простить? За что же?

— Что я самым подлым образом клеветал на вас, когда я еще никогда в жизни не видел вас, и не имел никакого основания так говорить. Я хулил Божий народ. Я говорил только злое против него. Простите ли вы мне?

Но мне нечего было прощать.

— Если вы грешили против народа Божьего, — ответил я, — тогда я от сердца рад, что вы готовы исповедать ваши грехи. Что касается меня, то вы меня не обидели, и ни одна ваша клевета лично меня не коснулась.

Это снова и снова случалось в моем служении, так что сегодня я не только окружен теми, которые видят во мне своего отца во Христе, но у меня есть большое число духовных внуков и внучат, которые приведены к Спасителю моими духовными сынами и дочерьми.

Любовь между проповедником и «его» обращенным особого рода. Это я почувствовал с самого начала моего служения. Может, поэтому узы между членами церкви на Нью-Парк-стрит и мной были особенно близкими, что из-за нападений извне они особенно тесно собирались вокруг меня, осознанно шли со мной. Для меня никогда не было трудностью убеждать их в необходимости какого-либо труда или личной жертвы. Избранные Богом, возлюбленные Им, готовые на любое служение для Него — так они жили.

Часто я становился на колени перед Господом и благодарил Его за чудесные дела, которые видел через некоторых христиан, с которыми я так долго и счастливо был связан. В отношении служения они давно перешагнули тот рубеж, о котором я мог просить их. Они служили своему Учителю, невзирая на цену, и не только давали, что могли, но и больше того. Часто я вытирал слезы, когда видел, как некоторые отдавали Господу свои дары, которые намного превышали мои представления. О некоторых я знаю, что в своей бедности они отдавали все, что имели.

21. Соработники

Когда я прибыл в Лондон, то познакомился со старым поколением дьяконов — хорошие, благородные мужчины, немного упрямые и непоколебимые, не обязательно поддерживающие меня, но внимательные, гордые диссентеры* в темных костюмах с белыми галстуками. Об этих дьяконах будут говорить с большим уважением и при этом никогда не забудут Томаса Оулни, моего советника и мою правую руку. Никогда пастор не имел лучшего дьякона, а церковь — верного служителя. Уже шестьдесят лет он был членом церкви, тридцать один год — дьяконом и сорок лет — казначеем. Он был постоянным и внимательным посетителем молитвенных часов и разбора Слова Божьего. У него была детская вера, которая выражалась в мужской стойкости. Он верил в Иисуса и трудился для Него. Он был убежденным баптистом и большим другом людей, особенно бедняков и бедных членов церкви, которые имели в нем ходатая и помощника.

Как-то я должен был проповедовать перед чужой церковью. Она действовала на меня как могила, хотя люди в этот вечер устремились в дом Божий, видно, только для того, чтобы услышать проповедника. Хор пел как на похоронах, реакция церкви была как у глухонемых. После проповеди я подошел к двум мужчинам, которых я принял за дьяконов, столпов церкви. Они стояли, лениво прислонившись к косякам дверей.

— Вы дьяконы этой церкви? — спросил я их.

Да, эти двое были единственными дьяконами. Я так и думал, и поэтому для меня не осталось загадкой состояние этой церкви. Здесь была мертвая церковь, подобная кораблю древности, управляемому смертью. Дьяконы, учителя, пасторы, люди — все были мертвы, хотя внешне все же имели видимость жизни.

Я очень ясно высказался по поводу одного из них и думаю, что он заслужил это. И что же он сказал?

— Может, это и так.

— Ах, — ответил я, — мне очень жаль, что я так резко говорил с вами. Но вы же заслужили это — или нет?

Он улыбнулся, кивнул, и этим дело закончилось.

* диссентеры — англ. dissenter — быть несогласным — одно из названий протестантских церквей в Англии в 16-17вв. (квакеры, методисты)

Однажды вечером один дьякон сделал мне замечание, которое могло бы смертельно ранить чувствительную душу. Это случилось в первое воскресенье месяца, проповедь закончилась, и мы спустились в помещение, где раздавали вечерю Господню. Когда я спросил, сколько людей примут участие, то услышал:

— Только семь. Вообще не стоит проводить вечерю! Ну, подумайте, стоит ли занимать это большое помещение для семи человек!

Он был прав, хотя церковь — не хозяйственное предприятие. С другой стороны, дьякон не имеет права решать, для какого числа участников стоит проводить вечерю Господню. Я был огорчен. Я не тот человек, который серьезно считает, что Бог не ценит никого, кроме баптистского пастора. Но такое рано или поздно должно было случиться именно с тем пастором, у которого один из дьяконов был убежден, что как дьякон он принадлежит к высшему сословию, и, в конце концов, никого не удивило, что эти двое не могли работать вместе.

Однажды я пошел в Табернакель и дал некоторые указания, не думая, что этим вторгся в область обязанностей именно того дьякона, на плечах которого лежало бремя ответственности за все это большое здание. Когда он пришел вечером и увидел, что там происходит, и спросил, кто вмешался в его работу, ему помогла его лояльность.

— Порядок, — сказал он. — На корабле — только один капитан.

Это выражение стало крылатым. Я часто удивлялся готовности наших братьев послужить.

После того как я долгое время болел, я сказал своим дьяконам:

— Боюсь, что скоро вы лишитесь вашего больного пастора.

— Пусть лучше вы будете с нами один месяц в году, чем любой другой — двенадцать месяцев! — тут же прозвучало в ответ.

И я думаю, что другие думали так же, так как они вынудили меня к более длительному отдыху. Они предложили мне целый год или хотя бы несколько месяцев отдыха. Но я не мог позволить себе этого.

— Больше чем шесть недель я не выдержу, — сказал я, — пусть даже Господь возьмет меня к Себе.

— Почему?

— Вы спрашиваете — почему? Подумайте же о том, что Моисей только сорок дней был на горе, а народ израильский с Аароном уже сделали золотого тельца!

Особенно мы ощущали любовь и великодушные дьяконов во время моей тяжелой болезни. Меня в то время объял необъяснимый страх

перед финансовыми трудностями. Это было полностью безосновательно, так как мы с женой жили очень экономно, чтобы никому не быть должными, и дело Божье не имело никакой нужды. Видимо, это была общая слабость, связанная с сильными болями, которые сделали мое сердце чувствительным к не покидающим меня странным и безосновательным страхам. Когда я находился в этом печальном состоянии, меня посетил один брат. Пытаясь утешить меня, он сказал:

— Я посмотрю, что можно сделать, — и пошел домой.

Не прошло и недели, как он снова пришел и принес мне все, что у него было.

— Вот, мой любимый пастор, перед вами лежит все, чем я обладаю. Возьмите все, что вам нужно, и не бойтесь больше!

Как только мне стало лучше, я ему, конечно, отдал назад все, что он мне принес в этих странных обстоятельствах. И даже если бы я действительно нуждался, я не мог бы взять от него ни одного пенни. Я вспомнил о воде из колодца вифлеемского, которую Давид не мог пить, так как его люди принесли ее с опасностью для жизни. Но я никогда не забыл эту жертву любящего сердца: брат был готов отдать мне все, что имел, чтобы избавить своего пастора от необоснованных страхов.

Дьяконы и пресвитеры

В настоящее время у меня девять дьяконов, они действительно достойные любви, активные, энергичные, сердечные и великодушные братья, и каждый из них особенно подходит к тому служению, которое исполняет. Как я благодарен, что никогда не был пастором мертвой общины, которая управляется мертвыми дьяконами!

Все соработники в прямом смысле мои братья во Христе. Если мы разговариваем друг с другом или друг о друге, у нас нет никаких особенных возвышенных методов обращения. Меня зовут шефом — в общем, так как я не пытаюсь руководить. Дьяконов мы зовем брат Вильям, дядя Том, принц Чарли, Сын Алисы и т. д. Некоторые из них являются аристократами и по своему происхождению должны бы быть членами парламента, но мы их очень любим вместо того, чтобы оказать им такую честь.

Когда я пришел на Нью-Парк-стрит, в церкви были дьяконы, но не было пресвитеров. Изучение Нового Завета привело меня к убеждению, что они тоже необходимы в церкви. Они полезны в церкви: дьяконы заботятся о материальной стороне работы в церкви, пресвитеры — о духов-

ной стороне. Это разделение работы дает возможность для применения двух видов способностей. Так как и дьяконы, и пресвитеры должны быть служителями, я уверен, что это хорошо, когда есть эти две группы, а не одна, которой приходится все делать самой, и она часто господствует над церковью, вместо того чтобы ей служить.

Поскольку на Нью-Парк-стрит не было пресвитеров, каждый раз, читая отрывки из Нового Завета, где упоминались пресвитеры, я говорил примерно так:

— Это христианский порядок служения в церкви, которого нет в данное время в общинах. Во времена апостолов были и дьяконы и пресвитеры, но в какое-то время церковь упустила этот порядок. У нас есть проповедующий пресвитер — пастор — и от него ожидают, что он исполнит все обязанности пресвитеров.

По этому поводу некоторые спрашивали меня:

— Не должна ли наша церковь тоже иметь пресвитеров? Не могли бы мы избрать на это служение подходящих братьев?

Я ответил, что лучше ничего не изменять, но некоторые активные молодые люди сказали, что вопрос об избрании пресвитеров они предложат на членском собрании. И, в конце концов, мы единодушно избрали пресвитеров. Я совершенно не настаивал на этом. Я только показал им, что это библейский порядок, и тогда они захотели исполнить это на деле.

Протокол членского собрания от 12 января 1859 года содержит следующие записи:

«Наш пастор сказал, как уже раньше записано, что церковь уже долгое время ощущает нужду, чтобы избрать определенных братьев на служение пресвитеров, которые бы заботились о духовной жизни церкви. Наш пастор показал библейское основание этого служения и цитировал различные отрывки к рукоположению пресвитеров: Тит. 1,5; Деян. Ап. 14,23 — о качествах пресвитера; 1 Тим. 3,1-7 и Тит. 1,5-9 — об обязанностях пресвитера; Деян. Ап. 20,28-35; 1 Тим. 5,17 и Иак. 5,14; другие упоминания о пресвитерах: Деян. Ап. 11,30; 15,4,6,23; 16,4 и 1 Тим. 4,14.

На основании этого решили: прослушав доклад пастора о пресвитерском служении, церковь желает, чтобы определенное число братьев служили пресвитерами один год. Их служение заключается в том, чтобы они заботились о духовных интересах церкви, а не о материальных нуждах, для которых предусмотрены дьяконы».

22. «Я более потрудился»

До моего переезда в Лондон я обычно проповедовал пять раз в неделю и три раза — по воскресеньям. После того как я стал пастором в церкви на Нью-Парк-стрит, этот порядок не изменился. В течение следующих двух-трех лет работы стало намного больше, и уже не было ничего необычного в том, чтобы проповедовать двенадцать-тринадцать раз в неделю и уезжать по дорогам и на поезде на сотни километров. Приглашения приходили из всех частей города и окрестностей, а так как я, молодой человек, был полон энергии, то охотно использовал каждую возможность проповедовать Евангелие, которое так благословило меня. Некоторые мои братья-служители сердятся, если они проповедуют два раза в воскресенье и один раз — на неделе, и считают это тяжелым бременем. Я никогда не мог сочувствовать им в этом, так как чем чаще я проповедовал, тем больше радости получал в этом счастливом служении. И хотя я постоянно испытывал напряжение, связанное с этим служением, меня поддерживали новые знаки Божьего благословения.

Невозможно составить даже неполный список обязанностей проповедника, о которых я узнал в течение первых лет. Да и нет никакой нужды пытаться сделать это, так как этот список уже есть на небе.

И все же было несколько богослужений, глубоко запечатлевшихся в моей памяти по некоторым обстоятельствам, и после долгого времени я очень хорошо помню их.

На годовой встрече семинара проповедников 1 декабря 1880 года в Табернакле я пообещал рассказать о некоторых моих воспоминаниях. Когда в это утро я спустился в свой кабинет вместе с моими секретарями Кейсом и Гарольдом, то сказал первому: «Я вспоминаю один случай во время первого года пребывания в Лондоне, в котором вы принимали участие. Вот эта история: старый отец Оулни был очень озабочен тем, чтобы я обязательно проповедовал в Тринге, маленьком городке графства Хердфордшир, где он родился. Там его отец долгое время был дяконом в одной из трех баптистских церквей. Оулни вскоре понял, что это не так-то легко сделать, так как люди в той местности или чересчур много или слишком мало слышали обо мне, и поэтому я не получал разрешения проповедовать ни в одной из двух церквушек. Но была еще третья церковь, Вэст-Энд капелла, в которой проповедником был Вильям Скалтон.

Этот знал, что мое учение в порядке, и так отец Оулни получил разрешение на мою проповедь. Насколько я помню, за неделю проповедник получал пятнадцать шиллингов. Вильям Скалтон пригласил нас домой на чай. Но когда мы сидели в его просто устроенном домике за очень скромным столом, меня осуждала совесть, и я рассуждал, как нам воздать ему за его дружелюбие. Я заметил, что наш друг носил сильно потертый пуловер со многими дырками, через которые виднелась рубашка. Мы пошли в церковь, богослужение шло обычным чередом, но меня все время мучил вопрос, что я могу сделать для этого доброго человека, который пригласил нас в свою церковь и так приветливо принял. Во время пения одной из песен ко мне подошел Кейс и сказал:

— Пастор этой церкви очень бедный человек, а люди не могут дать ему больше. Для него будет большим благом, если вы соберете деньги, чтобы он мог купить новый пуловер.

Это было именно то, что я представлял себе. И в конце собрания я обратился к собравшимся:

— Ну, дорогие друзья, я говорил сегодня к вам, как мог. Вы знаете, что наш Икупитель сказал Своим ученикам: «Даром получили, даром давайте». Я ничего не хочу иметь от вас для себя. Но проповедник этой капеллы выглядит так, что он был бы не против, если бы получил новую одежду. — Я показал на моего доброго дьякона и продолжал: — Отец Оулни, который сидит там внизу, начнет сбор и сам положит половину соверена (он тут же кивнул, чтобы подтвердить мои слова). Я также охотно дам эту сумму, и если вы будете так добры и сможете помочь, то наш брат очень скоро получит новый пуловер, и к тому же неплохой.

Сделали сбор. Была собрана приличная сумма, и проповедник смог купить новую одежду. После богослужения я попросил у него прощения за свою невежливость, за то, что обратил внимание всех людей на его изношенный пуловер, но он сердечно поблагодарил за это и добавил:

— С тех пор как я начал служение Иисусу Христу, Господь всегда заботился о моей одежде. Часто я спрашивал себя, откуда появится другой пуловер, и теперь я снова получил новый. Вы позаботились обо мне, и я очень благодарен Господу и вам за него.

Я не помню, чтобы делал когда-нибудь что-то подобное, хотя мог помочь многим бедным служителям Божиим.

Я думаю, что друзья в Тринге были довольны богослужением, потому что вскоре я снова был приглашен туда, чтобы проповедовать на воскресном школьном годовом празднике. На этот раз это было в

другой баптистской церкви города. После обеда я проповедовал детям, а вечером — взрослым. После окончания послеобеденного богослужения некоторые слишком кальвинистски настроенные братья порицали мое, как они называли, нечистое учение. Дух Святой милостиво помог мне поговорить со многими молодыми людьми, и я верю, что некоторые из них пришли ко Христу. Но среди прочего я говорил и о том, что Господь услышал мои молитвы, когда я был ребенком — еще до моего покаяния. Это было правдой, потому что я помнил много случаев, когда обращался к Господу с детскими просьбами, и Он давал мне то, чего я просил у Него. Я сказал детям, что это очень запомнилось мне и привело меня к вере во всемогущество Божье и в силу молитвы. Я поощрял и их молиться Ему. Это послужило большим толчком для моих критиков, пришли пять или шесть человек — старых, исполненных достоинства — и пытались наставлять меня особым образом. Разве я не знаю, что Библия объясняет, что для Господа молитва грешника — мерзость? Такое предложение я никогда не смог найти в своей Библии, и сказал им об этом. Тогда они спросили: «Как может мертвый человек молиться?» Я не мог ответить на этот вопрос, но я знал, что молился, когда еще был «мертв по грехам и преступлениям». Они сказали, что это невозможно. Но я был уверен, что это было возможным, так как я делал это. Но они все же стояли на своем, говоря, что это нечистое учение, и что Бог не слышит молитву грешника. Вокруг меня образовался небольшой круг, и я изо всех сил старался ответить на их нападки. Но, наконец, победа была одержана — не Вараком, а Деворой.

Одной очень старой женщине в красном пальто удалось втиснуться в наш круг. Она повернулась к моим обвинителям и сказала: «О чем вы спорите с этим молодым человеком? Вы говорите, что Бог не слышит молитвы необращенных грешников, что Он не слышит их воплей, а только молитвы Своих детей. Что вы знаете из Писания? Того, о чем вы говорите, нет в Библии, но псалмопевец говорит: «Дает скоту пищу его и птенцам ворона, зывающим к Нему» (Пс. 146,9). Действует ли для них милость Божья? Если Бог слышит крик ворона, то как вы думаете, не слышит ли он молитвы тех, кто сотворен по образу Его? У вас совсем нет понимания в этом вопросе, так что оставьте в покое молодого человека, и пусть он дальше продолжает служение Господу». После этой сильной речи мои противники быстро исчезли, и у меня был еще дружеский разговор с этой милой старой женщиной, которая так мудро спасла меня от моих критиков.

После этого был абсолютно противоположный случай. Я был приглашен для проповеди в Хейверхилл, Сафолк. В этот день у собравшихся было необычное преимущество, или, лучше сказать, ущерб — выслушать двоих проповедников, которые проповедовали друг за другом на одно и то же место. Этим местом было великолепное объяснение апостола Павла, где он говорит: «Ибо благодатью вы спасены чрез веру, и сие не от вас, Божий дар» (Еф. 2,8). Это бывает не часто, что я опаздываю на собрание. Я думаю, что точность — одна из тех маленьких добродетелей, которая может удерживать от больших грехов. Но у нас нет контроля над железной дорогой и авариями на ней, и так получилось, что я опоздал на богослужение. Как пунктуальные люди, они уже начали собрание. Подойдя к церкви, я услышал, что кто-то стоял за кафедрой и проповедовал. Кто же это еще мог быть, как не мой любимый и уважаемый дедушка! Увидев, как я зашел в переднюю дверь и по боковому проходу прошел вперед, он тут же сказал:

— Вот идет мой внук! Он может лучше проповедовать Евангелие, чем я, не правда ли, Чарльз?

Пробираясь через массы людей, я ответил:

— Ты проповедуешь лучше, чем я. Продолжай, пожалуйста.

Но он не соглашался, и я должен был продолжить проповедь с того места, где он кончил.

— Вот, — сказал он мне, — я проповедовал на стих: «Ибо благодатью вы спасены чрез веру, и сие не от вас, Божий дар». Я показал источник и начало спасения и хотел объяснить канал к нему «через веру». А теперь ты продолжай дальше.

В этих прекрасных истинах я был как у себя дома, так что для меня не составляло никакой трудности взять от моего дедушки нить проповеди, и без отрыва продолжать. Я продолжил «через веру» и перешел затем к другому пункту: «и сие не от вас». Здесь я объяснил слабость и неспособность человеческой природы и уверенность, что спасение не приходит от нас самих. Когда я так изложил мою «любимую тему», мой дорогой дедушка снова продолжил проповедь. Я говорил о нашей падшей человеческой природе, и тут мой добрый дедушка сказал:

— Об этом я знаю больше, дорогие друзья.

И он продолжил тему, в следующие пять минут дав серьезное и смиренное описание нашего погибшего состояния, испорченность нашей природы, что привело к духовной смерти, в которой мы находились. Когда он таким замечательным образом изложил свою тему, его внук мог

снова продолжить. Этот способ проповеди очень понравился дедушке, так как время от времени он тихим голосом говорил: «Хорошо, хорошо!» Один раз он сказал: «Чарльз, повтори это еще раз», и, конечно, я сказал им это еще раз. Для меня было радостным упражнением добавлять свою часть, возвещая эти решительные и важные для жизни истины, которые и для меня стали важными. И каждый раз, когда я читаю этот текст, мне сразу слышится тот милый голос, который уже так давно не звучит на этой земле, как он говорит мне: «Скажи им это еще раз!»

Основатель и Завершитель нашей веры — Иисус Христос Сам учил тем прекрасным истинам, которые до конца согласуются с объяснениями Павла: «благодатью вы спасены». Учение благодати — содержание и сущность свидетельства Иисуса.

После четырех месяцев богослужений в Эксетер-зале мы опять вернулись в свою перестроенную церквушку. В церковных книгах это событие описывается так:

«Молитвенный дом на Нью-Парк-стрит после расширения был снова открыт 31 мая 1855 года двумя проповедями: утром говорил пастор Джеймс Блэкхёф, а вечером — наш пастор».

Это был очень дождливый день, и хотя я не верю предзнаменованиям, я сказал людям, что принимаю это как поток благословений, которые изольются в нашем расширенном здании. Я молился, чтобы нам был подарен духовный дождь, пока мы здесь служим Богу, как и при открытии шел дождь на улице. Сегодня я могу подтвердить во славу Божию, что это было именно так. Я также цитировал переполненному собранию Мал. 3,10: «Принесите все десятины в дом хранилища, чтобы в доме Моем была пища, и хотя в этом испытайте Меня, говорит Господь Саваоф: не открою ли Я для вас отверстий небесных и не изолью ли на вас благословения до избытка?» Я напомнил друзьям о том, что если они хотят иметь обещанное благословение, то должны исполнить связанное с ним условие. Они ответили на это радостной готовностью. И так мы со дня нашего возвращения в молитвенный дом до того дня, в который окончательно оставили его, никогда не имели «достаточно места» для благословений Божьих, которые Он так обильно изливал на нас.

Два вечера — 22 июня и 4 сентября 1855 года — я проповедовал на открытом месте в Кинг-Эдвард Рoad, в Хэгни. В первый раз у меня было самое большое собрание, к которому я до сих пор говорил, но во второй раз людей было еще больше. Примерные подсчеты показали, что было

около 12-14 тысяч людей. Я никогда не забуду впечатление, которое было у меня, когда огромная масса пела:

«Хвали, душа моя, Господа...»

В эти первые годы у меня произошло много различных событий. Некоторые из них глубоко запали в сердце. Однажды, когда я проповедовал большой толпе людей, во время собрания многих видимо касался Дух Святой. Я чувствовал, как здесь действовала сила Божья. Одна бедная душа даже громко вскрикнула, увидев Божий гнев на грех.

В другой раз, как только я закончил проповедь, одна христианка упала со скамейки мертвой. Это случилось в городе Кент. Через некоторое время я был в Толсбери, Эссекс, чтобы после обеда проповедовать на празднике воскресной школы в церкви моего отца. Собралось много друзей со всей округи, и после собрания представилась возможность попить вместе чай в палатке. В самом конце чаепития с женой одного проповедника случился приступ, и она скончалась за несколько минут. Я не думал проповедовать в тот вечер, но при этих обстоятельствах сделал это, взяв из Писания слова Павла: «Ибо для меня жизнь — Христос, и смерть — приобретение».

Как-то после собрания ко мне пришел один крестьянин и говорит:

— Молодой человек, у вас был слишком глубокий текст. Вы его достаточно хорошо осветили, но об этом должен говорить старый человек. Когда вы прочитали его, на меня напал страх.

Зависит ли истина Божья от нашего возраста? Если дело истинно, тогда нет разницы, от кого вы услышите о нем.

Как-то я проповедовал в другой части страны людям, которые, сидя на собрании, постоянно оглядывались. И я прибег к следующему средству:

— Друзья, — сказал я, — так как вам интересно знать, кто только что зашел, а мне очень мешает, если вы без конца поворачиваетесь, то, если вы хотите, я буду описывать каждого, кто будет заходить. Тогда вы можете спокойно сидеть, смотреть на меня и соблюдать хотя бы внешнее приличие.

Я описал одного господина, который только что зашел и случайно оказался моим другом, очень уважаемым человеком, как он снял шляпу и т. д. Я говорил все так, чтобы не оскорбить его. После этой одной попытки я убедился, что уже нет необходимости кого-то описывать, так как все были шокированы тем, что я делал. Это исцелило их на данный момент и, я надеюсь, и на будущее, что очень обрадовало их пастора.

Следующее письмо адресовано Сперджену очень близкому другу Дж. С. Ваттс в Кембридже.

«Нью-Кент Род, Сауфвок,

23 февраля 1856

Мой дорогой брат!

Усталый солдат не может иначе и находит мгновение, чтобы отослать депешу своему брату по оружию. Одиннадцать раз на этой неделе я выходил на сражение, и, по меньшей мере, тринадцать собраний намечено на следующую неделю. Дополнительно к служению в церкви в прошлом году было 282 служения. В этом году за три месяца их было более 80, и на следующий месяц планируется 30, и есть сотни людей, которые серьезно интересуются и также просят об этом. Но время не позволяет нам проводить еще больше богослужений. Собрания были очень многолюдные, даже газета «Таймс» сообщала об этом. Везде и каждый раз все места до дверей заняты. Дьявол не спит, но и Господь тоже.

Бургомистр, хотя он и еврей, уже был в нашей церкви. После богослужения он пришел в мою сакристию, чтобы поблагодарить меня. Я должен посетить его в ратуше. Был также начальник полиции, который тоже посетил меня в сакристии. Но что еще лучше — приходят воры, картежники, блудницы и им подобные, и некоторые из них уже принадлежат к церкви, так же как и уважаемый продавец горячей картошки, который теперь известен, как «горячий сперджеонит».

Продажа проповедей растет, некоторых продано уже 15.000 экземпляров. Моя жена великолепна. Так как все мои люди любят ее, у нас есть доброе основание — вместе радоваться.

Я пишу только ключевые слова, ты можешь добавить подробности.

На этой неделе я был в Лайтон Базэд, Фут Грэ и Четхэме. Каждый раз для людей не хватало мест. На следующей неделе у меня запланировано:

Воскресенье:	утром и вечером: Нью-Парк-стрит После обеда: проповедовать перед школами
Понедельник:	утром: в церкви Говарда Хинтона После обеда: Нью-Парк-стрит Вечером: Нью-Парк-стрит
Вторник:	после обеда: Лайтон Вечером: Лайтон
Среда:	утром: церковь Сион, Витечэпел Вечером: церковь Сион, Витечэпел

Четверг: утром: Делстон
Вечером: Нью-Парк-стрит
Пятница: утром: церковь доктора Флетчера
Вечером: церковь господина Роджерса, Брикстон

С любовью, в спешке твой

Ч. Г. Сперджен».

23. Первое посещение Шотландии

Впервые я посетил Шотландию в июле 1855 года. Вспоминаются некоторые обстоятельства этого посещения. В воскресенье, 15 июля, я проповедовал в баптистской церкви на Хоуп-стрит и вечером в церкви на Вест-Джордж-стрит. Это было замечательным зрелищем, оба места богослужения были переполнены, но это усилило во мне чувство ответственности. Я думаю, что на обоих собраниях мы пережили присутствие Божье, они были очень плодотворны.

Газета «Наблюдатель Глазго» 21 июля напечатала сообщение об этих богослужениях, отрывок из которого мы цитируем здесь:

«Вечером церковь на Вест-Джордж-стрит была заполнена до последнего места. Задолго до начала богослужения многим пришлось вернуться домой, так как они не могли войти. Текст был из Откр. 14, 1. Многие части проповеди были полны умиления и исполнены силой воображения. Намеки проповедника на союз шотландских протестантов и шотландских мучеников показали, что он нашел кратчайший путь к крепким и смелым сердцам шотландцев. Один факт ясно показывает, что он действительно смягчил их сердце: когда он выходил из церкви, каждый пытался пожать ему руку, так что он с большим трудом смог сесть в приготовленный экипаж.

Если господин Сперджен будет еще раз проповедовать в Глазго, то мы надеемся, что это произойдет в более обширном здании, так как, без сомнения, многие захотят услышать его, ведь они информированы теми, которые вчера смогли быть там».

Так как я поехал на север еще и для того, чтобы провести там отпуск, то целую неделю путешествовал по горной Шотландии, восхищаясь великолепной природой.

Было одно местечко, которое мне настоятельно советовал посетить

мой друг Андерсон, у которого я был на квартире: Аберфельд, незнакомый и странный городок. Там была одна церквушка независимых и, естественно, шотландская национальная церковь. Но, казалось, что никто не слышал о Сперджене, и это мешало собрать людей, чтобы послушать Евангелие. Рано утром господин Андерсон постучал в мою дверь и сказал:

— Я придумал план, как сегодня собрать людей на собрание.

— Я не уверен в успехе, но попробуйся, может, и удастся, — ответил я.

Он попросил одного глашатая пройти по улицам в девять, двенадцать и в три часа и объявить следующее: «Ваш старый знакомый, Джони Андерсон, который долгое время жил в Аберфельде, приехал со своим приемным сыном Тимофеем. Он будет проповедовать сегодня вечером». Затем следовало описание моей работы и моих успехов в Лондоне и настоящее приглашение всем прийти. Когда пришел назначенный час, «жизнерадостные шотландцы» начали собираться, и к началу богослужения церковь была почти заполнена. Добрый проповедник предложил псалом, который спели с воодушевлением, но не с той сердечностью, с какой обычно пели мои друзья дома. Затем я прочитал место Писания и объяснил его. Я был очень рад, увидев, как внимательно слушал каждый мое простое толкование. После молитвы и пения я начал проповедовать. Но здесь не было полных огня глаз и горящих лиц, которые бы воодушевляли меня во время проповеди Евангелия. Большая часть собравшихся сидела в рядах совершенно безучастно. Казалось, что они сделаны из кусков льда, плавающих в озере Венхам. Чтобы привести их в движение, я испробовал все, но все было напрасно. Один раз естественное замечание вызвало улыбку на нескольких лицах, но большинство сидели, как высокие статуи в кристальном дворце Египта. Они смотрели на меня с достоинством, но с искусственной серьезностью. Тогда я перешел к более трогательным темам, но хотя я сам уже готов был заплакать, на лицах моих слушателей не было ни слезинки, кроме двух-трех человек. Я чувствовал себя как валлиец, который рассказывает смешные истории, но не может сдвинуть с места ни одного англичанина. Я думал: «Здесь, видно, кровь в жилах людей очень холодная, иначе я видел бы хотя бы признаки сочувствия, когда проповедовал о Христе распятом. Конечно, некоторые, казалось, были тронуты, но больше никогда в своей жизни я не видел такого холодного собрания. Проповедь закончилась, была произнесена последняя молитва, и все ринулись к двери. Прежде чем я сошел с кафедры, церковь опустела, и все стадо рассеялось. Еще никогда

я не переживал такого быстрого выхода из церкви. И я уверен, если бы этому городку угрожали враги, жители покинули бы его в течение часа, если бы они среагировали бы так же быстро, как в тот вечер.

Я вышел с этого необычного богослужения на улицу совсем печальным и был обрадован, когда увидел, что люди, которые были в церкви холодны как мрамор, теперь были сердечны и полны чувств. Надеюсь, что Святой Израилев сделал в тишине Свое дело. Искренние благодарности за мои старания и настойчивые приглашения приехать снова, — все это говорило мне, что некоторые с радостью приняли мое служение, несмотря на холодность, в которой они были воспитаны.

В воскресенье, 22 июля, я пообещал проповедовать в Брэдфорде. На пути в Йоркшир я сделал остановку у озера Виндермер, по которому прогулялся на весельном судне, наслаждаясь всей красотой этой местности. Когда я достиг Брэдфорда, то узнал, что мои друзья арендовали музыкальный салон, который был на тысячу мест больше, чем Эксетер-зал. И все равно его было недостаточно для пришедших людей. В воскресенье утром должны были уйти почти столько же, сколько поместилось в этом огромном здании. Вечером все улицы представляли собой незыблемый блок из живых мужчин и женщин. Салон был переполнен до отказа, и у меня едва хватало места двигаться, проповедуя им. В конце этого дня я был очень обрадован, когда узнал, что не только тысячи людей услышали благую весть, но что для воскресной школы, занятия которой проходили вместе с богослужениями, собрали 144 фунта.

Из Брэдфорда я направился в Стоктон-он-Тис, и там проповедовал в большом собрании.

На обратном пути из Шотландии я говорил еще в Квин-стрит-зале в Эдинбурге, это было в среду вечером, 25 июля.

Газета «Христианские новости» от 28 июля так описывает это служение:

«Пастор Ч. Г. Сперджен в Эдинбурге

Как уже сообщалось через газеты и плакаты, в Квин-стрит-зале в Эдинбурге проповедовал господин, выступление которого в Эксетер-зале в Лондоне вызвало большую сенсацию. Нам посчастливилось занять места, с которых открывался хороший обзор трибун. Четверть часа мы ждали вместе с огромной массой народа и были, как показал вечер,

очень скудно вознаграждены за свои старания. Риторика господина Сперджена была до крайности труднодоступной — по его собственному признанию, Дух оставил его. Не было ли это наказанием за его неподготовленность, так как он хвалился, что он никогда не готовится? Услышать такое от проповедника означает для нас, что он как будто хочет купаться в своем стыде. Он информировал своих слушателей, что его речь течет иногда как горный поток или несется как крылатая огненная колесница. Нам было жаль господина Сперджена и еще больше — его друзей, но больше всего — его слушателей, которые наверняка пришли услышать необыкновенного проповедника. То, что господин Сперджен стал звездой в Лондоне, не удивляет нас. Вспоминая высказывания господина Бай фон Бата, что лондонская общественность, по сравнению с живущими на этой земле, очень ограниченная, и если любой человек, стоя на голове, закричит, он соберет вокруг себя огромное собрание, все равно какие бы он ни говорил вульгарные и бесстыдные вещи. По нашим меркам, господин Сперджен просто избалованный мальчик, способности которого не более как посредственны. Если он не возьмет сказанное обратно, то наверняка разделит участь «Призраков крыжовника» и «Великана огурца», обязательно появляющихся в газетах раз в году. Он канет в неизвестность, останется только воспоминание о его карьере. Станет явным, что он исчез в никуда, откуда и пришел надутым и напыщенным».

Указание в этой статье, что Дух Божий оставил меня, было ужасным обманом, так как я не говорил, что не готовился к этому богослужению. Но все же этот полученный мною урок глубоко запечатлелся в моей памяти и в сердце. Вернувшись домой в Лондон, я сказал своим друзьям: «Однажды, когда я проповедовал в Шотландии, Духу Божьему захотелось оставить меня. Я не мог говорить, как обычно. Мне пришлось сказать людям, что с огненной колесницы сняты колеса, и она с большим трудом продвигается вперед. С тех пор я всегда чувствовал действие этого переживания. Оно глубоко смирило меня. В тот момент мне хотелось скрыться в какое-нибудь незаметное место земли, мне казалось, что я не должен больше говорить во имя Господа. И тогда пришла мысль: «О, ты неблагодарное существо! Разве Бог не говорил через тебя сотни раз? А сегодня, когда Он не захотел этого, ты упрекаешь Его за это? Нет, благодари Его, что Он так долго шел с тобою. И если Он один раз оставил тебя, тогда восхищайся Его благодатью, что через это Он сохраняет тебя смиренным».

Некоторые могут подумать, что в такое состояние меня привела недостаточная подготовка, но я могу открыто и честно сказать, что это не так. Я думаю, что обязан учиться, и не имею права искушать Господа неподготовленными словоизвержениями. Я всегда считал своей обязанностью искать темы для моих проповедей у Господа и просить Его, чтобы Он запечатлел их в моем сознании. Но на этот раз я готовился к проповеди больше, чем обычно, так что причиной недостатка силы свыше не была неподготовленность. Причина была вот в чем: «Дух дышит, где хочет». Если же я уповаю на действие Духа Святого, тогда не должен ожидать, что всегда буду чувствовать Его силу в одинаковой мере. Что я мог сделать без Его небесного влияния? Я всем обязан Ему. Другие служители Господа тоже переживали подобное. В биографии Уайтфильда мы читаем, что иногда после его проповеди каялись по две тысячи человек. А в другой раз он проповедовал с такой же силой, но не сообщается ни об одном покаявшемся. Почему? Просто потому, что в одном случае действие Духа Святого сопровождало слово, а в другом случае — нет. Все небесные результаты проповеди исходят от проявления Духа Святого, Который посылается с неба.

В следующее воскресенье (29 июля) я дважды проповедовал в Глазго. Утреннее богослужение было в капелле на Вест-Нил-стрит. И на этот раз огромное здание не вмещало людей, которые хотели зайти. Вечером я проповедовал в церкви Грейфриас, и этот большой молитвенный дом был полон до отказа. Позднее один издатель газеты в Глазго утверждал, что еще 20.000 людей должны были пойти домой, так как не могли поместиться. И снова, передавая истины жадно внимающим людям, я пережил помощь моего милостивого Господа.

В последующий четверг мой приветливый хозяин господин Андерсон пригласил в свой дом сотню друзей и знакомых, чтобы попрощаться со мной. Я рассказал им о пути, которым Господь ввел меня в Его служение, и о благословении, которое Он излил на него.

На их настойчивые просьбы я обещал посещать их раз в году, если это будет возможным. Я сказал им, что они лучше обходились со мной, чем я этого заслужил (и это действительно так!), ради моего Господа. Я не знаю, почему люди так добры ко мне.

Я никогда не искал признательности людей, и все же Бог подарил мне расположение в их глазах. Поэтому моя обязанность — использовать это расположение для Его славы. Через это не я должен возвыситься, а должен только благодарить Его и все использовать для служения Ему.

24. Завоеватель душ

Я всегда удивлялся тем братьям, которые могли просто и свободно подойти к человеку и открыто говорить с ним о его душе. У меня не всегда это хорошо получается, хотя с Божьей помощью я уже имел успехи в таком служении. Сколько душ приведено ко Христу любящими увещаниями христиан, научившихся этому святому искусству! Просто удивительно, как Бог благословляет даже самые маленькие усилия на этом поприще. Много лет назад, как-то вечером после богослужения меня отвозил домой один кучер. Когда я вышел и заплатил, он вытащил из кармана маленький Новый Завет, показал мне и сказал: «Прошло уже 15 лет с тех пор, как вы дали мне его и говорили со мной о моей душе. Я никогда не забывал ваши слова, и с тех пор не прошло ни одного дня, когда бы я ни читал эту книгу». Я был счастлив: в этом случае семя явно упало на добрую почву.

Однажды я пообещал проповедовать вечером в одном городе, находящемся на берегу реки. В этот день я рано поехал туда, чтобы иметь немного времени для свидетельства. Мне очень хотелось поговорить о Христе с рыбаком, который перевозил меня на своей лодке. Я начал разговор, расспрашивая о его семье. Он рассказал мне, что его дом опустошила холера, и он потерял не менее тринадцати родных, которые умирали один за другим. Мои вопросы и его ответы подготовили почву для следующего разговора:

— Вы надеетесь попасть в небо, когда умрете? — спросил я.

— Ну, я думаю.

— Может быть, вы расскажете мне о вашей надежде, так как никто, надеющийся на Господа, не должен постыдиться.

— Ну, я уже 25 или 30 лет плаваю по этой реке, и еще никто не видел меня пьяным.

— Это все, на что вы надеетесь?

— Ну, когда холера губила людей, и мои соседи заболели, я вызвал для них доктора и ухаживал за ними не одну ночь. Думаю, что я такой же хороший, как и большинство людей, которых я знаю.

Конечно, я сказал ему, что очень рад слышать о его сострадании к больным, и что считаю намного лучшим быть добрым, чем грубым. Но я не вижу, как его хорошее поведение может привести его на небо. Тогда он сказал:

— Ну, возможно, это и не сможет привести меня на небо. Но когда я стану немного постарше, я, наверное, оставлю свою лодку и пойду в церковь, и тогда, надеюсь, все будет в порядке.

— Нет, это совершенно неверно. Если даже вы пойдете в церковь, ваше сердце через это не изменится, и ваши грехи не исчезнут. Начните как можно скорее ходить в церковь, но ко Христу через это вы не приблизитесь ни на сантиметр.

Бедный человек был очень удивлен, когда я разбил все его надежды. Тогда я продолжил разговор, предложив ему другие вопросы:

— Вы же грешили в вашей жизни, не правда ли?

— Да, и даже очень часто.

— Как вы думаете, почему вам должны быть прощены ваши грехи?

— Ну, я сожалел о них и думаю, что они все исчезли. Они больше не причиняют мне трудностей.

— Предположим, что вы остались должными мяснику, у которого всегда покупаете мясо. Тогда вы пойдете к нему и скажете: «Знаете, у вас большой список моих долгов. К сожалению, я должен сказать, что за все товары, которые брал у вас, не могу заплатить. Но я скажу вам, что хочу сделать: я никогда больше не возьму у вас ничего в долг». Он обязательно скажет вам, что не согласен на такую сделку. Вы думаете, что так можно поступить и с великим Богом? А вы уверены, что Он пойдет и вычеркнет ваши прошлые грехи просто потому, что вы сказали, что больше не будете грешить?

— Я бы очень хотел знать, как могут быть прощены мои грехи. Вы пастор?

Я так просто и ясно, как только мог, рассказал ему, как Иисус Христос занял место грешника и как те, кто уповает на Него и на Его пролитую Кровь и праведность, находят прощение и милость. Этот мужчина был очень обрадован простым рассказом о кресте. Он сказал, что желал бы услышать это много лет назад, и еще добавил: «Если сказать правду, то я чувствовал себя нехорошо, когда видел, как бедных людей опускали в могилу. Я чувствовал, что есть нечто, чего мне еще недостает, но не знал точно — что».

Я не могу сказать о конечном результате нашей беседы, но я был рад, что мог хотя бы объяснить ему Божий путь спасения так просто, чтобы он мог понять это.

Иногда открыть некоторым людям путь спасения мне было совсем непросто, и причина была в том, что другие не были примером для них. Как-то я попытался рассказать о моем Господе одному кучеру. На это он сказал мне:

— Вы знаете пастора N?

— Да, — ответил я, — я его очень хорошо знаю. Что вы хотели сказать о нем?

— Ну, он из сорта проповедников, которые мне нравятся. Мне нравится его религия.

— Что же это за особенная религия?

— На этом месте, где вы сейчас сидите, он ездил шесть месяцев каждый день и за все это время ни разу не сказал мне ничего о своей религии. Такие проповедники мне нравятся.

Этот комплимент показался мне сомнительным для человека, который выдавал себя за служителя Иисуса Христа.

В других случаях возникали трудности в общении с некоторыми людьми из-за их незнания плана спасения. Если в поездке я говорил о моей надежде на Христа двум или трем людям, то для моих слушателей это было чем-то совершенно новым. Объясняя учение о заместительной жертве Христа, я видел удивленный взгляд на лицах многих интеллигентных англичан. Я встречал и таких людей, которые ходили в церковь с детства, но не знали даже основных истин спасения через веру. Да, были некоторые, принадлежавшие к независимым церквям, которые не поняли простых истин, что ни один человек не может спастись своими добрыми делами, но только через веру, искупительную жертву и праведность Иисуса Христа. Эта нация упала в пропасть самоправедности. Протестантизм Мартина Лютера многим совершенно неизвестен. Они надеются на Божье милосердие и в своей самонадеянности верят чему угодно. Учение о том, что верующий в Иисуса спасается делом, которое совершилось на кресте, рассматривается как следствие ошибочного энтузиазма и высмеивается, подвергается нападкам и обвиняется в том, что оно ведет к распушенности. Лютер говорил о том, что жителей Виттенберга* нужно бить Библией по голове, чтобы вбить им в голову учение о праведности через веру. Но бить — не помогает. Мы должны иметь терпение с теми, которых пытаемся научить, и должны быть готовы снова и снова повторять одни и те же основные истины. Как-то одну мать спросили: «Зачем вы повторяете своим детям одно и то же по двадцать раз?» Она ответила: «Так как я думаю, что девятнадцати раз им недостаточно». Так часто бывает, когда мы хотим научить кого-то азбуке Евангелия.

* Виттенберг (Wittenberg) — город в Германии

Хотя Англия считается евангелической страной, без сомнения, здесь есть люди, настроенные католически, которые совершают большие религиозные дела, чтобы заработать себе спасение. Какое огромное количество домов для бедных было построено старым жадным человеком, который обдирал бедных, но хотел этим добрым делом принести жертву умилования за свое несправедно накопленное богатство! А какое богатое наследство оставил для больницы другой человек! Это было действительно хорошее дело, но человек, который совершил его, за всю свою жизнь не дал и гроша ни одному просящему у него. Он не дал бы и до сих пор, если бы не должен был умереть и не знал, что ничего не сможет взять с собой из своих денег. То есть, он оставил это с благой целью: как «жертву» за свои грехи.

Иногда такие глупые люди думают, что, сделав какое-то религиозное дело, они попадут на небо. Два раза в день ходить на богослужение, поститься, украсить вышивкой алтарь, разрисовать окна в церкви, заплатить за новую фисгармонию.* По совету своих священников они делают многое без заметного продвижения вперед. Некоторые из тех, кто называет себя христианами, как бы верят в своего рода договор серьезного послушания, при котором человек со своей стороны отдает самое лучшее, а Христос как бы добавляет остаток для того, чтобы спастись. Но Бог никогда ничего не возьмет от человека, который остается в долгу перед Божественной праведностью. Некоторые люди думают, что они уже на пути к небу, если посещают церковь, причащаются и делают определенные добрые дела, которые принадлежат к благопристойному исповеданию религии. Но если эти дела заменяют веру в абсолютное искупление через жертву Христа, то это — путь в ад.

Я не знаю, о чем думали мои слушатели. Я, во всяком случае, могу честно сказать, что несчетное количество раз сходил с кафедры со стоном, что не смог проповедовать так, как хотел. Но это было моим утешением: я имел желание прославить Христа, я пытался держать свою совесть чистой от крови всех людей, я говорил им всю правду, хотели они этого или нет. Для человека, и особенно для проповедника Христова, который не проповедовал Евангелие, будет ужасным предстать перед Божиим судебным престолом и отвечать за все души, которые были доверены ему.

Мне казалось чудом слышать, что некоторые старые проповедники работали на одном месте двадцать, тридцать или сорок лет, не видя ника-

* Фисгармония – клавишный духовой музыкальный инструмент с мехами.

кого плода. Я не хочу судить их — они сами стоят перед своим Господом. Но если бы я был в такой ситуации, то не осмелился бы оставить виноградник Господень, куда Он поставил меня для труда от юности моей, но заключил бы из этого, что Он хочет видеть меня на другом месте в Своем винограднике, где мои усилия принесут больше благословения. Я благодарю Бога, что не напрасно трудился и не растрачивал попусту силы. Он дал мне долгое время радостного и успешного труда, за что я от всего сердца славлю и возвеличиваю Его святое имя. Иногда был замечен больший рост, затем он замедлялся, но большую часть времени непрестанно и с одинаковой интенсивностью лился поток благословений. У меня никогда не было желания носиться по мировой истории и делать прозелитов из других деноминаций, но я хотел собрать к себе тех, которые еще не принадлежали ни к какой церкви и еще вообще не ходили ни на какие богослужения. Конечно, к нам приходили люди из других церквей, если им это казалось правильным и умным шагом, но я сгорел бы от стыда, если бы мне по праву сказали, что большая община под моим руководством состоит из членов, которых я похитил из других христианских церквей. Для меня самые ценные — неверующие, беспечные, которые вышли из мира и пришли в общение с Иисусом Христом. Они — настоящая награда, не тайно похищенные с приветливого берега, но захваченные из вражеского стана с помощью меча Слова Божьего.

Иногда отчаянный случай требует отчаянного решения. Однажды я встретил мужчину, который соглашался со всем, что я говорил. Когда я говорил об ужасе греха, он соглашался и говорил, что я вполне прав. Когда я объяснял путь спасения, он и с этим соглашался, но было совершенно ясно, что его сердца не коснулась эта истина. Мне было бы легче, если бы он отрицал все, что я говорил, тогда я имел бы возможность убеждать его принять конкретное решение. Наконец у меня создалось впечатление, что говорить с ним дальше — безнадежно, и я сказал:

— Неоспоримый факт, что однажды вы умрете и будете осуждены».

Я ушел, не сказав больше ни слова. Как я и ожидал, прошло совсем немного времени, и он позвал меня. Он попросил меня объяснить ему, почему я сказал о нем такое ужасное. Я ответил:

— Мне казалось напрасным говорить с вами о спасении вашей души, потому что вы не чувствовали опасности в том, о чем я говорил. Я не мог ожидать, что вы задумаетесь о сказанной вам истине, и твердо уверен, что вы погибнете.

Он был очень раздражен на меня из-за того, что я так открыто гово-

рил с ним. Я снова ушел и оставил его в замешательстве. Через несколько часов он был уже в отчаянии. Дух Святой открыл ему его греховность и испорченность. Этот человек пришел к покаянию и вере. Его крестили, он стал членом церкви и через несколько лет ушел домой, в вечность.

25. Новая школа для проповедников

В воскресенье 5 августа 1855 г. в капелле на Нью-Парк-стрит в конце проповеди я прочитал стих из 1 Кор. 9,16: «Ибо если я благовествую, то нечем мне хвалиться, потому что это необходимая обязанность моя, и горе мне, если не благовествую» и сказал:

«Ну, мои дорогие слушатели, я хочу еще что-то сказать вам. В этом помещении есть люди, которые являются большими должниками в глазах Божьих, так как они не проповедуют Евангелие. Я не могу себе представить, чтобы из полторы тысячи или из двух тысяч человек, которые сейчас меня слушают, ни один кроме меня не может проповедовать Евангелие. Я не думаю о вас так плохо, и не считаю, что я разумнее всех вас здесь, что наделен большей силой свыше, чтобы проповедовать Слово Божье. И даже если бы я думал так, то не мог бы поверить, что ни один в таком большом собрании не имеет способности и таланта проповедовать Слово Божье... Это очень серьезный вопрос. Если в нашей общине есть хоть один талантливый человек, он должен развиваться. Если в нашем собрании есть проповедники, то они должны проповедовать.

...Я очень хочу найти среди вас многих проповедников. «О, если бы весь народ стал пророчествовать!». Здесь есть те, которые должны быть пророками, но они немного стеснительны. Хорошо, тогда мы должны найти путь, чтобы они освободились от стеснительности. Для меня непремено даже представить себе, что есть служитель Иисуса Христа, который спит в то время, когда дьявол высылает на работу всех своих слуг. Молодой человек, иди домой и испытай самого себя. Посмотри, какие у тебя есть способности, и, если ты увидишь их в себе, тогда попытайся сказать десяти простым людям, что они должны делать, чтобы спастись. Ты не должен стремиться во что бы то ни стало сделаться проповедником. Но если Богу это понравится, тогда постарайся исполнить эту высокую задачу. «Если кто епископства желает, доброго дела желает». Тогда, во всяком случае, пытайся проповедовать Евангелие Божье разными спо-

собами. Я специально сказал эту проповедь, так как жажду с этого места дать жизнь движению, которое бы достигало других людей. Я хочу, если возможно, найти некоторых из нашей церкви, которые хотят проповедовать Евангелие. И запомни, дорогой друг: если у тебя есть талант и сила свыше, тогда бойся, если ты не проповедуешь Евангелие!»

Когда Дух Божий благословил меня в первые годы моего служения на Нью-Парк-стрит, истину познали многие энергичные молодые люди. Среди них были и такие уличные проповедники, которых Бог благословлял, так что люди калялись. Я знал, что у этих братьев есть способности, но нет образования. Притом пришли они из таких слоев общества, которое не давало им доступа в какой-нибудь колледж. Поэтому мне пришла мысль дать им образование в некоторых основополагающих вопросах, чтобы откорректировать их неподобающую речь, а также дать им возможность получать дальнейшую информацию через чтение книг. У меня на примете был очень способный молодой человек, и я решил начать хотя бы с ним одним. Незадолго до этого ко мне пришел самый благословенный среди всех других брат, чтобы помочь мне: это был пастор Джордж Роджерс из Кэмбевела, который уже долго ждал и созрел для миссии учителя. Еще до того, как у меня возникла идея учить молодых людей, он искал такого служения. Мы встретились и начали совместную работу, у нас завязалась дружба, которая с годами все более укреплялась.

Наш труд любви начался с одним-единственным студентом. Для поддержки этого одного брата приходили пожертвования, и все же мне казалось в то время, что это очень смелое предприятие и большая ответственность. Это было не просто для проповедника с ограниченным заработком собрать 50 фунтов в год. Но через некоторое время стало ясно, что этого слишком мало, так как другие братья, пригодные к данному служению, тоже просили дать им возможность учиться, и мы не могли отказать им в этом. Начиная с одного студента в 1856 году их число за короткое время возросло до восьми. Затем их стало двадцать. Вскоре их было почти сто человек. Вера трепетала, когда брат был поставлен перед ответственностью — обеспечить материальную поддержку для учебы одного брата, но Господь укрепил веру и обеспечил необходимым так, что он ликовал под этим бременем, когда число учеников возросло и до ста человек.

Дело началось не по какому-то плану — оно возникло просто по необходимости. У того, кто начал его, не было никакого выбора. Он действовал, движимый силой Божьей. У него не было никакого представления,

как будет расти это дело, он также не пытался выбрать какое-то направление, влияние которого распространится на долгое время. Все, чего он желал, было — удовлетворить настоящую нужду и исполнить намерения Божьи. Делая это, он вообще не думал о будущем. И это был Божий план, так как доброе нужное дело развивалось под действием животворящей силы, а не по схеме или по плану извне.

Когда образование проповедников начало приобретать форму, перед нами стояла единственная цель — прославить Бога через проповедь Евангелия. Если братья, которым нужно образование и воспитание, хотят, чтобы их воспринимали слушатели, они должны учиться. Поэтому наш институт поставил перед собой цель обучить тех, которых Бог явно призвал проповедовать Евангелие. Нам никогда и не снилось делать из людей проповедников, но мы хотели помочь тем, которых Бог призвал к этому служению. Поэтому мы поставили такое условие: брат должен проповедовать не менее двух лет и иметь на своем служении печать Божью, прежде чем подать заявление на учебу. Речь не шла о том, насколько он талантлив или способен. Наше учебное заведение не могло принимать во внимание только то, какую человек подает надежду, но должно было иметь явное подтверждение Божественного зова, насколько человек мог определить его. Это стало для нас главным пунктом, так как мы не хотели иметь братьев, которые под руководством наших учителей стали бы хорошими учениками, — нужны были те, которых Господь предусмотрел для проповеди.

Мы твердо держались этого правила и стремились удалить все препятствия с пути тех братьев, которые были избраны Богом к этому служению. Мы решили, что никогда не откажем брату из-за бедности, но постараемся предоставить ему кров и помощь во всех материальных нуждах. Также мы выставили самые низкие требования к знаниям, чтобы те братья, которые не имели возможности учиться, могли поступить к нам, и впоследствии они стали лучшими студентами. Человек, имеющий настоящие способности говорить, живущий в глубоком смирении и имеющий крепкую веру, может быть, на основании своего рождения вырос в бедности и не получил школьного образования, но если ему немного помочь, он может стать сильным работником для Христа. Для церкви будет потерей, если такого брата лишит наставления, так как он никогда не получал его раньше. Наша школа начала с того, что пригласила к себе мужей Божьих, невзирая на их бедность или богатство, необразованность или прекрасное воспитание. Мы искали не

Баттистская конференция проповедников, 1856.

творцов философских излияний и не тех, кто только читал проповеди — мы искали честных проповедников. «Ты приобрел души для Иисуса? — таков был и есть главный вопрос, который мы задавали всем поступающим. — Если да, то идем с нами, и мы поможем тебе».

Наши братья не ищут университетских званий или других почестей — хотя многие из них могли бы достичь их. Они хотят научиться эффективно проповедовать, достигать сердца людей, евангелизировать бедных — и задачей семинара было только это, и ничто другое.

Мы стараемся изучать Священное Писание. Богословие нашей школы — пуританское* богословие. Мы не знаем нового богословия, мы ходим старыми путями. На все изменения современного мышления мы смотрим с недоверием. Мы верим, что они, в лучшем случае, разжижают истину, это старые, заржавленные лжеучения, отполированные и приобретшие новый вид, которые вновь выносят на рынок, чтобы еще раз нанести вред, сделанный в прошлые времена. Как наш опыт, так и наша Библия утверждают в нас веру в неизменное учение благодати, и между нами нет разногласий в этих фундаментальных вопросах учения. Если высмеивают старое богословие, то часто причина бывает в том, что его неправильно понимают. Так как мы верим, что пуританская школа объ-

* Протестантское течение 16в. в Англии. Особое внимание уделялось на лучшую мораль и чистоту

единяет в себе истины Евангелия более, чем все другие со времен апостолов, мы продолжаем эту линию и надеемся, что будем иметь участие в пробуждении евангельского учения, которое обязательно придет, как придет и Сам Господь.

Девиз семинара — «Я крепко держусь, и меня крепко держат». Мы стараемся смелой рукой поднимать крест Христа среди людей, так как этот крест притягивает нас своей силой. Наше желание, чтобы каждый человек держался истины и твердо удерживался ею, особенно той истины, что Христос умер на кресте.

В те первые дни семинара проповедников было много интересных событий. Когда Медхурст начал проповедовать на улице, братья, бывшие в то время членами на Нью-Парк-стрит, обращали большое внимание на речь проповедника и были шокированы недостатком его образования. Они пришли ко мне и жаловались на него. Они думали, что я должен остановить его, и если я не сделаю этого, то дело Божье потерпит урон. Итак, я имел беседу с усердным молодым братом. Он не отрицал, что его английский язык не совершенен, что и в других отношениях он, вероятно, сделал ошибки...

— Но, — сказал он, — я должен проповедовать. И я буду проповедовать, даже если они отрежут мне голову.

Я пошел к моим друзьям, повторил то, что он сказал мне, и добавил:

— Так как совершенно очевидно, что наш молодой брат не может иначе, как служить Господу всей своей силой, я должен сделать, что могу, чтобы дать ему образование, которое приготовит его к этому служению.

Следующий, кто пришел ко мне со своими проблемами, был сам Медхурст. Однажды он с печальным лицом сказал мне:

— Я проповедую уже три месяца и не знаю ни одного покаявшегося.

Чтобы хитростью поймать его, я сказал:

— Ты что же, ожидаешь, чтобы каждый раз, когда ты говоришь, Бог спасал людей?

— О, нет, — ответил он.

— Вот это и есть причина, почему у тебя нет покаяний: «По вере вашей да будет вам».

Пока Медхурст учился в Бексли Хилл, он обычно проводил собрания. Однажды, когда я проповедовал там, мне было очень смешно, когда после богослужения я услышал, как разговаривали между собой двое, которых явно коснулось слово, проповеданное молодыми студентами семинара.

— Ну, — спросил первый, — как понравился тебе господин Сперджен?

— О, — ответил другой, — очень хорошо, но он бы мне еще больше понравился, если бы он не так сильно подражал нашему любимому Медхурсту.

Когда я позже рассказывал эту историю студентам, то всегда ясно указывал, какие серьезные последствия могут быть, если кто-нибудь из них будет повторять за мной!

Когда позднее я посетил Кингстон-он-Темс, где Медхурст стал пастором церкви, то хотел узнать, что говорят там о нем люди. Я разговаривал с благородной дамой из этой церкви и говорил о нем очень холодно. Но она тут же начала заступаться за него:

— Вы не имеете права говорить против него. Если вы так делаете, то только потому, что вы плохо знаете его.

— О, — ответил я, — я знал его еще задолго до вас. Он многого не стоит, неправда ли?

— Ну, — ответила она, — я не могу иначе, как хорошо отзываться о нем, так как он послужил благословением для моей семьи и прислуги.

Я пошел на улицу и увидел некоторых мужчин и женщин стоящих там. Я подошел к ним и сказал:

— Я должен забрать вашего проповедника.

— Если вы сделаете это, — хором отозвались они, — тогда мы последуем за вами по всему миру, чтобы возратить его. Вы же не будете так недружелюбны к нам, что заберете брата, который сделал столько добра нашим душам?

После того как я собрал о нем пятнадцать или шестнадцать свидетельств, то сказал:

— Если человек получает такое свидетельство о своем служении, тогда я его охотно оставляю, где он есть, так как совершенно ясно, что Господь призвал его на это служение.

26. Первые издания — писатель, издатель и читатель

Моим первым изданием был трактат «Вотэбич». На титульном листе было написано: «Издано по желанию многих друзей». Это был 1853 год, и в том же году «Баптистский репортер» напечатал мое сообщение о беседе с англиканским священником в Мэйдстоне, что привело меня к

изучению Писания и к познанию того, что говорит Новый Завет о крещении верующих. Незадолго после того как я переехал в Лондон, редактор новой газеты «Баптистский вестник» попросил у меня статью для нее. Я написал для сентябрьского номера 1854 года статью под названием «Долина плача», короткую проповедь на Пс. 83,7. Для октябрьского номера я написал статью под названием «Вперед и к небесам» на следующие стихи из 83 Псалма. Так месяц за месяцем я писал для газеты, пока у меня не появилось возможности работать с другими изданиями. С тех пор на титульном листе этой небольшой газеты всегда была одна из моих проповедей.

20 августа 1854 года я проповедовал в капелле на Нью-Парк-стрит на 1 Цар. 12,17: «Не жатва ли пшеницы ныне?» Джеймс Пауль взял эту проповедь под № 2234 в серию проповедей «Грошовые проповеди», и это была моя первая напечатанная проповедь. До того как я вззошел на кафедру, мне пришла мысль, что однажды и мои проповеди будут напечатаны. Когда я читал «Грошовые проповеди» Иосифа Иронса, которые сильно любил, у меня возникло желание иметь когда-нибудь свою серию грошовых проповедей. И сон стал реальностью. Интерес к моим проповедям в «Пен пулпит» и в «Баптистском вестнике» был так огромен, что я, уже не думая о еженедельной серии проповедей, печатал отдельные проповеди. Со страхом и трепетом я принял предложение моего редактора — печатать каждую неделю одну проповедь. Мы начали с проповеди на Мал. 3,6: «Ибо Я — Господь, Я не изменяюсь; посему вы, сыны Иакова, не уничтожились» от 7 января 1855 года. И после многих лет я радуюсь, что могу сказать: «Так как Бог помог мне, я до сих пор продолжаю свидетельствовать перед малыми и великими». Сколько серий грошовых проповедей были начаты в эти годы и снова отставлены! Часто это были выдающиеся люди, воскресные проповеди которых были напечатаны. Но рано или поздно все эти проповеди не были закончены, иногда из-за болезни или смерти проповедника, в других случаях — из-за недостатка текста. Может быть, эти проповеди были настолько хорошими, что читатели находили их неинтересными. Кто знает, как обычно скучны напечатанные проповеди, должен быть счастлив, что уже тридцать лет имеет счастье знать, что его проповеди не только покупают, но и читают. Это так удивляет меня, и я знаю только одну причину этого: проповеди содержат Евангелие, понятно и ясно проповеданное. А в этом люди нуждаются больше всего. Евангелие — оно всегда живо и ново, оно все эти годы соединяло нашу церковь. Это и тянет людей читать мои

проповеди. Одного французского крестьянина, у которого всегда был хороший урожай, сосед оклеветал как волшебника. В свое оправдание тот указал на своих прилежных сыновей, работающих волов, свою лопату и плуг — это не волшебство. Так я успех своего дела могу отнести на счет Евангелия и того, что их язык понятен, только поэтому мои проповеди читаются все охотнее.

Когда должен был выйти первый том этих проповедей, я написал в предисловии:

«Для похвалы я мало что могу сказать по поводу этих проповедей, а то, что о них сказано плохого, уже достаточно. Издатель пережил и то, что злословия замолкли, страшные слова закончились, и их яд уже не действует. Но нападки вызвали большую полемику вокруг этих проповедей, и некоторых это побудило внимательно прочитать их.

Но для проповедника мнения людей не так важны. Есть только одно, что поднимает эту книгу над своими презрителями, и делает ее такой триумфальной: это то, что едва ли не каждая проповедь рукой Всомогущего запечатлена покаянием хотя бы одной души. Некоторые проповеди привели к спасению по милости Божьей не менее двадцати душ. Об этих проповедник знает точно, а сколько еще откроются в вечности!.. Сотни детей Божьих радовались этой вести, и это делает проповедника неуязвимым против критиков и насмешников. Некоторые выражения могут вызвать улыбку. Проповедник не уверен, что смех является грехом, но, во всяком случае, лучше совершить ничтожное преступление, вызвав маленькую улыбку, чем погрузить людей на полчаса в глубокий сон.

Как бы то ни было, читатель купил эту книгу. У него нет гарантии, что она совершенна. Если она ему не нравится, он должен извлечь из этого лучшее — или он должен просить для себя благословения, или для своего друга-проповедника — просвещения».

Первые семь томов были напечатаны мелким шрифтом, каждая проповедь имела восемь страниц. Когда сняли налоги на бумагу, издатель мог применить больший шрифт, так что каждая проповедь занимала двенадцать страниц. Одновременно изменили и название: из «Кафедра Нью-Парк-стрит» стала «Кафедра Табернакеля». Крупный шрифт сделал проповеди легко читаемыми, и оборот значительно вырос. Длительная привычка привела к тому, что все мои проповеди одинаковы объемом, и меня самого удивляет, как мало они отличаются по объему. Если я проповедую 40-45 минут, они занимают указанное место, и мне не нужно прилагать усилий, чтобы удлинять или укорачивать их. Так

как в то время я большое время проводил в дороге, то мои прежние проповеди были почти совсем не обработаны, и поэтому в них много таких оборотов речи, которые допускаются в разговоре, но в печати излишни. Позднее я основательно обрабатывал проповеди, и это послужило мне на пользу, так как помогло мне улучшить свою речь. Эта обработка тяжелее, чем многие думают, это занимает добрую часть понедельника и часто расходуется много масла для лампы после полуночи. Но я хотел дать читателям лучшее, так что мне не жалко было этих часов, хотя часто я сильно уставал, и наслаждение становилось работой.

Я начал обработку ранее напечатанных мелким шрифтом проповедей, так что они могут снова быть напечатаны крупным шрифтом. Я нашел там и ошибки, но был счастлив, что не нашел никаких причин, чтобы исправлять что-либо, не соответствующее учению. Я был счастлив не упускать ничего из того, о чем я учил в самом начале моего служения. То там, то здесь я немного подправлял выражения. Но истина, которую я проповедовал, осталась той же самой: эту истину Господь с самого начала открыл мне Духом Своим, а Он не ошибается. Прежде чем был издан мой первый том, мистер В. Г. Коллиндридж издал мою книгу с цитатами, изречениями и иллюстрациями известного пуританина Томаса Брокса. В том же году (1855) мистер Джеймс Пауль издал первый том «Кафедра библиотеки» с десятью проповедями. Хорошо напечатанная и с хорошим переплетом эта книга нашла хороший отзыв и быстро разошлась, хотя стоила полкроны.

Сразу же, как только начали издаваться мои проповеди, Господь дал Свое подтверждение: грешники калялись, сбившиеся с пути возвращались, верующие назидались. И как я радуюсь, что это — к Его славе — всегда оставалось неизменным. Уже много лет редко когда проходит день и никогда — неделя, чтобы я не получал письма, иногда с края земли, говорящие о том, что кто-то через эти проповеди был спасен. Слава Господу за это!

8 июня 1856 года я проповедовал в Эксетер-зале на Евр. 7,27: «Посему и может всегда спасать приходящих чрез Него к Богу, будучи всегда жив, чтобы ходатайствовать за них». Под названием «Совершенное спасение» эта проповедь была напечатана, и более чем через тридцать лет я получил радостную новость, что один убийца из Южной Америки через нее нашел Спасителя. Один из моих друзей, который живет недалеко от Табернакеля, был в городе Пара в Бразилии. Там он услышал, что один

англичанин за убийство, совершенное в нетрезвом состоянии, осужден на пожизненное заключение. Мой друг посетил его. Он глубоко сожалел о своем проступке, но был спокоен и радостен в Господе. Вина убийства нанесла его душе глубокую рану, но она была исцелена, и он радовался славе прощения.

Вот что рассказал этот заключенный: «Один молодой человек, у которого закончился контракт с газовой фирмой, хотел возвратиться домой в Англию. Перед этим он посетил меня и принес мне пакет книг. Когда я развернул его, то увидел, что это романы. Так как я мог читать, то был благодарен за каждую книгу. Прочитав некоторые книги, я нашел одну из проповедей Сперджена под № 84. Там он рассказывал про Пальмера, который был осужден на смерть, и сидел в тюрьме в Стэфорде. Чтобы пояснить текст своим слушателям, он сказал: «Даже если Пальмер совершил много убийств, но осудил бы себя и искал Божьей прощающей любви во Христе, то ему было бы прощено». И я почувствовал: «Если Пальмер может получить прощение, тогда и я!» И я стал искать Спасителя и, слава Богу, я нашел Его! Теперь я прощен, теперь я свободен. Я прощенный грешник. Я убийца, но мои грехи не слишком тяжелы для совершенного спасения. Да прославится Его святое имя!»

Как я был счастлив, когда получил эту весть! И как я благодарен, что этот человек — не единственный из тех, кто совершил ужасные убийства, и благодаря Божьему благословию посредством проповедей нашел путь к покаянию и к вере в Иисуса Христа. Другой человек, проводивший свою жизнь в пьянстве и разврате, убивавший людей ножом и револьвером, тоже нашел Спасителя и стал новым человеком. Когда он лежал на смертном одре, он попросил кого-то, кто был у него, передать мне, что ко Христу его привели мои проповеди. «На земле я уже никогда не встречу Сперджена, — сказал он, — но я расскажу про него Иисусу Христу, когда приду на небо».

Много необычных вещей произошли в связи с изданием моих проповедей. Один брат, имя которого я не хочу называть, купил более чем 250 000 экземпляров и раздал их. Руководителям всех стран Европы он послал специально переплетенные тома проповедей. Книги с двенадцатью и более проповедями он повелел раздать всем студентам и всем членам парламента, и всем влиятельным гражданам городов Ирландии.

Когда были напечатаны мои первые проповеди, один лондонский коммерсант издал объявления с предложением выпустить проповеди. Так он продал большое число проповедей людям, которые никогда не

слышали о них. Он был не баптистом, а квакером. Прошло немного времени, пока я узнал, кто он.

С моего разрешения мои проповеди печатались во многих австралийских газетах. Один господин еженедельно платил за это определенную сумму, которую я не хочу называть, так как она звучит неправдоподобно. Так что они читались даже в Австралии, и многие письма показывали, что именно там они имели огромное действие! Суровые жители были рады найти в своих газетах самую лучшую весть — историю о спасении, купленной кровью.

В Америке очень быстро распродали 20.000 экземпляров первого тома проповедей. В данное время — уже более полумиллиона, и многие христианские листки печатают эти проповеди. За эту возможность — обращаться сразу к большой части человечества — я не могу достаточно возблагодарить Бога.

Как неопытный автор я сделал ошибку, но только один раз. За мою книгу «Святой и его Спаситель» я заключил с Джеймсом Виртуе договор на 50 фунтов. В то время — я был в Лондоне только год — мне эта сумма казалась очень высокой. Но в сравнении с тем, что издатель заработал на этой книге, это до смешного мало. И так как он не считал нужным заплатить мне больше, другие свои книги я доверил другим издателям, которые более великодушно обходились со мной.

С господином Иосифом Пассморе и Джеймсом Алабастером мы так хорошо понимали друг друга, что я никогда не желал себе других издателей. Наши отношения были близкими и доверительными и, думаю, они поддержат меня, если я скажу, что они были в помощь мне. Наши деловые отношения были христианскими, так как мы делали все во славу Божию. Пассморе и Алабастер начинали как молодые деловые люди на маленьком предприятии на Вильсон-стрит, в Финсбери. Позднее они рассказывали удивительные истории: Бог их там благословил, и их дело росло. Неожиданный успех книг даже создавал трудности: они не могли удовлетворить все запросы. Но они усердно трудились, используя всю возможную помощь, и смогли укрепить солидное основание для будущего фирмы. Я часто спрашивал Пассморе, пишу ли я для него или это он печатает меня; он — мой работодатель или я — его. Но он всегда говорил, что я его шеф, и этим вопрос был решен.

С Пассморе меня связывало не только дело, но и дружба, которые всегда гармонично согласовывались.

Вот одно из многих писем, адресованных Пассморе:

В разговоре со своим другом и издателем Иосифом Пассморе.

«Дорогой господин Пассморе, передали ли вы уже свою фирму? Если нет, тогда я буду рад получить корректуры книги «Жемчужные росы и золотые лучи», которую вы, если я правильно понял, уже начали печатать. В понедельник я получил некоторые из них, а сегодня уже среда. Пожалуйста, поторопите вашего друга, который перенял у вас фирму. Скажите ему, что вы всегда были образцом в пунктуальности и что он должен подражать вам в этом.

С дружеским приветом

ваш Ч. Г. Сперджен.

Р. С. Господин Алабастер тоже ушел? Вам обоим — сердечные пожелания, и новой фирме — большого успеха. Как она называется? Я думаю, «Фирма быстро и точно».

27. Первые годы супружества

Воспоминания Сюзанны Сперджен:

«Брак исходит из рая и ведет туда. Я стала в два раза счастливее после того, как вышла замуж. Когда ты женишься, начинается твое счастье. Муж должен любить свою жену как самого себя; и еще немного больше, так как она — лучшая половина. Если есть какая добрая женщина в мире, то это моя жена, — так он должен понимать. Пахарь уже давно думает так о своей жене. И через 35 лет он все еще так думает: Нет более лучшей жены на земле, чем она», — пишет Сперджен в своей книге «Разговоры за плугом».

«Условия нашей жизни были очень скромны, и при этом мы должны были сильно экономить, так как мой любимый муж очень хотел помогать молодым людям проповедовать Евангелие. Так мы из нашего скромного достатка должны были довольно много отдавать на содержание и учебу Медхурста, который первым получил образование для служения Господу проповедью Евангелия. Так скромно начинался сегодняшний институт проповедников! Как радовался мой муж, когда он был создан. И как мы вместе планировали и обсуждали, чтобы осуществить то, что подсказывало ему его любящее сердце. Это давало и мне материнский интерес к школе. В те дни главная проблема относительно денег была в том, чтобы упорядочить все расходы и доходы. Они никогда не сходились. Но сегодня я знаю, что это был Божий путь, чтобы впоследствии понимать бедность проповедников и помогать им.

Как-то один из проповедников описывал мне свою бедность: «Вы, конечно, не поймете меня, так как вы этого не пережили». Я тут же подумала о наших первых годах, и могла честно сказать: «Может, нам не было так трудно, как вам, но я еще хорошо помню то время, когда мы жили по системе «мы можем обойтись и без этого», и нашим уделом было Божье попечение». Как часто Он протягивал Свою руку и спасал нас, когда наша финансовая ситуация была чрезвычайно напряженной, когда кассы школы и наша собственная одновременно пустели. Однажды нам было особенно плохо. У нас никогда не было долгов в магазинах, но в тот момент мы должны были срочно выплатить большую сумму денег — то ли в уплату за что-то, то ли налог. Но у нас не было, чем заплатить. Мы переживали и были печальны.

— Дорогая, — сказал мой муж, — что же нам делать? Я не могу больше брать извозчика, и каждый раз, если мне нужно проповедовать на Нью-Парк-стрит, я должен буду идти пешком.

— Это невозможно, — ответила я, — у тебя там столько служения, ты просто не сможешь обойтись без извозчика.

Долго мы рассуждали о возможности экономии, а затем возложили это бремя на Господа и просили Его о помощи. И, конечно, Он услышал и ответил, так как Он — верный Бог. В этот же вечер или на следующее утро, я не совсем уверена, когда точно, мы получили письмо с 20 фунтами. Мы никогда не узнали, кто его послал, но мы знаем, что это был Божий ответ на молитву. Это было наше первое совместное переживание, когда мы ясно увидели, как наш Небесный Отец помогает нам в особенных нуждах. Наши сердца были полны радости, когда мы поняли, что Он знает, в чем мы нуждаемся, еще прежде нашего прошения у Него. В течение многих лет случалось подобное. Но, может быть, это было первым спасением из беды, которое заложило фундамент для крепкой и действующей веры моего мужа. Я не могу больше вспомнить, чтобы видела его когда-нибудь в заботе о деньгах, несмотря на все большие дела, которые он предпринимал для Господа. Он полностью доверял Ему, и ни в чем не имел нужды.

Две маленькие сцены, типичны для того периода нашей жизни:

Воскресенье. Дневная работа сделана. Мой любимый проповедник легко поужинал и отдыхает в своем кресле подле горящего огня. Его жена сидит на подушке у его ног и горит желанием сделать для него что-то доброе.

— Дорогой, может мне почитать тебе что-нибудь сегодня вечером? — спрашивает она.

После волнений и переживаний в воскресенье он всегда сильно устает, и его душа должна прийти к покою.

— Может, прочитать тебе пару страниц из книги Георга Герберта?

— Да, это будет хорошо для меня.

Я приношу книгу, и читаю один абзац со многими паузами. Может, он больше насладится этой книгой, если будет объяснять драгоценные истины, заложенные в ней. Что бы ни было, мы наслаждаемся этим временем. Я читаю больше часа, пока мир с неба не изливается в наши души, и усталый слуга Царя царей сбросит свою усталость и наполнится радостью.

Снова воскресный вечер, но картина уже немного другая. Мой любимый проповедник не только устал, но совершенно разбит.

— Дорогая, — говорит он, — боюсь, что сегодня я был не так верен на проповеди, как должно. Я не искал заблудшие души так серьезно, как Бог хотел этого от меня. Господи, прости Твоего слугу! Пожалуйста, — продолжал он, обращаясь ко мне, — пойди в рабочий кабинет и принеси книгу Бакстера «Реформированный пастор» и прочитай мне что-нибудь из нее. Может, это освежит мое медлительное сердце.

Я принесла эту книгу, и он с глубоким вздохом листает в ней, пока находит нужный абзац: «Какую обязанность мы взяли на себя! Разве мы можем быть неверны? Бог поставил нас зрителями дома Своего, разве мы можем быть небрежны? Мы призваны вести святых, которые будут вечно жить в вечной славе, разве мы не должны заботиться о них? Бог надзирает над нами! Я умоляю вас, братья, кто нерадив, пусть встрепет от этой мысли! Если ты избегаешь трудных обязанностей и питаешь души людей формальными фразами, думаешь ли ты, что это правильный уход за невестой Христа? Если души людей видят лицо Божье и должны быть вечно у Него, не заслуживают ли они большей заботы и усилий? Не унижаешь ли ты в своих мыслях Церковь Божью, думая, что она не заслуживает твоей лучшей заботы и помощи? Если бы ты был пастухом овец или свиней, мог бы ты оставить их и сказать: «Они не достойны, чтобы я заботился о них?» Но как бы ты поступал с ними, если бы они принадлежали тебе? Как ты осмеливаешься говорить так о душах людей?»

Так я читаю страницу за страницей, прерываемая иногда его вздохами, пока мой голос не прерывается от сострадания, мой взгляд становится неясным и мои слезы смешиваются с его слезами. Он плачет, так как его чувствительная совесть мучает его, а я плачу просто потому, что люблю его и хочу разделить с ним его горе. Я совершенно не верю, что у него есть основание для самоупреков. Но так как это дело — между ним и его Богом, я могу утешить его только тихим состраданием. «Господне бремя» лежит на нем, и Бог на некоторое время дает ему почувствовать бремя его служения, «чтобы преизбыточная сила была приписываема Богу, а не нам». И «кто учит, как Он?»

В первые годы нашей супружеской жизни случилось нечто совершенно необычайное. Однажды в субботний вечер мой муж никак не мог разобраться со стихом, на который он хотел проповедовать в воскресенье. Это был Пс. 109,3: «В день силы Твоей народ Твой готов во благолепии святыни; из чрева прежде денницы подобно росе рождение Твое». Он заботливо прочитал все комментарии, которые имел, чтобы получить ясность от Духа

Святого относительно этого текста и своих мыслей. Но все казалось напрасным. Я была так же печальна, как и он, и не могла помочь ему в этой нужде. Так я думала. Но Господь приготовил для меня еще большую милость, и через нее Он вывел Своего слугу из этой трудности. Мой муж долго не спал, был совершенно уставшим и унылым, так как все его попытки найти зерно этого текста остались без успеха. Я предложила ему пойти спать и, желая облегчить его участь, сказала, что если он сейчас заснет, то утром он будет чувствовать себя свежим и сможет хорошо поработать.

— Ты разбуди меня пораньше, чтобы у меня было достаточно времени подготовиться.

Я пообещала ему, и он, доверившись, тут же заснул, как уставший ребенок.

Когда в воскресенье утром забрезжил рассвет, я слышала, как он говорил во сне. Я внимательно слушала. Я быстро заметила, что он говорил об этом стихе, который был ему вечером непонятен. Во сне он сказал, что значит этот стих, и то, что он говорил, было ясно и понятно. Дрожа от радости я пыталась понять и запомнить то, что он сказал. Так как если я запомню главные пункты его объяснения, у него не будет никаких трудностей сделать из них проповедь. Но что будет, если я не смогу передать драгоценные слова? Я не могла сделать никаких замечаний, и молилась, как Неемия, Отцу Небесному, просила Его, чтобы Он дал мне понять и запомнить эти слова, которые Он дал Своему слуге во сне и таким удивительным образом доверил мне. Когда я так лежала, снова и снова повторяя слова, которые желала запомнить, то очень радовалась, думая о сюрпризе, ожидающем моего дорогого супруга, когда он проснется. Но, видимо, я слишком долго не спала и слишком много радовалась, так что, когда пришло время вставать, задремала. Мой муж проснулся и, посмотрев на часы, ужаснулся:

— Дорогая, ты сказала, что рано разбудишь меня. А теперь уже поздно. Что мне делать? Что мне делать?

— Слушай, — ответила я, и рассказала ему все, что слышала.

— Это именно то, что мне нужно, — воскликнул он. — Это правильное объяснение всего стиха! И ты говоришь, что я проповедовал это во сне? — Это чудесно, — повторял он все снова.

Мы вместе прославили Господа за то, что Он так прекрасно показал нам всю Свою силу и любовь. Полный радости, он сошел в свой рабочий кабинет, записал данную Богом проповедь и в это же утро (13 апреля 1856) сказал ее в капелле на Нью-Парк-стрит.

Отец со своими двумя сыновьями Чарльзом и Томасом.

Теперь я должна рассказать о рождении наших двойняшек, чтобы отклонить одну смешную историю, которая распространена по всему свету и которой верят, не только в то время, но и сегодня! Рассказывают, что мой милый муж узнал об увеличении его семьи во время проповеди и тут же сказал об этой новости церкви, добавив в полушутливом тоне:

«Не больше, чем другим усмотрено мне,
И все же Бог мне больше дал!»

На самом деле мальчики родились утром в субботу 20 сентября 1856

года, и весь день мой муж не оставлял дома. Я не помню случая, чтобы он когда-нибудь проповедовал в субботу. Значит, этот рассказ — всего лишь легенда, и я думаю, что знаю, как она появилась: в последующий четверг он проповедовал на общении сестер. При этом он сказал: «Если мы идем по городу и видим бедных, тогда мы должны быть неблагодарными христианами, если не поднимаем глаза к небу и не прославляем Бога:

Не больше, чем другим усмотрено мне,
И все же Бог мне больше дал!»

Я уверена, что кто-то из тех, кто знал о рождении двойняшек, связал его слова с этим событием и рассказал об этом дальше как чистую правду.

Я вспоминаю еще один случай. Это было вечером в субботу, когда Господь допустил, чтобы на наше молодое счастье опустились первые черные тени. Я лежала на диване под окном и думала о своем любимом муже, который в этот вечер первый раз проповедовал в музыкальном салоне. Я молилась, чтобы Бог благословил тысячи людей, собранных там. Это было через месяц после рождения наших двойняшек, и мне снились о них счастливые сны. Тут я услышала, как около двери остановился экипаж. Это не мог быть мой муж. Я подумала: кто же это неожиданно посетил нас? Тут зашел один из дьяконов, и я сразу поняла, что случилось что-то непредвиденное. Я попросила быстро рассказать мне, и он исполнил это — приветливо и с полным состраданием. Затем он склонился у дивана и молился, чтобы мы получили нужную благодать и силу вынести ужасное испытание, которое так неожиданно свалилось на нас. Но как я была благодарна, когда он ушел! В эти темные часы смерти я хотела быть одна и кричать к Богу!

Когда моего мужа принесли домой, от него осталась только тень — так за один час изменила его агония его души. Последовала ночь плача и безграничного горя. Ничего не могло утешить его. Я думала, что никогда не наступит новое утро. И когда наступил рассвет, он не принес никакого облегчения.

По Своей милости Бог стер из моей памяти отдельные моменты этого страдания. Но мучения моего мужа были так глубоки, а боль так сильна, что казалось, он начинает терять рассудок, и мы иногда боялись, что он никогда не сможет больше проповедовать. Мы действительно проходили

долиной смертной тени. И как христианин в «Путешествии пилигрима» Джона Буньяна, мы горько плакали, так как путь был так темен, что мы часто не знали, куда нам шагнуть следующий раз.

И затем, в саду дома в предместье Кроудана, который принадлежал одному дьякону, Богу было угодно восстановить душевное равновесие моего мужа и освободить его от оков, держащих его душу в темноте. Нас привезли в Кроудан в надежде, что смена места и покой подействуют благотворно. Как это часто бывало и раньше, мы шли рядом, он — спокойный и страдающий, я — полная забот, куда все это приведет, и вдруг он остановился на лестнице, и в его глазах что-то просияло. Обращаясь ко мне, он сказал:

— Дорогая, как я был глуп! Ничего не изменится, что бы со мной ни случилось, если только прославится Господь. — И затем он с силой и с чувством сказал слова из Фил. 2,9-11: «Посему и Бог превознес Его и дал Ему имя выше всякого имени, дабы пред именем Иисуса преклонилось всякое колено небесных, земных и преисподних, и всякий язык исповедал, что Господь Иисус Христос в славу Бога Отца». Если Христос прославится, то пусть Он со мной делает, что хочет. Моя молитва должна быть одна: чтобы я умер для себя и жил только для Него и Его славы. О, дорогая, теперь мне все ясно! Славь Господа вместе со мной!

В это мгновение упали его узы, заключенный был свободен и радовался во свете Божьем. Солнце праведности снова светило ему, и под его крыльями было исцеление. Но шрамы этой борьбы он носил до дня своей смерти, и физические силы, которые у него были до этого страшного испытания, больше не возвратились к нему полностью. Господь вел его поистине тернистым путем. Человеческая любовь все бы сделала, чтобы сохранить его от такого страдания, но Божья любовь видела конец, а она не делает никаких ошибок.

Мы еще немного оставались в гостеприимном доме мистера Винзора, в котором во времена скорби нашли убежище. Мы решили на этом месте совершить благословение наших детей. Когда нашему больному стало настолько лучше, чтобы принять участие в этом служении, мы пригласили друзей и имели благословенные часы молитвы и хвалы.

Подробностей я уже не помню, но после того как обоих малюток принесли в молитве к Богу, их с восхищением носили по большому дому, целовали и благословляли. Я уже не помню, какие благословения их отец выпросил для них. Но Господь не забыл эту молитву и многие молитвы, которые последовали за ней».

28. Катастрофа в музыкальном салоне на Ролл Суррей Гаденс, 1856

Многие друзья мало знают о ранних годах моего служения в Лондоне просто потому, что с тех пор миновало целое поколение. Поэтому мне нужно рассказать об этом, чтобы те, которые сегодня являются нашими друзьями и соратниками, узнали, как удивительно Господь вел нас.

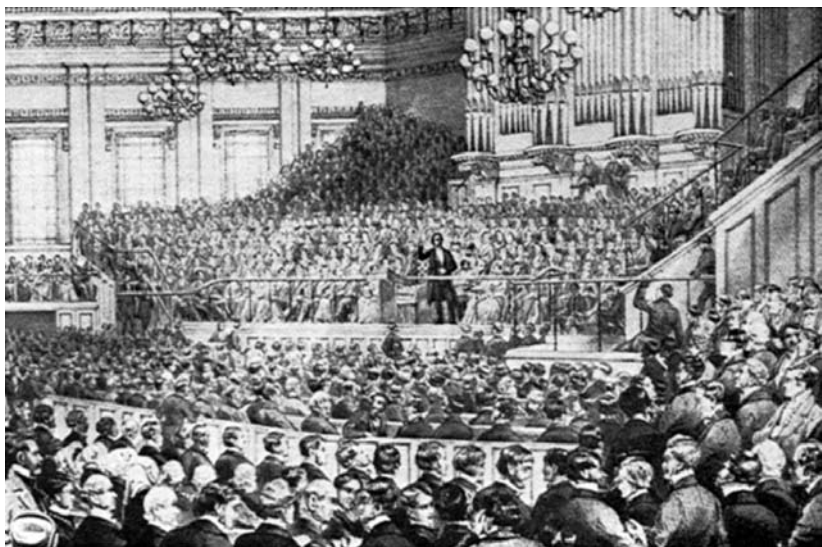
Капеллу на Нью-Парк-стрит перестраивали и расширяли. Но за это время собрания стали такими большими, что, несмотря на расширение капеллы, возвращение туда было бы подобно тому, как если бы море поместить в чайник. Почти каждое воскресенье сотни людей должны были уходить домой из-за нехватки места. А тем, кто зашел в помещение, тоже было не намного лучше, они стояли и сидели так тесно, что было жарко. Мои враги делали меня все более известным посредством листовок, карикатур и писем читателей, и поэтому слушателей приходило все больше. Поэтому 26 мая 1856 г. на членском собрании было принято два решения:

«Решение — позаботиться о том, чтобы как можно быстрее вечерние собрания в летние месяцы проходили в Эксетер-зале.

Решение — созвать как можно быстрее всех братьев этой церкви, чтобы посоветоваться, как разместить эти огромные массы людей, которые хотят слушать проповедь Евангелия».

Как и решили, с 8 июня до 24 августа утренние собрания проводились на Нью-Парк-стрит, а вечерние собрания — в Эксетер-зале. Но это был не лучший выход из положения. Поэтому август мы начали с приобретения строительного фонда для более вместительного молитвенного дома. В это время хозяева Эксетер-зала дали нам знать, что мы не можем на долгое время арендовать это помещение. Мы платили аренду, но другие могли подумать, что баптисты монополизируют здание, которое принадлежит всем конфессиям. Я видел это и начал искать для собраний другое место. Это было время, полное забот, и мои друзья боялись, что пройдет много времени, пока мы сможем построить свой дом. Но Господь приготовил место, где мы могли собираться три года — музыкальный салон на Ролл Суррей Гаденс.

Когда я приехал в Лондон, зоологический сад был благородным и спокойным местом, но его посещало мало людей. В финансовом отно-

Сперджен проповедует в Экстер-зале, где в 1855-1856 гг. проходили вечерние богослужения.

шении его частично поддерживали семьи, жившие по соседству с ним, и частично поддержка осуществлялась через большие открытые мероприятия пожарной охраны. Но этого не хватало, и было создано общество, чтобы расширить зоологический сад и дополнительно провести там аттракционные концерты популярного М. Юлия. Было построено очень красивое здание с тремя галереями, вмещающее от шести до десяти тысяч человек. Я не знаю, на сколько мест оно было рассчитано, и не могу проверить, так как этого здания уже нет. Я вспоминаю, как с Вильямом Оулни пошел посмотреть этот зал. Хотя мы чувствовали, что это будет потрясающим делом — проповедовать в таком огромном здании, мы доверяли Богу и осмеливались надеяться, что Он благословит первую попытку. Один или двое наших добрых членов церкви считали неправильным пойти в «дьявольский дом». Я счел это название музыкального салона неподходящим, но советовал им не ходить туда, чтобы не была ранена их совесть. В то же время я просил их не приводить других членов церкви и меня в уныние, так как мы были готовы пойти даже в «дьявольский дом», чтобы приобрести души для Христа. Мы выбрали музыкальный салон, так как просто не было другого помещения.

Шестого октября состоялось необычное членское собрание. Цель его так описывается в протоколе: «Цель этого собрания — рассудить, можно

ли нам использовать для наших воскресных собраний музыкальный салон на Суррей Гаденс, так как директора Эксетер-зала не разрешают нам использовать их здание. После того, как некоторые братья подтвердили это, было решено арендовать музыкальный салон на один месяц с третьего воскресенья октября».

Когда уже все было готово, мы ожидали многого, но никто не подозревал, что нас ожидает в действительности. Мы много молились, я был полон надежды, но все равно чувствовал большую ответственность и имел какое-то предчувствие, что скоро для меня наступит большое испытание. В предисловии ко второму тому «Кафедра библиотеки» я писал: «Первую проповедь этого тома «Испытай Меня» (Мал. 3,10) я проповедовал в капелле на Нью-Парк-стрит утром в то воскресенье, когда случилось роковое несчастье в музыкальном салоне на Суррей Гаденс. Эту тему я выбрал в честь предстоящего расширения нашей работы и из-за невероятно огромного числа людей, к которым я намеревался говорить вечером. Если покажется, что определенные абзацы предсказывают несчастье, то могу только сказать, что они честны. Проповедь эта — верная передача того, что записывал стенографист».

Проповедь содержит следующие почти пророческие слова: «Может, Бог поставит меня туда, где бушует непогода, где сверкают молнии и где воем шторм. Хорошо, я родился, чтобы показать силу и могущество нашего Бога. В опасности Он даст мне мужество, в усилиях Он укрепит меня... Эта старая Библия еще сегодня говорит ко мне. Этот меч Духа пронзит многие ваши сердца. И если даже они были тверды как гранит, этот меч острее... Сегодня вечером соберется невиданное доселе число людей, чтобы послушать Слово Божье, может быть, только из любопытства. Божий голос призывает меня: «Испытай Меня сейчас!» «Испытай Меня сейчас, — говорит Бог, — иди и испытай меня ради насмешников. Испытай Меня ради ожесточенных, ради самых низких, ради самых грязных. Иди и испытай Меня сейчас. Держи высоко животворящее слово о кресте, иди и проповедуй Слово Жизни в регионах смерти».

Этот страшный вечер я никогда не забуду! Я сохранил все статьи, которые говорят о большой катастрофе, и я все их только что еще раз прочитал. Они напомнили мне не только о многих страданиях, но и о чем-то еще более важном, что побуждает меня еще больше славить имя Господа.

Подходя к дому на Менор-стрит, где находилось бюро общества, через которое я должен был войти в музыкальный салон, я был удив-

лен: вся улица оказалась забитой людьми. Я с трудом достиг дома. Улица от входа в зоологический сад до музыкального салона была заполнена людьми, которых салон уже не вмещал. Я чувствовал себя совершенно смущенным, и мной овладела та же слабость, какую я чувствовал в молодости перед каждой проповедью. Но я успокоился и с трудом прошел к кафедре. То, что я там пережил, было самым ужасным испытанием в моей жизни.

Но теперь я хочу дать слово доктору Кэмпбеллу, издателю газеты «Британское знамя», так как он пишет как свидетель и беспристрастный наблюдатель:

«С церковной точки зрения, последнее воскресенье (19 октября) было одним из самых богатых событиями днем в жизни нашего большого города. В этот день это самое большое уютное и красивое здание, которое построено в этом огромном городе для открытых увеселений, было использовано для проповеди Евангелия. Там, где долгое время показывали диких зверей и еще более дикие люди встречались в большом количестве для тщеславного времяпрепровождения, собралось огромное количество людей, которые когда-либо помещались в одном здании, чтобы послушать одного проповедника. Редко человеческий глаз видел более впечатлительное зрелище. Не хватает слов, чтобы описать его. Нужно было видеть все это, чтобы понять. И тот, кто был здесь, не забудет это впечатление: вид десяти или двенадцати тысяч людей, собранных на таком месте и в такое время, чтобы услышать слово живого Бога, к которым говорит человек с такой силой голоса, что его легко слышат на самом последнем ряду. Этого уже достаточно, чтобы все добрые люди, пережившие это, радовались. И я не скажу слишком много, если скажу, что даже мир ангелов обратил внимание!

Но как велика была радость и надежда, так велики были разочарование и печаль об ужасном несчастье, которое случилось на этом богослужении и привело к преждевременному его окончанию! В праздничное мгновение богослужения поднялись злые люди, грех как ураган ворвался туда и вызвал панику, бегство, хаос и смерть. В подвальных комнатах и во дворцах ужасные переживания этого вечера были самой важной темой разговора. Это было темой разговора на площадях, улицах, предприятиях и бюро — везде, где встречались люди.

Как обычно, сила воображения людей вызвала преувеличения и злой обман. Одни говорили, что прекрасное здание полностью сгорело! Другие утверждали, что обвалилась крыша и погребла под собой десять

тысяч человек; Чем ужаснее были эти «сообщения», тем больше им верили и принимали. Но мы можем говорить как свидетели. Мы были первыми, вошедшими в это здание и севшими вблизи кафедры, поставленной перед оркестром. Так мы могли все видеть и слышать. Простой рассказ о событии — лучшее противоядие от потока заблуждений и ложных слухов, которые распространяет часть лондонской прессы.

Огромное здание довольно быстро заполнилось, но такая же по числу масса людей не получила мест. Можно себе представить, что уже перед началом собрания начались беспорядки. Борьба у дверей при входе взволновала людей, и те, кто вошел, тут же бежали туда, где не было ни сидячих, ни стоячих мест. В это время зал менее всего был похож на молитвенное помещение, и любящие порядок чувствовали себя не очень хорошо. Но если это сравнить с грандиозной религиозной годовой встречей в Эксетер-зале и другими подобными большими собраниями, а также с громадными собраниями Уайтфильда в Кеннигтоне Каммон или Мурфильда в Глазго или Эдинбурге, то жаловаться на беспорядки не было никакого основания.

Когда все помещение наполнилось, стало спокойно. Настрой был таким же спокойным, как при всяком другом богослужении. Так как зал был полон, Сперджен начал служение на десять минут раньше времени. Неподалеку от него сидела большая группа руководящих братьев и членов его церкви, ведущих общее пение. После нескольких слов вступления он помолился, предложил спеть песню, которая была спета громко, с чувством и с большим рвением, что случается не часто. Это привело огромную массу людей в глубокое благоговение, их пение звучало для меня как «голос больших вод». Да и сама песня уже была важным свидетельством Евангелия. Затем проповедник прочитал место Писания, которое он иногда прерывал короткими объяснениями. Это было тщательно выбранное место Писания, короткие объяснения точны и метки, и могли произвести впечатление даже на самого легкомысленного. Они доходили до сердец слушателей и ясно открывали, что проповедник говорил о самом важном на свете.

Затем последовала главная молитва. И при этом та же атмосфера. Мотив проповедника был очевиден — спасение грешников... И именно этого момента ждали посланники тьмы, чтобы приготовить к взрыву мину раздора, что привело к убийству людей! Если бы они попробовали это во время прославления Бога песней, то им бы этого не удалось. Точно так же мало успеха они имели бы во время проповеди, когда все глаза и

уши были направлены на говорящего проповедника. И это прекрасно знали преступники. Они превосходно разбирались в своем деле! Они все умело распланировали, и выполнили свои планы как солдаты, которые нападают со скрытой оружейной батареей. Именно в тот момент, когда благочестивая часть присутствующих собралась вокруг престола благодати Божьей, с быстротой молнии и с ненавистью непогоды ворвалась дьявольская сила. Она совершила то, что можно было заранее предусмотреть. Если захотят сказать, что катастрофа началась одним или двумя криками «Огонь! Огонь!», это даст нам ложную картину. Мы сами не слышали таких криков. Может, они и были, но это были лишь сигналы. То, что случилось, было явным итогом плана, в котором участвовало не меньше ста человек. Если бы это были только крики «Огонь! Огонь!», в большом зале повсюду это вызвало бы беспокойство. Но в целом, в зале все было спокойно, невероятный и ужасный взрыв распространился на большое число людей в одном определенном углу вблизи главного выхода.

То, что случилось, можно лучше объяснить как взрыв неожиданного фортиссимо — огромного хорошо обученного хора или как крах громадного плотинного озера. Крики двоих или троих людей никогда не могли бы настолько неожиданно вызвать такой всеобщий и длительный взрыв страха, ужаса и замешательства. Из всего увиденного нам стало ясно, что это дело было прорепетировано заранее. По всему, что мы могли видеть, давку создали те, кто вызвал беспокойство. Сперджен тут же опомнился от страшной неожиданности, которая обрушилась на него во время молитвы. Он понял, что это ложная тревога, так как не было никаких признаков огня, а также никаких признаков трещин в структуре здания. Он тут же заметил, откуда пошел шум, и делал все, что могло бы остановить эту давку и успокоить собрание».

Еще живей сообщение доктора Флетчера, которое он присовокупил к проповеди: «...Во время богослужения, как обычно проводит Сперджен, во время второй молитвы вдруг совершенно неожиданно произошло, очевидно хорошо подготовленное, событие. Со всех углов здания раздались крики: «Огонь! Галерея рушится! Здание рушится!» Просто невозможно описать, как это действовало на слушателей. Сотни людей побежали к выходу, рискуя своей жизнью и жертвуя ею ради людей. Напрасно Сперджен пытался своим зычным голосом успокоить эту массу людей. В наступившей давке погибли семь человек. Чтобы ухудшить создавшееся положение, люди, стоящие на улице, видя выбегающих людей, ста-

рались проникнуть в здание! Сперджен, ничего не знающий о гибели людей, поддался уговорам проповедовать дальше, так как люди немного успокоились. Но после одной или двух напрасных попыток он нашел это невозможным. Вместо подготовленной проповеди он сказал:

«Мои друзья, вы хотите, чтобы я проповедовал. Но о чем я должен проповедовать? Да даст мне Дух Святой что-то, что подходит к создавшимся обстоятельствам! Мои друзья, придет страшный день, против которого страх и беспорядок этого вечера будут ничто. Тогда будет царить гром, молнии и тьма, земля будет трястись под нами и небеса начнут колебаться. Придет день, когда на небе будут совершаться знамения и чудеса, Господь будет царствовать на облаках в славе и позовет вас на суд.

Сегодня вечером многие ушли в большом смущении, так будет и в тот великий день. Но я верю, что это испытание показывает, что многие убежавшие не готовы встретить Господа, а как они выдержат будущее испытание. Беспокойство, которое сегодня случилось здесь, можно частично приписать инстинкту самосохранения. Но для большинства это был не страх перед смертью, который подгонял их, а страх перед тем, что будет после смерти, страх перед незнакомой страной, откуда никто никогда не возвращается. Это была их совесть, которая сделала их трусливыми. Многие боялись остаться здесь, так как боялись, что если они останутся, то, может быть, должны умереть и после этого быть проклятыми. Они знали то, что знают и многие из вас: если вы сегодня неожиданно будете позваны своим Творцом, вы должны будете без прощенья предстать перед Ним, без прощенья погибнуть. Но что значит ваш сегодняшний страх по сравнению со страхом на том судном дне Всевышнего, когда небеса над вами свернутся и земля под вами раскроет бездну?

Но знаете ли вы, мои друзья, что благодать, всемогущая благодать может еще сегодня спасти вас? Разве вы еще никогда не слышали прекрасную весть, что Иисус пришел в мир, чтобы спасти грешников? И если бы ты был самым большим среди грешников, верь, что Христос и за тебя умер, и ты будешь спасен! Разве ты не знаешь, что ты погибший и несчастный, и что никто, кроме Иисуса, не сможет помочь беспомощному грешнику? Ты болен и ранен, но Иисус может исцелить тебя. И Он сделает это, если ты только доверишься Ему. Я хотел сегодня говорить на стих из Притч. 3,33: «Проклятие Господне на доме нечестивого, а жилище благочестивых Он благословляет». Но после того, что случилось, я чувствую, что сегодня не смогу об этом проповедовать. Я боюсь,

что может случиться новая тревога, поэтому мне будет приятно, если некоторые из вас пойдут, но спокойно и тихо, чтобы никто не получил вреда».

Тут возникло новое беспокойство. После песни снова наступила относительная тишина, и проповедник попробовал еще раз продолжить свою проповедь:

«Мои слушатели, может быть, вы думаете, что на земле существует пятнадцать различных классов людей, но в глазах Божьих их всего два. Бог знает оправданных и неоправданных, злых и праведных».

В наступившем беспокойстве было бессмысленно проповедовать дальше, и Сперджен сказал:

«Во мне царит большое волнение, я едва ли сознаю, где я, так я озабочен тем, что многие люди были ранены при выходе отсюда. Мне было бы приятно, если бы вы сейчас все оставили это здание. Да благословит вас Бог и приведет вас благополучно домой. Пока наши друзья выйдут через среднюю дверь, мы споем песню и помолимся, чтобы из этого страшного несчастья выросло хотя бы немного доброго. Но, пожалуйста, идите медленно. Те, которые сидят ближе к выходу, пусть выйдут первыми».

Он предложил песню и попросил собрание оставить здание. Он просил еще о благословении, затем им овладело волнение, которое он до сих пор сдерживал, и его почти в бесчувственном состоянии вывели с платформы».

(Из сообщения доктора Флетчера)

Я делал все, чтобы остаться спокойным и старался успокоить людей. И мне это почти удавалось. Но на другом конце здания происходило что-то непонятное. Между сиденьями туда-сюда бегали взволнованные люди, и этого я не мог понять. Может быть, те, которые заметили несчастье на лестнице, хотели привлечь внимание. Они считали странным, что богослужение продолжается, после того, как погибли люди. Но об этом страшном несчастье я узнал только тогда, когда меня в почти бесчувственном состоянии увели с кафедры. Больше я ничего не знаю, так как был едва в сознании и, когда при криках и плаче людей меня вынесли через сад на улицу, я был более мертв, чем жив. На траве лежали семь мертвецов, и многие рассказывали мне, какой у них был страшный вид. Я не видел их. Но того, что я видел, было достаточно, чтобы я едва не потерял рассудок. Казалось, как будто мое служение, которое казалось

таким успешным, навсегда пришло к концу. И многие говорили это с радостью и торжеством. Но они не знали, что говорили. На другой день рано утром меня принесли в дом одного друга, и когда мне в Кроудане помогли выйти из экипажа, меня увидел один рабочий.

— Это наверно его дух, — воскликнул он, — так как вчера вечером я видел, как его мертвым выносили из музыкального салона на Суррей Гаденс!

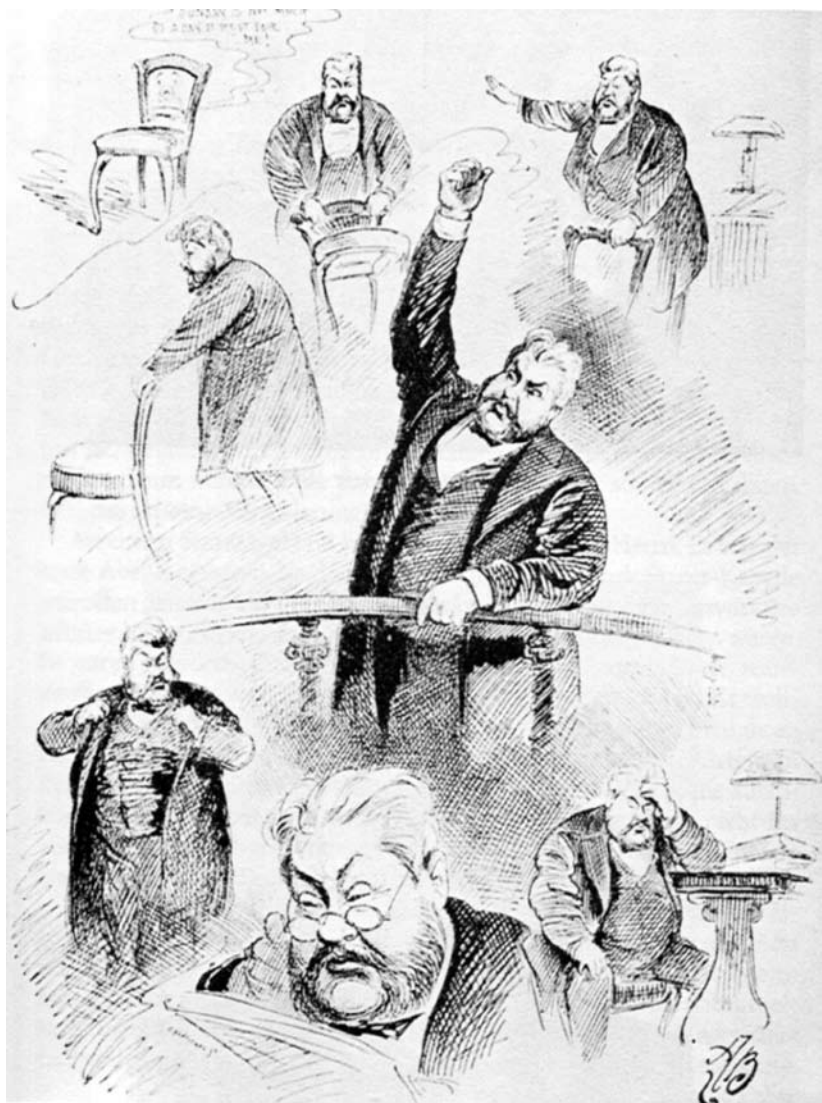
Слава Богу, я не был мертв. Но тот, кто видел меня таким, наверняка поверил, что ужасный шок убил меня.

Конечно, было судебное разбирательство. Вывод: неумышленное несчастье. К другому выводу едва ли можно было прийти. Для этих жертв создали фонд помощи, и наши люди делали все, что могли, чтобы помочь пострадавшим. Наши друзья были разбиты, но не потеряли ни веру, ни любовь и не отвернулись от своего молодого пастора. Я не был способен ни к какому духовному труду. Как мне было страшно, что некоторые мои слушатели погибли или были ранены. Как только кто-то вспоминал о несчастье или, если я только видел Библию, то у меня бежали слезы.

В это время для меня остались скрытыми яростные нападки прессы. Я узнал о них только тогда, когда достаточно поправился и мог без вреда снести их. Одна газета, которую я не хочу называть, так как она уже давно совершенно изменила отношение ко мне, писала следующее:

«Сперджен — это проповедник, который бросает в лицо своим слушателям приговор проклятья. Другие, которые следуют Священному Писанию, пытаются завлечь заблудшие души на правый путь любовобильными словами и приветливостью. Сперджен же хватает людей за нос и заставляет их присоединиться к религии. Поставим заслон против нападков и хулы на Бога таких мужей как Сперджен. Мы говорим: «До сих пор, и не дальше». Мы должны найти средство, чтобы ясно открыть тысячам, которые нуждаются в просвещении: «По его мнению, он честный христианин. По нашему мнению, он рьяный шарлатан. Мы не эгоисты и не фанатики-субботники. Но театр и церковь отделены у нас далеко друг от друга». И, прежде всего, мы хотим дать каждому в руки кнут, чтобы очистить общество от таких хулителей Божьих, как Сперджен, и от богохульств, которые прозвучали из его уст громче, чем крики умирающих и стоны раненых, в музыкальном салоне на Суррей Гаденс».

Много раз я использовал эту большую катастрофу как пример для истины, что несчастья не являются судом Божиим. Лучшим примером

Проповедник; карикатуры в лондонской газете.

для этого является проповедь, которую я говорил после железнодорожного столкновения в Клэйтонском туннеле на линии Лондон-Брайтон. Эта проповедь для меня особенно важна, так как я имею ее печатный экземпляр, который Д. Ливингстон имел при себе в путешествии по

Африке, и на котором он написал: «Очень хорошо. Д.!» После его смерти эту проповедь нашли в его дневнике (Ноябрь 1861 – июль 1863), и миссис Ливингстон-Брейк, его дочь, подарила его мне.

Я благодарю Бога, что такое страшное несчастье никогда больше не повторялось. Я верю, что не пережил бы это. Во всяком случае, у меня иногда бывают причины для беспокойства, если я провожу богослужения в зданиях, которые мне кажутся не предназначенными для того количества людей, которые собрались, чтобы услышать Слово Божье.

Много лет назад, когда я проповедовал в Б. в одном совершенно переполненном здании, меня беспокоила продолжительная дрожь. На меня напал такой страх, что я попросил одного друга, который что-то понимал в статике:

— Пожалуйста, пойди и посмотри, надежно ли это здание. Мне кажется, что оно не выдержит такую массу людей.

Когда он вернулся, то выглядел озабоченным, но ничего не сказал. Богослужение спокойно закончилось, и тогда он сказал мне:

— Как я рад, что все прошло. Ты не должен здесь больше проповедовать, здание слишком слабо. Но я думал, что, если я наведу на тебя страх, то опасность паники будет еще больше.

Примерно через восемнадцать месяцев после катастрофы в музыкальном салоне могло бы случиться еще более худшее несчастье. В воскресенье, 11 апреля 1858 года, я сообщил своей церкви о милостивом вмешательстве Господа:

«В прошедшую неделю я много размышлял о Божественном провидении. Вы поймете это, если я сообщу вам о переживаниях в Галифаксе. Я должен был проповедовать там в среду, когда на улице бушевала снежная буря. Рассчитали где-то на восемь тысяч слушателей и построили громадное деревянное сооружение. Из-за плохой погоды я рассчитывал на малое число слушателей и представлял себе незавидную обязанность говорить к горстке людей. Но когда я пришел, там было все же пять-шесть тысяч людей. Я еще никогда до этого не видел более крепкой постройки. Она не была красивой, но казалась очень подходящей.

Мы встречались после обеда и снова вечером на богослужении. Мы как раз хотели пойти домой. Прямо передо мной стояла огромная галерея, массивная и крепкая, в которой было две тысячи сидячих мест. После обеда галерея была полна, и она стояла крепко, как скала. Вечером она стояла так же крепко и не колебалась. Но обратите внимание на предвидение Божье. Когда после вечернего собрания в помещении еще

оставалась едва ли сотня человек, главная балка ослабела под тяжестью, и часть галереи с оглушительным шумом упала вниз. Некоторых задела падающая балка, но милостивая Божья рука бодрствовала над нами, и серьезно пострадали только двое человек, но их переломы зажили без ампутации. Если бы это случилось чуть раньше, то не только пострадали бы многие, но это привело бы еще к более ужасной панике, чем она была на этом месте. Если бы такое случилось, и если бы я был несчастным проповедником, то уверен, что уже никогда больше не смог бы проповедовать.

Но я должен сказать о Божьем провидении еще больше. Под тяжестью снега и под напором ветра все строение превратилось в развалины. Если бы снежный шторм начался тремя часами раньше, то этот зал разрушился бы над нами, и я не знаю, сколько людей осталось бы в живых. И еще одно: целый день шторм бушевал так сильно, что снег частью таял, и через крышу на нас капало, что нас очень сердило. Если бы был мороз, здание обрушилось на несколько часов раньше. И тогда ваш пастор и большая часть слушателей была бы уже в ином мире. Есть люди, которые не верят в Божье провидение. Я не могу себе представить, что так может думать тот, кто пережил подобное. Во всяком случае, я знаю одно: если бы я до сих пор не верил в Божественное провидение и заботу, тогда бы я в тот день начал верить Ему. Славьте Господа со мной, давайте вместе прославим Его имя! Он был очень милостив к нам и помнил о нас».

29. Богослужения 1858-1860

«Я могу сказать, и Бог — мой свидетель, что я никогда не боялся человека, все равно, кем бы он ни был. Но часто — нет, всегда — я дрожу, когда поднимаюсь на кафедру, боясь, что недостаточно верно могу проповедовать Евангелие заблудшим грешникам. Нужду — правильно приготовить проповедь и сказать ее, чтобы проповедник мог правильно говорить о Христе и вместо Христа просить их примириться с Богом, — эту нужду знает лишь тот, кто любит души людей. Проповедь — это не детская игра. Кто так думает, может обнаружить в день суда, что он играл в более страшную игру, чем дьявольскую», — сказал Сперджен в одной проповеди в августе 1858 г. в Белфасте.

На его проповедях, беседах и лекциях собирали большую часть нужных средств. Часто половину сборов использовали для проектов на месте, иногда Сперджен получал всю сумму для нового молитвенного дома. Редко проходил месяц, чтобы в списке сборов не было таких записей. Церковь на Суррей Гаденс была всегда так наполнена, что их молодой пастор должен был проповедовать каждое воскресенье. Когда же он однажды одно воскресенье и несколько дней недели был в Шотландии, то после своего возвращения внес в строительный фонд приличную сумму денег.

В Лондоне служение Сперджена каждый день и каждый час, когда он был свободен, было очень желанно. Он всегда был готов защитить обиженных и униженных. Это выразилось в одной проповеди на стих из Ис. 62,10: «Убирайте камни», которую он говорил перед обществом предпринимателей. В первую очередь он постарался для тех, кто уже на пути к небу, убрать следующие камни: предполагаемая святость здания, в котором проповедуется Евангелие; непонятный и ученый язык многих проповедников; противоречивость или неясность, часто наблюдаемые у свидетелей веры. Все это привело его к следующим высказываниям в проповеди:

«И что может сказать рабочий? «Что вы говорите, хорошо и приятно, и вера — святой и небесный дар. Но на моем пути лежит другой камень. Можете ли вы и его убрать, мой господин? С понедельника до субботнего вечера или лучше, до воскресного утра — ничего, кроме работы, работы, работы. И едва я вечером, смертельно усталый, упаду в кровать, утром я должен снова вставать и идти на работу. И вы еще приглашаете меня в воскресное утро прийти в ваш молитвенный дом? Может, мне пойти туда, чтобы там поспать? Нет, я должен прийти и послушать проповедника. Если вы приведете ангела с неба и дадите ему трубу Гавриила, которая должна пробудить мертвых, тогда я мог бы, наверное, послушать. Мне нужно нечто действенное, чтобы мои глаза остались открытыми. Могу ли я храпеть, когда поют святые? Что пользы, если проповедник говорит, что я должен взять на себя иго Христова, и затем добавит, что оно благо, и бремя Его легко. Я не знаю, легко ли иго Христа, но я знаю, что иго, возлагаемое на меня так называемыми христианами, нелегко. Я как раб, и должен так много работать, что даже израильтяне едва ли так мучились при делании кирпичей и под кнутом надсмотрщика. Мой господин — это тот большой камень, который лежит посреди моей дороги. И доколе он там лежит, все ваши речи о христианстве не помогут мне!»

Говорю вам: это препятствие подобно большому камню перед гробом Христа. Если вы не уберете его, как смогут эти люди услышать Евангелие? Поэтому я говорю сегодня о более раннем закрытии магазинов. Закрытие магазинов — это не главная тема моей проповеди, но это важный пункт, на который я прошу вас обратить особое внимание. Как христиане, вы должны убрать этот камень с пути. Чтобы сделать это, вы должны порвать с обычными, но плохими традициями — поздно совершать покупки. Как вы можете ожидать от человека, чтобы он святил субботу, если вы шесть дней подряд каждый день заставляете его работать? Он должен за шесть дней сделать работу, предназначенную на двенадцать дней, каждый день — работу двух дней! Братья и сестры, уберите эти камни! И если вы не можете убрать их, тогда не бросайте на дорогу новых, без рассуждения заставляя своего ближнего работать тогда, когда он должен отдыхать!»

В августе 1858 г. Сперджен первый раз посетил Ирландию и четыре раза проповедовал в Белфасте. Он не брал никакого гонорара, все сборы должны были пойти для строительства школ.

Чувствовал он себя при этом неважно, что видно из его замечаний в музыкальном салоне в воскресное утро после его возвращения. Когда он проповедовал на стих: «Каковы твои дни, такова твоя сила», он сказал:

«Дети Божьи, можете ли вы сказать что-то, что было до сих пор, на самом деле было? Я могу! Может быть, это прозвучит эгоцентрично, если я скажу о том, как пережил истину этого слова на прошлой неделе. Но я должен сказать об этом, чтобы прославить Бога. В последнее воскресенье я сошел с этой кафедры и чувствовал себя таким слабым, как может чувствовать себя только проповедник. Но когда я ступил на берег Ирландии, где должен был проповедовать, я получил всю силу, в которой нуждался. Когда я надел все доспехи, чтобы сражаться за моего Господа, все боли оставили меня, я больше не был болен. Каков мой день, такова и сила моя».

Первая проповедь в Белфасте была серьезным обращением к нерешительным. Текст был из Марк. 12,34: «Иисус, видя, что он разумно отвечал, сказал ему: недалеко ты от Царствия Божия». Спустя двадцать три года Сперджен получил письмо от одного миссионера:

«Ваша первая проповедь в Белфасте привела меня к окончательному решению в пользу миссионерского служения. Я десять лет трудился миссионером в Дамаске и там построил первую церковь для духовного про-

славления истинного Бога. На Ермоне я построил две церкви, и каждый раз я говорил вашу проповедь на арабском языке. Одну из ваших проповедей я говорил на вершине Ермона на одном пикнике с участием людей из разных деревень».

Вторая проповедь была на тему, которую Сперджен особенно любил. Несколько раз проповедуя на одном месте, он почти каждый раз говорил проповедь на Откр. 14,1-3. Когда он проповедовал на эту тему, то почти всегда говорил несколько предложений о своей любви к арфе. В Белфасте это звучало так:

«Иоанн говорит об одном голосе «как бы гуслистов, играющих на гусях своих». Из всех музыкальных инструментов у арфы самое красивое звучание. Орган имеет сильное звучание, но арфа — мягкое и красивое, поэтому она, видно, и была любимым инструментом царского музыканта Давида. Я должен признать, что арфа так захватывает меня, что если я слышал на улице игру старого музыканта на арфе, то просил его прийти в мой дом и поиграть для меня, чтобы при этом подготовиться к проповеди. Его игра радовала меня, и мое сердце становилось радостным при этих прекрасных звуках. Небесная музыка имеет нежные звуки арфы, и все равно она — как гром и как рев бушующего моря. Почему? Потому что там нет лицемеров и никаких формалистов, которые своими фальшивыми звуками нарушают гармонию. Там:

Там не примешиваются вздохи к звукам,
Хвалы из уст спасенных льются.

Боль, печаль, смерть и грех не могут достичь этого места благословения. Там нет ничего, что может помешать счастью прославленных душ».

Текст третьей проповеди была на Матф. 28,5: «Ангел же, обратив речь к женщинам, сказал: не бойтесь, ибо знаю, что вы ищете Иисуса распятого». Он должен был заговорить с истинно ищущими и показать им путь.

Четвертую и последнюю ирландскую проповедь Сперджен говорил в ботаническом саду, где его слушали около семи тысяч человек, на Матф. 1,21: «И наречешь Ему имя Иисус, ибо Он спасет людей Своих от грехов их».

В конце богослужения он сказал: «Я хочу поблагодарить вас за ваше радушие, которое вы оказали мне, и особенно всех служителей в Бел-

фасте. Еще никогда в моей жизни я не встречал в каком-либо городе такую хорошую группу братьев, которые верны старой доброй истине. И я могу сказать, что я каждого из них люблю. Я благодарю вас за все доброе, что вы сделали мне и сказали обо мне. Всем им и моим друзьям я говорю сердечное «до свидания», и да придет день, когда мы снова увидимся в небе».

30. Строительство нашего дома молитвы

7 сентября 1857 г. на Нью-Парк-стрит было собрание, которое имело двойную цель: первое – мы хотели благодарить Бога за успех: Он послал нам деньги на строительство; и второе – это должно было настроить всех сделать для Него все возможное. Сперджен по этому поводу сказал, что можно исходить из того, что тысячи, которые постоянно посещают музыкальный салон, после постройки здания заполнят пять тысяч мест, и это будет лучшая и самая крепкая церковь в Лондоне. Господин Мортон Пето пообещал найти подходящее место и согласился внести в строительный фонд хорошую сумму. Фонд рос, но не так быстро, как желал этого молодой пастор.

Следующий отрывок из церковного протокола показывает, что в июле 1858 года пришло время сделать следующий шаг вперед:

«Собрание братьев церкви,

Понедельник, 26 июля 1858 года.

Наш пастор собрал это собрание, чтобы познакомить братьев с подготовкой к строительству нового молитвенного дома и узнать мнение церкви о сделанном до сих пор.

Церковь единодушно решила – не теряя времени, начать строительство и разрешить нашему пастору, если он считает нужным, чтобы каждый второй месяц он оставлял нас для сбора нужных средств.

Собрание было радостным доказательством единодушия и усердия братьев».

Через некоторое время уже можно было сообщить о приобретении земли для нового молитвенного дома, и 13 декабря 1858 года церковь вновь собралась на Нью-Парк-стрит, чтобы «услышать долгожданное сообщение о достигнутом и решить вопрос о следующих шагах, как собрать нужные средства». Председательствовал благочестивый дьякон

Джеймс Лов. Дьякон Томас Кук, секретарь строительного комитета, сделал доклад о финансовом прогрессе и о дальнейших планах.

После проповедей различных пасторов Сперджен сказал:

— Я уверен, что молитвенный дом будет построен, и я буду проповедовать в нем. Я не сомневаюсь также, что мы получим нужные деньги. Это не тревожит меня. Надеюсь, вы согласитесь со мной, что выбранное место очень удобно. После покупки земли мы должны составить планы и на конкурсной основе выбрать лучший архитектурный стиль здания.

Он прочитал:

— Комитет по строительству нового молитвенного дома церкви пастора Ч. Г. Сперджена готов принять планы или модели для постройки здания на участке вблизи Те Елефант и Кастле, Ньюингтон по следующим ценам: первая цена — пятьдесят фунтов, вторая цена — тридцать, и третья — двадцать фунтов. Проекты должны отвечать следующим требованиям: первый этаж должен лежать на пять футов ниже уровня тротуара, должен иметь школьные помещения высотой двенадцать футов и конференц-зал на восемьсот мест. Находящееся над ним помещение для богослужений должно иметь три тысячи сидячих мест и, по меньшей мере, тысячу стоячих мест, а также не больше двух галерей. Каждое сидячее место должно иметь не менее двух футов и шести дюймов на один фут и семь дюймов величины. Готический стиль комитетом не принимается. Музыкальный салон на Суррей Гаденс имеет очень хорошую акустику, желательно именно такое устройство. Все расходы, включая гонорар архитектора, на отопление, вентиляцию, оформление участка земли, водопровод и все другие нужды, не должны превышать шестнадцати тысяч фунтов. Архитекторы, принимающие участие в конкурсе, будут действовать как члены жюри и присуждать первую и третью премию, но никто не имеет права предложить премию своему проекту. Второй приз присуждается комитетом».

Сперджен продолжал свое сообщение:

— Более двухсот пятидесяти архитекторов пожелали принять соответствующие условия конкурса. Мы скоро будем иметь очень красивую картинную галерею с изображениями молитвенного дома. Сегодня среди нас много друзей, которые посещают богослужения в музыкальном салоне. В воскресенье вечером они не находят здесь места и должны довольствоваться только половиной рациона. Ради них я хочу, чтобы был построен новый молитвенный дом, так как не могу переносить, что многие приходят и воскресенье за воскресеньем не находят места.

Прославленный проект нового Табернакля и...

...его осуществление.

А теперь о деньгах: это здание должно стоить шестнадцать тысяч фунтов, но возможно, что это будут все двадцать. Многие спросят: «Как мы их получим?» Молитесь об этом. Когда я думал об этой громадной сумме, я сам себе сказал: «Это могут быть так же двадцать тысяч, как и десять». Мы без проблем получим обе суммы. Братья, мы должны молиться и Богу будет угодно дать нам эти деньги, тогда мы их получим. Если бы у нас было больше веры, у нас уже были бы эти деньги. И когда этот молитвенный дом будет готов, мы получим достаточно средств, чтобы построить еще десятки других.

Подумайте о том, что сделал посредством веры и молитвы Георг Мюллер. Когда в нашей стране царил голод, люди спрашивали: «Господин Мюллер, что вы будете теперь делать?» — «Молиться Богу», — был его ответ. Он молился и получал больше, чем прежде. Вы спрашиваете: «Что же нам делать?» Разрешите мне напомнить вам, что все, что вы имеете, принадлежит не вам, но вашему Господу. Каждый из вас только управитель, который в вечности должен будет дать отчет».

Эти слова явно коснулись сердец слушателей, так как в этот вечер добавилась почти одна тысяча фунтов.

В феврале 1859 года в Ньюингтонском доме были выставлены проекты участвующих в конкурсе архитекторов (62 проекта и 1 модель). Эта выставка вызвала живой интерес не только у членов церкви на Нью-Парк-стрит. При голосовании участвующих архитекторов первый приз с 40 голосами получил И. Куквоф Робинс. Второй приз комитет присудил В. В. Поукуку. По его плану и был построен молитвенный дом, правда, с большими изменениями, при которых отошли четыре угловых башни. Когда Сперджен узнал, что каждая из них будет стоить тысячу фунтов, он заметил, что деньги можно использовать более рационально. Кроме этого, был также изменен стиль. Так появилось здание, которое сегодня известно всему миру. Работа Поукука называлась «метрополитен». Это название было как нельзя более подходящим, потому что возведенное под его руководством здание должно было называться «Метрополитен Табернакель».

План был подготовлен, работы расписаны. Когда были рассмотрены присланные проекты, то самый дорогостоящий из них стоил двадцать шесть тысяч триста семьдесят фунтов, а самый недорогой — двадцать одну тысячу пятьсот с возможной экономией в полторы тысячи фунтов,

— в случае, если употребят определенный камень. Самый экономичный проект подал Уильям Хигс, который и получил заказ фирмы на двадцать тысяч фунтов, — именно ту сумму, о которой Сперджен говорил несколько месяцев назад. Сперджен расценил строительство Табернакеля Уильямом Хигсом как милостивый подарок и часто повторял это. Многие члены церкви были обрадованы, что это здание строил один из духовных детей их пастора. Позднее Хигс стал дьяконом церкви, одним из близких друзей Сперджена и лучшим соратником.

Когда все было подготовлено, сэр Самуил Мортон Пето после обеда в четверг, 16 августа 1859 года, в присутствии трех тысяч человек положил первый камень в фундамент здания. Вначале был спет 99 Псалом, затем Сперджен помолился. Б. В. Карр прочитал сообщение дьяконов об истории церкви. Затем Сперджен воскликнул:

— В бутылку, которую мы кладем в фундамент, мы не положим деньги, так как у нас нет лишних. Мы также не положим газеты. Хотя мы восхищаемся свободой прессы в нашей стране и любим ее, но в этом здании речь идет о другом. Мы положим только одно: Библию, Слово Божье, так как это и есть фундамент церкви. На этой скале Христос строит служение правды. Другого масштаба у нас нет. Вместе с Библией мы кладем в нее баптистское вероучение, подписанное Вениамином Кичем, одним из моих предшественников. Кроме этого, мы кладем прочитанное сообщение дьяконов, напечатанное на пергаменте, и один экземпляр песенника доктора Риппенса, который был напечатан незадолго перед его смертью. Если Англию когда-нибудь разрушат, то я не верю, чтобы новозеландец, исследующий развалины, сможет с ним что-то сделать. Если бы мы положили золото или серебро, он, может быть, возьмет его с собой. Но меня не удивит, если эти останки найдут место в каком-нибудь музее в Австралии или в Америке, где попытаются разбирать по буквам наши старомодные имена, и очень захотят узнать, кто были эти мужчины, имена которых здесь стоят: Самуил Гале, Джеймс Лов, Томас Оулни, Томас Кук, Георг Винзор, Вильям П. Оулни, Георг Моор и Ч. Г. Сперджен. Я думаю, что тогда будут говорить: «Это наверняка были хорошие люди...» Эти дьяконы — живые камни. Хорошо и долго они служили этой церкви. Честь тем, которым полагается честь! Я рад, что их имена стоят рядом с моим, и надеюсь, что и в вечности мы будем вместе... Вопреки тем, кто учит по-другому, мы сохраняем истину чистого Евангелия.

И я хочу открыто объяснить, что не принадлежу к тем, которые стыдятся звать грешников ко Христу. Я предупреждаю грешника, приглашаю его, увещаю его. Из-за этого меня со всех сторон окружает презрение. Меня осуждают в непоследовательности, как будто то, что повелевает Бог, может быть непоследовательным. И такой непоследовательностью я хочу гордиться до конца! Если точно сказать, я не привязываюсь ни к какому определенному вероисповеданию. Пять основоположений я люблю как пять страниц Евангелия, но центр этого пятиугольника я люблю больше, чем эти пять страниц. И, наконец, мы — баптисты, и должны оставаться твердыми в этом. Свидетельство нашей церкви должно оставаться единым и неразрывным. Мы должны иметь одного Господа, одну веру и одно крещение. Нам также дорог и важен еще один абзац из апостольского вероисповедания: «я верю общению святых». Мы сердечно приглашаем каждого, кто любит Господа Иисуса Христа по истине.

А теперь о наших перспективах. Мы построим этот молитвенный дом, и я исхожу из того, что строительство будет оплачено еще до его открытия. Оно так дорого частично потому, что на первом этаже дома будут помещаться многие школьные помещения и конференц-зал на восемьсот-девятьсот мест. Это необходимо, ведь наша церковь очень велика и по возможности ее члены всегда приходят на собрание. Ни одна церковь в Лондоне не используется так интенсивно, она бы вряд ли выдержала. Мы должны построить крепкий Табернакель, так как у нас всегда наши друзья. Как охотно они приходят на молитвенные собрания! Нигде сидячие места, которые оплачиваются слушателями, не используются так, как у нас. Они говорят: «Мы хотим слышать все, что только возможно», и конечно, они не дают мне никаких шансов оставлять эти места пустыми.

Закончив строительство нашего дома, мы будем строить другие. Если Бог сохранит мою жизнь, и за мной будут стоять мои люди, тогда я не успокоюсь, пока темный Суррей не будет полон молитвенных домов. Табернакель — это только начало. В последнюю половину года мы создали церкви в Водсворфе и Гринвиче. Господь дал им рост, частым было движение вод крещения. То, что мы сделали на этих двух местах, я скоро сделаю на третьем, и это же мы сделаем не только в четвертый и в пятый раз, но, с Божьей помощью — и сотый раз. Мы не хотим из Табернакеля сделать теплое гнездо и успокоиться. Мы хотим быть миссионерской церковью и не отдыхать, пока не только наши окрестности, но и вся

страна, о которой говорят, что некоторые местности темны настолько, как Индия, будут освещены Евангелием».

До января 1860 г. для строительного фонда были получены шестнадцать тысяч восемьсот шестьдесят восемь фунтов, а 2 апреля на Нью-Парк-стрит состоялось огромное собрание под председательством Сперджена, чтобы «услышать сообщение о развитии строительного фонда и искать дальнейшие пути к его пополнению». Сперджен сказал, что число членов церкви возросло почти до полутора тысяч, и все больше людей хотят быть членами, и что он не сомневается, что после открытия Табернакеля их будет больше трех тысяч. Мистер Кук сообщил, что до этого дня они получили восемнадцать тысяч девятьсот четыре фунтов, и что нужны будут еще двенадцать тысяч фунтов, чтобы открыть молитвенный дом без долгов. В этот вечер было собрано больше пятисот фунтов. Сперджен сам сообщает о том, что происходило далее:

— Вскоре после начала строительства я с мистером Куком, руководителем строительства, пришел на место стройки. Там мы склонились между камнями, песком и железными прутьями, и попросили Господа благословить наше начинание и молились также, чтобы никто из многочисленных рабочих не разбился и не был ранен при строительстве нового молитвенного дома. И позднее я мог засвидетельствовать, что наш Бог слышит молитвы: Он ответил на обе просьбы.

У меня есть много причин с затаенным дыханием говорить, что Бог совершил через меня. Одна причина в том, что глубоко в сердце я чувствую, что в действительности честь принадлежит неизвестным помощникам, которые служат Богу, но не получают за это никакой похвалы.

Табернакель должен быть построен, и нам нужно было где-то тридцать тысяч фунтов. Когда мы начали, мы считали, что нам хватит двенадцати-пятнадцати тысяч, и что можем смело рассчитывать на это. Когда же мы начали работать, некоторые из комитета немного медлили. За это мы никого не можем упрекать. Это был большой риск, я и сам не хотел, чтобы кто-то шел на этот риск. Я был готов взять риск на себя, но у меня не было денег. Некоторые мои соратники имели заботу, я — нет. Я считал этот проект возможным и был уверен, что мы все сможем оплатить. Моя спокойная уверенность имела все же совершенно конкретное основание. За это благодарность человеку, который уже несколько лет назад ушел в вечность. Когда я с одним другом ехал в провинцию на

собрание, нас обогнал один господин и попросил меня поехать с ним в его экипаже, так как он сильно хотел поговорить со мной. Я пересел. Он сказал:

— Вы должны построить это огромное здание?

— Да, — ответил я.

— Многие ваши друзья будут колебаться. Как деловой человек, я знаю, что вы будете иметь успех. К тому же Бог совершает это дело, тогда оно должно быть успешным. Я хочу, чтобы вы никогда не заботились и не унывали.

Я сказал ему, что это большое дело, и надеюсь, что Господь даст мне возможность довести его до конца.

— Сколько вы думаете, оно будет стоить, пока будет готово?

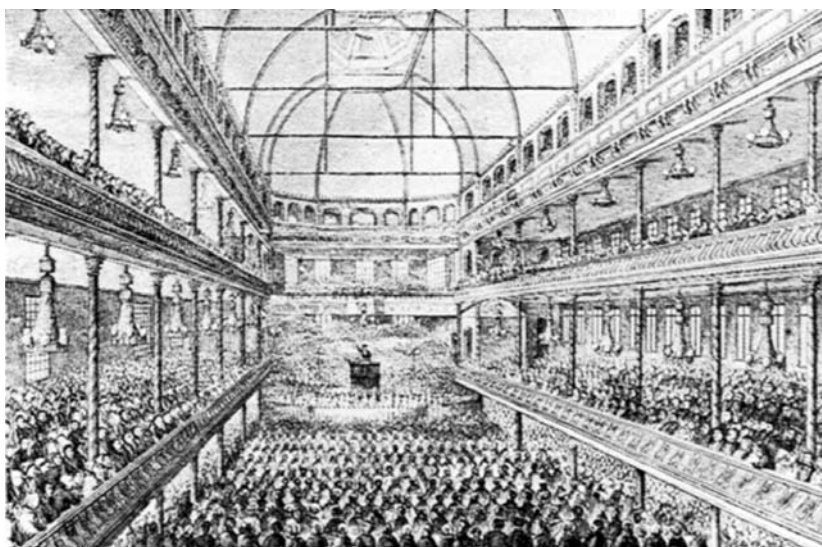
— Нам наверняка понадобится еще двадцать тысяч.

— Тогда я хочу дать эти двадцать тысяч с условием, что от них вы возьмете ровно столько, сколько вам будет необходимо, чтобы закончить строительство. Понимаете, — добавил он, — я не дал бы и больше пятидесяти фунтов, но я предоставлю вам более чем на двадцать тысяч фунтов гарантийных писем и обязательств, на которые вы можете рассчитывать в случае необходимости.

Это было действительно по-царски! Я никому не сказал об этом, но уверенность, которую дало мне это обещание, была очень ценной. Мне нужно было намного больше веры, так как я решил не прикасаться к деньгам этого друга. Но теперь у меня не было никакой причины заботиться. Бог был очень добр ко мне. Но так как дело обстояло именно так, я не мог хвалить себя. Мой друг дал свои пятьдесят, и ни фунта больше, и я был глубоко благодарен ему за помощь, которую он предоставил, если мы будем в нужде. Другие были так же благородны, и среди них — незнакомый даятель пяти тысяч фунтов. Если кто должен получить похвалу, тогда это должны быть эти дорогие братья».

31. Богослужения в музыкальном салоне

После большой катастрофы мы проводили богослужения в музыкальном салоне только до обеда, чтобы дневной свет сделал невозможным дальнейшие действия сил тьмы, даже если вечером пришло бы больше слушателей. Наше первое утреннее богослужение было 23 ноября 1856

Сперджен проповедует в музыкальном зале Суррей Гаденс.

года, последнее — 11 декабря 1859 года. Благодаря провидению Божьему большой зал был готов именно в тот момент, когда он стал нам нужен, и мы могли пользоваться им так долго, сколько нам было нужно. Аренда за помещение музыкального салона, которую мы платили, была неплохой суммой в доходах зоологического сада. И все же общество предпочитало иметь доходы из воскресного открытия сада для публики. В воскресенье перед открытием сада для публики в 1859 году мы оставили музыкальный салон, и этим общество потеряло свой важный источник дохода. Сразу же, как морально, так и финансово, их положение безнадежно стало ухудшаться.

Люди всех классов — от премьер-министра до рабочего — слышали там Слово Божье. Никогда столько людей из высших классов не пришло бы в молитвенный дом. Они регулярно приходили — с политиками, с духовными лицами, со знаменитыми путешественниками и многими другими высокими лицами, — чтобы послушать проповедника в Суррей Гаденс. Их приход и помощь были верными знаками, что строительство своего дома молитвы необходимо и возможно. Приходили люди не только из религиозно воспитанного общества. Чтение газет посетителей перед началом богослужения показывало, что присутствовали те, о которых шла речь выше. Но самым важным было то, что с нами был Бог.

Много людей покаялось, часто очень драматичным образом. В большинстве своем они приходили из тех слоев общества, которые обычно не ходят ни на какие богослужения. Хотя музыкального салона уже больше нет, но тот, кто пережил там духовное рождение, никогда не забудет его.

В то время я не мог угодить многим моим друзьям. Те, которые должны были быть моими самыми лучшими друзьями, стали против меня. Проповедь: «Побудите их прийти» была полна любви к душам. Мой Господь запечатлел мою весть Своей печатью. Ни через одну из моих проповедей не пришло к Богу так много людей, как через эту. И напечатанная проповедь послужила для многих толчком к вере. Если увещать грешников прийти ко Христу, кто-то считает недостойным делом, тогда я хочу еще более быть недостойным. Я так же, как и другие, крепко верю в учение о благодати. Господь и апостолы учили, что спасение совершается из милости и только из милости, и не стыдились обращаться к людям, как к ответственным существам, призывая их «входить тесными вратами» и не «стараться о пище тленной, но о пище, пребывающей в жизнь вечную».

Среди проповедей в музыкальном салоне очень благословенной была проповедь «Смотри на Иисуса». Многие свидетельствуют, что через нее нашли Господа, и многие сообщают, что напечатанная проповедь в такой же мере была благословенна. Эта проповедь — одна из простейших, без чего-то нового и особенного. Ее сильное действие говорит о суверенности Божьей. В этой проповеди — Господь. Качество проповеди не зависит от того, нравится она или нет. Не зависит оно также от учености, которая в ней, но от того, назидает ли она святых и пробуждает ли грешников. Проповедь о страданиях Христа на кресте также была для многих благословением. Кровоточащий Христос заставил кровоточить и сердца слушателей, и Его стыд на кресте заставил грешников стыдиться своих грехов. Пусть Дух Святой даст увидеть глазам людей страдающего Спасителя, тогда они будут сокрушаться о своих грехах.

В музыкальном салоне было много необычных покаяний. Одно было таким необычным, что я его часто цитирую как дополнение к тому, что Бог иногда полагает на сердце Своему слуге сказать такое, о чем он и не думает, чтобы благословить какого-то слушателя, так как эти слова были сказаны лично для него. Когда я как-то проповедовал в музыкальном салоне, то показал на мужчину в середине массы людей и сказал:

— Вон сидит мужчина, он сапожник. Он открывает свой магазин в воскресенье. В последнее воскресенье он выручил 9 пенсов, и 4 пенса были его доходом. За 4 пенса он продает свою душу сатане.

Позднее городской миссионер встретил этого мужчину, когда он читал одну из моих проповедей. Он спросил:

— Знаете ли вы Сперджена?

— Да, — ответил мужчина, — конечно. Я слышал его проповедь, и через благодать Божью стал новым человеком. Как это получилось? Я пошел в музыкальный салон и сел между слушателями. Сперджен посмотрел на меня, как будто он знал меня, и в своей проповеди показал на меня и сказал церкви, что я сапожник, который открывает свой магазин в воскресенье. И это было на самом деле так. Это не повлияло на меня. Но он также сказал, что я выручил в воскресенье 9 пенсов и заработал 4 пенса. Именно так оно и было. Я только не мог представить себе, откуда Сперджен это знает. Тогда мне пришла мысль, что Бог через него говорил ко мне, и в следующее воскресенье я не открыл магазин. Вначале я боялся снова услышать его. Я боялся, что он еще больше расскажет людям про меня. Но потом все же пошел, встретил там Господа, и Он спас меня.

Некоторые, которые вначале приходили в церковь на Нью-Парк-стрит, тоже покаяться на богослужении в музыкальном салоне. Но они говорили, что проповеди не были единственной причиной к этому. Они приехали в Лондон из деревни, и один человек из нашей церкви, который уже в небе, приветствовал их у входа, говорил с ними и спросил, придут ли они вечером на богослужение. Затем он пригласил их к себе на чай, говорил с ними о Спасителе и вечером пришел с ними на собрание. Также он сделал и в следующее воскресенье. Так получилось, что те, на которых не оказала влияние проповедь, через слова доброго старого человека и через милостивое влияние Господа обратились к Богу.

Когда я проповедовал в музыкальном салоне, какой-то незнакомый, но очень способный критик каждую неделю посылал мне целый список моих ошибок и оговорок. Он оставался анонимным. Я могу сделать ему единственный упрек, что не могу заплатить ему за его труд, который он делал для меня. С большой чуткостью и руководимый желанием помочь мне, он записывал все, что я говорил неправильно. Иногда он заблуждался, но в основном был прав, и его замечания помогли мне увидеть многие ошибки и научиться избегать их. Каждую неделю я с нетерпением ожидал его замечаний, которые помогли мне лучше проповедовать. Если я одно предложение сказал уже раз или два, то он писал: «Смотри то же выражение в... проповеди» и указывал номер проповеди и страницу. Однажды ему бросилось в глаза, что я часто цитирую слова

«у меня нет ничего, чтобы я мог принести», и он писал: «Мы уже достаточно информированы о вашей бедности». Не один молодой проповедник впал бы в уныние от такой строгой критики. Но было бы глупо пренебречь такой важной помощью.

Последнее богослужение на Суррей Гаденс было в воскресное утро 11 декабря 1859 года. Сперджен проповедовал о прощении Павла со слушателями Ефеса:

«Посему свидетельствую вам в нынешний день, что чист я от крови всех, ибо я не упустил возвещать вам всю волю Божию».

32. Богослужения в строящемся Табернакле

Первое собрание в молитвенном доме было во вторник после обеда, 21 августа 1860 года, когда здание еще не было готово. Оно имело двойную цель: благодарность Богу за успех до сего времени и сбор нужной суммы, чтобы без долгов провести освящение дома. До того было собрано двадцать две тысячи сто девяносто шесть фунтов, но нужны были еще восемь тысяч. Апслей председательствовал на собрании и поздравил всех с тем, что они собрались в самом большом молитвенном доме Британии. Различные выступающие выражали интерес и симпатию. Затем Сперджен подробно описал здание:

«Вы, наверно, чувствуете радость, с которой я стою перед вами, но никто не сможет до конца прочувствовать ее, и я сам не способен правильно выразить ее. «Благослови душа моя Господа и вся внутренность моя святое имя Его». Я так охотно хотел бы выразить свою благодарность, но должен тут же исполнить свое поручение и вначале сказать несколько слов о структуре здания.

Если пол не выдержит, то наши братья, сидящие сейчас на платформе, окажутся в бассейне для крещения. И в случае, если когда-нибудь один из них, который еще не принял крещение, имеет желание исполнить повеление Господа и принять крещение, тот всегда найдет меня готовым совершить это служение. Бассейн обычно не закрывается, так как мы не стыдимся нашего убеждения — крещения по вере.

Если мы празднуем вечерю Господню, стол тоже стоит здесь. На обратной стороне платформы, на каждой стороне ступеньки для дья-

конов, которые разносят знаки смерти нашего Спасителя. Над нами вы видите кафедру, или лучше — платформу, которая предлагает места для многих людей. Когда я проповедую, я не могу стоять на месте как статуя. Мне нужно место для меня и моих мыслей.

Это громадное здание, как я думаю, имеет прекрасную акустику. Но даже если бы она еще не была хорошей, то я бы не разочаровался, так как стены еще не отделаны деревом. Это моя теория, что мягкая поверхность — лучшая акустика, так как многие здания показали, что натуральные каменные стены создают эхоэффекты, поэтому вешали шторы, чтобы прервать эхо, и дать проповеднику шанс быть понятым.

Войдя в это здание, многие из вас сказали, что строительство не такое уж большое, как вы ожидали. Я радовался этому. Здание выглядит громадным тогда, когда оно теряет свои пропорции. Пропорции соблюдены, значит, все в порядке.

Если вы спуститесь на этаж ниже, вы найдете конференц-зал, такой же большой, как в капелле на Нью-Парк-стрит, или чуть больше. Школьные помещения больше, чем благородный молитвенный дом Мурфильда, в котором мой брат доктор Кэмпбелл долго проповедовал Слово Божье.

Конференц-зал под этой платформой предусмотрен для членских собраний. Он необходим, так как у нас теперь больше полутора тысяч членов церкви. Школьные помещения вместят около полутора или даже двух тысяч детей. Эти классы в воскресенье будут служить воскресной школе, а в будние дни — моим студентам. В этом помещении еще разместится библиотека, в которой будут собраны все книги бывших пасторов этой церкви.

За первой галереей — еще три комнаты: в середине — кабинет пастора, направо и налево — комнаты для дьяконов. Над этими комнатами, на втором этаже, еще три маленьких помещения, которые будут служить складами для трактатов и Библий, для других проектов церкви. Обратите внимание, что все галереи имеют свой вход и лестницу, так что не должно быть паники.

Некоторые братья спросили: «Кто будет на месте Сперджена, если он умрет?» — Как будто Бог не может найти служителя, если Он хочет, или как будто в данное время мы не должны исполнять наших обязанностей из-за того, что не знаем, что может случиться через пятьдесят лет! Может вы скажете: «Пятьдесят лет — вы даете себе еще долгое время жизни». Я не знаю, почему я не должен так долго жить. Может, так и будет. Так и будет, если Господь захочет этого. Доктор Гилл в двадцать два года стал

пастором этой церкви и служил в ней больше пятидесяти лет. Доктор Риппон был двадцати лет, а пастором был тридцать шесть лет. Меня Бог призвал в девятнадцать лет, разве не возможно, что я с Божьей милостью много лет буду служить своему поколению? И к тому же: когда я что-то начинаю, я никогда не думаю о том, смогу ли закончить его, так как уверен: если это Божий план, Он закончит дело, даже если мне придется оставить это служение».

33. Открытие молитвенного дома

Я слышу между прочим, как люди говорят: «Этот человек не посещал никакой институт. Он пришел на это служение полностью неподготовленным, он может говорить только бедным, он не владеет никаким иностранным языком...» Тогда я отвечаю:

«Так оно и есть. Каждое слово истинно и можно говорить намного больше. «Но Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное; и незнатное мира и униженное и ничего не значащее избрал Бог, чтобы упразднить значащее, — для того, чтобы никакая плоть не хвалилась пред Богом». Таким образом, я хочу быть с апостолом Павлом ничего не значащим. Но сделали ли посетители институтов что-либо, что можно сравнить с этим делом? Сделали ли мудрые и ученые пасторы для покаяния душ то, что может сравниться с благословением, которое покоится на этом юноше? Это было Божье дело, и Бог избрал самое немощное орудие, которое Он мог найти, чтобы вся слава принадлежала Ему. И Он должен ее иметь. Я ничего не хочу для себя, приписывая это воспитанию, которого я не получил, или познанию, которого нет у меня, или красноречию, к которому я не стремился. Я проповедую Божье Слово, и Бог — это я знаю — говорит через меня и действует через меня, и Ему одному да будет слава!»

18 декабря 1859 года мы начали в Эксетер-зале нашу третью серию богослужений, которые закончились 31 мая 1861 года. Несколько заметок к тому времени:

«Видно это Божий план, что Он часто посылает нашу церковь, как и Свой народ, в странствия. Это наше третье место. Скоро его двери закроются за нами.

Во все времена мы приводимся в движение: иногда к этому побуждает совесть, иногда — как сегодня — это более приятная причина. Я уверен, что когда мы в первый раз перешли в музыкальный салон, Бог пошел с нами. Сатана тоже пришел, но он бежал от нас. Это ужасное несчастье, которое неизгладимо запечатлелось в моей памяти, Бог чудесным образом превратил в добро и оно стало источником тысячи благословений. И к тому же до сегодняшнего дня в театре и в концертном зале проповедуется Слово Божье, что прежде было невозможно. На каждом отрезке нашего пути мы видели руку Божию. Слово Божье приходили послушать люди, которые, может, никогда раньше не были на другом берегу Темзы. Здесь Бог сокрушал твердые сердца; здесь обновлялись души, и здесь странники приходили к цели.

А теперь возвратимся в дом, который Бог дал нам совершенно особым образом, и я прошу как Моисей: «Восстань, Господи, и рассыплются враги Твои, и побегут от лица Твоего ненавидящие Тебя!»

Может быть, ты спросишь: «Но какие у нас враги?» У нас их много. В нашем новом Табернакле мы будем сражаться со старым злым врагом. В большинстве — со следующими: с неверностью, затем — с легкомысленностью людей и их беспечностью в обращении с истинами Евангелия, и со все увеличивающимся грехом и коррупцией. Как нам противостать всему этому? Может быть, нам попытаться сделать кое-что с социальными реформами? Может быть, нам проповедовать о некоторых новых попытках хозяйственной политики? Нет, крест, старый крест достаточен. Мы будем проповедовать Христа как Спасителя грешников, о Духе Святом, открывающем душам истины Христа, и Бога Отца в Его безграничной спасающей силе, принимающего в Своей неисчерпаемой милостивой воле самого худшего из худших грешников. И никакая легкомысленность не может быть слишком черствой, никакое незнание — слишком слепым, никакое зло — слишком подлым, никакая совесть — слишком изнуряющей, чтобы Бог в силе Своего всемогущества не мог обновить их, если захочет. Восстань, Господи! О, Бог Отец, восстань и да исполнится Твоя вечная воля! О Божий Сын, восстань, покажи Твои раны и ходатайствуй за нас перед лицом Твоего Отца, и да будут спасенными омытые Твоей Кровью! Восстань, Дух Святой, с глубоким благоговением мы просим о Твоей помощи! Помоги тем, которые до сих пор противятся дать Тебе место! Приди и растопи лед, сокруши гранит — каменное сердце! Разрежь железные жилы и смири твердую шею! Восстань,

Господи, — Отец, Сын и Дух Святой — без Тебя мы ничего не можем делать. Но как только Ты встанешь, Твои враги рассыпятся, и разбегутся все ненавидящие Тебя!»

6 февраля 1861 года мы находим в наших сообщениях следующие возвышенные объяснения, которые подписали Сперджен и руководящие братья:

«Этой церкви нужны еще четыре тысячи фунтов, чтобы без долгов открыть Табернакель. Она просит Бога о милости и верит, что ее молитва ради Иисуса будет услышана. — Подписи».

В конце февраля нужны были еще три тысячи. «Мы верим нашему милостивому Богу и уповаем на Него, что Он окажет влияние на людей, что в конце следующей недели придут эти деньги...»

Это было совершенно уместно: открыть дом молитвы молитвенным собранием. Итак, в понедельник, 18 марта 1861 года, в 7 часов утра более тысячи человек собрались в Табернакле. Сперджен вел собрание.

Молитвенный дом внутри.

Среди участников было много дьяконов и студентов библейской школы. В молитвах звучали усердие и глубокая серьезность.

На следующий понедельник пастор Георг Роджерс в такое же время руководил вторым молитвенным собранием. Он говорил на тему «Дом Божий — врата небесные». После обеда этого же дня Сперджен говорил первую проповедь в Табернакле на Деян. Ап. 5,42: «И всякий день в храме и по домам не переставали учить и благовествовать об Иисусе Христе». Вечером говорил пастор В. Брукс из церкви Блумбери на Фил. 1,18: «Как бы ни проповедали Христа, притворно или искренно, я и тому радуюсь и буду радоваться».

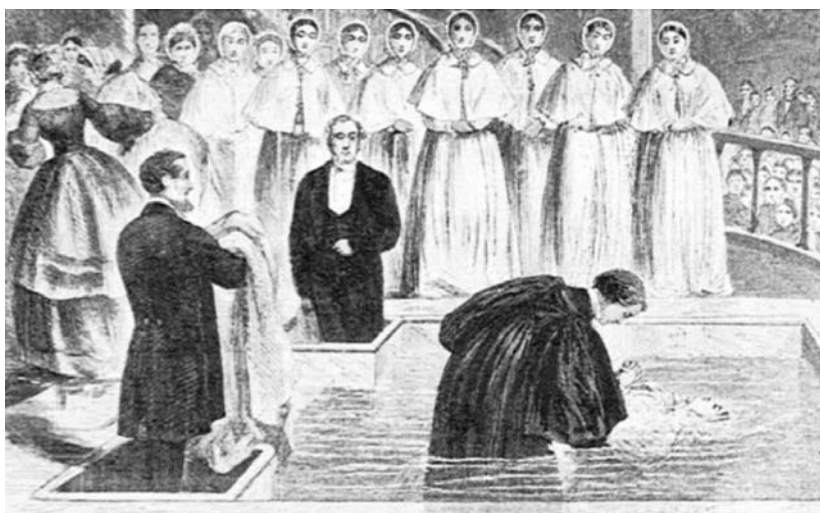
На следующий вечер состоялось собрание под руководством сэра Генри Хавелок, где более трех тысяч человек приняли участие в сборах средств.

В пятницу перед Пасхой, утром 29 марта, Сперджен проповедовал на стих Рим. 3,24-25: «...Во Христе Иисусе, которого Бог предложил в жертву умилостивления в Крови Его» и вечером — из Песн. Песн. 2,16: «Возлюбленный мой принадлежит мне, а я ему». Это был подходящий конечный аккорд этих двух собраний, так как Сперджен мог объявить, что нужные деньги собраны, и первое богослужение в воскресенье состоится в здании, не имеющем долгов. Вечером на Пасху, 31 марта, Сперджен проповедовал на 2 Пар. 5,13-14 и 7,1-3. Он говорил о том, что слава Господа наполнила дом, и рассказал одно пророчество, которое в точности исполнилось: «Да пошлет Бог огонь Духа Своего, тогда проповедник более и более сокроется в Своем Господе. Вы будете меньше думать о проповеднике, а больше — о проповедуемой истине».

В понедельник вечером, 1 апреля, проповедовал Джон Грейм на 2 Фес. 1,12 и на следующий вечер, когда лондонские баптисты заполнили Табернакель, проповедовал Сперджен. Поприветствовав собравшихся, он сказал:

«Эта капелла не принадлежит в первую очередь мне или церкви Табернакеля, или только баптистам. У меня такое чувство, что я бы дал свидетельство о принадлежности настоящему хозяину, так как дом принадлежит Богу и затем — всем последователям старой апостольской веры.

Мы думаем, что баптисты — это первые христиане, так как мы не берем свое начало от реформации; мы уже были до рождения Лютера и Кальвина. Мы также не являемся ответвлением от римской церкви — мы никогда не были там. Мы существуем со времен Христа, и наши основа-

Крещение в новом Табернакле.

ния веры всегда имели силу. Мы всегда готовы были страдать, но не принимать от властей какой-либо помощи или загрязнить чистоту невесты Христа через какое-то смешение с земным правительством.

Когда я приехал в Лондон, то еще встретил последнее поколение дьяконов — прекрасные джентльмены, немного упрямые и негибкие, не совсем по моему вкусу, но уважаемые, гордые дворяне в темных костюмах с белыми галстуками. Среди них я нашел друга, советника и правую руку — Томаса Оулни. Никакой пастор и ни одна церковь не имела лучшего дьякона. Один из дьяконов того времени заговорил со мной, когда я был на пути в Эксетер-зал, чтобы проповедовать.

— Я старый человек, — сказал он, — и не могу быстро идти вперед, как молодые люди. Но я не хочу быть бременем. Я желаю тихо идти сзади и смотреть, не смогу ли я присоединиться к мистеру Бруксу.

Для него и для нас это было лучшее, что мог сделать этот человек. Когда я посетил его однажды, он попросил меня привести к нему обоих моих мальчиков, чтобы он мог благословить их. Добрый старый человек! Он умер на следующий день».

В четверг, 4 апреля, проповедовал доктор Октавиус Винслоу на слово: «Совершилось»; на следующее воскресенье утром и вечером за кафедрой стоял Сперджен; это была первая вечеря в Табернакле, а во вторник

было первое крещение, о котором доктор Кэмпбелл пишет в «Британском вестнике» от 12.04:

«Табернакель будет магнитом, особенно для молодых людей из всех частей города, которые в старых церквях и капеллах их отцов не чувствуют себя так хорошо. Это даст Табернакелю особое положение, которое будет действовать двойным образом: многие из мира найдут здесь путь ко Христу, о чем мы можем только радоваться. И у многих верующих из других церквей появится желание принять крещение именно в этом бассейне, о чем мы не можем радоваться. Этот столичный Табернакель произведет больше прозелитов, чем все другие капеллы баптистов, вместе взятые. Молодые чувствительные девочки и лирические молодые люди едва смогут дождаться, чтобы погрузиться в мраморный бассейн, который так красив, что украсил бы и дворец, и такой большой, что в нем могут играть дельфины. Мистер Сперджен понимает толк в этих вещах! Его современное отсутствие предрассудков еще не совсем могло вытеснить его баптистское ханжество, но его большое красноречие хорошо согласуется со сверкающим мрамором. В субботний вечер он доказал, что так же, как он готов умереть ради Евангелия, так он готов бороться за воду.

Во вторник вечером было совершено крещение погружением — по баптистскому порядку — двадцати человек. Все это событие объясняет серьезную последовательность для семей и церкви.

Вначале мистер Г. С. Браун из Ливерпуля держал свою сильную и действенную проповедь. После аргументов и призыва последовала иллюстрация посредством мистера Сперджена (крещение)... Интерес к нему был огромным. Мы сомневаемся, что оно имеет меньшее значение, чем покрывало для монахини католической церкви.

Молодой проповедник, идол собраний, был в воде с сияющим лицом, а на возвышении жена Сперджена, очень впечатляющая молодая дама, приводящая в восторг тех, кто знает ее. С вежливым достоинством и неподражаемой скромностью она подводит дрожащих сестер к своему мужу, который приветливо берет их за руки и погружает, сопровождая эти действия различными подходящими крещению словами, которые должны укреплять, ободрять. Для крещаемых по обоим сторонам бассейна стоят дьяконы, которые берут их за руки и накидывают на них большие платки. Двое других дьяконов принимают их на возвышении, и еще двое других ведут их к кабинам для переодевания. Баптистские проповедники в сравнении с мистером Спердженем не имеют никаких

шансов на рост их церквей. Они работают в одной области, а он — в двух: земля и вода. Мы не должны удивляться, если его церковь за семь лет удвоится. (Не прошло и семи лет, как это случилось, и Табернакель не мог вместить всю общину.) Самая большая церковь в мире будет иметь самую большую капеллу — что тогда?»

В среду, 10 апреля, мы совершали Вечерю Господню — может быть самую большую со времен пятидесятницы — этим мы указали на единство церкви Христовой, и на видимо скрепляющие связи тела Христова — это преимущество всех членов церкви. На следующий день после обеда и вечером были предложены темы о погибшем состоянии человека, об избрании, о примирении, о призвании и окончательном спасении.

На первом членском собрании в Табернакле 6 мая, в церковь были приняты 72 новых члена, и пастор написал в церковную книгу:

«Я, Чарльз Гаддон Сперджен, последний из всех святых, ставлю под этим свою печать, что Бог истинен; так как Он сегодня исполнил мою надежду и дал нам по вере нашей. Господи, да прославится имя Твое по всей земле, и помоги мне быть верным и твердым. Ч. Г. Сперджен». За ним следуют много личных подписей, сделанных по примеру Сюзанны Сперджен:

«Мы, нижеподписавшиеся члены церкви, которые до сих пор принадлежали капелле на Нью-Парк-стрит, и собранные теперь в Табернакле, хотим с радостным сердцем подтвердить доброжелательность нашего верного Бога. Мы просили с верой, но наш Бог дал нам более, чем мы желали. Дал нам все средства, и дал нам их раньше, чем мы ожидали. Действительно, Господь добр и достоин, чтобы Его прославляли. Мы стыдимся, что сомневались в Нем; и мы просим как церковь, так и каждого из нас, чтобы Господь помог нам все время доверяться Ему так, чтобы наша душа могла быть спокойна. Во имя нашего Бога мы поднимаем наше знамя. О, Иегова — будь среди нас, Иегова — шаммал и Иегова — шалом! Отцу, Сыну и Духу Святому да будет слава и благодарение. Бог верен — этому мы свидетели».

После того, как церковь заняла Табернакель, братья постарались создать еще одну церковь в капелле на Нью-Парк-стрит. Брат Джон Коллинз много работал там, и Бог подарил ему обильное благословение, но новообращенных неудержимо тянуло к материнской церкви в Табернакель, и, наконец, братья увидели, что здание в такой ситуации нельзя больше использовать. Оно было продано.

34. Памятные богослужения в Табернакле 1861-1874

15 декабря 1861 года, ночью на воскресенье умер муж принцессы. Сперджен прочитал перед началом своей проповеди несколько фраз, говорящих об этом. На следующее воскресенье он проповедовал на Амос. 3, 6: «Бывает ли в городе бедствие, которое не Господь попустил бы?» Она была напечатана под названием «Смерть короля».

После несчастья на руднике в Хатле 30 января 1862 года Сперджен проповедовал на стих из Иов. 14,14: «Когда умрет человек, то будет ли он опять жить?» В конце проповеди Сперджен говорил о вдовах и сиротах, которые пострадали от этого страшного несчастья. Хотя это богослужение было среди недели и, хотя многие слушатели уже отдали свои средства в фонд помощи, церковь дала сто двадцать фунтов.

В воскресенье, 18 мая 1862 года, Сперджен проповедовал короче обычного. Закончив проповедь, он сказал:

— Мой дорогой друг, доктор д'Аубигне, сегодня утром среди нас. По повелению нашей почтенной королевы епископ из Лондона попросил его проповедовать в дворцовой капелле святого Джеймса. Он сообщил мне, что охотно хотел бы открыто выразить радость от сердечного общения с нашими церквями. Это и для меня большая радость — видеть его у нас в Табернакле. Я говорю это не только от имени нашей церкви, но от имени всех наших церквей в Англии. Да будет благословлен Господом историк реформации!»

Доктор д'Аубигне обратился к церкви:

— Когда я услышал слова из Рим. 16, прочитанные вашим любимым пастором, я думал о том, как часто Павел в своих письмах говорит о «любви к святым» и о «вере в Господа». В Рим. 16 эта любовь особенно видна. Подумайте, сколько христиан церкви Коринфа знали апостола Павла в Риме! К сожалению, я знаю в этом собрании всего двух или трех. Я знаю вашего пастора, моего любимого друга, господина Сперджена. Я знаю мистера Норта, сидящего слева от меня, и мистера Кинзда, который принял меня в этом большом городе, «Гай, странноприимец мой», как говорит апостол. Но в этом собрании восемь тысяч мужчин и женщин — братьев и сестер во Христе, как я надеюсь, — я больше никого не знаю. А сколько христиан вы знаете, мои дорогие друзья, в Женеве? Может быть, не троих, а только двоих или одного? Это для меня доказательство, что братская любовь сегодня так же сильна, как и во времена

апостолов. Поэтому мы можем сказать, что мы, искупленные Кровью Христа, имеем того же Отца, того же Сына и того же Духа Святого, и что мы во всем мире являемся духовной семьей. Мои дорогие друзья, будем расти в братской любви!..»

Во время страшного голода среди ткачей в Ланкашире Сперджен 9 ноября 1862 года проповедовал о христианском сострадании на Иов. 30,25: «Не плакал ли я о том, кто был в горе? не скорбела ли душа моя о бедных?» Свою просьбу о великодушной помощи Сперджен основал на пяти причинах: Первая. Они не виновны в своем несчастье. Вторая. Их страдания вызваны национальным грехом рабства. Третья. Они несли свои страдания с большим терпением. Четвертая. Их страдания сильно распространились. Пятая. Благодарность Богу должна вызвать великодушное даяние. Просьба была очень успешна. Было собрано семьсот семьдесят шесть фунтов — самая большая пожертвование в Табернакле для таких целей.

15 мая 1863 года Сперджен проповедовал в Табернакле на 1 Цар. 7,12, которая была напечатана под номером 500: «И взял Самуил один камень, и поставил между Массифою и между Сеном, и назвал его Авен-Езер, сказав: до сего места помог нам Господь». Эта проповедь была автобиографической и исторической и содержала многие интересные указания на милостивую Божию помощь, которую получила церковь и их пастор.

Во многих отношениях памятное богослужение состоялось утром в воскресенье, 5 июня 1864 года, когда Сперджен говорил свою знаменитую проповедь «О крещении».

Более чем 10 лет спустя он писал об этой проповеди:

«Я говорил эту проповедь, ясно сознавая, что мои проповеди тут же прекратят печатать. Одному из издателей я сказал, что одним ударом разрушу этот сбыт, но что я должен сделать этот удар, пусть это стоит чего бы то ни было, так как бремя Господа тяжело лежало на мне. Я очень хорошо подсчитал и ожидал потерять не одного друга и соратника, и рассчитывал на нападки способного и сердитого противника. Мы должны следовать по пути, указанному Господом, если хотим иметь мир в душе. Какие оно имеет последствия — неважно. Мы должны держать свою совесть чистой, будь что будет. Мысли о влиянии и общественном мнении имеют при этом такой же незначительный вес, как перья. В маловажных и важных вещах я ясно сказал, что думаю, и через

это на меня обрушился неисчислимый поток осуждений и проклятий. Но я совершенно не сожалею об этом, и в будущем я буду говорить так же открыто, как и в прошлом. Я не хочу сохранить ни одного моего последователя, оставив его в неведении своим молчанием. И к тому же люди любят понятную речь».

Самуил Блау, в то время студент библейской школы для проповедников, хорошо помнит тот день этой сильной проповеди:

«В понедельник утром Сперджен обычно обрабатывал свои проповеди. После обеда он пришел к нам в класс и задал вопросы по истории и другим предметам. При этом он всегда был любезен. Когда он в этот раз пришел к нам и сел, то сказал нам, что только что обработал свою проповедь и уверен, что она, если и будет напечатана, вызовет большое беспокойство и огромную оппозицию. Поэтому он предложил не проводить обычные занятия, но занять это время молитвой. И так мы провели весь после обеда, умолая о Божьем благословении этой важной проповеди, которая раскрывает теорию о возрождении при крещении как абсурд».

Сегодня, после более чем тридцати лет (около 1900), трудно представить себе сенсацию, которую вызвала напечатанная проповедь. Через три недели после ее выхода Сперджен проповедовал на Евр. 13,13: «Итак, выйдем к Нему за стан, нося Его поругание», затем очень быстро вышли отдельные оттиски проповедей, как «Дети, принесенные к Иисусу, а не к чаше крещения», «Так говорит Господь». Все находили огромный отклик, и на каждый отзыв следовал ответ англиканской церкви. Сперджен собрал сто тридцать пять проповедей и памфлетов и переплел их в большой том. Их, несомненно, собирали и другие; так как позднее он получал тома, в которых было следующее предисловие:

«В 1864 году преподобный Ч. Г. Сперджен бросил вызов церкви Англии относительно точки зрения о детском крещении и возрождении. По этому поводу разгорелись богословские споры беспрецедентной жесткости. В сражение бросился весь религиозный Лондон. Печатные издания стонали под бременем; статьи «за» и «против» в прозе или в стихах, серьезные или веселые, едва можно было посчитать».

Церковные критики Сперджена не были лилипутами. Об этом говорят как их имена, так и содержание и стиль их возражений. Но и Сперджен не сражался один. Семнадцать недель подряд спорные вопросы заполняли колонки газеты «Британское знамя», которая позднее выпустила отдельный номер в 330 страниц. Было затронуто также сотрудни-

чество в Евангельском Союзе, и Сперджен на время оставил работу в нем, после того как один баптистский пастор напал на него из-за известной проповеди. Но потом он все же вернулся и до конца своей жизни оставался в правлении Союза.

Богослужение в воскресенье вечером 31 июля 1864 года было для Сперджена и двух его слушателей очень примечательным. Один мужчина из Невингтона покался через проповедь Сперджена и регулярно посещал богослужение в Табернакле. Его жена, убежденная англиканка, была абсолютно против, но он все же продолжал приходить.

В один воскресный вечер, когда ее муж ушел на богослужение, ее любопытство стало сильнее ее предубеждения, и она все же решила послушать проповедника. Так как она хотела, чтобы ее никто не узнал, то покрылась плотной вуалью и толстой шалью, и села к тому же на верхнюю галерею. Она пришла очень поздно, и когда вошла, проповедник как раз читал текст из Писания. Первые слова, услышанные ею, были направлены точно на нее, при этом проповедник, объясняя их, посмотрел прямо на нее и сказал:

«Войди, жена Иеровоамова; для чего было тебе переодеваться? Я грозный посланник к тебе» (3 Цар. 14,6).

Это случайное совпадение сильно коснулось ее, когда во время проповеди Сперджен сказал:

«Когда я говорю о случайном слушателе, у меня не выходит из головы, что я описал чей-то портрет. Думаю, что среди нас есть некоторые, чей характер и поведение я так точно описал, и они знают, что имеются в виду именно они. И если это ты, которого я описал, тогда не оглядывайся на своих соседей и не говори: «Это подходит кому-то другому». Если описание подходит тебе, прими его, и пусть Бог поставит его посреди твоей совести, чтобы ты не мог освободиться от него!.. Я не думаю, что сегодня вечером здесь есть кто-то переодетый, хотя и это может быть: рабочий, который боится быть осмеянным, возможно, пришел сюда переодетым. А может, и священник, совесть которого неспокойна, и который боится, чтобы кто-то не увидел его здесь. Все равно, кто бы ты ни был, переодетый или нет, все это не поможет здесь, где проповедуется Божье Евангелие. Господь быстро узнает тебя и выведет наружу твои мысли и сердечные намерения. Он найдет тебя, даже если ты тщательно переоденешься, Он покажет тебе, кто ты есть на самом деле».

Когда муж пришел домой, его жена открыла ему свою тайну. Она сказала, что это он рассказал Сперджену о том, что она сидела сверху

на галерее в Табернакле. Добрый муж уверял ее, что он не виновен, но не мог убедить ее. На другой день он рассказал проповеднику о трудностях из-за необыкновенных переживаний его жены. Когда Сперджен говорил об этом случае, то он также рассказывал, что и в Экстер-зале он однажды совсем неожиданно ушел от темы, показал в определенном направлении и сказал:

— Молодой человек, перчатки, которые ты носишь, не оплачены. Ты украл их у твоего хозяина.

После богослужения один молодой человек, бледный и очень взволнованный, захотел побеседовать наедине со Спердженем. Он положил на стол пару перчаток и со слезами сказал:

— Это случилось в первый раз, что я обокрал моего шефа, и я никогда больше не сделаю этого. Вы же не выдадите меня!.. Моя мать не выдержит этого, если она услышит, что я стал вором.

Проповедник случайно натянул лук, но стрела попала точно в цель, которую Бог усмотрел для нее, слушатель был застигнут врасплох и таким образом был сохранен от более серьезного преступления.

35. Проповедь под открытым небом

Можно по праву сказать, что проповедь на улице существует так давно, как и сама проповедь. Мы уверенно можем сказать, что Енох, «седьмой от Адама», когда говорил людям, то не использовал никакой кафедры, а только склон холма. И Ной, проповедник правды, был готов говорить со своими современниками на месте строительства, где он строил свой чудесный ковчег. Наверняка Моисей и Иисус Навин находили подходящие места, чтобы говорить к огромным собраниям под небесным шатром. На поле у Галгала Самуил закончил свою проповедь при громе и дожде, посредством которых Бог обличил Свой народ и поставил его на колени. Илия стоял на Кармиле и требовал решительности от колеблющегося народа, говоря: «Долго ли вам хромать на оба колена?» И Иона, такое же Божье дитя, его зов предостережения звучал на улицах Ниневии, на всех площадях города он громко говорил: «Еще сорок дней, и Ниневия будет разрушена». Чтобы услышать Ездру и Неемию, «собрался весь народ, как один человек, на площадь, которая пред Водяными воротами». Везде в Ветхом Завете мы находим примеры проповеди на улице.

Наш Господь Сам говорил большинство проповедей на склоне горы, на берегу моря или на улице. Он был действительно проповедником под открытым небом. Он не молчал и в синагоге, но при проповеди на поле чувствовал себя так же хорошо. В Библии нигде нет проповеди, сказанной Им в дворцовой капелле, но зато есть Нагорная проповедь. Самый ранний и Божественный вид проповеди, признанный Тем, Кто «говорил, как власть имеющий», была проповедь под открытым небом. После Его смерти ученики собрались в закрытом помещении. Но чаще всего они проповедовали в преддверии храма или на каком-нибудь месте под открытым небом.

Если бы я мог выбрать себе место для проповеди на улице, я выбрал бы место, где местность легко возвышается, или другую открытую местность, которая ограничена стеной. Конечно, между кафедрой и стеной должно быть достаточно места для слушателей, но я хочу видеть конец территории, а не кричать в бесконечность. Для проповеди на улице я не знаю лучшего места, чем земельный участок моего друга Джеймса Дункана в Бенморе, где не раз проповедовал. Там на ровной поверхности был зеленый покров, за которым виднелись возвышающиеся террасы с елями. Люди могли сидеть или внизу на стульях, или на поросших травой склонах. Так было и в собрании: одна часть церкви — у меня на галереях, надо мной, и другая часть — вокруг меня. Мой голос легко поднимался по склону, и я представил себе: если бы люди сидели за милю от меня, то они без труда слышали бы меня. Я думаю, что любимое место проповеди Весли Гвеннап Пит должно было быть таким же. Понятно, что для проповеди на улице самым лучшим местом были амфитеатры и пологие склоны.

Для каждого смертного, взрослых и детей, свежий воздух в большом количестве очень полезен. Два раза в воскресенье я проповедовал в Блайморе, недалеко от Бенморе, на маленьком холме над побережьем. Причину того, что в Блайморе я не устал, я вижу в том, что никто не боялся сквозняка, так как не было окон, и в том, что крышей служило небо. Я уверен, что на улице можно проповедовать в воскресенье три-четыре раза и при этом не уставать так, как после всего одной проповеди при плохом воздухе, в натопленном помещении, отравленном дыханием людей и защищенном от каждого веяния свежего воздуха.

В Лондоне обязательно нужно больше проповедовать на свежем воздухе. Если некоторым это и не нравится, то другие все же получают бла-

гословение, если только эти собрания проводятся правильно. Если Евангелие проповедуется в духе любви и в истине, то в пользе нельзя сомневаться. Хлеб, который пускают по водам, будет найден после долгого времени. Но истину нужно проповедовать таким образом, чтобы она была ценна для слушателей, сильный шум может только повредить.

Однажды я видел проповедующего человека, единственным слушателем которого была собака. Она сидела на своем хвосте и с умилением смотрела на своего господина. Никто не стоял у окна, никто не проходил мимо, но брат и его собака были на своем посту.

Однажды я даже увидел серьезного чтеца-декламатора, перед которым лежала шляпа, полная бумаг. Но его не слушала даже ни одна собака. Я надеюсь, что это принесло облегчение самому чтецу. Но все же неотъемлемой частью проповеди должно быть, чтобы кто-то ее слушал.

Много лет назад я проповедовал в Кинг Эдвард Роуд в Хэрни, в то время это было открытое место. Каждый раз давка была по-настоящему опасной, казалось, что массам людей нет конца, и если бы их было вдвое меньше, то положение было бы менее опасным. Эта местность уже застроена, как и поля в Брикстоне, где всех слушателей было так хорошо видно. Мне пришлось прекратить проповеди на свежем воздухе, так как собиралось слишком много народу, и начиналась давка. Но все же я считаю проповеди на улице очень важными. Табернакель полон каждое воскресенье. Больше слушателей я не могу пожелать себе, и поэтому проповедую на воздухе только за пределами Лондона. Но для проповедников, которые обслуживают маленький район и круг их слушателей не велик, собрания на улице являются спасительным средством как в Лондоне, так и за его пределами.

Мой друг мистер Абраам устроил для меня рядом с Минсте Лавел в Оксфордшире мощный кафедральный собор, остатки которого еще и сегодня называют «Табернакель Сперджена». Это было прекрасное место для проповеди, поляна в густом лесу около Викильвуда, куда можно было доехать по дороге, проложенной в густом лесу. Я никогда не забуду эти зеленые пути и зеленеющие насыпи. Внутреннее святилище было большим квадратом, в котором были подрублены подлесок и маленькие деревья. Но было оставлено достаточно молодых дубов, чтобы они росли и давали тень. Это был прекрасный кафедральный собор с колоннами и крышей. Во всей Европе я не видел здания, которое можно было сравнить с моим собором. Было видно синее небо, и вечером солнце через «окно» улыбалось мне прямо в лицо. Это было действительно впе-

чатляюще — проводить богослужение под облачным небосводом, вдали от шума города, там, где все вокруг располагало к тихому общению с Богом. Этот лес теперь выкорчеван, и мы собираемся немного дальше. Место очень похожее, только границы создают большие поля, а не лес. Остались только колонны и крыша моего храма, но я рад поклоняться моему Богу под дубами.

Однажды одна голубка построила гнездо прямо над моей головой. И пока я проповедовал, она летала вперед и назад, чтобы кормить своих птенцов. Почему бы и нет? Где она должна чувствовать себя еще более надежно, чем там, где поклоняются Богу любви? Правда, «мой собор» не задерживает воду, и над церковью иногда изливалась не только милость. Но и это имеет свои преимущества, так как делает нас благодарными за каждый погожий день, а когда погода неустойчивая, то больше поводов для молитвы.

Однажды в пору сенокоса я проповедовал на свежем воздухе. Гремел сильный гром, а я говорил на текст: «Он придет к нам, как дождь, как поздний дождь оросит землю». Наверняка мы имели благословение и неприятные ощущения. Я был очень мокрым, и мои слушатели тоже промокли насквозь. Но они выдержали, и я не слышал, чтобы кто-то жаловался на здоровье. Я благодарю Бога, что через эту проповедь души пришли ко Христу. Так промокнуть иногда не вредно, если ты сильно взволнован. Но мы не имеем права планировать чудеса, к тому же так легкомысленно, чтобы больные умирали, а здоровые могли заболеть.

Я еще хорошо помню о том, как я проповедовал в Чедал Клифс. Какое чудесное место! Какая красота и какое величие! Но была опасность, что от сидящих выше на скале на сидящих ниже могли сыпаться камни. Поэтому я бы не проповедовал там еще раз. В конце проповеди я призвал мощные скалы в свидетели, что проповедовал людям Евангелие, чтобы они были свидетелями против них в тот последний день, в случае, если они не примут эту весть спасения. Много лет спустя я услышал об одном человеке, для которого Дух Святой сделал благотворным этот призыв.

Легко проследить, что большие пробуждения обычно сопровождались многими проповедями на открытом воздухе, может, даже вызваны этим. Долгие годы первая ясная весть евангельского учения должна была почти всегда звучать под открытым небом или в зданиях, которые не были построены для богослужений, так как церковь была в руках папства. Это правда, что Уиклифф проповедовал Евангелие в церкви как слово Лютера. А Гус, Иероним и Савонарола одно время говорили

проповеди, в которых уже сияло Евангелие, в рамках церковного заведения. Но как только они стали глубже изъяснять Евангелие, их вытеснили на другие пьедесталы.

Когда реформация только начиналась, ее не принимали как новорожденного Христа, она не имела места, где бы склонить голову. Но братья, подобные небесным воинствам, проповедовали эту весть под открытым небом, где пастухи и простые люди с удовольствием слушали их. Во всей Англии еще и сегодня стоят евангельские дубы. В Эдлестоне в Суррее я сам проповедовал под зеленым шатром старого дуба, под которым во время своей остановки в Англии проповедовал Евангелие Джон Кнокс.

Много лет назад я проповедовал в Бристоле на открытом воздухе. Особенно интересным для меня при этом было, что я пережил то же, что задолго до этого пережил там Уайтфильд. После одной своей проповеди перед горняками Кингсвуда он сказал: «Первым признаком того, что Слово Божье коснулось их, были белые полосы от слез, которые обильно текли по их щекам, так как они пришли на богослужение прямо из шахты». Моими слушателями были моряки и горняки — мужчины с черными лицами, и когда я начал говорить о деле спасения Христа, я увидел, как по их щекам текли слезы. Они поднимали руки, как будто хотели что-то вытереть с лица, но в действительности они хотели скрыть свои слезы. Я был очень растроган, увидев, как души суровых мужчин сокрушались Евангельской вестью, и я вполне согласен с тем, что писал Уайтфильд о таких богослужениях: «Высокое небо надо мной, огромные поля передо мной и тысячи тысяч людей — некоторые в повозках, на лошадях, другие на деревьях, и так часто все в слезах — и к тому же иногда торжественность наступающего вечера — это было почти больше, чем я мог перенести. А иногда это просто захватывало меня».

Чтобы дополнить то, что Сперджен сам писал о своих проповедях под открытым небом, многие друзья из различных мест страны писали свои воспоминания о незабываемых богослужениях, но здесь могут найти место лишь немногие.

Один восторженный брат из Уэльса составил список собраний под открытым небом, на которых проповедовал Сперджен в Уэльсе. На многих они произвели сильное впечатление. Число людей было огромно, так что было трудно точно установить число участников. Об одном собрании говорится: «Сперджен думает, что было двадцать восемь тысяч

человек». О другом же собрании: «Людей было около тридцати-пятидесяти тысяч, Сперджен думал, что их было двадцать пять тысяч».

Д. А. Додни, 53 года издававший «Госпел мэгэзин», сообщает о собрании 12 июля 1859 года, когда Сперджен два раза проповедовал в красивой долине в большом собрании:

«Мы были собраны в славной долине. Она была окружена лесистыми холмами, и на этом собрании было совершенно тихо. Солнце, ярко светившее целый день, зашло на западе. Громадная толпа людей, которые, не отрываясь, слушали молодого проповедника, была незабываемой. Хотя днем Сперджен говорил с большой силой, он сейчас так использовал свой прекрасный голос, что каждый должен был ясно понять его. Я не заметил, что на этом месте было ясное эхо. Но проповедник это явно заметил, и он использовал его очень действенно: когда он пришел к концу своих последних призывов, он воскликнул очень обдуманно и уверенно: «Да, даже сама природа подтверждает и повторяет это приветливое приглашение, так как и она говорит все снова и снова (здесь он возвысил свой голос до высшей точки и воскликнул с удивительной силой голоса): Приди — приди — ПРИДИ». И тут же эхо над холмами принесло эти слова назад, они звучали над тихим собранием все снова и снова, пока медленно не затихли: «Приди — приди — приди». Это произвело большое впечатление на слушателей и, наверное, ни один из них никогда не забудет этого момента».

Уильям Каф писал об одном богослужении на поляне вблизи Наунтона, в 18 милях от Челтхэма. «Я был еще молодым, только что покался. Конечно, я слышал об этом знаменитом человеке, и полный любопытства и ожиданий, пошел послушать его. Богослужение проходило на красивой поляне, через которую протекал Наунтонский ручей. Была прекрасная погода, и люди приходили отовсюду, люди разных слоев. На полях была остановлена работа, многие приходили в рабочей одежде. Везде были привязаны лошади, и дорога казалось заблокированной всеми видами повозок, от четырехколесных ломовых телег до покрытых одноконных экипажей. Одна ломовая телега служила кафедрой. Задолго до начала собрались тысячи людей. Мы были полны ожидания, и поэтому молились о том, чтобы могучая спасающая рука была над проповедником и слушателями. Один пожилой человек рядом со мной молился почти все время, пока мы ждали. Когда Сперджен встал, чтобы начать, старый христианин сказал вдохновенное «Аминь» и «Господи, помоги ему». Я был в восхищении.

Я никогда не забуду звучание и тон этого прекрасного и все же сильного голоса, когда меня достигли слова «Будем молиться». Людей объяла глубокая и святая тишина. Молитва была простой, короткой и мощной. Слышно было каждое слово, чувствовался каждый тон. Она подняла людей ближе к Богу и превратила поляну в Божий дом. Грешники должны были дрожать, а святые — ликовать от присутствия силы Божьей. Но молитва была спокойной и сдержанной, так же как и проповедь. Сперджен не выглядел взволнованным, он был таким же, как всегда, мастером каждого собрания. Текст и объяснение были очень сильным, но при этом все было просто и без пафоса. Затем еще одна молитва, не длинная, но с настойчивой просьбой, чтобы здесь и сейчас были спасены души. Затем Деян. Ап. 14,9-10: «Он слушал говорившего Павла, который, взглянув на него и увидев, что он имеет веру для получения исцеления, сказал громким голосом: тебе говорю во имя Господа Иисуса Христа: стань на ноги твои прямо. И он тотчас вскочил и стал ходить». И проповедь на этот текст.

Как он проповедовал! Его великолепный и звучный голос звучал мягко и приветливо, он звучал над слушателями в своем благозвучном ритме, то сильнее, то тише. Его голос захватывал слушателей и приводил массы в движение, летел над травой, а холмы Божественной властью возвращали этот тон назад в долину. Быть там — это было небо на земле. Теперь остались только воспоминания. Но как они живы! То, что я пережил, достигло глубины моей души, и в тот момент я обещал, что, если это только будет возможно, буду проповедовать Иисуса Христа».

36. Библейская школа для проповедников, 1861-1878

В 1861 году студенты переселились из дома Георга Роджерса в классные комнаты Табернакеля. Сперджен очень скоро понял необходимость открыть своей церкви всю важность работы библейской школы. В воскресенье утром, 19 мая 1861 года, Сперджен напомнил цель жертвенного сбора и сказал:

«Видимо, очень желательно, чтобы я сказал немного об организации обучения молодых братьев для духовного служения. Пять или шесть лет назад один молодой брат произвел впечатление, что может стать успешным проповедником, если получит образование. С помощью двух

друзей я решил принять его, позаботиться о нужных занятиях и обучить его для духовной работы. Этот брат показал себя способным, и я принял еще одного, и еще, и еще. До сего времени я был одновременно и руководителем, и секретарем, и казначеем, и жертвователем. Кроме одного или двух раз, я не упоминал об этом деле. Я был готов брать из моих доходов все средства, без которых мы могли обходиться в моем доме, и отдавать их для того, чтобы всех подходящих молодых братьев, которые встречались мне, обучить как будущих служителей креста Христова. Семь из них уже совершают служение, все очень успешны. Они, может быть, никогда не станут знаменитыми, но они стали хорошими проповедниками. Я думаю, что во всем Союзе баптистов нет других семерых проповедников, которые за годы своего служения привели бы так много людей к вере и в церковь. Их церкви — в селах, а не в городах.

Бог так вел меня, что я увеличил число студентов, так что их теперь примерно шестнадцать, и их надо содержать и учить. К тому же там целый ряд братьев, которые днем работают, а вечером учатся. Так как мы сейчас имеем больше места, я предлагаю, чтобы все члены церкви, у которых недостаточное школьное образование, могли получить здесь общее английское образование. Если они будут иметь способности проповедовать, то для них, без отрыва от работы, должны быть созданы классы для дальнейшего обучения. Если же они чувствуют, что избраны Богом на духовное служение, и если они по моему мнению и мнению друзей, подходят для этого служения, то я готов, чтобы эти люди два года обучались отдельно, с тем чтобы в последующем могли проповедовать Слово Божье. Я знаю, что я призван на это служение, и иногда Божественное провидение неожиданным образом заботилось о моих нуждах».

После этой информации была собрана приличная сумма для работы библейской школы, и церковь открыто поддержала своего пастора в этом труде. 1 июля 1861 года в конце собрания церкви это было выражено следующими словами: «Это доброе дело до сих пор было служением для Господа некоторых людей, а не служением, в котором бы принимала участие вся церковь. Но здесь церковь признает это служение как часть своего служения Богу, обещает финансовую помощь и серьезную непрестанную молитву».

Сперджен, директор библейской школы, часто говорил о нем как о «своем первенце, любимом ребенке». Вот собственное сообщение Сперджена:

«Для нашей библейской школы это большая помощь, что она связана с активной и живой христианской церковью. Если связь с такой церковью не заставит сильнее биться духовный пульс студента, тогда это его собственная ошибка. Это серьезное бремя для духовной жизни студента, если ему во время учебы недостает общения с церковью и опытными христианами и он не ищет труда в церкви. В школе наши братья могут каждый день встречаться для молитвы, они могут посещать ежедневные собрания церкви и участвовать в ее работе. Через жизнь в церкви, которая, несмотря на ошибки, есть поистине живой, усердный и действенный организм, они получают новые познания и добрые привычки. Какое преимущество — видеть работу по организации церкви такого масштаба и иметь совместную молитву и любовь друг ко другу! Это должно послужить большим толчком для человека, который имеет правильный настрой.

Мне приятно, когда я слышу, как студенты говорят, что их предостерегали, чтобы они во время учебы не утратили духовную жизнь. Напротив: через их общение друг с другом и со многими благочестивыми братьями и сестрами, их смирение стало глубже. Рамки, в которых работает наша школа, особенно способствуют росту в благодати, и мы счастливы, что она имеет такие рамки.

Что мои первые студенты без труда нашли место для служения и как приобретатели душ имеют успех, ободряет меня принимать еще больше студентов; но их содержание я оплачивал из своего бюджета. Добрый отклик моих проповедей в Америке и экономное ведение хозяйства моей женой дали мне возможность отдавать любимой работе от шестисот до восьмисот фунтов. Но так как я осуждал тогда рабство в Штатах, все мои доходы из этого «озера Крит» высохли. Сколько мог, я платил из своих доходов, и решил отдать все, а конец моих средств расценить как голос Господа, чтобы закрыть школу, так как я твердо убежден, что делать долги нет основания. Один раз я дошел до того, что хотел продать лошадь и повозку, хотя они были очень нужны для моего служения проповедью. Мой друг, мистер Роджерс ничего не хотел даже слышать об этом, желая лучше самому иметь убыток. Тогда я рассказал об этом деле своим людям, были недельные сборы, но они приносили так мало, что о них едва ли стоит говорить. У меня был еще один фунт, когда пришло письмо из одного лондонского банка, что одна дама, имя которой я никогда не узнал, заплатила двести фунтов на дело обучения молодых братьев для духовного служения. Как подпрыгнуло от радости мое сердце!

В то время и потом я полностью доверился доброй заботе Господа, Которого я от всего сердца хотел прославить этой работой. Несколькими неделями позже в этом же банке мы получили другие сто фунтов от другого даятеля. Вскоре после этого один дякон из церкви Табернакеля начал обеспечивать слушателей школы средствами на еду. По поводу издания моей пятисотой недельной проповеди мои великодушные издатели Пассморе и Алабастер дали пятьсот фунтов. Каждый месяц школа росла, быстро росло число студентов. Знакомые и незнакомые друзья вдалеке и вблизи давали немного или много, и так с ростом нужд школы рос и ее доход. Затем еще один дякон сделал своим специальным служением недельные сборы, которые стали источником постоянных доходов. В эти годы были тяжелые испытания моей веры. Но после временной скудости (настоящей нужды не было), Господь всегда помогал и посылал большие суммы (однажды даже тысячу фунтов) от незнакомых людей».

В основном все молодые братья — слушатели библейской школы — стремились как можно лучше использовать время. Но был у нас и ленивый студент, который пытался уклониться от работы. Из-за непонимания своих преимуществ, которые были даны ему, он особенно выделялся. У него было переживание, которое могло сделать его серьезным и мудрым человеком; но я твердо убежден, что оно никак не повлияло на него. Когда другие братья, жившие в том же доме, готовились к занятиям, он часто мешал им вопросами по переводу простых слов, которые он сам бы мог выучить. Когда он спросил одного брата перевод слова *омнибус*, тот решил отучить его этой привычки. Этот шутник сказал ему: «Это очень просто: *ом* = 26, *бус* = носить, значит, *омнибус*, который может везти 26 человек. В каждом *омнибусе* ты видишь табличку, что он может поместить 26 человек».

На следующий день мистер Гракей вызвал ленивого студента перевести абзац, в котором было это слово. И он так перевел *омнибус*, как его научили. Результат можно себе лучше представить, чем описать... Этот человек был очень ленивым на данном поприще, но зато в другом отношении он был слишком разумен, так как в одно время совершил помолвку сразу с тремя молодыми дамами. Я пригласил его к себе, чтобы объяснить ему, что он должен решить свой вопрос, и надеялся, что две другие дамы подадут на него в суд, но ничего не случилось. Ему казалось, что он оказывает церкви хорошую услугу, но потом он все же оставил нас.

С дяконами, которые искали проповедников для своих церквей, у меня были веселые случаи. Один просил меня послать студента, кото-

рый «может заполнить капеллу». Я ответил, что у меня нет такого большого, и добавил, что это задача церкви — заполнить зал. Но я могу послать одного брата, который постарается сделать самое лучшее, чтобы заполнить кафедру и верно проповедовать Слово Божье. В своем следующем письме этот дьякон объяснил, что именно такого хочет церковь. Он просто не совсем правильно выразился.

Руководители маленькой сельской церкви просили меня об одном пастыре. Но содержание, которое они были готовы платить, было так низко, что на их запрос я ответил: «Единственный, кто знаком мне, и который мог бы жить на такое содержание, — это ангел Гавриил. Он не нуждается ни в одежде, ни в деньгах. Каждое воскресенье он мог бы спустаться с неба и вечером возвращаться. Я предлагаю вам взять проповедником его».

Дьякон другой церкви, которая искала пастора, послал мне такой длинный список необходимых талантов, которые должен иметь этот человек, что я повелел им взять большой лист пекарской бумаги и вырезать проповедника желаемого образца. Они могут и пометчать о желаемых качествах, и вспомнить прошедшие служения выдающегося доктора богословия, который уже целый ряд лет в вечности, так как я не могу себе представить никого, кто бы мог удовлетворить все запросы этой церкви и ее дьяконов. Как и тот дьякон, он снова написал мне письмо. Оно было более разумным, чем первое, и я мог предложить ему брата, которым церковь осталась очень довольна.

Что касается кандидатов для духовного служения, то в отношении многих я должен был сделать вывод, что вряд ли стоит удовлетворять их желание быть пастором. Это большая ответственность. Конечно, я не могу решать, кто будет пастором. Моя цель только в том, что я должен установить, поможет ему библейская школа осуществить его желание или нет. Некоторые наши приветливые соседи упрекают меня, что у меня фабрика пасторов, но это неправда. Я никогда не пытался сделать человека духовным работником, и даже если я попытаюсь, то у меня ничего не выйдет. Я не принимаю в школу никого, кто еще нетвердо стоит в духовном служении. Было бы правдоподобнее, если бы меня называли «убийцей пасторов», так как значительное число кандидатов благодарят меня за ранний конец их карьеры. И меня за это совсем не терзает совесть. Часто это было тяжелой работой — разочаровать полного надежд молодого человека, просящего принять его в школу. Мне

сердце всегда направлено к большему снисхождению, но моя ответственность по отношению к церквам заставляла применять строгие мерки. Если я после беседы с кандидатом, чтения его рекомендации, его ответов на мои вопросы был уверен, что Господь не призвал его, тогда я должен был ему это сказать.

С одним кандидатом у меня было необычный случай. Его пастор передал с ним незаклеенное письмо, в котором дал ему хорошее свидетельство, говоря, что он избран на духовное служение. Но в другом письме, которое я получил по почте, тот же самый пастор писал, что этот молодой человек никогда не сможет стать проповедником, и он написал ему рекомендацию только потому, что его отец — ведущий дьякон церкви и он боится обидеть его, если скажет правду. Я нашел несправедливым возлагать на меня такое бремя — отклонить этого молодого человека. Поэтому, когда он пришел, я отдал ему письмо, и предоставил ему и его отцу урегулировать свой вопрос с их пастором.

Физические недостатки некоторых способных братьев ставят под вопрос их пригодность. Я не хочу судить о людях по их внешнему виду, но физическое состояние брата очень важно для его служения, и я уверен, что всезнающий Творец не сотворил человека со слишком маленькой грудной клеткой и плечами, которые почти касаются друг друга, для регулярного проповедования. Если бы Он захотел, чтобы тот регулярно открыто проповедовал, Он дал бы ему такую грудную клетку, которая позволила бы ему иметь голос нужной широты и диапазона. Человек, который не может без боли сказать до конца предложение, едва ли избран громко кричать не переставая. Братья с неправильно сформированным ртом и изъятиями в речи обычно не подходят для проповеди Евангелия. То же самое касается для братьев без нёба или с несовершенным нёбом.

Однажды в библейскую школу просился один брат, у которого подбородок двигался туда-сюда, что для него было неприятно и больно, и придавало ему очень комичный внешний вид. Пастор рекомендовал его, как святого молодого человека, через которого уже некоторые пришли ко Христу, и он надеялся, что я приму его. Но я смотрел по-другому. Я бы не мог смотреть на него во время проповеди без смеха, и думаю, что девять из десяти его слушателей были бы еще чувствительнее меня. Мне также выпала трудная задача — отклонить человека с большим языком, который заполнял весь его рот, что делало его голос непонятным, другого — без зубов, одного заикающегося и одного, который не мог выговаривать все звуки, так как Бог не дал ему нужного физического здоровья.

Один брат — нет, десять, двадцать, сто братьев — были уверены, что они избраны на служение, так как не могли усвоить все другие специальности! Типичный пример:

— Вначале меня определили в бюро юриста, но я не мог переносить тесноту и не смог выучить законы. Божье провидение закрыло мне дорогу, так как я потерял место работы.

— И что вы тогда сделали?

— Мне посоветовали открыть овощной магазин.

— Вы были успешны в этом?

— Ну, я не думаю, что родился для работы в торговле. И там, казалось, Господь препятствует мне, меня постигли большие трудности. После того я немного поработал как представитель бюро страхования жизни, также пытался открыть школу и некоторое время продавал чай, но казалось, что для меня закрыты все пути, и что-то вызывает во мне такое чувство, что я должен быть проповедником.

Тогда мне пришлось ответить ему:

— Ах да. Во всем вы потерпели неудачу, и думаете теперь, что Господь особенно наделил вас дарами для служения. Но я боюсь, вы не обдумали, что для этого служения нужны очень способные люди, а не те, которые ничего другого не могут делать.

Успешный проповедник мог бы наверняка быть и успешным продавцом овощей или юристом. Действительно хороший проповедник был бы хорошим в любой профессии. Если кто-то хочет много лет сохранить церковь и быть ей в благословение на сто воскресений подряд, тогда едва ли найдется что-то другое, чего он не мог бы сделать. Он должен иметь много разных способностей и ни в коем случае не может быть глупым или бестолковым. Иисус Христос достоин, чтобы Его Евангелие проповедовали лучшие, которые вникают в себя и в учение, и занимаются этим постоянно.

Я в действительности верю, что некоторые имеют в своем мозгу углубление там, где вообще-то должен быть бугорок. Один молодой человек усиленно старался быть принятым в школу, но его разум имел такие необычные извилины, что он все делал неправильно. Он даже написал книгу, и когда я читал ее, тут же установил, что все истории и сравнения он взял у меня. Но он ни одну историю не рассказал так, как должно. Пересказывая истории, он каждый раз заботливо упускал самое главное — о чем шла речь. Конечно, я был рад не иметь этого брата в нашей школе.

Наряду с братьями, которые стремятся попасть в библейскую школу, есть и такие, которые спрашивают совета, проповедовать им или нет. И часто я чувствовал себя в роли Дельфийского оракула, так как не хотел дать неправильный совет и вообще едва ли мог дать его. Один брат писал мне, что пастор сказал ему, чтобы он не проповедовал. Но он чувствует, что должен проповедовать. Я думал, что следующий ответ был бы правильным, и написал ему: «Мой брат, если Бог открыл вам уста, то дьявол не может закрыть их, если же дьявол открыл их, тогда я буду просить Бога, чтобы Он тут же закрыл их». Одно время я проповедовал за пределами Лондона. После богослужения ко мне подошел молодой человек и поблагодарил за ободрение проповедовать дальше. Я сразу не понял, кто он, и он напомнил мне первую часть моего ответа: «Но, — сказал я, — я же написал вам, если дьявол открыл ваши уста, то пусть Господь закроет их». — «Да, — воскликнул он, — но вторая часть вашего ответа не касалась меня».

С самого начала я заботился о том, чтобы студенты изучали естественные науки, и многие позднее благодарили меня за это — не только за знания, полученные ими, но за огромное поле примеров, распространенное перед ними. Астрономия давала особенно хороший иллюстрационный материал для истин Писания. Но и для самих студентов эти занятия были в помощь. При этом я особенно думаю об одном брате, относительно которого мы, в конце концов, сделали вывод, что у него мало что останется в голове. Мы отказались от него. Но, несмотря на это, я дал ему маленькую книгу «Юный астроном». После он сказал мне, что при чтении этой книги ему показалось, как будто в его голове что-то открылось или как будто там что-то отрегулировалось. И на самом деле, он начал подтягивать все предметы. У меня создалось впечатление, что его череп расширился, и то, что он должен был пережить в детстве, удивительная сила совершила теперь — от занятий астрономией раскрепостились его мысли.

Я заметил, что некоторым студентам, которые, казалось, даже не усваивают основы естествознания, Дух Святой открывает Слово Божье, и они ясно понимают истины. Когда мы читали одну главу старой книги отцов пуританства или погружались в глубину богословия, эти братья давали самые лучшие ответы во всем классе. И если мы занимались спорными темами, тогда они тут же побеждали своих противников, так как действительно знали Слово Божье. Дух Святой научил их понимать истины Писания как нельзя более лучше.

Примерно четырнадцать лет проводились занятия библейской школы в различных помещениях Табернакеля, но этого было недостаточно для растущего числа студентов. В 1870 году мы приобрели участок земли у англиканской церкви вблизи Табернакеля. В своей типичной манере Сперджен сообщил на годовой конференции, что он приобрел сад англиканского пасторского дома за Табернакелем, чтобы выращивать там баптистов. Здание школы стало важной частью Табернакеля. Вместе с мебелью оно стоило пятнадцать тысяч фунтов, которые Сперджен собрал почти в одиночку.

До конца 1878 года библейская школа выпустила более пятисот студентов. Из них двадцать пять уже умерли. Из четырехсот пятидесяти, которые трудились баптистскими пасторами, евангелистами и миссионерами, почти триста заполнили высланные статистические формуляры. Они крестили 3600 человек, и их церкви за последние четырнадцать лет выросли до 33.319 членов. Выпускники школы нашли свою дорогу во всех четырех направлениях света, и молитва Сперджена, чтобы возрос миссионерский дух, была услышана, так как некоторые поехали в Индию, Китай, Японию, Африку, Испанию, Италию, Западную Индию и в Южную Америку. К тому же немалое число трудились в Австралии, Новой Зеландии, Канаде и США.

Даже во время отпуска, когда Сперджен искал покоя и новых сил, он был связан со студентами. Так, в 1874 году он писал из Ментоны:

«Возлюбленные братья,

и в моем отсутствии я не перестаю думать о вас, так как вы все в моем сердце, вы — надежда церкви, будущие благодетели мира. Я уверен, что все вы добросовестно учитесь и не теряете ни минуты. Время вашей учебы так коротко, и от вас так много требуют и ожидают, потому я умоляю вас: будьте мужчинами! Всякое использованное мгновение ценно, и позднее оно окупится во сто крат. Мы имеем дело с непреходящими противниками. Они вооружены и обучены. Мы все надеемся на Господа и идем в сражение только с пращами и камнями; но с этими пращами мы должны очень долго упражняться, чтобы точно попадать в цель. Рука, которая бросила камень между бровей Голиафа, была очень умелой. Пусть дьявол не разочаровывает вас, если он хочет уговорить вас спокойно лечь и отдыхать, так как Господь действует. Я думаю, что самый последний из вас не поступит так.

Братья, твердо стойте ради Господа на высокой духовной ниве, и да

сделает вас Дух Святой способными к этому! Живите в Боге, чтобы вы могли жить для Бога! Пусть церковь видит, что ее студенты — избранные братья. Я надеюсь на то, что в мое отсутствие вы всеми силами всегда помогаете на разборах Библии и евангелизационных собраниях. Ничто не принесет мне большей радости, чем подтверждение того, что некоторые из вас Господь привел к тому, чтобы замещать меня в служении.

Мне уже лучше. Здесь, в непрекращающейся весне, где постоянно вянут и вновь цветут цветы, мягкий летний воздух действует как елей на мои кости.

Приветствую всех сердечной любовью, и особенно — ваших учителей и уважаемого ректора! Ему и всем вам — наилучшие пожелания! Мой дорогой брат будет для вас всем тем, чем обычно был я, и вы будете молиться за него, как и за меня.

Ваш любящий друг

Ч. Г. Сперджен».

37. Благословение от напечатанных проповедей

Редко проходит день, чтобы не было писем, которые приходят из разных мест, даже от края земли, и приносят мне добрые вести, что через одну или другую напечатанную проповедь были спасены души.

В этой главе можно поместить только маленькую часть рассказов о благословениях, которые вызвали напечатанные проповеди Сперджена. Об этих благословениях так много сообщений, что ими можно заполнить целую книгу.

Об одном из них сообщается в протоколе при открытии Табернакеля, 20 ноября 1861 года:

«Брат Уилсон прочитал выдержки из письма своего отца, который живет в Аукланде, в Новой Зеландии. Вот кратко, о чем он пишет: Проповеди нашего пастора регулярно читаются мистером Уилсоном и некоторыми друзьями, и Богу было угодно, чтобы через них покаяться 11 человек — четверо местных жителей и семь европейцев. При этом проповедь «Только Иисус один» послужила особенно большой помощью. Среди местных жителей розданы пять тысяч экземпляров этих проповедей, переведенных на их язык. Мы строим в городе баптистский молитвенный дом. Церковь просит молиться за наших друзей в Новой Зеландии».

В то время Сперджен и не подозревал, что один из его сыновей — ему было тогда семь лет — будет проповедовать Слово Божье в Аукланде, построит там большой молитвенный дом и затем будет избран последователем своего отца в Табернакле в Лондоне!

Сперджен всегда с глубокой благодарностью вспоминал великодушный труд, который совершал для дела Божьего оставшийся неизвестным господин на другом конце земли, печатая проповеди в Австралии и других колониальных газетах. На эти проповеди мы получили сотни отзывов из всех частей Австралии и Новой Зеландии. Некоторые приходили от людей, которые жили в захолустье и с нетерпением ожидали эти еженедельные проповеди, как повседневную пищу. В некоторых случаях проповеди Сперджена помогали одиноким верующим, в других случаях собирались маленькие группы, и один из них читал проповедь, сказанную за много тысяч миль отсюда, но которая, если ее повторяли, была свежей, как и тогда. Многие письма приносили добрую весть, что необычные проповеди послужили для спасения душ. Среди них были большие трофеи благодати Божьей, о двух мы сообщим здесь.

Один мужчина писал из удаленного района Виктории:

«Больше пяти лет я был бродягой. Я был в дороге уже несколько месяцев и в дороге искал работу. Как-то я зашел в придорожную гостиницу, чтобы что-нибудь выпить и отдохнуть, так как сильно устал. На буфетной стойке лежала газета, в которой была проповедь Сперджена на текст: «Возвратитесь, дети-отступники, говорит Господь, потому что Я сочетался с вами». Во время чтения мой интерес все возрастал. Проповедь точно описывала мою ситуацию. Я понял, что абсолютно погиб, что я грешник самого ужасного сорта, и в то же время проповедь так побудила меня искать милость и мир под крестом, что я просто не мог противостоять.

Когда я оставил гостиницу, я твердо решил никогда больше не переступать такой порог, только лишь в том случае, если меня заставят обстоятельства. С этого момента я чувствовал мир в сердце, которого не знал никогда раньше. Я ежедневно читаю Слово Божье и, когда только возможно, посещаю богослужение. Хотя я был англиканином, я всего один раз посетил богослужение после того, как приехал в Австралию.

Я знаю, что проповеди в сельских местностях читаются очень многими. Я сам каждый раз жду эту газету — мой шеф дает ее мне взаимы — как вестник радости и утешения».

Из другой части Виктории пришло другое письмо:

«Я уже 16 лет в колонии, и за это время три раза был на богослужении, и то по случайности. Здесь, в колонии я приобрел ужасную привычку пить, и иногда был, как говорят люди, две или три недели в запое. В последнее лето запои захватывали меня по два раза, началась белая горячка. Неспособный ни сидеть, ни стоять, ни лежать, ни бежать, я схватил газету, и мой взгляд упал на проповедь Сперджена, что в Иисусе мы имеем все. Я читал, и скоро у меня на глазах выступили слезы, и от стыда я закрыл лицо руками. Когда я прочитал всю проповедь, то обратился ко Христу, чтобы Он освободил меня от ужасного бремени греха. И, к моему удивлению, белая горячка прошла как тяжелая роса в летнее утро. Из-за долгого запоя я был еще очень слаб, но был счастлив. И я могу сказать, что никогда в своей жизни не переживал такого мира в сердце».

Спустя много лет, когда Томас Сперджен был в Гилонге, пришел писавший это письмо и вытащил из своего кармана помятую, поблекшую газету, которую Дух Святой использовал как орудие его покаяния.

Однажды обрывок австралийской газеты совершенно необычайным образом стал благословением для одного пастуха. За несколько миль от Баллараха он пас овец и поднял кусок недельной газеты, которую откуда-то принес ветер. Он прочитал пару случайных строк, они заинтересовали его, и он увидел, что с интересом читает проповедь Сперджена. «Если бы я знал, прежде чем начал читать, что это проповедь, я бы не поднял этот листок». Но теперь пастух хотел знать, что будет дальше. То, что он читал, привело его к размышлению. Он сохранил листок, и глубоко потрясенный читал его все снова и снова. В конце концов, через этот листок он нашел путь ко кресту. Уже много лет человек не посещал богослужения, и пока ветер не пригнал к его ногам этот листок, он не беспокоился о своей душе. Теперь он всегда, когда только возможно, посещает баптистскую церковь. Из-за своей работы в захолустье он редко имеет это наслаждение, но он получает недельные проповеди, которые радуют и утешают его, принося духовную пищу.

Однажды Сперджену сообщили еще об одном удивительном случае. Вещи в посылке, которую жена хозяина гостиницы в Англии получила из Австралии, были запакованы в газету, в которой была проповедь, сказанная в столичном Табернакле. Женщина прочитала проповедь и приняла Иисуса Христа как своего Спасителя. Это показывает, как прав Ковпер, сказав:

Как тайно действует Бог,
Чтобы совершать чудеса.

Однажды Сперджен использовал сообщение, как одна из его напечатанных проповедей стала благословением, вызвав отклик у своих слушателей в Табернакле.

В воскресенье утром, 7 июля 1867 года, он проповедовал о том, что Иисус освобождает от грехов, и закончил свою проповедь следующими словами:

«Позавчера я услышал нечто, что меня очень обрадовало. На встречу верующих, которая недавно состоялось в Чикаго, приехал человек с дикого Запада, который просил миссионера для нового региона. Причина, которую он указал, была: люди этой местности по воскресеньям читали мои проповеди, и больше двухсот человек покалялись. Когда я услышал это сообщение, то очень обрадовался, но и подумал: «Сколько среди нас тех, которые слышат эту проповедь из первых рук и все же не получают благословения». И я думал также о некоторых среди них, которые много лет слушают меня, и я был верен им — Бог, во всяком случае, знает, что я хочу быть верным, — а они все еще в узах горечи и неправды. За далекой Атлантикой эхо моих слов вызвало людей из могилы грехов к жизни во Христе, а вы, хотя охотно слушаете меня, в глубине своей души еще не поняли мой голос. Должно ли это так остаться?

У некоторых, я боюсь, это так и останется, так как я уже сейчас вижу их гибель. Они пойдут в ад со звуками Евангелия в своих ушах, и когда они проснутся в глубине ада, печальная правда, что они знали Евангелие и отклонили его, сделает их вопли еще сильнее. Как вы хотите избежать этого, отклоняя великолепное спасение, которое так велико, что ангелы не могут охватить его и язык людей в лучшем случае молчит, когда они говорят об этой славе? Почему вы хотите отклонить это спасение, которое так близко к вам? Почему ваше сердце так упрямо? Почему закрыты ваши уста? Пусть вечный Дух Святой приведет вас в этот час к Иисусу. Ему да будет слава во всю вечность! Аминь».

Едва ли менее удивительно следующее свидетельство:

«Одна женщина из Шотландии решила больше не иметь ничего общего с религией. Поэтому она бросила свою Библию и все христианские трактаты, которые можно было найти в доме, в огонь. Один трактат выпал из огня, она подняла его и снова бросила в огонь. Он опять выпал, и она снова бросила его туда. И вновь ее злое намерение потерпело неудачу, на этот раз трактат сгорел только наполовину. Она взяла кусок трактата, который не хотел гореть, и воскликнула: «В нем должен быть дьявол, что он не хочет сгорать». Ей стало интересно и она начала

читать, и этот кусок бумаги стал орудием ее спасения. Этот трактат был проповедью из серии «Кафедра столичного Табернакеля». И на самом деле, и женщина, и проповедь были спасены, но «как бы через огонь».

Из Квебека в Канаде Сперджен получил такое благодарное письмо:

«С тех пор, как я прочитал проповедь, которую вы уже давно говорили на текст: «Веруй в Господа Иисуса Христа, и спасешься» (№ 293) и в которой вы описали большие грехи неверия, я почувствовал желание написать вам, чтобы через это укрепить ваши руки и чтобы вы знали, что ваша работа не напрасна, так как я один из тех, которые могут засвидетельствовать, сколько добра принесла эта и другие проповеди. Прежде, чем мы оставили Шотландию, мой отец всегда покупал ваши проповеди, а также газету «Уста и меч», и так как считал их очень полезными, то заботливо сохранял их. Больше года назад брат послал мне одну из этих старых проповедей, я прочитал ее, и — слава Богу — когда я читал упомянутую проповедь, мои глаза открылись, и я нашел мир через веру».

Долгое время проповеди Сперджена полностью или отрывками выходили в газете «Христианский вестник». В Глазго один из читателей этой газеты, получив от них благословение, подписал свое письмо: «Ваш любящий сын в Иисусе», в письме он писал Сперджену:

«Примерно два года назад в «Христианском вестнике» появилась ваша проповедь «Повеление — искать дом». Я уже давно искал. Когда я в эту среду получил вашу проповедь, то пошел на улицу, чтобы почитать ее. Как серьезен я был в этот вечер! Убедившись, что рядом со мной никого нет, я встал на колени и кричал к Богу в молитве, и Он так вел меня, что я просил об одном, — чтобы проповедь Сперджена была в этот вечер средством для спасения моей души. Я открыл этот листок и стал внимательно читать проповедь. Дух Святой укреплял меня. Когда я прочитал проповедь до половины, Он объяснил мне, что препятствием для моего покаяния является искание чего-то таинственного, сложного, скрытого, а на самом деле вера очень проста и доступна. Я еще раз начал читать сначала, твердо решив просто читать. Тогда я увидел, что мои проблемы исчезают одна за другой, и сама вера стала фундаментом, на котором я увидел единственное, что осталось: красивый, прекрасный, любящий образ израненного Эммануила. Христос был везде, а меня самого уже не было, так как я был уже новым творением. Как я благодарен Богу за эту проповедь Сперджена!»

Проповеди вели к Спасителю не только грешников; часто они вели назад к Господу оступившихся людей, и точно также они часто утешали

и ободряли людей в их внутренней нужде. Из Виктории (Австралия) одна дама написала следующее благодарное письмо:

«Дорогой господин, уже давно я хотела написать вам. Двенадцать лет назад я потеряла своего маленького мальчика. Все казалось темным, ничего не приносило мне утешения. Даже Слово Божье, которое раньше было опорой в моих нуждах, перестало успокаивать меня. Одна подруга принесла одну из ваших проповедей и прочитала ее мне. Название проповеди я уже забыла, но она говорила о том, что все исходит от Бога и что случайностей не бывает. Во время чтения я едва осмеливалась дышать. Я только могла говорить: «Читай дальше, читай дальше». Когда она закончила, я вскочила с дивана и сказала: «Все в порядке, благодарение Богу, моя темная душа стала вновь совсем светлой». С тех пор у меня были подобные и другие трудности, но я могла от всего сердца сказать: «Да будет воля Твоя, все в порядке». И тогда мой муж выписал ваши проповеди, которые мы получаем еще и сегодня. Каждый воскресный вечер мы читаем одну из проповедей для всех, кто хочет слышать ее, а затем передаем ее дальше. Мой дорогой господин, проповедуйте дальше о том, что вы переживаете. Для нас было большим утешением, что вы часто переживаете так же, как и мы».

Это только правильно, что проповеди Сперджена, которые для многих читателей стали благословением, однажды послужили благословением и для него самого.

«Однажды я нечто понял совсем необычным образом. В то время я чувствовал себя очень усталым и печальным, на сердце было тяжело. Я сомневался, радуюсь ли я действительно тому, о чем проповедую другим. Мне казалось ужасным — быть за столом Евангелия гостем, а не служителем. Я поехал в маленький город в сельской местности и в воскресенье посетил капеллу методистов. Руководитель богослужения был механизатором. Он прочитал из Священного Писания, помолился и начал проповедовать. Я заплакал, не в силах сдержать слезы, каждая фраза проповеди глубоко волновала меня. Я чувствовал, что мои проблемы разрешились, так как Евангелие было ясно и дорого для меня, и я видел это, оно оказывало на меня удивительное действие. Я пошел к проповеднику и сказал: «Благодарю вас за эту проповедь». Он спросил меня, кто я, и когда я сказал ему, он весь покраснел и сказал: «Но я сегодня утром говорил одну из ваших проповедей!» — «Да, — сказал я, — я знаю. Но это была та вещь, которая нужна была мне, так как я пере-

жил, что каждое слово, которое я проповедую, могу применить и для себя». Так счастливо усмотрело это для меня доброе Божье провидение. Если бы он говорил свою проповедь, то не смог бы так хорошо исполнить свое служение».

38. Дома для сирот

Всем известно, что строительство дома для сирот Стоквел стало возможным через дар в двадцать тысяч фунтов, которые дала для этой цели миссис Хиллард, вдова англиканского священника. Но менее известно, что привело ее к такой великодушной жертве. История начинается с того, что в августе в газете «Уста и меч» появилась статья под названием: «Духовная война настоящего». В самом ее начале Сперджен писал о дальнейшем распространении христианской литературы. Затем он писал:

Детский дом для мальчиков.

«Теперь у нас лежит на сердце побудить наших друзей отнять у наших противников часть их влияния в школах. В школах Англии влияние англиканской церкви намного больше, чем количество ее членов относительно к количеству членов в баптистских церквях. Мы позво-

лили нашим противникам иметь слишком большое влияние на наших детей. И если бы духовенство было бы способно привязать наших детей к своим церквам, то результаты были бы очень печальными. Но наши воскресные школы нейтрализовали большую часть этого зла. Несмотря на это, нам не следует дальше терпеть это зло. Нужно приложить все усилия, чтобы увеличилось число наших школ, и сделать их действительно религиозными школами, учить детей Евангелию и стараться привести их к Иисусу Христу. Безрассудный клич за межконфессиональные школы приводит многих к тому, чтобы создавать школы, в которых важнейшая часть мудрости, а именно страх Господень, полностью игнорируется. Мы думаем, что эта нелепость скоро закончится, и будут созданы школы, в которых дети наших бедных членов смогут научиться всему, чему мы верим и что для нас ценно».

Когда миссис Хиллард прочитала эти строки и следующий отрывок, в котором говорилось о высших религиозных школах, она поняла, что они показывают, как ей исполнить давно задуманное желание.

Уже давно у нее была сильная симпатия к мальчикам-сиротам. Она написала Сперджену, поделилась с ним своим желанием и попросила помочь ей осуществить его.

Сперджен уже был подготовлен Господом к такому предложению через удивительный случай на молитвенном собрании в Табернакле в прошедший понедельник.

Об этом сообщает пастор С. Вельтон, который был в то время студентом библейской школы:

Сперджен сказал:

«Дорогие друзья, мы — очень большая церковь и должны в этом большом городе больше трудиться для Господа. Я хочу, чтобы мы сегодня помолились о том, чтобы Господь послал нам новую задачу. А если нам нужны деньги, тогда будем молиться, чтобы Он послал и нужные средства». Кроме дьяконов, Сперджен пригласил пройти вперед и некоторых студентов, чтобы привести церковь к трону благодати. Пока Вильям Оулни, этот сильный муж молитвы, еще боролся с Богом, Сперджен узнал, что Божий ответ уже готов. Сказал ли ему об этом Дух Святой?

Это было так: он пришел ко мне через платформу и тихо сказал: «Все теперь в порядке, Вельтон. Помолитесь теперь за покаяние грешников». Через несколько дней после этого молитвенного собрания миссис Хиллард написала Сперджену и предложила двадцать тысяч фунтов для

основания сиротского дома для детей, у которых умерли отцы. Теперь у нас была новая работа и деньги, чтобы начать ее. Сейчас так же, как и тридцать лет назад, я уверен в том, что сиротский дом Стоквел и деньги для его создания — это ответ на молитву в тот понедельник. Первым началом сиротского дома была молитва».

Миссис Хиллард узнала о Сперджене необычным образом. Как это случилось, он, вероятно, не знал, так как это стало известным через несколько лет после его смерти.

В июне 1896 года, произнося речь в сиротском доме, профессор Хендерсон из Бристольского баптистского колледжа сказал:

«Миссис Хиллард и знакомые мне супруги сидели вместе в Лондоне. Во время беседы миссис Хиллард сказала моему другу: «У меня большая сумма денег, которую я хочу потратить на доброе дело. Но я не способна ее куда-то вложить. Я бы очень хотела, чтобы вы приняли эти двадцать тысяч фунтов и использовали их для славы Божьей». Как она ни настаивала, он решительно отказывался. Тогда миссис Хиллард сказала ему: «Если вы не хотите брать их, что вы предложите мне, как поступить с ними?» Он сказал, чтобы она доверила деньги одному человеку, который так известен, что общественность знает все, что он делает, и его авторитет зависит от того, что он верно расходует доверенные деньги».

Тогда они обговорили с ним все дело. Сперджен сразу же заинтересовался, не принадлежат ли эти деньги каким-то родственникам. Он также предложил дать деньги для сиротских домов Георга Мюллера. Но миссис Хиллард твердо решила доверить эти двадцать тысяч только Сперджену и больше никому.

После этого разговора все пошло быстро. В октябре 1866 года об этих планах впервые сообщили «Уста и меч», в январе 1867 года была приобретена земля в Стоквел. Употребили еще много даров, и необходимые дома были построены. Во время одной проповеди в Табернакле в 1867 году Сперджен описал, как должны финансироваться сиротские дома: «Когда мы строили Табернакель, мы были маленькой группой бедных людей. Но мы действовали по вере и никогда не делали долгов. Так же будет и с сиротским домом. Мы увидим еще большие чудеса, если, прежде чем увидим, будем верить. Если же мы будем делать все как союзы, то есть вначале будем иметь твердые доходы, будем искать членов, делать сборы и доверять не Богу, а членам церкви, тогда мы увидим совсем немного, так как места для веры останется очень мало».

И так случалось всегда, что Божественное провидение действовало

в нужный момент. Самое памятное событие случилось 20 ноября 1867 года. Сперджен сообщал позже:

«Я был, как часто к сожалению бывает, болен и поэтому проводил несколько дней в доме друга на Регент'с Парк. За столом мы говорили о строительстве сиротского дома и что через день или два нужны будут деньги, чтобы заплатить строительной фирме. Я сказал, что доверяю Богу, Который даст деньги, и присутствующие заметили, что на основании прошлого опыта мое доверие оправдано. Когда мы заканчивали обедать, зашел слуга с телеграммой, которая сообщала, что А. Б., незакомый жертвователь, послал для сиротского дома тысячу фунтов».

Пока Сперджену позволяло здоровье, он проводил все совещания комитета сиротского дома. Позднее его информировали протоколами, причем самые тяжелые решения принимались только с согласия президента (Сперджена). Вначале он сам разговаривал со всеми кандидатами, что часто было нелегко для него, потому что он не мог слушать печальные истории вдов, чтобы не помочь им, все равно, могли ли их дети быть принятыми в сиротский дом или нет. И при этой работе его не оставлял юмор. Однажды пришла женщина с целой группой мальчиков и девочек. Она сообщила, что дважды овдовела, и ее второй муж уже был один раз женат. Затем она разделила детей на три группы: «Это его дети, это мои дети, а это наши дети». Когда Сперджен рассказывал это, он сказал, что притяжательные местоимения никогда еще не казались ему такими полезными словами.

До февраля 1869 года у них было много кандидатов, но для сиротского дома еще не был найден подходящий руководитель.

Но уже в апреле Сперджен мог радостно сообщить в газете «Уста и меч»:

«Вернон Чарлесворт, второй пастор церкви Суррей Чэпел, принял на себя должность руководителя сиротского дома. Он зашел, как говорят, случайно именно в нужное мгновение, мы как раз получили письмо, в котором избранный руководитель сообщал, что он не может приступить к своей работе. Мы были разочарованы, но когда увидели, как мистер Чарлесворт размышлял об этой работе и был готов принять ее, то мы благодарили Бога за Его мудрое провидение».

В сиротском доме сам Сперджен был почетным отцом сирот. Если он приезжал в Стоквел, эта весть распространялась с быстротой молнии, и мальчики как пчелы летали вокруг него. Каждый мог пожать ему руку, и

каждый получал один пенни. Мальчики были счастливы иметь деньги, и к тому же очень горды, так как получили их от Сперджена.

Одна маленькая история показывает, что даже самый одинокий из сирот чувствовал, что может все свои проблемы рассказать выдающемуся проповеднику. Сперджен сообщает в газете «Уста и меч»:

«С одним членом комитета сиротского дома я сидел в здании, когда от группы мальчиков, которые играли вокруг нас, оторвался один маленький мальчик, примерно восьми лет, и подбежал ко мне. Он тут же выложил свою просьбу: «Пожалуйста, господин Сперджен, я хочу посидеть рядом с вами». — «Боб, скажи нам ясно, чего ты хочешь». «Пожалуйста, господин Сперджен, представьте себе маленького мальчика, у которого нет отца, и он живет в сиротском доме со многими мальчиками, которые тоже не имеют отца. И теперь представьте себе, другие мальчики имеют мать и тетю, которые один раз в месяц приходят и приносят им яблоки и апельсины и дарят пенни. И еще представьте себе, этот маленький мальчик не имеет ни матери, ни тети, так что никто не приходит и ничего не приносит ему. Разве вы не думаете, что кто-то должен подарить ему пенни! Господин Сперджен, этот мальчик — я». «Кто-то» увидел, как его глаза повлажнели; Боб получил больше пенни и убежал радостный».

Издание этой истории принесло маленькому Бобу достаточно карманных денег. Оно помогло и другим мальчикам, которые, как и он, не имели ни отца, ни матери, и которых в день посещения никто не посещал.

1880 год, через 13 лет после основания сиротского дома для мальчиков, Сперджен основал и сиротский дом для девочек. Во всяком случае, он не спешил взяться за эту новую задачу. На одном собрании в Табернакле в 1879 году он сообщал:

«День или два назад одна дама, которая основала сиротский дом для мальчиков, прислала мне пятьдесят фунтов для сиротского дома для девочек. Я ответил ей: «Я очень благодарен за ваше предложение, но я не совсем здоров, и времена плохие. Поэтому я сейчас не хочу начинать новой работы». Я предложил сохранить эти деньги на тот случай, если мы будем строить сиротский дом для девочек. Если мы не будем строить, то пусть эти деньги пойдут мальчикам. «Нет, — сказала дама, — ваше решение правильно, но возьмите эти деньги как первый кирпич, так как я абсолютно уверена, что очень скоро вы получите еще больше кирпичей»».

Может, он в действительности медлил меньше, чем казалось по его словам, но в этом же собрании он предложил пятьдесят фунтов, собранные к его 25-летнему служению, приложить к первым пятидесяти, так как открытие сиротского дома для девочек было хорошим аккордом, чтобы начать вторые 25 лет служения. Он закончил, действуя на чувства, которые видел у многих:

«Что следующее?» — так скажет кто-нибудь. Я не знаю, что могу предложить вам. Но я чувствую себя обязанным. Мне навязали эти пятьдесят фунтов, и я не могу от них освободиться. Хотите ли вы, чтобы я отказался от этой суммы, присланной для строительства сиротского дома для девочек? Нет, так бы вы посоветовали мне. Поэтому по своей воле и побуждаемый благодатью милостью, я принимаю новую работу, и ожидаю, что молитва и вера откроют новую главу новых чудес».

И скоро рядом с сиротским домом для мальчиков появился дом для девочек в Клирхэм Роуд. До смерти Сперджена в эти дома, которые зачастую становились для детей не только домом, но и духовным благословением, были приняты почти тысяча шестьсот мальчиков и девочек.

39. Новый Хеленсбургский дом

В то время, когда Сперджен интенсивно и с любовью заботился о студентах и книгоношах, вдовах и сиротах, некоторые его друзья решили, что настало время, чтобы он сам и его семья жили более комфортно. Сколько святых воспоминаний хранил для своих жильцов старый дом на Найттингейл Лане! Но они знали и неудобства старого дома, и все были счастливы, когда в 1869 году он был разрушен. Так как Сперджен много своих денег вкладывал в разные проекты для Господа, он не смог бы оплатить новый дом. Поэтому некоторые его великодушные друзья и верные помощники решили большую часть денег вложить в строительство как знак уважения перед его служением и как выражение их дружбы.

Во время строительства нового дома жена Сперджена страдала продолжительной болезнью, из-за которой ей пришлось на долгое время уехать в Брайтон. К этому времени и относится история об «Опаловом кольце и канарейке». В своей книге она подробно описала ее: «Эта история как-то распространилась, и с тех пор с разными преувеличениями и

неточностями она была напечатана в разных газетах Англии и Америки. Это было на самом деле, так как мой милый муж очень часто рассказывал ее и был безмерно счастлив, видя любовь и заботу Божественного провидения, которое таким чудесным образом исполнило желания его жены. Так как эта книга описывает все, что я хотела написать о моем муже, то хотелось бы дать верное описание этой истории.

Это было во время долгих страданий. Это были темные дни для моего мужа и меня, так как я была серьезно больна и облегчение от сильных болей, которые вызывала эта болезнь, бывало очень редко. Мой любимый муж, который был так занят трудом для Господа, все же старался почаще посещать меня, рассказывая, как совершается дело Господне, утешал меня в страданиях, а я ободряла его в работе.

Каждый раз, оставляя меня, он спрашивал: «Милая, что тебе принести?» Я редко что-то просила, так как у меня было все, что нужно, кроме здоровья. Но однажды, когда он задал мне обычный вопрос, я шутиливо ответила: «Я очень хочу опаловое кольцо и канарейку!» Удивленно и весело он только сказал мне: «Ты же знаешь, что я не смогу купить тебе это!» Два или три дня мы шутили по этому поводу. Когда же он как-то в четверг возвратился из Табернакеля, он зашел в мою комнату с таким сияющим лицом, что я тут же заметила, что его что-то очень обрадовало. Он держал в руке маленькую коробочку, и я уверена, что его радость была еще больше моей, когда он вытащил из коробочки красивое кольцо и надел мне на палец. «Дорогая, это опаловое кольцо», — сказал он и сообщил мне, каким удивительным образом получил его. Одна старая дама, которую он однажды посетил, когда она была больна, послала в Табернакель сказать, что хочет сделать жене Сперджена маленький подарок, и не будет ли кто так добр, чтобы забрать его. Секретарь моего мужа пошел туда и принес коробочку. Когда мой муж открыл ее, то увидел, что там опаловое кольцо.

Вскоре меня перевезли в Брайтон, чтобы там пережить кризис, который должен был или улучшить здоровье, или прервать жизнь. Однажды вечером мой муж приехал из Лондона и принес большой пакет. Когда он распаковал его, я увидела клетку с прекрасной канарейкой. Как я была удивлена, как безгранична была моя радость! Оказалось, что Сперджен посетил одну знакомую, муж которой лежал при смерти. После того, как он помолился за больного и предал его Богу, миссис Т. сказала ему: «Я хочу подарить вашей жене свою канарейку. Никому другому я не хочу ее отдавать. Мой муж очень слаб, песни Билли очень утомляют его, а я

знаю, что она очень понравится вашей жене и будет радовать ее в одиночестве, так как вам часто приходится оставлять ее одну». Тогда мой муж рассказал ей, как я желала себе такого друга, и они оба радовались заботе любящего Небесного Отца, чудесным образом позаботившегося о подарке, который так сильно желало Его дитя. И когда Билли нежным голоском спел песенку и в награду взял с губ новой госпожи зернышко конопли, то в маленькой комнате было много слез радости, и сердца были полны хвалой Богу. Мой муж сказал: «Ты, видно, одна из любимых детей твоего Небесного Отца — Он дает тебе все, о чем ты просишь!»

Что здесь можно добавить? Билли закончил свою маленькую жизнь в Брайтоне, но воспоминание о любви и заботе Господа — это пожизненное сокровище.

Переживания этого времени я не хочу описывать подробно. Но должна вспомнить дружелюбие сэра Джеймса В. Симпсона, который два раза приезжал из Эдинбурга в Брайтон, чтобы оказать мне помощь и сделать операцию. После операции мой муж спросил его о гонораре. Он ответил: «Я думаю, что сто фунтов достаточно, и вы заплатите их, если станете епископом Кэнтерберрийским. До тех пор все оплачено любовью».

В новом доме рядом с кабинетом Сперджена была сделана небольшая комната для его жены. И не было забыто ничего, что нужно было больной, почти полностью прикованной к постели. В одном углу комнаты стоял шкаф. Рядом с дверью был умывальник с теплой и холодной водой, чтобы ей не нужно было спускаться по лестнице. Даже на полотенцах было вышито ее имя. Он подумал обо всем, что принесет ей радость. В обустройство этой маленькой комнаты было вложено столько любви, что никто не сможет описать чувств его жены, когда она увидела все это и каждый день пользовалась такими нужными вещами.

Когда новый дом был готов, жене Сперджена приходилось еще оставаться в Брайтоне, и ее муж должен был сам заниматься переездом. Он часто говорил, что в это время одиночества он и кошка поднимались и спускались по лестнице и мяукали по жене.

Многими молитвами и благодарениями новый Хеленсбургский дом был посвящен Господу. Сперджен всегда смотрел на дом, как на подарок от Господа, который он получил из верной руки Божьей. Поэтому все удобства и уют, который предлагал дом — святое поместье, он хотел использовать для славы Господа.

40. Ищущие и покаявшиеся

«Я уверен, что проповедник, который желает иметь покаяния, должен быть органически связан со своими людьми. Сегодня многие с трудом представляют себе, как Моисей молился за Израиль: «Прости им грех их, а если нет, то изгладь и меня из книги Твоей, в которую Ты вписал». Они ставят под вопрос и то, что Павел был готов ради своих братьев, родных ему по плоти, быть отлученным от Христа. Но эта проблема исчезнет, если ты однажды почувствуешь такую сильную любовь к душам людей, что будешь, так сказать, готов потерять собственное спасение, если это приведет людей к Спасителю! Кто никогда не испытывал этой готовности, тот еще не чувствовал в себе биения сердца пастуха; он еще не пастырь, так как пастырь готов, если нужно, пожертвовать жизнь свою за своих овец». — Ч. Г. С., проповедь, Табернакель, 23 августа 1883 год.

В проповеди, сказанной в 1879 году, Сперджен указал на то, что за 25-летнее служение в Лондоне к церкви присоединились более девяти тысяч человек, и что еще большее число людей покаялись через слышание или чтение его проповедей, не став членами церкви Табернакеля. Есть повод к большой благодарности, что благословение сопровождает и его печатное слово, будь то на английском или многих других языках, на которые переведены его проповеди. В этой главе — личное изложение Сперджена:

«В Библии есть определенные отрывки, которые служили для спасения душ чаще, чем другие. Поэтому их называют текстами спасения. Как и почему — мы, наверное, не узнаем, но это факт, что для того, чтобы привести людей ко кресту Христа, определенные тексты используются чаще других. Они исполнены Духа Святого не более, чем другие части Библии, но, возможно, они стоят на особенном месте, и своим звучанием особенно подходят или особенно отвечают духовной ситуации данного времени. Ярко светят все небесные звезды, но моряк смотрит только на некоторые, чтобы привести свой корабль к пристани. И это потому, что они находятся в особом месте и поэтому легко узнаваемы. Так же обстоит дело, я думаю, с библейскими стихами, которые особенно бросаются в глаза и указывают грешнику путь ко кресту Христа.

Один из важнейших в деле спасения стихов — это Ис. 43,25: «Я, Я Сам изглаживаю преступления твои ради Себя Самого и грехов твоих не

помяну». Я установил, какую бесценную помощь оказывает этот текст, когда из тысячи людей, приходивших ко мне, чтобы рассказать о своем покаянии, было много тех, которые происшедшие в них изменения связывали с этой драгоценной декларацией Божественной благодати и посредством ее применения испытали в своей жизни силу Духа Святого.

Некоторые приходят ко мне с желанием присоединиться к церкви. Они многого не знают и боятся, что я буду недоволен, если они не смогут довольно ясно рассказать историю своего покаяния. Но я меньше всего доволен теми, которые очень легко рассказывают об этом. Они могут повторить свою историю в любое время, и все прекрасно сходится. Но как только я слышу их, то тут же замечаю, что кто-то их научил, что нужно говорить, и они выучили это наизусть, чтобы рассказать мне. Мне по душе те свидетельства, которые исходят из сокрушенного и помилованного сердца, так как я знаю, что оно пережито в трепетном покаянии. Иному приходится плакать или кричать, и мне трудно понять, что вообще произошло. Но это показывает мне, что история истинна и не занята у других.

Я с удовольствием слушаю, что пережил человек, пришедший прямо из мира, из греховной жизни, и теперь исповедующий свою веру во Христа. Он не знает выражений христиан, он еще не научился тому, чему научились мы. Для меня большое наслаждение услышать все свежее и новое. Но в основном это одна и та же история. Как бы необычна она ни была, основные черты одинаковы. Возьмите историю покаяния человека, выросшего в церкви, и выберите из нее самое важное. Затем послушайте рассказ человека, для которого спорить, пить и клясться было содержанием его жизни, но который действительно покался, и попробуйте установить, что самое важное в его рассказе. И затем спросите об этом богатого графа, который стал наследником небесного богатства. Затем — трубочиста, который нашел Господа. Если вы сравните самое важное из всех историй, то вы не сможете найти никаких различий. Основные черты всегда одни и те же: смерть, рождение, жизнь, рост. Христос в смерти, в рождении, в жизни и в росте — покаяние, вера, радость, дело Святого Духа. Но как прекрасно услышать один и тот же рассказ всегда по-новому. Все истинные дети благодати одинаковы сердцем, даже если их внешний вид совсем разный.

Я обратил внимание, что многие тысячи душ, а также многие из лучших членов нашей церкви нашли путь к Спасителю не через смертный приговор закона, но более мягким образом. Однажды я сидел с

группой людей из двадцати трех человек, которые хотели стать членами церкви. Двенадцать из них узнали о своей греховности не под страхом смерти. Я спросил способную молодую даму: «Что послужило тому, что вы начали искать Спасителя?» — «О, — ответила она, — это был чудесный характер Иисуса, Который вызвал во мне желание стать Его ученицей. Я увидела, какой Он любвеобильный, как добр отвергнувший Себя, каким Он был жертвенным, и через это увидела, каков мой характер. Я думала: «Я совсем не как Иисус», и это вынудило меня пойти в свою комнату и начать молиться. Вот тогда я начала верить Ему и доверять». Другая сказала: «Моим первым духовным переживанием было то, что меня искал мой Спаситель. Мой друг впал в грех, и я знала, что совершу то же самое, если бы меня не держал кто-то, кто был сильнее меня. Поэтому я стала искать Господа, не столько из-за сделанных грехов, сколько из-за боязни больших грехов в будущем. Я чувствовала себя грешницей! Бог принял меня, и я нашла Христа».

Необычен тот факт, что я встречал многих людей, которые после своего покаяния больше печалились о своих грехах, чем до этого. Они увидели величину этого зла только тогда, когда Бог освободил их от них. Их выгнали из болота и поставили на твердое основание; только после этого они действительно увидели, из какой ужасной трясины были спасены. Не все спасенные должны были испытать такие греховные страдания, очень многие были извлечены милостивыми узами любви. Есть люди, сердце которых открывается, как у Лидии — не сокрушением о греховном состоянии, а отмычкой Божественной милости. Привлеченные любовью, очарованные красотой Христа, они говорят: «Ты влек меня Господи, и я увлечен».

Однажды после богослужения ко мне подошла молодая женщина, чтобы спросить, действительно ли я так думаю, когда говорю, что всякий, верующий в Иисуса Христа, будет спасен в то же мгновение. «Да, — сказал я и назвал ей библейские примеры. «Что?! — воскликнула она. — Мой дедушка рассказывал мне, что ему нужно было шесть месяцев, чтобы найти веру и что его чуть не отдали в психбольницу, потому что он находился в таком ужасном состоянии». — «Да, — сказал я, — иногда бывает и такое. Но его спасли не душевные сражения. Его совесть и сатана пытались удержать его от Иисуса Христа, и спасло его не глубокое душевное переживание, но вера во Христа». И я начал ей рассказывать, что единственный источник нашей надежды — Спаситель, а не наши чувства. «Я понимаю это», — сказала она. И я радовался, увидев

сияние, пробежавшее по ее лицу. Это был луч небесного сияния, какой я часто вижу на лицах тех, кто верит в Иисуса, когда сердце наполняет мир и черты лица на мгновение проясняются.

Некоторые люди просили меня о духовном совете, так как другие ввели их в заблуждение. Одна дама попросила побеседовать с ней. Она рассказала, что не слышала меня проповедующим, но читала мои проповеди, и Бог благословил ее — она пришла к вере. Она пришла к своему пастору, полная радости оттого, что нашла Спасителя, рассказала ему об этой радости и о том, что все ее грехи прощены. Пастор прервал ее: «Добрая женщина, это все внушение. Вы не имеете никакого права верить в прощение ваших грехов, прежде чем не проживете много лет, полных смирения и жертвенности». Она ушла печальная и обратилась ко мне, чтобы спросить, верно ли то, что сказал ей пастор.

Я сказал ей, что многие из тех, кто верит во Христа, были черными как смола грешниками и в одно мгновение стали белыми как снег, просто придя ко Христу и тут же найдя мир. Они просто приняли в сердце драгоценные обетования Христа. А так как она верит Иисусу и оправдана через веру, она имеет мир Божий, который превышает нашего разумения. Она ушла, полная радости в Господе.

В Табернакле мы часто переживали, как чудесно Бог благословляет отверженных и самых больших грешников. Один мужчина был известен в своем селе под кличкой «сатана», так как его жизнь была полностью исковеркана. Он был моряком. Однажды все моряки, которые жили с ним в одном селе, покались благодаря человеку, с которым вместе служили на корабле. И тогда с этим человеком решил отправиться в плавание моряк по кличке «сатана», думая, что сможет совратить его с пути веры. Он делал самое лучшее, что мог, или вернее — самое худшее, но не имел успеха. И когда корабль пришел в Лондон, верующий моряк спросил неверующего, не хочет ли он прийти в Тавернакель. Он был не против послушать меня, так как я вырос недалеко от их села. Этот «сатана» пришел в воскресное утро, когда я проповедовал об убийстве душ. И Дух Святой так повлиял на него этим словом, что во время проповеди он сидел и плакал, и плакал так, что только мог сказать: «Люди обращают на меня внимание, мне лучше выйти». Но его сопровождающий не допустил этого. В тот же день он стал новым творением во Христе Иисусе, и до сих пор живет в истине. Он всем сердцем служит Господу с чрезвычайным разумением вероучения, и делает все, что может, чтобы распространялось Царство Божье.

На другое воскресное утро я проповедовал на слова прокаженного, который сказал Иисусу: «Господи, если хочешь, можешь меня очистить». В четверг я получил следующее письмо: «Как я счастлива, что Господь простил меня, отверженную. С толпой людей я пошла слушать вас, надеясь, что меня никто не увидит. Всю ночь я была в дороге, и была сильно уставшей. Когда вы проповедовали о прокаженном, перед моим взором прошла вся моя греховная жизнь. Я видела, что я хуже прокаженного, что все меня отвергли. Нет ни одного греха, которого бы я не совершила. Когда вы проповедовали дальше, я смотрела прямо на Иисуса и получила милостивый ответ: «Твое множество грехов тебе прощены». Дальше я уже ничего не слышала из вашей проповеди, я переживала такую радость оттого, что Иисус умер и за меня, бедную блудницу. Задолго до того, как вы получите мое письмо, я уже буду на пути домой, откуда я когда-то тайно сбежала. Пожалуйста, молитесь за меня, чтобы меня сохранила сила всемогущего Бога. Я никогда не смогу достаточно отблагодарить вас за то, что вы привели меня к Иисусу». Если бы она не написала, что едет домой, то я мог бы сомневаться в ее покаянии. Но если блудница возвращается к родителям, тогда все ясно. Это письмо принесло мне много радости. Спасать души — это небесный дар.

В своем свидетельстве перед крещением один брат сказал: «Перед тем как я впервые услышал в Табернакле господина Сперджена, я считал себя самым лучшим и благочестивым человеком во всем Нью-ингтоне, так же как и всякий другой в любой церкви. Но это в корне изменилось, когда однажды я услышал Евангелие. Когда я вышел после проповеди, все перья моей гордости были вырваны. Я чувствовал себя самым ужасным грешником на всей земле и сказал: «Я никогда больше не хочу слушать этого человека, он все испортил». Но именно это мне и было нужно. Мне нужно было отвести взгляд от себя на Бога и Его всемогущую благодать, мне нужно было увидеть, что я должен попасть в руки моего Творца, если я когда-нибудь собираюсь с радостью взглянуть Ему в лицо. Когда я узнал, что моя собственная праведность — это только грязные лохмотья, предназначенные в лучшем случае для огня, я стал искать, чтобы одеться в одежду совершенной праведности Христа».

Однажды во время вечерней проповеди в Табернакле я почувствовал, что мне нужно сказать следующее: «Дорогая мать, если ты никогда не говорила с твоей дочерью о спасении ее души, тогда сделай это сегодня. «Но, — скажешь ты, — когда я приду домой, она уже будет спать». Если это так, тогда разбуди ее, поговори и помолись с ней. А

потом пусть она спит дальше. Начни это святое служение сегодня же». Одна женщина, которая слышала это, пошла домой и сделала точно так, как я сказал. Она разбудила дочь и говорила с ней о Спасителе. Девушка ответила: «О, мамочка, как я рада, что ты говоришь со мной о Христе. Уже несколько месяцев я жду этого». Прошло немного времени, и мать с дочерью пришли ко мне, так как хотели быть принятыми в нашу церковь. При этом они рассказали мне, как пришли к этому благословенному решению.

Во многих случаях Господь утверждал совсем простое приглашение, которое я предлагал своим слушателям. Как-то я попросил их после возвращения домой провести некоторое время в тишине, честно поразмышлять о своем положении перед Богом и затем написать одно из двух слов. Если вы чувствуете, что не верите Иисусу Христу, я просил написать слово «погибший», если же вы на основании вашего спасения доверяетесь Спасителю, то напишите слово «прощенный». Таким образом многие приходили к решению отдать себя Христу; среди них был молодой человек, который вначале написал слово «погибший». Но когда он посмотрел на то, что написал, у него начали бежать слезы, его сердце сокрушилось. Прошло совсем немного времени, и он обратился к Иисусу, бумагу бросил в огонь, и на другом листке написал слово «прощенный». Вскоре он пришел, чтобы принести мне хорошую новость и просить о принятии в церковь. Другой мужчина сказал своей жене, что он напишет «погибший». Она напрасно пыталась отговорить его. Но он взял ручку и уже собирался написать первую букву. Но его верующая дочь кинулась ему в объятия и сказала: «Нет, папа, ты не напишешь этого!» и совместными усилиями жены и дочери он нашел Спасителя, и все трое стали членами церкви.

Я испытал, что люди каются от изложения самых неожиданных тем. Я знаю, что грешников приводило к Иисусу учение о воскресении; через проповеди об избрании также многие пришли к Спасителю, и это были именно те, которые никогда не были бы достигнуты, если бы эта истина не была фундаментальной частицей учения, коснувшейся их сердец как раз на правильном месте. Часто я говорил страшную проповедь о законе, а позже узнавал, что грешники утешались ею. Вообще Бог благословляет Слово совсем не так, как мы предполагаем, и многие люди увидели свое гибельное состояние, когда я проповедовал на темы, которые усматривал для назидания верующих. Это снова и снова приводит меня к основополагающим истинам Божественного суверенитета, и я вижу, что для благодати и провидения действительно:

Таинственны пути Господни,
Когда Он чудеса творит.

Разговаривая с ищущими, я часто удивляюсь, как ловко они противостоят проникновению истины в их сердце. Изобретение локомотива, телеграфа или других технических чудес не привели меня в такое восхищение, как чрезвычайная способность простых людей найти причины, чтобы не верить Иисусу Христу. После того как я им ясно показал, что самое разумное на свете — довериться Христу, они спрашивают: «Как нам это сделать?» или «Как это должно быть?» Затем они находят множество аргументов «за» и «против», и все это — к их ущербу. Часто я рассказывал им о пути спасения еще и еще раз, но и после этого они приводили все новые доводы. Я следовал за этими людьми в их норы, как будто был охотником на лис. Я пробовал выкапывать их из их строений, но очень часто они копали быстрее, чем я. Ох, это «если» и «но», это «может быть» и «возможно», это «я не чувствую то» и «я не чувствую это»! О, это злое недоверие Христу! Когда я говорю с такими людьми и — надеюсь, не безуспешно — пытаюсь наставить их, мне каждый раз становится ясно, какое это ужасное преступление — сомневаться в Боге, сомневаться в Том, Который говорит с высоты, в Том, Кто истекал кровью на кресте.

Как-то я беседовал с молодым голландцем, который приехал из Флиссинга, чтобы поговорить со мной о спасении души. Он начал:

— Я не могу доверять Христу.

— И почему? — спросил я его. — Что Он сделал такого, что вы так плохо отзываетесь о Нем? Я доверил Ему все, и верю, что Он достоин доверия. Что вы знаете о Нем плохого?

— Я не знаю о Нем ничего плохого, и мне стыдно, что я сказал такие слова, так как я уверен, что Он заслуживает всякого доверия. Я не это имел в виду. Могу ли я доверить Ему свое спасение?

— Конечно, и это ваше право, ведь Евангелие повелевает делать это, говоря: «Веруй в Господа Иисуса Христа, и спасешься». И словами: «Кто не верует, погибнет» оно предупреждает о грехе неверия.

— Значит, я могу доверять Христу? Но обещает ли Он спасти всех, кто доверяет Ему?

— Конечно. Я уже назвал вам обетования Евангелия. Написано также: «Всякий, кто призовет имя Господне, спасется». Если Иисус не спасет вас, то вы будете первым, кого Он не примет.

— Да, теперь я понимаю! Почему я не мог понять этого раньше? Я доверяю Христу, и Он спасет меня. Моя поездка сюда была поистине не напрасной!

Я помолился с ним, и он пошел, трепеща от радости.

После богослужения в Табернакле одна дама попросила молиться за нее. Она уже второй раз подошла ко мне, чтобы поговорить о ее спасении, и на этот раз я сказал ей:

— Я совершенно ясно открыл вам путь спасения. Отдайте себя в руки Христа и уповайте на Его жертву за грех. Вы сделали это?

— Нет, — сказала она и спросила, буду ли я за нее молиться.

— Нет, вообще нет.

Она удивленно посмотрела на меня и снова попросила:

— Молитесь за меня.

— Нет, — повторил я, — я не знаю, о чем именно нужно молиться. Я так ясно и просто открыл вам путь спасения, что вы погибнете, если не пойдете по этому пути. И если вы теперь доверитесь Христу, то будете спасены. Больше мне нечего сказать, я могу предложить вам только жизнь и смерть.

Она опять сказала:

— Молитесь же за меня!

— Нет, — ответил я. — Неужели вы хотите, чтобы я просил Бога так изменить Евангелие, чтобы вы как исключение пришли в небо? Я не вижу в этом необходимости. Другого плана спасения никогда не было и никогда не будет. Если вы не доверите себя Ему, я точно не буду молиться о вас. Я задаю вам совершенно понятный вопрос: «Хотите ли вы верить Иисусу Христу?»

Я был чрезвычайно удивлен, когда женщина очень рассудительно ответила мне:

— Если это так должно быть, тогда спасение придет ко мне через веру. Я верю, что Писание говорит о Христе. К тому же я чувствую, что могу доверять Ему, так как Он Бог, и Он принес достаточную жертву за мои грехи. И теперь я доверяюсь Ему. Я чувствую, что в это мгновение меня наполняет необычный мир. Я доверяю Ему, я уверена, что спасена..

И она ушла. Наконец-то она утвердилась на прочном основании веры. Позднее эта женщина часто говорила мне, как она рада, что я отклонил ее просьбу о молитве и привел ее к тому, чтобы самой довериться Христу и таким образом получить уверенность в спасении.

Начало духовной жизни у каждого покаявшегося бывает разным.

Когда-то я думал, что тот, который не становится стопроцентным христианином в первые три месяца после покаяния, никогда не станет им. Некоторые начинали свое поприще очень слабо. Я надеюсь, что те, которые так начали, действительно были спасены. Но в каждом случае их путь был окутан страхом и сомнениями, и эта неуверенность продолжалась до тех пор, пока они не пришли в небо. Однажды один из них сказал мне:

— Или изменился весь мир или я, так как я боюсь людей, которых прежде так любил. То, что раньше меня радовало, сейчас делает меня несчастным, а то, что меня делало печальным, приносит мне большую радость.

Я благодарен за каждого, кто пережил глубокое покаяние. Не хочу сказать ничего плохого против тех, кто находит путь ко Христу постепенно, только их жизнь менее ясная. У них есть уверенность в спасении, но часто они имеют мало утешения. А иногда те, кто легко покался и не пережил глубокой греховности, легче склоняются к тому, чтобы играть со злом, чем те, которые пережили его чудовищность. Некоторые с жадностью начинают свое служение Господу и отдают Ему все сердце. Другие начинают холодно и за всю жизнь не становятся теплее от усердия. Я радуюсь, если новообращенный горит или даже раскален добела. Пусть он будет слишком усерден, когда это возможно. Если он немного охладеет, его духовная температура как раз придет в норму. А если он начинает холодно, то каким же он будет тогда, когда немного остынет?

Самые полезные работники для Господа те, которые начинают служить Ему с юности. Иногда Бог зовет людей в средних летах или даже в пожилом возрасте и употребляет их в Своем служении. Но, несмотря на это, я осмелюсь утверждать следующее: история церкви показывает, что самые лучшие служители те, которых Он рано призвал и которые от юности исповедовали Евангелие об Иисусе. У меня большие трудности с тем, чтобы привести в движение некоторых пожилых людей, которые уже много лет верующие, но практически еще ничего не сделали для Христа. Если, в конце концов, мне все-таки удастся поставить их на служение, то они трудятся так тяжело, как лошади, которых никогда не объезжали. Но юные, как жеребята, привыкают к работе, она приносит им радость, и они несчастны, если им нечего делать для Иисуса. Как насмеялись надо мной и какие только упреки ни делали мне мудрые и умные мужи за то, что я начал проповедовать с шестнадцати лет. Мне приказывали оставаться в Иерихоне, пока не отрастет моя борода. В таких и подобных

советах никогда не ощущалось недостатка. Но я ни разу не пожалел, что был молодым проповедником. И если бы я мог снова начать свою жизнь, я начал бы так же.

Один мужчина хотел стать членом нашей общины. Как у нас принято, его попросили рассказать о том, как он покался. Он рассказал следующее:

«Я работаю извозчиком, и мне никогда не приходило в голову пойти в церковь. Я не помню, чтобы мне кто-то сказал что-нибудь о Боге или о Христе. Но однажды я ехал через лондонский мост и вдруг кто-то запрыгнул в мою повозку. Я схватил кнут, чтобы согнать его, но он сказал:

— Погоди, коллега, у меня есть для тебя весть.

Это звучало так удивительно, что я спросил:

— Что это за весть?

— Я сейчас скажу тебе, но мне лучше говорить, если я буду сидеть впереди.

Он сел рядом со мной. Я спросил его:

— Что у тебя за весть?

— Это Божья весть для твоей души.

Я начал ругаться, но это не испугало его. Он сказал:

— Ты — именно тот человек, которого я искал. Я знал, что ты ругаешься, так как именно поэтому я обратил на тебя внимание. Я уверен — эта весть для тебя.

Тогда я сказал ему:

— Говори, что у тебя есть, но покороче.

Он говорил коротко, но очень ясно и прямо. Он сказал мне, что будет с моей душой, если я умру с моими ругательствами. Затем он говорил о будущей небесной стране. Он сказал мне, что есть Спаситель, и если я доверюсь Ему, Он спасет меня. Прежде чем оставить меня, он взял с меня обещание послушать вашу проповедь. Это я ему пообещал, а так как всегда хвалился, что исполняю свои обещания, я пришел на вашу проповедь, хотя очень ругал себя за то, что дал такое обещание. Еще никогда в воскресенье я не вставал так рано. Когда этот мужчина увидел меня у дверей, он повел меня с собой, уступил мне свое место и стоял все время богослужения, что я считаю очень любезным с его стороны. После проповеди он спросил меня:

— Тебе понравилось?

— Нет, — ответил я. — Это вопросы, которые ничего не значат для меня. Я не верю в религию.

— Хорошо. Но ты будешь верить, — сказал он.

На улице мы попрощались, и я надеялся, что никогда больше не увижу его.

Несколько недель я не встречал его. Но когда однажды я спускался по Блэкфриас Роуд, я увидел его идущим мне навстречу. Я скрылся за ближайшим углом, но скоро услышал, что за мной кто-то бежит. Он догнал меня и сказал:

— Привет, коллега, как дела?

— Хорошо.

— Ну как, тебе уже лучше? — спросил он.

Так как я не ответил, он сказал, что уверен, что однажды я стану христианином и что он не оставит меня в покое, пока это не произойдет. Я испугался, что он захочет пойти ко мне домой. Мы с женой пьянствовали, у нас почти не было мебели, и я не хотел, чтобы он увидел все это. Чтобы отвязаться от него, я пообещал ему, что в следующее воскресенье снова пойду слушать Сперджена. Я сдержал обещание. И теперь я рад, что уже никому не нужно заставлять меня пойти в Табернакель. Я постоянно хожу сюда уже шесть месяцев, я нашел Спасителя, и привожу с собой четверых своих коллег, чтобы они послушали Евангелие».

Я тоже радуюсь любой возможности помочь людям, которые годами живут в духовной темноте. Вспоминаю об одном человеке с непостижимым характером, который 20 лет жил в необъяснимой депрессии. Он перестал ходить на богослужения, так как считал, что это бессмысленно. Хотя он всегда был готов делать добро, но был глубоко убежден, что он сам не имеет части ни в чем добром и никогда не будет иметь. Чем больше с ним говорили о Божественном, тем хуже ему становилось. Даже молитва, казалось, еще глубже погружает его в депрессию. Милостью Божьей явилось то, что меня попросили проповедовать недалеко от его дома. Его побудили принять участие в этом богослужении, и так как Дух Святой благословил проповедь, он пережил радостное освобождение. После двадцати лет страха он, к удивлению своих соседей, к радости его семьи и к славе Божьей, закончил свое трудное путешествие к подножию креста. И мир из его души больше не уходил. До того мгновения, когда Господь принял его в вечные обители покоя, он оставался верным в вере, доверял Богу и не боялся.

41. Вествуд

С 1857 до 1880 года семья Сперджена жила в Хеленсбургском доме в Найттингейл Лане, в пригороде Лондона Клафане, где в 1869 году вырос новый дом. О переселении в Вествуд, на холм Бойла Хилл в пригороде Упе Норвуд, Сперджен часто говорил: «Его я сам не организовывал, Господь просто взял лопату и пересадил меня»*.

Сперджен на балконе перед своим рабочим кабинетом; садовая сторона дома на Найттингейл-стрит.

Это случилось так. Был 1880 год, и было много хлопот по делу о наследстве, оставленном миссис Тайсон, которая многие годы великодушно поддерживала Табернакель и его детские дома. В своем завещании большую часть своего имения она оставила библейской школе и сиротскому дому с условием, что некоторым пожилым людям, за которых она несла ответственность, должны быть переданы определенные годовые пособия. Приветливая хозяйка наследства назначила исполнителями завещания Сперджена и одного знакомого англиканского пастора, чтобы, как она объясняла, быть уверенной, что ее завещание будет исполнено

* Г. Х. Пике пишет, что новый дом был почти таким же большим, как и Хеленсбургский дом, но земли было значительно больше. Сегодня (1972) Хеленсбургский дом еще сохранился, только расширен, а от Вествуда уже ничего не осталось. Дом был разрушен, чтобы освободить место под школу для девочек

правильно. Но, к несчастью, помимо своего основного наследства она включила туда и личную собственность, так что оно подпадало под закон без права отчуждения. Дело было таким сложным, что исполнитель завещания и комитет школы и сиротского дома согласились выяснить все неясности в процессе исполнения. Это принесло Сперджену много дополнительной работы, и ему пришлось много ездить в Вайт Лосдж, Беджин Хилл в Упе Норвуд, где раньше жила миссис Тайсон.

Возвращаясь вместе со вторым исполнителем завещания из очередной поездки, Сперджен предложил проехать мимо Кристального дворца, видно, чтобы посмотреть здание снаружи. При въезде на улицу Бойла Хилл, которая позднее стала ему родной, взгляд Сперджена упал на объявление о продаже дома. Он уже давно желал переехать, но до сих пор не мог найти дом, который бы находился недалеко от Табернакеля и достаточно далеко от лондонского тумана. Подъехав к Кристальному дворцу, они развернулись и приехали на место, где было объявление. Сперджен сказал кучеру остановиться и попросил своего секретаря прочесть объявление. Оказалось, что для того, чтобы посмотреть дом, нужно письменное разрешение. Но когда Сперджен спросил разрешения, его тут же пустили посмотреть все, что он желает. Он поднялся по ступенькам и в первый раз увидел свой будущий дом.

«Он слишком велик для нас!» — воскликнул он, и после короткого осмотра оставил Вествуд, не подозревая, что однажды станет его хозяином. Он так мало думал об этом, что даже не послал своего представителя на аукцион. Но через пару дней он получил сообщение, что при аукционе не была названа цена, и запрос, не хочет ли он сделать предложение. Тогда случилось то, что Сперджен всегда считал Божиим вмешательством. В тот же самый день подрядчик, который постоянно выполнял для Сперджена все строительные работы в Хеленсбургском доме, спросил, не будет ли он продавать дом. Если да, то один из его соседей охотно купит его для своего зятя, который возвращается из-за границы. Тут Сперджен сказал о доме, что он видел в Норвуде, и заметил:

— Если я за этот дом получу столько, сколько мне нужно, чтобы купить другой, я бы охотно поменялся.

На основании этого они тут же договорились о цене, об этом сказали соседу, и вскоре после этого строительный подрядчик пришел к Сперджену с сообщением и с чеком об уплате. Но Сперджен сказал:

— Мне нужно вначале узнать, могу ли я купить дом в Вествуде, а то я окажусь на улице.

Вествуд, купленный дом после продажи Хеленсбергского дома.

Супруги во время серебряной свадьбы, 1881.

Он поехал снова на Бойла Хилл, и установил, что может без трудностей подписать договор о покупке этого дома. И так в течение нескольких часов был продан старый дом и куплен новый — как он всегда был уверен, посредством Божьего руководства.

42. Из двухдневной работы

Рассказывает Сюзанна Сперджен:

Каждую субботу после обеда и до шести вечера двери Вествуда, где Сперджены жили с 1880 года, были открыты для посетителей. Смотря по погоде, Сперджен приглашал посетителя на улицу и, разговаривая, они гуляли по саду. За чашкой чая они продолжали беседу — спектр был обширным, беседа часто была полна юмора и всегда интересна. Затем следовало семейное собрание, во время которого Сперджен, особенно в своих молитвах, открывал свою нежную душу, свой духовный пафос, свое полное смирение. Он приходил к своему Небесному Отцу как маленький ребенок, и часто у нас на глазах наворачивались слезы, когда он так непосредственно разговаривал со своим Господом.

В шесть часов все гости уходили. Он иногда прощался с ними так: «Ну, дорогие друзья, я должен попрощаться с вами; вы знаете, сколько цыплят я должен покормить завтра утром, и я хочу дать им хорошую пищу». С сердечным пожеланием «Да благословит вас Бог» он подавал руку и уходил в свой кабинет. Обитатели дома тихо исполняли свои различные обязанности. Святой покой лежал на доме и в саду. Ни одно человеческое ухо не слышало, ни один глаз не видел, когда он молился наедине с Богом о самом себе и о своих людях, когда он боролся с ангелом завета, пока не побеждал и не возвращался с потока Иавок с вестью, что во имя своего Господа он предлагает освобождение. Его самые большие и плодоносные проповеди были оплачены душевной борьбой и духовными страхами — не при деловой разработке, но под грандиозным впечатлением, что он перед Богом ответствен за души, которым проповедует Евангелие о спасении через веру в Иисуса Христа. Хотя он имел талант говорить, проповедь не была для него легкой задачей. Все его сердце, вся его духовная и интеллектуальная сила, которой его так обильно наделил Бог, было сконцентрировано на этом служении и положено к ногам его Господина и Спасителя, чтобы Он употребил его и благословил соответственно Его милостивой воле и цели.

Бывало, что он на пару минут оставлял свою комнату, находил меня и неуверенным голосом спрашивал: «Что мне делать? Бог не дал мне еще никакого текста». Тогда я пробовала утешить его, как могла. После короткого разговора он снова шел назад, чтобы дальше бодрствовать и ждать, какое ему будет дано слово.

Воскресное утро: Сперджен всегда подавал хороший пример, приходя в капеллу вовремя. Самое малое за полчаса до богослужения он уже был в Табернакле, точно в назначенное время, сопровождаемый дьяконами и пресвитерами, поднимался по ступенькам на платформу, и после короткой паузы начинал богослужение. После проповеди следовала молитва, о которой Д. Муди сказал, что больше всего его впечатляли именно молитвы Сперджена.

Каждое второе воскресенье месяца сразу после проповеди встречались в течение получаса вначале со всеми посетителями, которые хотели использовать эту возможность, а затем вторые полчаса проводили в узком кругу вечерю Господню и в общении — для некоторых соратников единственная возможность для участия в ней.

Послеобеденное время и вечер занимала воскресная школа и миссионерская работа, проповеди на улице и другие формы христианского служения.

В воскресный вечер, кроме второго воскресенья месяца, праздновали вечерю Господню в закрытом кругу; а в первое воскресенье вечером — с большой церковью Табернакель. Тогда места внизу в зале и в большей части первой галереи предоставлялись тем, кто участвует в вечере. Многие участники богослужения находились в других помещениях здания. Это была впечатляющая картина, и кто ее пережил, никогда не забудет. Сперджен был убежден, что по апостольскому образцу вечера Господня должна совершаться каждое воскресенье и поэтому каждое воскресенье искал — дома или в дороге — возможности исполнить это, не уставая повторять, что постоянное участие в святом празднике повышает его значение, а не уменьшает, так как оно постоянно напоминает о Том, Кто сказал Своим ученикам: «Сие творите в Мое воспоминание».

Каждое воскресное утро — кроме второго — отовсюду приходили целые процессии посетителей. Его хорошая память тут же помогала ему узнавать тех, кого он уже видел хотя бы один раз или с кем разговаривал. Каждое лето добавлялись сотни американцев, которые участвовали при богослужении. Большинство посетителей надеялись на личную беседу, среди них многие пасторы, которых сердечно приглашали на вечерние

богослужения или молитвенные собрания. Сперджен очень радовался, когда один из гостей сказал ему:

— Ну, брат Сперджен, я слушал вас десять лет назад и сейчас с радостью установил, что ваше учение не изменилось. Сегодня вы стоите точно там же, где и тогда.

— Да, — ответил Сперджен, — и если вы придете через другие десять лет, вы услышите — если Бог позволит — проповедь того же самого Евангелия, если Господь не возьмет меня за это время к Себе.

Из-за Атлантики прибывали особо близкие друзья, которые были уверены, что пастор пригласит их в свой дом. И с некоторыми он проводил тихий день на природе, другим он показывал сиротские дома, некоторым — Библейскую школу, и при этом они слышали, как Господь привел его ко всему этому.

Приходили также бедные, подавленные души, искавшие его помощи, соработники, нуждавшиеся в ободрении или приводившие тех, кто недавно нашел Спасителя. Нужно было посещать больных. Все это совершалось между утренним богослужением и подготовкой к вечернему собранию, когда Сперджен не приходил домой, так как Вествуд был далеко от Табернакеля. Вечернее собрание проходило быстрее и обычно было евангелизационным, так как тогда больше приходило чужих. Но иногда было наоборот; и тогда учение о благодати раскрывалось снова и снова, и это приводило к покаянию большего числа грешников, чем прямо обращенный к ним призыв.

Несколько лет подряд один раз в три месяца Табернакель оставался открытым для каждого, кто хотел прийти; члены церкви отвечали на вопросы посетителей. Такой эксперимент могла себе позволить не каждая церковь, но это с самого начала было вознаграждено чрезвычайным успехом. Сперджен позднее говорил, что его постоянные слушатели так лояльно держали себя в этом деле, что он среди пяти или шести тысяч посетителей не видел даже пять или шесть из них. Когда он, честно заработав ночной покой, после собрания усталым приходил домой, было сделано еще не все намеченное на день: если в понедельник ему предстояло пуститься в долгую дорогу на служение, тогда во всех случаях ему нужно было подготовиться. Обычно первой его работой в понедельник было подготовить к печати воскресную проповедь.

Вся эта работа делалась из любви, но все же это была работа, и неудивительно, что во время одной серьезной болезни врач сказал ему, чтобы

после больших воскресных перегрузок воскресных богослужений он давал себе отдых. Но он знал, что, если печать проповеди затянется, то задержится ее распространение. Он должен и дальше предоставить свои таланты в Божье распоряжение, что означало лучшую ниву, и он не мог разочаровать тех, которые в различных местах земного шара ожидали этой проповеди.

43. Сперджен читатель и автор

«Бог дал Илии одним приемом пищи достаточно на сорок дней. Друзья, получаете ли и вы иногда такую пищу? Я да, и особенно тогда, когда читаю определенные книги, — нет, не современные. Они не нужны мне — один грамм муки на пять литров воды. Дайте мне лучше один из тех добрых солидных томов старых пуритан, которыми сегодня так мало дорожат. Такая благословенная пища нравится моей душе, и она насыщается от нее». — Ч. Г. С., проповедь в Табернакле, 24 июня 1883 года.

Биография Сперджена была бы неполной, если бы она не сообщила о книгах, которые он читал, писал или имел. Все, хорошо знавшие Сперджена, будь то в детстве или юности или в более поздние годы, свидетельствовали, что в том, что касалось чтения, он был большим проглотом. В одной из глав он сам сообщает о том, каким счастливым мальчиком он был, когда читал такие книги как «Книга мучеников» Фокса или «Путешествие пилигрима» Дж. Буньяна или тяжелые фолианты* пуританских богословов, которые он обнаружил в помещении без окон в старом паспорском доме в Стемберне.

Мальчик и книги были неразлучны. Так же было, когда он возвратился от дедушки с бабушкой к родителям в Колчестер, а также, когда посещал школу своего дяди в Мэйдстоне. В детстве и юности он занимался многими науками, получая и собирая необъятные знания, которые многие называли энциклопедическими, так как знания эти были велики и обширны. Его статья «Разоблаченное папство», которую он написал в 15 лет, показывает, как обширны были его интересы в раннем возрасте. Часто он весело рассказывал о необычных способностях, которые давали

* (лат.) большая толстая книга

ему право принимать участие в школьных дебатах. Зачастую он знал по каждой теме больше, чем все остальные, так что никто не мог победить его своими аргументами. И поэтому у него единственного была возможность безупречно участвовать в дебатах, произнося аргументы и «за» и «против»! Его соученикам было удивительно и непонятно слушать, как он опровергал собственные аргументы, которые казались им непобедимыми, когда он защищал их.

В то время он очень охотно занимался естественными науками. Некоторые его ученики еще до его смерти подтверждали, какими необычайно интересными были уроки, которые он давал им по этому предмету. В это время он подготовил себе большой запас впечатляющих иллюстраций для проповеди, которые ему и его слушателям послужили большой пользой в многолетнем служении.

Сперджен редко говорил что-то о своих собственных достижениях и о квалификации, которые имел в жизненной работе. Но когда он рассказывал о полезнейшем и способнейшем служителе Господа, он раскрывал картины, которые лучше всего подходили бы для него самого. То, что он сказал в проповеди в Табернакле о Джоне Буньяне, точно отражало его речь и написанные им книги:

«О, если бы ты и я могли проникнуть в сердце Слова Божьего и это слово — в нас! Как шелкопряд вгрызается в листок и съедает его, так мы должны поступать со Словом Господа: не ползать по его поверхности, но вгрызаться в него, пока оно проникнет глубоко в нас. Бесполезно только водить глазами по буквам, чтобы увидеть поэзию или исторические факты. Благословение будет только тогда, когда мы вгрызаемся в Библию, пока мы, в конце концов, не достигнем ее души. Тогда ты будешь говорить языком Библии, стиль Библии перейдет к тебе и, что еще лучше, твой дух будет полон словами Господа. Пример этому — Джон Буньян. Если ты читаешь его книги, то это почти то же самое, что ты читаешь в Священном Писании. Он читал и изучал авторитетный перевод Библии, который, как я понимаю, не может быть улучшен, пока Христос не придет снова. Он читал Слово Божье до тех пор, пока его язык полностью не пропитался им. И если то, что он написал, — захватывающее сочинение, то каждый раз, когда мы берем его «Путешествие» — лучшее из всех прозаических сочинений — в руки, мы убеждаемся: «Этот человек — живая Библия»! Где бы ты ни соприкасался с ним, ты

увидишь: его кровь — «библин», эссенция самой Библии. Он не может говорить, не цитируя библейских слов, так как его душа полна Божьих слов».

Когда Сперджен составлял иллюстрации для «Сокровищницы Давида», то — не из-за неспособности, а из-за нехватки времени, он вынужден был принять помощь некоторых своих друзей. В соответствующих томах он высказывает им свою признательность.

Произвести впечатление на внимательного читателя и одновременно показать, какой трудной была работа и с какой заботливостью она сделана, поможет один пример. В предисловии к III тому Сперджен писал:

«Наука велика, жизнь коротка — и так как я не способен был справиться с моей задачей без помощи, я должен был попросить моего друга мистера Грейса, способного учителя древних языков, помочь мне обработать громадную гору латинских комментариев. Большие тома, полные сухих слов, там и здесь дают немного пищи для размышлений. И эти крупницы будут для моих читателей достаточно важными, чтобы оценить усилия моих соратников и мои. За выбор я сам несу ответственность, за правильность перевода мы оба должны стоять твердо. Читатель заметит, что он, без больших денег и усилий, будет иметь под рукой самое важное из Венемы, Ла Бланка, Лоринуса, Героуса, Мускулуса, Мартина Гайера, Моллеруса и Симона де Муиса, к тому же немного из Витринга, Янзениуса, Савонаролы, Ватаблуса, Туррекремата, Марловатуса, Палантериуса, Теодорета и других, насколько мы оцениваем эту важность. Я честно могу сказать, что не чуждался трудностей и не экономил усилий, чтобы сделать книгу как можно полноценней, путем собственных усилий или при помощи других».

Среди трудов Сперджена есть маленький томик со скромным названием «Замечания и комментарии», который лучше всех показывает, как хорошо он был знаком с общим толкованием литературы. Цель книги и приложенные к ней усилия описываются автором:

«Божьи ученые, которые изучали Писания, оставили нам большие запасы святых мыслей, и мы хорошо делаем, если используем их. Их толкования не могут заменить наше собственное размышление. Но как воду заливают в сухую помпу, чтобы помпа функционировала, так и чтение может привести наши мысли в движение. Но в этом и состоит проблема. Студенты часто не знают, какие книги они должны купить, и их малые деньги часто тратятся на те, которые в общем бесполезны. Поэтому я

постарался — прочитал и просмотрел от трех до четырех тысяч книг. Из этого я составил мой каталог; многие из этих книг я не внес туда, и все же собрал богатый выбор. Хотя я использовал всю силу своих суждений, но наверняка сделал и ошибки. Конечно, только немногие будут согласны со всеми моими суждениями, а некоторые будут сердиться на мои замечания. Во всяком случае, я сделал лучшее, что мог, и со всей беспристрастностью: я ничего не занизил и ничего не написал из злого умысла. Кто недоволен этой книгой, тот пусть напишет лучше; но он должен уяснить себе, что у него есть хорошая возможность пахать на моих волах, и поэтому он должен сделать лучше».

Некоторые читатели проповедей Сперджена или других его книг думали, что он мало знаком с древней классикой и древними библейскими языками, так как редко цитирует классиков или пользуется библейскими языками. Настоящую причину подобной умеренности мы можем увидеть в предупреждающих словах, которые он дает своим студентам в лекции: «Толкование: Избегай всякой педантичности».

«Педант, который часто цитирует Амброзиуса и Хиронимуса, Пискатора и Окалампада, чтобы показать, что он это все уже прочитал, на самом деле маленький торговец, и он цитирует только то, что другие перед ним уже цитировали. Но тот, кто может предложить тебе результат обширного чтения, не трубя перед собой, тот на самом деле образован. Как всеобщее правило можно заметить: кто меньше всего знает греческий, показывает в первую очередь лохмотья своей учености на кафедре и не забудет сказать: «В греческом это называется так и так». Необразованный охотно показывает вешалку, на которой должна висеть образованность. Нет, брат, процесс толкования должен находиться в вашей учебной комнате. А церкви вы должны показать результаты, а не процесс. Хороший повар никогда не придет к идее послать в столовую кастрюли и сковородки, скалку и ящик с пряностями, скорее всего он постарается незаметно сервировать стол».

В 28-й год издания «Уста и меч» (1865-1892) упоминается много тысяч книг, которые Сперджен как издатель или читал сам или же просмотрел, после чего мог говорить о них. К тому же он читал еще многие книги, которые не обсуждал, так как было ясно, что негативное обсуждение в его газете будет способствовать добавочному вниманию к учению заблуждения. Поэтому он считал более разумным просто игнорировать такие книги. Когда он находил книгу аморальную или с вредным учением, он тут же рвал ее на куски, которые были так малы, что никому больше

В Ментоне с Гарольдом, его секретарем.

не могли повредить, или сжигал эту книгу лично. Многие книги, которые сеяли сомнение в Божественности нашего Господа, в действительности Его жертвы или в инспирации Писания, подвергались этому наказанию; некоторые Сперджен сохранял как иллюстрацию того, о чем писали религиозные вожди его времени.

Отдыхая в Ментоне, он всегда имел с собой достаточно книг. Он не только брал их с собой, многие посылались ему. Он выбирал книги для своего путешествия, при этом всегда были некоторые биографии и один-два тома его любимых пуритан, например, Мантона или Брукса.

Сперджен читал очень быстро и охватывал все, что читал. Он мог за короткое время прочитать толстую книгу и применить к себе ее содер-

жимое. Доктор Уильям Райт из Британского и Иностранного Библийского Общества писал в феврале 1892 года:

«Когда я поселился по соседству со Спердженем, то установил, что его литературные познания поразительны. Думаю, что никто не мог читать так, как он. Он мог сесть с пятью или шестью толстыми книгами и все их сразу прочитать. Когда он сидел, его левая рука лежала на левой стороне книги, а правая сдвигала страницу на правой стороне, пока та не выдвигалась немного, тогда он перелистывал ее и читал следующую страницу. Быстрым взглядом охватывая содержание, он читал целые предложения, когда другие читают слова, и его память твердо удерживала то, что он прочитал. Подобным образом он каждую неделю прочитывал полдюжины сложных книг, чтобы держать свой разум бодрствующим. И никогда он ничего не пропускал.

Вначале я был удивлен, что Сперджен использует как еврейский, так и греческий текст. «Обо мне рассказывают, — сказал он, — что я глупый и необразованный. Пусть спокойно говорят. Во всем, и в глупости и в разумности, должен прославиться Бог».

Его экзегетика редко была неправильной. Он не жалел никаких усилий, чтобы узнать точное значение текста. Однажды, когда он хотел говорить о маслине, он послал своего секретаря с рядом вопросов о свойствах дерева к руководителю отдела естественных наук Британского музея, мистеру Каррутерсу. Тот был так заинтересован, что написал для Сперджена несколько страниц. Когда же Сперджен проповедовал, вся информация была уже обработана, и в немногих предложениях, в стиле Буньяна, всплыла на поверхность... Когда я оставлял его в субботу вечером, иногда он еще не знал, о чем будет говорить в воскресенье. Но его духовные кладовые были хорошо заполнены. И если он находил главное направление проповеди, достаточно было нескольких заметок на маленьком листочке. Перед моим уходом он коротко молился, и это было для нас обоих ободрением.

Величие Сперджена покоилось на многообразии его способностей. Его голос был приятным; тебе нужно было просто слушать. Его дух воспринимал все знания, которых он мог достичь, будь то из книги или из природы. Его глаза имели широкий кругозор, и он видел все, чего касались его глаза. У него была память, на которую он мог положиться. Его сердце было большим, горящим любовью к Богу и к людям. И все, что он делал, он делал хорошо, все равно — материальное или духовное. У

него была только одна цель, и он следовал ей, убежденный в ее истине. Этим он приобретал доверие всех, кто знал его. Все, кто встречал его, не могли иначе, как любить его».

Доктор Дж. Штандфорд-Холме пытался в одной статье показать читателям Атлантики источники умственной и духовной силы Сперджена. В январе 1879 года он писал в «Христианском вестнике»:

«Заслуживает внимание тот факт, что в нашей стране ничего не может сравниться с распространением его проповедей. Из американского издания его проповедей продано больше чем 500.000 томов. И если к этому громадному числу добавить несчетное количество оттисков отдельных проповедей в газетах и журналах, тогда мы имеем право сказать, что ни один проповедник в Америке не имеет столько «слушателей», как Чарльз Г. Сперджен.

Многие причины популярности этого известного проповедника легко обнаружить. Он превосходит всех проповедников в ясности и силе мыслей, в простоте и чистоте языка, в познании истин Евангелия, в тактичности и проникновенности изложения.

Когда Сперджен в юные годы начинал свое служение в капелле на Нью-Парк-стрит в Лондоне, он быстро притянул к себе так много людей, что старая церковь была переполнена. Скоро он стал известен по всей Англии. Многие думали, что он сияющий метеор, который скоро исчезнет. Но сегодня Сперджен еще более успешный и захватывающий проповедник, чем 20 лет назад, его успех и увлекательность возрастают, нет никаких признаков уменьшающихся способностей.

Это несомненно в определенной мере можно приписать не только его усердию и эффективным методам работы, но и его природным способностям и глубокому личному смирению. Но особое понимание Слова Божьего и метод его подготовки к проповеди немало добавляют к неисчерпаемому многообразию, которое так типично для его проповедей. Он прядет свою паутину не из самого себя. Источники, из которых он черпает, измеряются не его собственными масштабами, но безграничной полнотой Божественного слова. Он никогда не проповедует о какой-нибудь теме, но всегда на один текст. Текст — это не просто девиз проповеди, нет, проповедь истекает из него. Он использует текст с таким явным уважением, что кажется, будто эти немногие слова — единственные, которые когда-либо говорил Бог. Текст — это зерно, которое дает проповеди учение, дух и содержание. Каждая проповедь имеет вкус, запах и цвет, подобно Божественному зерну, из которого она вырос-

тает. И так как Библия — неисчерпаемый многообразный склад зерен истины, так и проповеди Сперджена никогда не бывают одинаковыми. Каждое зерно приносит соответствующий плод. Если он и преподносит всегда те же старые истины, то каждый раз раскрывает их с новой стороны, освещает их новым светом или ставит их в новой связи».

Многие отдали дань литературным способностям Сперджена при его жизни и после его смерти. Очень уместно и полно сделал это доктор Джеймс Шталкер при открытии памятника Сперджену на участке сиротского дома в Стоквеле 20 июня 1894 года:

«Книга, которая обращается к обычному читателю назидательным и понятным языком, — одно из редких произведений прессы. Чтобы написать такую книгу, нужны исключительные способности. Нужно знать человеческую природу и жизнь. Нужно быть искусным, обладать чувством юмора. К тому же автор должен уметь просто и убедительно говорить.

Все, что было необходимо, Сперджен имел в несравненной мере. Чтобы найти подобного ему, в Англии нужно было бы пройти назад до Джона Буньяна. Лютер в этом отношении недостижимый мастер, и я не удивляюсь, видя сегодня на стене так много портретов Лютера, собранных Спердженем, так как здесь они больше всего похожи друг на друга. Просто удивительно, как Лютер развивал свои способности. Когда он стоял на вершине своей славы, он написал в Нюрнберг, чтобы ему прислали все народные книги, песни и детские рассказы, чтобы он мог упражняться в простоте языка. Он сам говорил, что наблюдал за крестьянином на поле, за матерью в доме и за мальчиком на улице, чтобы научиться от них говорить и писать. Он перевел рассказы и собственноручно составил большой словарь. Это напоминает нам Сперджена, который сделал подобное в еще большем объеме. Меня не удивляет, что Томас Сперджен упомянул «Заметки пахаря», так как это собрание остроумия и мудрости, которое, по моему мнению, среди народных классиков будет бессмертным. Но это были проповеди, которым он год за годом, без всяких ограничений, отдавал все способности своего гения, и эти проповеди так хорошо подходили сердцу и сознанию огромной массы англоязычного народа, что рядом с ними нельзя поставить никакое издание наших дней.

Но я хочу добавить одно: он, который так ясно обращался к простому человеку, был более образован, чем все думали о нем. Я не знаю, как часто он отвергал докторский титул, но я уверен, что он не раз заслу-

жил докторский титул богословия. Много лет я неделю за неделей читал его комментарии на Псалмы и сравнивал их с лучшими научными комментариями. Это самый лучший и строгий масштаб, который может приложить к книге пастор, и Сперджен прекрасно выдержал этот экзамен. Повсюду чувствуется не только способный и бодрствующий разум автора и его интуиция (способность проникновения) в духе Псалмов, а также должен сказать, что часто был удивлен, что он, не получив систематического богословского образования, был хорошо знаком с новейшими доводами Библейской науки».

Сперджен был очень хорошо знаком с пуританскими богословами. С начала семинара он пытался заинтересовать этим студентов, и помогал им достать многие из этих книг. Позднее на семинаре он читал лекции о важнейших пуританах, предлагая студентам отрывки из их жизни и выдержки из их книг, знакомил с учением и особенностями их стиля, и давал масштабы классификации. Эти чтения еще не напечатаны. Но в маленькой книге «Иллюстрации и размышления; цветение пуританского сада; выводы и размещение Ч. Г. Сперджена» можно узнать, сколько усилий стоило их составление, и получить представление, как он сравнивает авторов. Он пишет в предисловии:

«Когда я работал над толкованием 118 Псалма, то должен был очень обстоятельно познакомиться с Томасом Мантоном, который с большой силой проповедовал на эту часть Писания... В сегодняшних изданиях его труд включает 22 тома — огромная гора хорошего богословия. Это большинство проповедей. Но что за проповеди! Они не такие сверкающие как у Генри Смита и не так глубоко захватывающие как у Оуэна, не с такой впечатляющей риторикой как у Хове, не такие сочные как у Ватсона и не такие интересные как у Брукса. И, несмотря на это, они стоят выше всех этих проповедей. Как солидное искусное наставление, полное силы, они непревзойденны. Мантон не блестящий, но ясный. Он не риторик, но у него есть сила. Он не удивителен, но его мысли глубоки. Во всем собрании нет плохих проповедей. Проповедники, не знающие Мантона, не должны удивляться, если они сами останутся неизвестными.

Так как Мантон использует мало иллюстраций и сравнений, я пришел к идее найти каждое из них, так как был уверен, что они будут ясными и сильными. Так я сделал эту работу, том за томом вычеркивая сравнения.

Библиотека и учебная комната в Вествуде.

Затем я решил убрать из трудов Мантона самые лучшие картины. Мое посещение большого пуританина закончилось тем, что я забрал из его дома все картины и повесил их в своих рамках. Так как я не сомневаюсь в его праве на них и ни от кого это не скрываю, я ничего не ворую у него. Наоборот, я распространяю его влияние, давая ему новую возможность говорить для своего Господа и Учителя. Так одна работа ведет к другой, и работа становится легче, если она многообразна. Без «Сокровищницы Давида» я бы не провел так много времени со сравнениями Мантона».

Когда Сперджен умер, его личная библиотека включала 12.000 томов. Их было бы намного больше, если бы он не подарил так много книг библейской школе и если бы великодушно не дарил книги своим друзьям. Его книги заполняли полки почти двух больших помещений (кабинет и библиотеку), одно маленькое помещение («пещеру») и комнату перед кабинетом. Сегодня (1904) в Вествуде находятся больше книг, чем в 1892 году, так как там все книги владельца, и прибавлено еще много новых. Он знал, где должна стоять каждая книга, и из каждой он знал хотя бы главный смысл. Почти каждую он мог найти даже в темноте, и если бы какой-то нечестный посетитель взял с собой одну, он бы быстро обна-

ружил пропажу. Вероятно, многие его драгоценные сокровища потерялись, когда он отдавал их читать на время, так как не все, бравшие у него книги, были так аккуратны с отдачей, как он. Поэтому он иногда приводил своим студентам следующие примеры:

«Недавно я встретил одного пастора, которому, по-моему, удалось изменить человеческую природу. Он знал троих людей, которые вернули на время взятые ими зонтики. Мне пришлось признать, что он вращался в лучших кругах, чем я, так как я лично знаю многих молодых людей, которые взяли читать книги, но не отдали их назад. На другой день мне написал один пастор, давший мне на время пять томов, которые я использовал больше двух лет, и попросил меня вернуть ему три из них. К его удивлению, он получил их следующей почтой, и к тому же два других, о которых он забыл. Я записываю книги, которые беру, и таким образом я мог полностью вернуть его собственность. Я уверен, что, если я снова попрошу у него книгу, он с удовольствием даст ее мне».

Если бы Сперджену пришлось вернуться в свой кабинет, для него не составило бы трудности найти любую книгу, так как они расставлены по той же системе, которую он ввел много лет назад. Комментарии начинаются с Бытия, занимая целую сторону помещения, до книги Откровения. Затем идут собрания забавных историй из жизни людей, иллюстрации и символы, словари, богословские труды, биографии и различные книги. Особо стоят старые богословские книги. Затем следуют труды естественных наук, сообщения о миссии, о путешествиях и открытиях. Затем — снова биографии и книги о святой земле.

Друзья давно почувствовали нужду Сперджена во втором личном кабинете, где он мог бы уединяться для молитвы, для подготовки к проповедям или проводить беседы с особыми посетителями. Это помещение получило название «пещера», хотя оно сильно отличалось от помещения Буньяна в Бедфордской тюрьме, которое описал бессмертный сновидец. На этом любимом месте Сперджен с любовью поместил труды пуритан — он, который всегда отклонял этот титул «последний пуританин», который ему часто давали, так как был уверен, что сотни его студентов будут продолжать традиции пуританских богословов, даже когда его уже не будет среди них. Он знал также, что в других церквях и в других странах большое число людей верят тем истинам, которым учили пуритане, и многие пострадали за них даже до мученической смерти.

Одним из любимых занятий Сперджена было собирание фотографий, автографов, дарственных надписей и отрывков из манускриптов

или рукописные пробы авторов в книгах, которые он получил от них, что значительно повышало значение книг. Возможно, эта любовь содействовала и тому, что он с радостью раздавал автографы, даже тогда, когда собиратель не прилагал оплату обратного письма. И поэтому на сотнях книг, которые он дарил друзьям, он писал несколько слов. Как сегодня дорожат эти друзья такими книгами, цену которых повышает с любовью написанный автограф!

На первом листе симфонии Грудена, которую всегда использовал Сперджен, стоит такая надпись:

«В течение этих десяти лет эта книга была в моей левой руке тем, чем было Слово Божье в моей правой. Какой драгоценный помощник! Заметки, которые я написал на краях, отрезаны переплетчиком, к которому мне пришлось послать эту книгу, так как она была полностью зачитана. Слава Господу, что в эти двадцать лет Он дал мне возможность изучать Его Слово и что-то понять из Его любви. Январь, 1869 — Ч. Г. Сперджен. Этот наполовину безумный Груден оказал лучшую услугу церкви, чем половина богословских и философских докторов всех времен — май 1872».

В проповедях Уайтфильда есть одна подпись со словами: «Ч. Г. Сперджен, восхищаюсь Уайтфильдом, как самым великим проповедником».

Сперджен до конца своей жизни не только читал огромное количество книг старых и новых авторов, он до конца писал книги, которые должны читать другие.

В последний период его жизни Сперджен закончил «Сокровищницу Давида» и вел постоянное издание «Кафедра Табернакеля», «Уста и меч», иллюстрированный альманах, а также продолжал альманах Джона Плумена. Среди еще не упомянутых книг его последних лет можно назвать: «Нить, которая выводит из лабиринта»; «Выступление в защиту честной веры». Эта книга имеет сильный автобиографический характер.

Примерно в это же время Сперджен работал над первым из четырех томов «Моя незаметная проповедь». Он издал ее, так как все постоянно просили наброски для простых проповедников, у которых не было достаточно времени для подготовки к проповеди или для тех, которым тяжело было находить нужные темы для проповедей. На книгу был большой спрос, и Сперджен писал в газете «Уста и меч»:

«Первый том наших набросков проповедей был принят очень хорошо, первый тираж в пять тысяч уже почти распродан, хотя она так

поздно была представлена общественности. Мы принимаем это как хороший знак и скоро выпустим второй том с нашими набросками проповедей до Малахии».

Через некоторое время все тома были готовы, и многие покупали их.

Маленькая книга: «Полностью по благодати» — серьезное слово к тем, которые серьезно ищут спасение в Иисусе Христе. Из трудов Сперджена она больше всех переведена и через нее нашло спасение больше людей, чем через другие его книги.

Так как Бог так явно благословил эту книгу, Сперджен написал еще одну подобную книгу «По обетованию», и еще через время — «Сквозь тесные врата».

Книга «Чековая книжка со скамьи веры» показала, как быстро Сперджен может писать. Эта книга содержит 366 обетований, по одному на каждый день, в ней помещены короткие практические объяснения для тихого часа или для семейных собраний. Когда Сперджен проводил в Ментоне зиму 1887-1888 гг., в один понедельник целый день так сильно лил дождь, что ему весь день пришлось сидеть дома. Его сопровождающие не знали, что он размышляет над новой книгой. Они только видели, как он лист за листом писал на чужой бумаге для записок. Некоторое время спустя он объяснил им, что начал книгу для собраний на каждый день, и прежде, чем пошел спать, он закончил январь и отдал рукопись господину Пассморе, чтобы тот отослал ее в Лондон для печати. Все было так хорошо написано, что нужна была совсем ничтожная корректура. И кто имеет эту книгу и посмотрит первые тридцать одну страницу, сможет понять, какой объем и какого качества работу сделал Сперджен в один дождливый день в свои каникулы на солнечном юге. «Чековая книга» составлена большей частью из собственного опыта верности Божьей в его жизни. В предисловии он пишет: «К ободряющим библейским местам я добавил свое свидетельство, плоды искушений и переживаний. Я верю всем обетованиям Божиим, но многие из них я пережил сам...»

После «Чековой книги» Сперджен издал два тома совсем другой работы, а именно «Соляные сосуды». Почти двадцать лет он издавал альманах Джона Плоумена, а также совершил колоссальную работу по сбору или составлению многих тысяч изречений, эпитафий, и выпустил их в форме ежегодного альманаха в прочном переплете. Они были располо-

жены в две колонки в алфавитном порядке. Первый том содержал половицы и мудрые высказывания, второй — изречения духовного характера, и почти к каждому изречению Сперджен добавил свои «домашние заметки». При рассуждениях о книге было сказано: «Изречения исключительны, но комментарии Сперджена совершенны».

Если было бы место, можно было бы добавить еще одну главу о Сперджене, как о писателе и издателе церковных песен, так как и в этой области он получил большие способности от Господа. В начале 1890 года он написал песню, которая описывает его духовное переживание. Ее исполнили в программе конференции библейской школы. Те, кто принимал участие в конференции, не забудут, как она звучала, когда ее пели пятьсот проповедников и студентов. Вначале люди сидели, но во время пения все неожиданно встали, и стали петь ее быстрее и громче, еще больше славу Богу возвеличивало музыкальное сопровождение песни Мантоном Смиттом на корнете. Эта песня была последней, которую сочинил Сперджен.

Следующая книга Сперджена вышла в связи с последней конференцией библейской школы в 1889 году. Речь Сперджена так вдохновила всех, что просили ее напечатать. За неделю после конференции Сперджен обработал ее и напечатал под названием «Самое большое сражение». Эта книжечка разошлась тут же, не раз переиздавалась — и в США, и в переводе на французский и немецкий. После смерти Сперджена один господин, который слышал его памятную речь, заметил, что он может ею почтить память о Сперджене, послав каждому духовному лицу в Англии экземпляр этой книги как «Манифест Сперджена». Так было напечатано еще 34.500 экземпляров этой книги, и Господь тоже благословил эти старания.

Другой томик, который будит очень личные воспоминания, это «Воспоминания о Стемберне». Сперджен начал эту книгу перед долгой болезнью в 1891 году и закончил ее в период выздоровления, которое Бог по милости Своей дал ему позднее, в этом же году. Он должен был стать первым томом его автобиографии.

В то же самое время он писал еще одну книгу: «Евангелие о Царстве. Обширное толкование Евангелия от Матфея». По этому поводу жена Сперджена писала:

«Это единственная в своем роде книга. Это последний труд любви усталого работника для своего Господа. Это последняя любящая песня с уст того, который всю жизнь пел хвалу Царю. Это победный клич уми-

рающего знаменосца, который без колебания нес символ своего Вождя там, где сражение было в самом разгаре... Большая часть этой книги написана уже на границе Небесной страны, в приближении славы невидимого мира и уже почти при виде золотых ворот».

Сперджен хотел написать эту книгу как назидательный комментарий, который обращает особое внимание на Царство Господа Иисуса Христа, что в Евангелии от Матфея играет большую роль. Он писал эту книгу не спеша, большей частью во время зимнего пребывания на солнечном берегу Средиземного моря. Когда он во второй половине года настолько поправился, что мог поехать в Ментон, он очень охотно вновь взялся за эту работу, и писал ежедневно до самого смертного одра. До последнего его рукописи были ясны и тверды как всегда, не было никаких признаков предстоящего конца. Умственно и духовно это произведение ничем не уступает его трудам в лучшие годы. Но ему не было позволено закончить его, так как он был призван предстать перед Царем, о Котором писал, и принять участие в славе Царства, о котором так долго проповедовал другим.

После основательных рассуждений было решено не оставлять эту последнюю книгу незаконченной, но довести ее до конца, как он бы ее сделал. Он так часто объяснял последние главы, что было достаточно материала, чтобы составить последнюю часть комментария из его собственных слов. Эта тяжелая работа была доверена его личному секретарю.

Ряд других книг Сперджен или начал или планировал. Некоторые из них были напечатаны. Первая — это «Искусство иллюстрационной проповеди», третий том серии «Лекции для студентов», одно из особенно ценных наставлений к применению иллюстраций к проповеди; оно также содержало информацию о книгах, в которых проповедник найдет подходящие истории, иллюстрации и притчи.

Затем вышел один из драгоценнейших томов трудов Сперджена: «Пока Он придет». Он большей частью содержит проповеди, сказанные Спердженем своим друзьям, которые в его комнате в Ментоне совершали вечерю Господню. И к ним добавлены проповеди перед тысячами, которые собирались на вечерю в Табернакле.

Другая книга, которая была необходима многим работникам на ниве Господней, это «Попечение о душах». Она содержит лекции для студентов библейской школы, проповеди для учителей воскресных школ

и уличных проповедников и проповеди о том, что Сперджен называл «царским занятием» — привлечение душ ко Христу.

Эти труды, напечатанные после его кончины, особо упоминаются здесь, так как они все очень автобиографичны, и многие главы этой книги содержат отрывки из них. Все эти книги получили большой отклик, возможно, потому, что голос, который так много говорил об их содержании, сегодня уже не может быть услышан на земле.

44. «Прямое противостояние» — с позиций Сперджена

Записано Сюзанной Сперджен:

«Эта биография не будет полноценной без описания очень болезненного, но очень важного периода названного «прямым противостоянием».* Я боюсь коснуться струн этого умолкнувшего инструмента, ведь даже самые нежные и ловкие пальчики могли бы сегодня нарушить гармонию, а я тем более совсем не хочу вызвать вновь никакую дисгармонию. О, да положит Господь Свою руку на мое сердце, разум и перо так, чтобы я бережно и правдиво могла в общих чертах рассказать эту печальную историю!

Более способные друзья могли бы полнее и подробнее написать об истории этого противостояния. Но после многих молитв и размышлений я решила не задевать значительную часть теневых сторон прошлого и согласно автобиографическому характеру данной книги описать это

* «Прямое противостояние» было вызвано в 1887 году после статьи в газете «Уста и меч», рассказывающей о том, как далеко уклонились от библейских истин некоторые баптистские церкви. Многие горячо противились упрекам, а Союз баптистских церквей, напротив, на своей осенней конференции проигнорировал их. С. Г. Бут, секретарь союза, лично дал Сперджену доказательства неверия баптистских духовных лиц. 28 октября 1887 года, когда стало ясно, что Союз ничего не намерен предпринимать, Сперджен со своей церковью вышел из Союза. До сих пор полноценная история этого противостояния не опубликована, и даже кажется, что потеряны необходимые для этого документы. Эта глава дает интересный взгляд на мысли Сперджена и его жены. Его открытые высказывания по этому поводу можно найти в газетах «Кафедра Табернакеля» и «Уста и меч» 1887 года. Описание противостояния можно найти во многих новых книгах, например «Незабытый Сперджен» Иен Миррау, 1966, 2 издание, 1973.

противостояние с позиций Сперджена. Он рассказывает эту историю посвоему, так что здесь описано только то, что он сам хотел рассказать о самом глубоком горе своей жизни.»

«С августа 1887 до февраля 1892 гг. не выходило почти ни одного номера газеты «Уста и меч», которая не упоминала бы о противостоянии. Самая волнующая статья «Сообщение издателя» появилась за несколько дней до смерти моего мужа. В ней он говорил, что эта борьба за веру будет стоить ему жизни. Но он никогда не сожалел об этом шаге. Он чувствовал тот же самый Божественный долг, который руководил и Лютером, когда тот сказал: «Я не могу иначе».

Что касается Союза баптистских церквей, то выход Сперджена мало повлиял на него. Компромисс в Сити Темпл в 1888 году утвердил позицию модернистов в Союзе и этим сделал официальное порицание руководства Союза делом всеобщей Союзной конференции, за исключением семи членов Союза, которые были против. С другой стороны, у меня есть много доказательств, что протест был не напрасен. Многие из тех, которые уже довольно глубоко спустились вниз, были задержаны на этом опасном спуске, и по милости Божьей снова начали подниматься вверх. Другие, которые, не заметив того, начали скользить вниз, укрепились вновь на вечной Скале — Христе. И во всех церквях хотя бы на время стали ясно проповедовать евангельское учение, чего уже давно не было.

Все, что в последнее время повлияло на все это дело, должно оставаться в руках Того, Который никогда не ошибается и Который посвоему будет оправдывать Своего послушного и верного слугу против порицаний, так несправедливо высказанных против него.

Вскоре после выхода из Союза баптистских церквей Сперджен поехал на юг Франции, чтобы там немного отдохнуть и поправить здоровье. В письмах, которые он писал в это время, он постоянно упоминал эту болезную тему. Конечно, письма ко мне делают ударение на личную и частную сторону противостояния, и на это указывают следующие высказывания:

«Прочтя письмо от Н. (одного из близких нам людей), я был очень удивлен, но в битве нужно рассчитывать на урон. Важное дело — знать, как нужно поступать. Но одно мне достаточно ясно — я должен отойти от тех, которые принадлежат к «широкой школе». Когда после обеда я сидел под пальмами, то чувствовал себя так хорошо, как птичка под синим небом. И тогда пришло письмо, чтобы отрезвить меня и прогнать от солнышка к моему Господу, Который Сам есть солнце. Я все могу

перенести за Иисуса, пока Его вечные руки держат меня. Холмы в Хайерес называются «Райскими горами», но даже и туда пробирается змея. Но что она может сделать?! — С нами Тот, Кто поразил змея в голову, Который все покорит Себе. Мне жаль, что злой поток унес одного из близких нам людей. Но самое удивительное то, что их не так уж и много. Это показывает, что положение было хуже, чем я мог представить себе. Даже, если бы все оставили меня, я верю и знаю, что выполнил свою обязанность. Статьи в «Свободном человеке» и «Христианском мире» показывают, что все, что я делаю, может неправильно восприниматься. Но, несмотря на это, я знаю, что сделал и почему. Господь Сам будет нести меня. В Нем я покоюсь, и не чувствую никакой нужды в том, чтобы спешить отвечать моим противникам. И если я думаю о них, я не унываю. Как милосердно ко мне Провидение, что я здесь, в недостижимом месте. Лютер, в конечном счете, в Вартбурге был тоже в лучшем месте! Я не планировал это, я вообще ничего не планировал.

Какая же это грубая шутка, что эти братья хотят говорить со мной лично в отношении Матф. 18,15! Как часто я разговаривал с секретарем и президентом Союза! Только после этого я напечатал свои порицания, да и Союз я оставил только тогда, когда уже не было никакой иной возможности. Теперь должно что-то случиться. Только сделав решительный шаг, я мог вообще чего-то достичь. Как все же «неправильно» поступил Лютер, когда прибил на дверь церкви свои тезисы! Он должен был бы посетить папу и помолиться с ним! Пусть это дело не печалит тебя из-за меня. Господь даст нам обоим духа благодати, и мы никогда не будем бояться людей, и никогда не перестанем любить их.

Вчера меня посетил Кэнон Сидеботам, чтобы выразить мне симпатию его коллег и поделиться убежденностью, что моя позиция поможет всем верующим. Он рассказал мне, что у молодых людей, которых встретил при посещении больных, он нашел удивительный скептицизм, и верит, что это распространилось везде как эпидемия. Нужно противоядие, и оно пришло как раз вовремя. Дал бы этого Бог!

Как я радуюсь в Господе! Я теперь ближе к Нему, чем когда-либо раньше, я счастлив от чувства благословения. Я свободен от всякого страха, что не выдержу этой борьбы. Господь, Которого я хотел прославить, смиряет меня к Своим ногам в благодарности за Его драгоценную милость. В Его руке мы безопасны. Какая радость — чувствовать, что я в Его руке, и ты, и наши любимые мальчики, и церковь, и школа, и протестанство, и все!

Я надеюсь, что укреплюсь для тяжелой работы, которая ждет меня. Но я пытаюсь даже не думать об этом, но отдаться покою. Это, я думаю, самое мудрое решение. И все же я тоскую о том, чтобы сделать что-то доброе или принести немного плода для Господа. Иногда есть маленькие возможности, и я стараюсь правильно использовать их.

Вчера был день, полный событий. Вначале пришла телеграмма с сообщением о горячих дискуссиях и о том, что мой брат с неодобрением покинул совещание руководства Союза, так как подвергалась сомнению моя честность. Когда я как раз хотел отдохнуть, пришла вторая телеграмма: *«Руководство Союза выбрала Кулросса, Макларена, Клиффорда и меня для встречи с вами в Ментоне, чтобы без промедления обсудить, как можно сохранить единство нашей деноминации в истине, любви и добрых делах. Когда мы можем посетить вас? Письмо в дороге. Бут»*. Представь себе, четыре доктора богословия проделывают такой долгий путь, чтобы посетить меня! Я был очень удивлен и не знал, что мне ответить. Я не вижу, во что это все выльется. Я лежал до часу и не мог спать. Тогда я взял ручку и написал телеграмму: «Не могу ответить без более полной информации. Пожалуйста, прошу, чтобы делегация подождала моего возвращения. Тон дискуссии напоминает мне, чтобы я был осторожным. Письмо следует». Позднее я написал это письмо. Я просил их не проделывать эту долгую дорогу, ведь в нашей беседе четверо будут стоять против одного, и я буду переживать, что из-за меня пришлось пойти на такие расходы. Если бы речь действительно шла о братском разговоре, я бы охотно встретился с ними после возвращения домой, если ясно пойму, что это действительно полезно. Теперь я нуждаюсь в мудрости. Я не боюсь этих четырех докторов, но думаю, что с их стороны это был мудрый шаг. Если это означает, что они готовы уступить, это хорошо. А если нет, если они перед всеми будут утверждать, что я неразумный? Во всяком случае, Господь подготовит меня ко всему. По Его милости я здесь, иначе я мог бы и не перенести все это. Но я спокоен, отдохнул и не обременен нападками на меня лично, так что могу объективно подходить к этому вопросу.

Эти четыре доктора не приедут. Вероятно, мой брат посетит тебя и сообщит о разногласии. Он был по праву очень сердит, совещание руководства Союза он оценивает как что-то ужасное. Удивительно, но доктор Бут сказал, что я никогда не высказывал никаких жалоб говорил о затруднениях. Бог знает все, и Он оправдает меня. Только что я получил письмо из Англии со словами из Иер. 15,19-20».

Эти стихи так сильно подходят к прошедшим событиям, что многие

друзья позднее писали их моему мужу, который был очень утешен этой ободряющей вестью, полученной таким образом.

Во время пребывания в Ментоне случилось нечто, что мой муж часто с благодарностью вспоминал как достойный внимания знак согласия Господа с его протестом против лжеучений и вторжения мира в жизнь церкви. Прежде чем я процитирую отрывки из его письма, нужно сделать короткое объяснение. Перед этим полным событий периодом в жизни моего мужа один друг, которого Бог обильно благословил земным богатством, много лет великодушно поддерживал его средствами во всех его добрых намерениях. Эта помощь приходила с любовью и очень пунктуально. И не раз мы получали подтверждение, что на этого человека мы можем полагаться так долго, пока у него будет возможность быть великодушным. Но позиция Сперджена в вопросе противостояния удалила от него сердце друга и заставила его прекратить помощь, которая до этого много лет освобождала моего мужа от всех финансовых забот.

Письмо, извещающее о расторжении дружбы и прекращении помощи, пришло, когда Сперджен был в Ментоне, поэтому мне пришлось открыть его и прочитать. И тогда последовало одно из тех святыx внутренних переживаний, оставляющих глубокий след в тех, которые испытывают его. Я тут же взяла письмо, развернула его перед Господом и умоляла Его, как это делал Езекия, чтобы Он услышал и увидел слова этого письма. И Он дал мне сильную надежду на Свою силу. Я полностью доверилась Ему в отношении своего мужа, мои уста не произносили никакой просьбы, но я громко благодарила, так мало я боялась того, что могут сделать мне люди, и так твердо могла положиться на Божию любовь и всемогущество!

В этом ликующем настроении я написала в Ментону, легко описав это дело, и постаралась отразить удар, так как знала, какую рану он может нанести чувствительному сердцу моего мужа. Я также написала ему, как Господь привел меня к благодарению, когда я все дело рассказала Ему, и как Он наполнил меня презрением к тем средствам, которые применялись, чтобы повергнуть Сперджена в уныние в его защите истин старого Евангелия. Насколько было возможно, находясь вдали, я утешала и ободряла моего измученного мужа. Намного раньше, чем ожидала, я получила телеграмму: *«Я благодарен вместе с тобой. Господь не оставит нас и не покинет»*. Следующая почта принесла его письмо, которое показало мне, что он без колебания доверяет Богу, Которому принадлежит и Которому служит, Которому он доверил все вопросы, и это, переполнен-

ное страданиями, испытание. Следующий отрывок показывает, в каком духе он писал:

«Ментона, 18 ноября 1887 года.

Ты для меня — ангел Божий. Я дрожал, когда начал читать твое письмо, так как не знал, что оно принесет. Но когда я прочитал его, то мог благодарить вместе с тобой. Самая смелая из женщин, такая сильная в вере, какое служение ты сделала для меня! Да благословит тебя Бог с седьмого неба!

Я не знаю, терял ли я уже что-то ради Христа. Это для меня честь и отличие. Его иго — благо и бремя Его легко. Но наш друг приводит очень своеобразные аргументы! Если я правильно понял, это значит, что он перестает заботиться о деле Божьем! Огонь нужно угасить — накажи ребенка! Я не вижу взаимосвязи между желаемой целью и употребляемыми средствами. Твоя любовь уже компенсировала мне все убытки. Я радуюсь в Господе, Который всегда так щедр ко мне. Все, что я имею, принадлежит Ему».

Пока письма ходили туда-сюда, Господь помогал Своему слуге удивительным образом. В письме одному дьякону Чарльз писал:

«Я пережил поистине замечательное спасение от финансовых трудностей вследствие своей позиции по отношению уклонения от важных истин Библии. Это чудо, о каком я еще не слышал. Живой Бог хранит меня везде. Слава Ему!»

Одна дама с другого края земли, которая как раз была в Лондоне, сообщила позже, что она неотступно хотела поехать на юг Франции и привезти Сперджену деньги, чтобы помочь ему в его нужде. Раньше с ней уже не раз случалось подобное, она слушалась Господа и каждый раз убеждалась, что это ясное водительство Божье. Поэтому она тут же подготовилась к поездке в 1000 миль. Вначале ей не была открыта величина суммы, которую она должна дать, а также она не знала, куда же ей точно ехать, потому что говорили, что Сперджен будет останавливаться в разных местах. Но Господь, Который дал ей это повеление, направил ее в Ментону. И когда она приехала туда, Господь повел ее к гостинице Бай Риваже. О том, что там случилось, извещает мой муж:

«Сейчас, когда я пишу тебе, меня наполняет благоговение, так как я чувствую, что Господь очень близок. Во вторник вечером к гостинице пришли три дамы и, спросив, нет ли здесь господина Сперджена, оставили свои визитные карточки. На следующее утро они были у нас на

богослужении. А сегодня госпожа Р. дала мне письмо и чек больше чем на 100 фунтов! Позже я рассказал ей о своих проблемах, о которых я раньше не упоминал, и прочитал ей несколько строчек из твоего письма. «Вот эта причина, — сказала она, — почему Господь вел меня, чтобы дать вам деньги. Это то, что вам будет нужно в последующие шесть месяцев». Я помолился Господу, вдохновленный от радости. Она продолжала: «Я не сомневаюсь в том, что Господь проведет вас через все эти трудности». Я тоже верю этому, и верю тому, что вся необходимая помощь придет от кого-нибудь, который ничего не знает о моих проблемах, так что будет еще очевиднее, что она — от Господа. Помощь от Него надежнее, чем от мистера,... хотя он и пообещал мне помощь на всю жизнь. Может быть, это выглядит по-детски, но я должен обязательно послать тебе письмо и чек, чтобы ты своими глазами увидела, что послал мне Господь. Я не могу представить себе, как эта дама попала в мою гостиницу, но мистер Харальд говорит, что Тот, Кто послал ее, знал, где я нахожусь.

Собрались люди из нашего колледжа. Прекрасное событие. Единственный, кто думает иначе, практически не участвует больше в служении. Вчера я посетил больного господина, умершая жена которого была сестрой мисс Хавергалс. Только что я встретил его врача, и он сказал, что я сделал для его пациента что-то очень хорошее. Не уверен, так ли это, но сам я получил большое ободрение, так как он прочитал мне три письма от сына, который трудится пастором в Айслингтоне. Тот писал отцу, что он обязательно должен встретиться со мной, и писал обо мне много хорошего — чтобы повторить все, я недостаточно эгоистичен. В частности, он писал, что все, о которых он знает, что они любят Господа, будут носить меня в своем сердце. Я действительно свободен от всякого страха и не откажусь от этой борьбы, которая Господня, а не моя. Я чувствую, что ничего не должен писать на этих двух листах, кроме: «Свят Господь». О, как я славлю Господа за тебя! Ты дорога мне, как лучший друг и как супруга, я не могу даже выразить это. Но теперь, еще больше чем когда-либо, мы несем иго Христа вместе, и вместе мы несем двойное бремя служения и страданий за Него».

Через неделю он снова писал:

«Приготовься к новой радости. Мы весь день были в дороге, и когда я вернулся, то нашел твое письмо и установил, что ты сидела у открытой двери в «углу ожидания». Принял новый знак — Господь послал еще 100 фунтов, письмо и чек. Как все же чудны дела Господни! Я не дал госпоже Р. никакого повода обратить ее внимание на самое малое. Я никогда не

думал о том, что она сделает еще большее. Да и почему она должна это делать? Но, как ты говоришь, «живой Господь спасает Своих детей». Как я славлю Его! Или лучше, как я хочу хвалить Его, так как мне кажется, что моя благодарность холодна и поверхностна в сравнении с Его добротой! Вечная слава Его имени!

Как дорого ты мне! Как сильно я люблю тебя! В этом испытании вывнилось, как крепко мы соединены внутренне и духовно. К славе Господа, нашего Бога, это соединение выдержало. Погода здесь скорее небесная, чем земная: тепло, ясно, светло, такая погода освежает и оживляет. Опять у меня болят зубы. Но иногда я этого не замечаю, и мне не следовало бы упоминать о них, ведь благодать так велика. Что такое страдание, если Бог так близок? Я так наполнен этим, что ни о чем больше не могу писать. Господь жив, да славится моя Скала!

Отдай чек в банк. Прославь Господа. Возьми мою любовь и оставайся под благословением Господа, нашего Бога».

Наряду с письмами для меня, его письма друзьям из церкви Табернакель еще лучше выражают то, что чувствовал Сперджен. Вскоре после прибытия на юг Франции он писал:

«Я хочу вас всех сердечно поблагодарить за всю любовь в течение 34-х лет. Нас было много, но мы все эти годы были едины сердцем. В наше время разногласий это особенно видно, когда я получаю самую сердечную поддержку от людей из моей общины. Некоторые, особенно усердные, предложили собрать членское собрание, чтобы выразить единодушное согласие со своим пастором. Но верные дьяконы опередили их и написали мне письмо и подписались под ним как представители всех братьев и сестер. Такое единодушие созидает благодать Божья! Это единство показывает, что Бог с нами и благословляет нас, и обещает будущее счастье. Что я могу еще сделать, как только благодарить вас всех, любить вас, трудиться для вас, пока еще есть силы, и молиться за вас, пока не умру? Да будет с вами всегда необъятное благословение вечного Бога!»

Вот еще одно письмо Сперджена в ответ на письмо дьяконов:

«Ментона, 27 ноября 1887 года.

Мой дорогой брат по служению, мои дьяконы, мои возлюбленные братья, как тронуло меня ваше письмо, наполненное любовью! Как это похоже на вас! В этом письме столько заботы и любви, и поэтому оно так драгоценно! Пусть Господь к каждому из вас будет таким же любвеобильным и верным, как вы — ко мне.

Чем больше вы будете узнавать об этом противостоянии, тем больше ваши сердца и ваши суждения будут согласны со мной. Я не могу каждому рассказать то, что узнал сам. Но для каждого сделанного мною шага причин было больше, чем достаточно, и это еще покажет время. Во всех церквях это зло уже распространилось в какой-то мере. И верующие из всех кругов выражают свою радость по поводу того, что удары тех, которые уклоняются от истины, побеждены за счет того, что они выведены на свет.

Если бы я сообщил вам о всех злодеяниях, которые были совершены против меня, вы бы очень удивились. Но я не могу сделать этого, так как вначале — любовь Божья и затем — ваша являются для меня утешением и поддержкой. Может быть, мы в финансовом отношении почувствуем жар сражения? Но Господь жив. Моему замечательному предшественнику доктору Гиллу один член церкви сказал, что если он напечатает свою книгу «Основание в Боге и истине», то потеряет некоторых своих лучших друзей и его доход уменьшится. Доктор Гилл ответил: «Я могу себе позволить быть бедным, но я не могу себе позволить ранить свою совесть», и еще сегодня мы имеем его плащ и его стул находятся в нашей сакристии.

Как бы я хотел увидеть здесь всех вас и услышать ваши любящие голоса в молитве, так как больше чем когда-либо чувствую себя связанным с вами.

Всегда ваш Ч. Г. Сперджен».

Из писем, написанных Спердженом в то время, одно имеет особо важное значение. Во-первых, потому что оно является ответом на дружеское письмо от доктора Кулросса, президента Союза баптистов. Во-вторых, потому что оно ясно излагает причины протеста Сперджена:

«Мой дорогой доктор Курлосс,
Эта очень мило, что вы написали мне. Ваши братья бросили против
меня свои любящие протесты и советы в основном через газеты. Я не
хочу жаловаться на это, но путь, избранный вами, заслуживает ответа.
Письма читателей газет, возможно, и имеют литературное значение,
чтобы на них обратили внимание, а может, и нет. Вы лично написали
мне, и я хочу, во-первых, сердечно поблагодарить за ваше письмо.

Мне не нужно особо подчеркивать, что у меня с вами и такими братьями, как доктор Макларен, мистер Алдис и доктор Ангус нет разно-

гласий, кроме того, что вы принадлежите Союзу, а я — нет. Мы будем, каждый соответственно своему разумению, работать в одном и том же деле. Мы все христиане и баптисты, и можем найти много путей для совместной работы.

Люди из нашей церкви требуют от Союза найти какой-либо путь, чтобы я и другие снова могли вступить в Союз. По-вашему, это очень правильно, но я хочу пояснить вам, как президенту Союза, что это не мое желание. Я не прошу вас сделать то, чего вы не можете сделать. Если бы я думал, что вы могли бы, в случае моего ухода на пенсию, дать мне возможность вернуться, тогда я попросил бы вас об этом еще до моего ухода на пенсию.

Пока в Союз баптистов, не имеющему вероучения, не входили лжеучения, никто и не желал бесформенного вероучения, так как он руководствовался Духом Божиим. Но что можно сделать теперь, когда в нем находятся «дети чужих»? Хотя теоретически руководство сильно, но практически оно полностью бессильно, и ничего не может изменить. И если Божья милость не возвратит заблудших, их число увеличится, и они осмелятся говорить более открыто к печали верных, которых в вашей среде в надежде на улучшение терпеливо сохраняли.

Я последовал моему Господу, лично разговаривая с президентом и секретарем Союза, так как все мои письменные увещания были напрасны. Итак, мне пришлось выйти из Союза. Ни один здравомыслящий человек не может требовать от меня, чтобы я посетил всех заблуждающихся. Я не имею авторитета у них, и они восприняли бы эти посещения назойливостью. У меня проблемы с Союзом, и об этом я всегда говорил.

Ваши ясные высказывания, что Союз не может иметь вероучения, или, как я понимаю, что его учение может осуществляться только на практике при крещении и Вечере Господней, окончательно закрывает для меня дверь. Хорошие братья, которые создали этот Союз, думаю, даже не предполагали, что из этого выйдет то, что есть теперь, а то они по-другому бы организовали его. Через централизацию и поглощение различных союзов из него вышло что-то совершенно другое. Такое многообразие, может, и хорошо, но имеет слабую структуру, которая плохо подходит к Союзу. Так я думаю, но время представит лучшие доказательства.

Я бы охотно работал вместе с вами в этом направлении. Но даже если я не могу это делать, то есть тысячи других видов общения. Вы связаны с людьми, которые открыто проповедуют учение о перевоплощении. Я — нет. Я понимаю это так, что у вас с ними еще очень много общего,

чтобы состоять в одном Союзе. У меня — нет. Так же обстоит дело и с другими заблуждениями. Несмотря на это, я желаю общения с вами — в союзе или нет. Если я понимаю, что ваши действия неправильны, — а я уверен в этом — тогда я говорю вам это в том же самом духе, в каком вы написали мне.

От руководства Союза я не могу ожидать ничего, что показалось бы мне голосом Союза. У руководства Союза с самого начала было слишком широкое сердце, и поэтому у меня нет к ним вопросов.

Я счастлив не иметь никакой ответственности за то, что делает руководство Союза, и не должен изъяслять им никакого послушания.

С сердечным приветом

Ваш Ч. Г. Сперджен».

От многих друзей я получила копии писем моего любимого мужа, написанных им в это бедственное время. Но я верю, что издание других писем не принесет никакой пользы. Кто в его протесте был за него, тому не нужно доказательств необходимости и мудрости его поступков. А у кого другое мнение, тот, наверное, уже не изменит его. Что же касается меня, то я не хочу затрагивать это дело».

45. Последний год

В первое воскресенье после возвращения Сперджена с солнечного юга (08.02.1891) он проповедовал в Табернакле на Ис. 62,6-7: «На стенах твоих, Иерусалим, Я поставил сторожей, которые не будут умолкать ни днем, ни ночью. О, вы, напоминающие о Господе! не умолкайте, — не умолкайте пред Ним, доколе Он не восстановит и доколе не сделает Иерусалима славою на земле». Проповедь должна была задать тон служения в этом году. Она была сильным призывом к молитве и свидетельству. Но даже сам проповедник не мог предчувствовать, каким подходящим было это слово, которое подготовило церковь к долгому времени почти беспрестанной ходатайственной молитвы, во время которой Сперджен переживал самое тяжелое испытание, после которого он больше не поправился.

Не смотря на признаки непоправимо ухудшающегося здоровья, он не бегает себя, но работал со всей серьезностью и усердием, чтобы распро-

Одна из последних фотографий перед его смертью.

странять Царство своего Господа. Последняя конференция библейской школы, в которой принимал участие Сперджен, состоялась 20-24.04.1891 года. В июньском номере «Уста и меч» напечатана заметка о воскресном вечере после конференции: «Для директора неделя конференции была очень радостной, но чрезвычайно утомительной. Каждый день проходил очень хорошо... И, безусловно, это имело влияние на того, кто стоял в центре внимания всего этого. И впервые за сорок лет в этот воскресный вечер он должен был внезапно оставить кафедру, так как его вынудила

к этому нервная слабость. К счастью, мистер Стотт* смог тут же продолжить, что он и сделал». Достойно внимания, что в своем письме, в котором он за четыре месяца до этого просил Стотта стать вторым пастором церкви на 1891 год, он писал: «Для меня будет большим облегчением знать, что кто-то рядом со мной может заменить меня, если я больше не смогу проповедовать». Эти слова звучат как предчувствие того, что случилось в воскресенье вечером 26 апреля 1891 года.

Хотя Сперджену было плохо, в следующее воскресенье, 3 мая, утром он снова стоял за кафедрой и говорил проповедь, которую хотел сказать в прошедшее воскресенье. Вначале он говорил о приступе слабости в последнее воскресенье, стараясь из этого вывести назидание для себя и слушателей. Он проповедовал и вечером. В понедельник после обеда он был в Табернакле и говорил с людьми, у которых были вопросы, или которые хотели быть принятыми в церковь. Вечером он руководил молитвенным собранием, во время которого просил молиться об особенном служении на этой неделе. Во вторник вечером он должен был говорить ежегодную проповедь для учителей воскресной школы в капелле Блумзбери, а в четверг — проводить молитвенное собрание. В пятницу его ожидали два служения в Хэндоне в связи с братским общением проповедников, к которому он принадлежал. В июньском номере «Уста и меч» Сперджен коротко сообщает о всех этих выступлениях и еще о некоторых других, которые вскоре состоялись. Он закончил следующими словами:

«Друзья заметили, что все эти мероприятия состоялись на одной неделе. Вдобавок к этому были два воскресных собрания и большая вечеря Господня в Табернакле. Кроме этого, ежедневная работа по дому, корреспонденция и т.д. Кроме того, мне надо было обработать для печати воскресную и другие проповеди. Разве неудивительно, что работник устает и должен просить своих друзей не налагать на него других обязанностей, так как он и так перегружен?»

В пятницу вечером, 15 мая, Сперджен проповедовал на миссионерском собрании пресвитериан в Эксетер-зале. Он чувствовал себя слабым физически, но сильным духовно. Боже, благослови наших друзей, которые так радостно принимают весть и вестников!

В воскресенье вечером, 17 мая, Сперджен не смог проповедовать. В понедельник врач установил застой крови в легких и другие болезненные симптомы, так что он на время должен был оставаться в постели.

«В Твоей руке дни мои. Мы бы всегда проповедовали, но у Господа Свои планы».

Это слова из проповеди Сперджена в воскресное утро 17 мая. Многие думали, что она будет его последней проповедью в Табернакле. Но Господь дал ему возможность еще раз говорить перед своей большой церковью. Утром 7 июня 1891 года Сперджен последний раз стоял на платформе, которая 30 лет была его кафедрой и тронem. Отсюда он проповедовал Евангелие более чем двадцати миллионам людей. Его текст в это незабываемое утро был 1 Цар. 30,21-25. Эта проповедь под № 2208 вышла в еженедельной серии под названием: «Повеление Давида при делении добычи». Проповедь была прекрасным завершением его служения в прекрасном молитвенном доме, который значил для него столько же, сколько Сион для иудеев. Последние фразы этой проповеди особенно достойны внимания:

«Если вы носите Христову одежду служения, Он будет для вас таким кротким и смиренным, что вы найдете покой своей душе. Он самый великодушный Вождь. Среди лучших вождей мира с Ним не сравнится никто. Он всегда там, где самое горячее сражение. Если дует холодный ветер, Он становится в незащищенных местах. На Его плечах лежит самый тяжелый конец креста. Если Он хочет, чтобы мы несли тяжесть, Он несет ее вместе с нами. Доброта, великодушие и приветливость, нежность, обильная и переполняющая любовь — все это можно всегда найти в Иисусе. Его служение — это жизнь, мир, радость. О, если бы вы уже сейчас начали любить Его! Да поможет вам Бог начать служение под знаменем ИИСУСА ХРИСТА!»

На следующее утро Сперджен поехал в сельскую местность в окрестностях Хейверхилла (Сафолк), куда пригласил его мистер Гуртин. Он хотел еще раз посетить Стемберн и его окрестности, чтобы знакомый ему фотограф сделал снимки, которые Сперджен думал поместить в свой маленький томик «Воспоминания о Стемберне». В течение недели его болезнь опять обострилась, и в пятницу ему пришлось срочно вернуться домой.

Следующие три месяца он был прикован к постели.

Вначале казалось, что не помогут ни искусство врачей, ни терпеливое ожидание, ни заботливый уход. Пока делали все возможное, что, впрочем, казалось бессмысленным, верующие всего мира без устали молились. Церковь Табернаклея начала с первого же дня возносить ходатайственную молитву за своего пастора и затем встречалась утром,

в обед и вечером, чтобы молиться о его здоровье. За него молились в сотнях, а может, и тысячах домах молитвы. Даже высший раввин, хотя его убеждения расходились со Спердженем, молился за него в синагоге. Многие руководители англиканских церквей серьезно молились за него со своими прихожанами.

Мирская и религиозная пресса Великобритании и других стран сообщали о его болезни и его работе — не всегда корректно, но, в общем, очень дружелюбно и благосклонно. В Вествуд непрерывно приходили телеграммы и письма со знаками симпатии. Больным интересовались люди всех социальных слоев, начиная от принца Уэльского и многих из благородного сословия и кончая самыми бедными.

Этапы определенного улучшения коротко описаны ниже.

9 августа в Табернакле было прочитано первое письмо, которое Сперджен написал собственной рукой после долгой болезни. Его встретили как ответ на молитвы и как ободрение к дальнейшей молитве:

«Дорогие братья и сестры!

Да славится имя Господа, что Он послал Своему народу исполненные любовью молитвы и затем услышал их! Посредством этих молитв продлена моя жизнь. Я чувствую, что Он смирил меня, и благодарен Ему, что было проявлено столько любви ко мне и за меня вознеслось столько молитв. Я нуждаюсь в силе, чтобы больше писать. Пусть прославится имя Господа.

Сердечно ваш Ч. Г. Сперджен».

Когда первые признаки улучшения еще не были видны, последовало продолжительное и тяжелое время, в которое моменты, наполненные надеждой на улучшение, сменялись разочарованием от возврата болезни. Наконец пациента смогли вынести на улицу. Его возили по саду, при этом свежий воздух, казалось, творил чудеса. Когда Сперджен в первый раз попал в свой кабинет, его взгляд упал на последние корректурные оттиски альманаха Джона Плоумена и на альманах, иллюстрированный им самим. Затем он попросил последние напечатанные проповеди и газеты и воскликнул: «Да! Вы все же продолжаете так, как я сам это делал!» Те, кто отвечал за эту работу, хотели, чтобы в его отсутствие по возможности ничего не пострадало. Как они были рады, что Сперджен так высоко оценил их старания.

Когда осень приближалась к концу, стало ясно, что на зиму Сперджен должен поехать в Ментон, — в том случае, если сможет поехать.

Всем казалось водительством Божиим то, что доктор Пирсон обновил свое предложение приехать из США, если сможет быть чем-нибудь полезным для Сперджена. Решили, что доктор Пирсон начнет свое служение в Табернакле в воскресенье, 25 октября».*

Чтобы узнать, сможет ли он перенести поездку, Сперджен с 3 по 16 октября уехал в Истберн. Поездка прошла хорошо и показала необходимость более долгого времени покоя на солнечном юге. Итак, в долгое (более 1500 км) путешествие, 26 октября отправились Ч. Г. Сперджен и его жена, его брат Дж. А. Сперджен с женой и Иосиф Харральд. 29 октября они достигли цели.

Знаком любвеобильной заботы Господа было то, что в первый раз жена Сперджена могла поехать в Ментону вместе с мужем, и что там они могли провести три счастливых месяца перед внушающей страх разлукой, которая наступила почти без предупреждения. Часто высказанное Спердженем желание: «Ах, если бы моя дорогая жена могла видеть всю красоту этой прекрасной земли!» — наконец исполнилась. Он с радостью показывал ей то, чем уже не раз наслаждался, и что вместе с ней стало для него вдвойне прекрасным.

Слабость Сперджена и на этот раз мешала ему проводить богослужения в гостинице на солнечном берегу, кроме тех памятных исключений, которые будут описаны ниже. Но он не терял времени, брался за такие литературные работы, на которые чувствовал себя способным, и никогда не был готов согласиться, что для больного он делает слишком много. Его главной работой было толкование Евангелия от Матфея.

В канун нового года и в утро нового года Сперджен сказал для узкого круга близких друзей две проповеди, которые позже издал под названием «После долгого молчания». 10 и 17 января он провел в своей комнате два коротких богослужения. Нелегко было убедить его, чтобы он не говорил новую проповедь, но прочитал отрывки из своей прежней проповеди на стих из Псалма 73,28 и его толкования на Матф. 15,21-28. На второй воскресный вечер, 17 января 1892 года, перед тем, как он сказал

* Артур Т. Пирсон, 1837-1911, из пресвитерианской церкви в Америке, проповедовал в Табернакле в декабре 1889 года, и оставил глубокое впечатление у многих членов церкви. Когда Сперджен молился с Пирсоном в Вествуде перед своим отъездом в Ментону, он сказал: «Господи, мы не говорим Тебе, как Ты должен действовать и что Ты должен делать, действуй так, как Ты хочешь». Пирсон служил в Табернакле до июня 1892 года

заключительную молитву своего последнего богослужения на земле, он попросил спеть последнюю песню. Даже если бы он мог предвидеть, что случится через четырнадцать дней, и тогда он вряд ли мог бы выбрать более подходящее прощальное слово, чем слова песни Самуила Рутерфорда:

Исчезает времени песок,
Вторгается небесная заря —
Давно ожидаемое
Летнее утро.

Как ночь была темна!
Но вот наступает день.
И безграничная слава
Озаряет землю Эммануила.

Следующие два дня на море штормило, и Сперджен мог выйти из дома только ненадолго. Но в среду утром он дошел даже до маленькой деревушки Монти. После обеда на его руках показались следы подагры, немного позднее — другие тяжелые симптомы. Он должен был лечь в постель и не смог больше оставить ее. Скоро стало ясно, что ожидается кризис, хотя были короткие периоды, которые давали повод к надежде на улучшение. Почти в конце недели Сперджен сказал своему секретарю: «Моя работа сделана», и о некоторых вещах он говорил так, что было ясно, что он не рассчитывает больше на свое выздоровление.

Во вторник, 26 января, церковь в Табернакле хотела принести жертву благодарности за частичное улучшение здоровья своего пастора. В это время Сперджену было уже так плохо, что он долгие промежутки времени был без сознания. Но он не забыл особенный характер этих дней, и послал телеграмму, которая в этих обстоятельствах была особенно важной: «Сам и жена, 100 фунтов, жертва благодарности за Табернакель, общие расходы. Привет всем друзьям». Это было его последнее дело и его последняя весть. Вскоре после этого он впал в беспамятство и больше не приходил в себя, пока вечером в воскресенье, 31 января 1892 года, в 23 часа 05 минут «переступил границу и все трубы зазвучали для него на другой стороне». Эта весть тут же распространилась по всему свету. За короткое время все телеграфные линии в Ментоне были блокированы

многими болезнью, адресованными жене Сперджена, причем принц и принцесса Уэльса были первыми, которые выразили «глубокое сочувствие и большую печаль».

Друзья посылали множество цветов, но жена Сперджена считала, что для победного входа ее мужа «в присутствие Царя» больше всего подходят пальмовые ветви. В голове и в ногах были следующие надписи:

Памяти любимого Чарльза Гаддона Сперджена
Родился в Калведоне 19 июня 1834 года
Почил в Господе в Ментоне 31 января 1892 года
Добрым подвигом я подвизался,
Течение совершил,
Веру сохранил.

Когда в молодые годы Сперджен иногда посещал Уотон в Суррее, он не раз говорил, что хотел быть похороненным на кладбище этого села. Позднее он выразил желание быть погребенным на земле сиротского дома в Стоквеле, так как думал, что если многие придут, чтобы посетить могилу, то непременно помогут сиротам, о которых он так много заботился. Но когда ландшафт совершенно изменился из-за строительства железной дороги, он больше не говорил об этом. В определенное время он больше всего хотел иметь последний покой в Ментоне, но после того, как принял участие в похоронах одного друга, то отказался от этой мысли. В конце, так было сообщено, он указал место на кладбище в Норвуде и попросил резервировать для него это место, чтобы он в смерти, как и в жизни, был окружен соработниками и членами своей церкви, так как там их были похоронены сотни. Когда дьяконы Табернакеля направили эту просьбу к жене Сперджена, она согласилась похоронить его в Норвуде.

Памятные богослужения и похороны состоялись в воскресенье, 7 февраля и продолжались до следующего четверга. В них приняли участие в общем более ста тысяч человек. На гробе из оливкового дерева лежала Библия, которой Сперджен так долго пользовался в Табернакле. Она была открыта на Ис. 45,22: «Ко Мне обратитесь, и будете спасены, все концы земли». Это был текст, через который Сперджен пришел к вере 6 января 1850 года.

В это время его церковь состояла из 5311 членов. Во время его долгого служения пастором в нее было принято не менее чем 14.691 человек. В конце 1891 года Табернакель имел 22 церкви, 27 воскресных школ

и школ для бедных, 612 учителей, 8034 ученика и 3840 мест для посетителей в различных помещениях молитвенного дома. Если сравнить эти огромные цифры с маленькой группой боязливых, но молящихся людей, перед которыми «мальчик-проповедник» держал свою первую историческую проповедь на Нью-Парк-стрит в 1853 году, можно только сказать, что, вспоминая о благословении, которое Господь излил на его служение, Сперджен часто говорил: «Вот что сделал Бог!».

Еще никогда юг Лондона не видел процессии, подобной той, которая медленно двигалась в четверг из Табернакеля к кладбищу 11 февраля 1892 года. И еще никогда не собиралось столько людей, процессия которых растянулась на пять миль вдоль длинной дороги к Норвуду. За 18 лет до этого Сперджен описал эту картину. Но наверняка он не имел никакого представления о той массе людей, которые соберутся, чтобы оказать ему последнюю честь. В конце своей вечерней проповеди 27 декабря 1874 года он сказал:

«Пройдет совсем немного времени, и на этих улицах будет стоять много народа. Мне кажется, что я слышу, как кто-то спрашивает: «Кого ждут здесь все эти люди?» — «Разве вы не знаете? Его сегодня хоронят!» — «Кого хоронят?» — «Сперджена». — «Что? Того человека, который проповедовал в Табернакле?» — «Да, его хоронят сегодня». Это скоро случится. И когда вы увидите, как мой гроб понесут к тихой могиле, я хочу, чтобы каждый из вас, обращенный он или нет, мог бы сказать: «Он ясным и понятным языком серьезно просил нас не откладывать мысли о вечной жизни. Он призывал нас смотреть на Христа. Теперь он ушел от нас, и если мы погибнем, наша кровь не падет на него!» Да даст Бог, чтобы ваша совесть горько не упрекала вас! Так как я чувствую, что время коротко, я хочу вас потревожить в то время, пока я еще проповедую в этом молитвенном доме».

Если картина вдоль дороги была очень впечатляющей, то на кладбище она стала еще более величественной. Длинная процессия соратников, студентов и всех друзей, которая протянулась от ворот кладбища до могилы, открывала такой вид, который никто из увидевших никогда не сможет забыть. Плотно прижавшись друг к другу на склоне за капеллой кладбища, где состоялись похороны, и вокруг капеллы медленно собиралась огромная масса людей. Большей частью этого последнего собрания руководил пастор Арчибальд Г. Браун. Его торжественные слова исходили из сердца. Он говорил очень взволнованно, часто прерывающимся голосом, с паузами:

Похоронная процессия приближается к воротам кладбища.

«Любимый директор, верный пастырь, вождь проповедников, возлюбленный брат, дорогой Сперджен — мы говорим тебе не «прощай», но на короткое время «спокойной ночи». Скоро, как только блеснет первый луч дня воскресения спасенных, ты воскреснешь. Не мы говорим тебе «спокойной ночи», это ты говоришь нам. Мы еще остаемся в темноте. Ты теперь в Божьем свете. И наша ночь скоро пройдет, а с ней все наши слезы. Тогда наши песни, соединясь с твоей, будут приветствовать день, который не затмит никакая туча и который не знает конца, так как там нет ночи.

Ревностный работник на ниве Господней, твоя работа закончена. Перед нами прямая борозда, протянутая твоим плугом. Ты никогда не

оглядывался. Ты терпеливо сеял и обильно пожинал, и как богато небо снопами, которые ты собрал, и насколько больше их будет еще!

Воин Божий, твоя битва, которую ты так долго вел, закончилась. Твоя рука должна была отпустить меч, который она так крепко держала. Вместо него она держит сейчас победную пальмовую ветвь. Шлем больше не давит твою голову, которая часто была такой усталой от наступающих в битве мыслей.

Теперь твоя награда — венец победы из руки всевышнего Повелителя.

Твой драгоценный прах недолго будет покоиться здесь — до того момента, когда появится Возлюбленный, и как только ты услышишь Его голос, ты встанешь с твоего места покоя, и обретешь преображенное тело. Тогда дух, душа и тело прославят Господа за спасение. Спи, возлюбленный! Мы прославляем Бога за тебя, и через кровь вечного завета мы надеемся и ожидаем прославить Бога с тобой. Аминь».

Памятное издание «Уста и меч» опубликовало следующие слова, которые очень уместны, чтобы закончить это сообщение:

«Когда мы были собраны здесь, вокруг могилы, прямо над нами открылся кусок синего неба как напоминание о вечной славе. В то время, когда говорил пастор Браун, от Табернакеля к могиле прилетел голубь, и казалось, что он как бы остановился над толпой. В старые времена это приняли бы за предзнаменование. Для нас это означает мир. Во все время похорон на одном могильном камне невдалеке пела маленькая малиновка. Это был подходящий музыкант. Разве не рассказывает легенда, что она получила свою красную грудку, когда вытащила колючку из облитого кровью лба Спасителя. Мы не верим этой легенде, но мы верим в то, о чем мы пели у гроба, мы верим истине, которую Сперджен всю жизнь проповедовал и за которую умер:

О умирающий Агнец, Твоя драгоценная Кровь

Никогда не потеряет свою силу.

Пока все спасенные церкви Господа

Будут спасены от греха и ночи.

Многие сказали потом, что траурные богослужения, хотя и единственные в своем роде, были исполнены простоты и сердечности, которые так подходили ко всей жизни нашего возлюбленного пастыря. Безусловно, важно и то, что, когда гроб опускали в могилу, не было видно даже имени

прославленного проповедника, — а он желал именно этого. Ничего не было видно, только слова на крышке гроба и открытая Библия. Библию, конечно, не закопали. Она не умерла, она «живет и никогда не умрет». И кто знает, может, она более чем раньше, послужит средством воскрешения мертвых теперь, когда тот, который любил ее больше своей жизни, не будет больше проповедовать ее благословенные истины своим любящим голосом? Да даст это Бог!»

